

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА №5 (23) 2001

Спонсоры:

**Американский еврейский объединенный
распределительный комитет «Джойнт»
Российский еврейский конгресс**

**The Hebrew University
of Jerusalem
Institute
of Jewish Studies**

**Еврейский университет
в Иерусалиме
Институт иудаики
Центр Чейза по развитию
иуданки на русском языке**

**The Jewish University
of Moscow**

**Еврейский университет
в Москве**

**Moscow State
University
Institute for Asian
and African Studies**

**Московский государ-
ственный университет
им. М.В.Ломоносова
Институт стран
Азии и Африки**

Центр иудаики и еврейской цивилизации

**ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

История. Культура. Цивилизация

№ 5 (23) 2001

**МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2001**

**ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
5762**

Vestnik Yevreyskogo Universiteta

The Center for Jewish Studies and Jewish Civilization

Журнал издается при участии:

Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Москва, Международного Центра университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме.

Редакция:

И. Барталь (главный редактор), М. Бейзер (зам. главного редактора), О. Будницкий (зам. главного редактора), С. Рузер (зам. главного редактора), Д. Фролов (зам. главного редактора), М. Заверьяев (отв. секретарь), А. Либерман (отв. секретарь), И. Лурье (отв. секретарь).

Международный редакционный совет:

Й.-Т. Ассис (сопредседатель)	М. Мейер
Р. Капланов (сопредседатель)	Э. Мендельсон
С. Аверинцев	Б. Натанс
Х. Бейнарт	А. Полонский
Р. Ганелин	Е. Сатановский
Ц. Гительман	А. Степанский
А. Гуревич	Х. Тадмор
С. Зипперстайн	Ш. Шакед
М. Идель	А. Шинан
Дж. Клир	Л. Шиффман
А. Кохен-Мушлин	Н. Юхнева
	В. Якобсон

Редакционная коллегия:

А. Ковельман (председатель)	А. Милитарев
М. Альтшулер	В. Москович
Х. Бар-Иосеф	В. Мочалова
Х. Бордин	В. Петрухин
Й. Вайнберг	Н. Прат
М. Гиршман	Д. Сегал
А. Гринбаум	В. Собкин
М. Гринберг	Р. Тименчик
А. Долгопольский	С. Тищенко
М. Занд	М. Тольц
М. Зислин	Й. Френкель
Г. Казовский	В. Шапиро
В. Кельнер	В. Шнирельман
И. Козн	Ш. Штампфер
А. Кулик	М. Членов
М. Куповецкий	З. Элькин
Р. Лапидус	Д. Эльшевич
А. Локшин	

© ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ

© ЕУМ

© Центр Чейза по развитию иудаики на русском языке.

Еврейский университет в Иерусалиме

© Ассоциация «Гишрей тарбут»

ISBN 5-93273-064-1

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЛАДИМИР ПЕТРУХИН. В.Н.Татищев о евреях в Древней Руси и современная историография	7
ДМИТРИЙ ФЕЛЬДМАН, ДМИТРИЙ ПЕТЕРС. О награждении медалями российских евреев в первой половине XIX века	21
ИЛЬЯ ХЕЙФЕЦ. Еврейская музыкальная идиома и композиционная техника (на примере двух произведений М.И.Глинки и М.П.Мусоргского)	49
ЛЕОНИД КАЦИС. Европейская культурная юдофобия в зеркале “Шума времени” Осипа Мандельштама	77
ЕВГЕНИЙ РОЗЕНБЛАТ. Экономические аспекты Холокоста в Западной Беларуси: система контрибуций, налогообложения и штрафов	119
ОЛЬГА БЕЛОВА. “Жидовская зозуля” и “еврейская курица” в представлениях полешуков	137
ЛАРИСА ФИАЛКОВА, МАРИЯ ЕЛЕНЕВСКАЯ. Свои и чужие: “русские” в Израиле (метаморфозы иммигрантского сознания)	147

Таргум. Исследования еврейского национализма: новые тенденции

ИСРАЭЛЬ БАРТАЛЬ. Еврейский национализм: выдумка или аксиома?	163
ДАНИЕЛЬ ГУТВАЙН. Еврейская дипломатия в XIX в. Зарождение еврейского национализма	179
МАТИТИЯГУ МИНЦ. Национальные движения евреев и других меньшинств в многонациональных государствах	201

АРХИВ

Публикации

Откровение Авраама. Публикация А.Кулика	231
Письма неизвестного маскара. Публикация Г. Аграновского	255
Война. Россия. Евреи. Публикация В. Кельнера	265

Воспоминания

ГРИГОРИЙ РУБИНШТЕЙН. Я из еврейского детства (из записок Григория Иосифовича Рубинштейна). Публикация Л.Миляковой, О.Будницкого и К.Рубинштейна	285
---	-----

РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

- П. ПОЛЯН. **Рецензия на книгу:** *Альтшулер М.* Советские евреи накануне Холокоста. Социальные и демографические характеристики. Иерусалим, 1998 347
- И. ВЕЙНБЕРГ. **Рецензия на книгу:** *Тантлевский И.Р.* Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000 353
- А. КАМЕНСКИЙ. **Рецензия на книгу:** *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000 355
- Краткий обзор книг по иудаике за 2000–2001 гг.** 359

ХРОНИКА

- Ф. ГЕНЕ. **Конференция “Национализм, сионизм и этническая мобилизация”** 371
- А. ЭПШТЕЙН. **Конференция “Общество, политика и культура современного Израиля” и перспективы развития израилеведения на русском языке** 375
- С. МАДИЕВСКИЙ. **“Еврейские вопросы” на 43-м съезде германских историков** 380

ИССЛЕДОВАНИЯ

Владимир Петрухин

В.Н. ТАТИЩЕВ О ЕВРЕЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Известия первого русского историка, составителя “Истории Российской”, о евреях в древней (домонгольской) Руси вызывают особый интерес в силу своей уникальности: иные источники не подтверждают известий Татищева о еврейском “засилье” в Киеве и древнерусских городах Среднего Поднепровья в XII в. Интерес этот усиливается потому, что татищевские известия относятся не только к далеким от ясности проблемам начальной истории еврейской диаспоры в Восточной Европе, но и к не менее темным проблемам источников Татищева, опираясь на которые он “дополнял” русскую историю.

В известиях о хазарах и хазарской дани, собираемой со славян, разгроме каганата (“когана”), учиненном Святославом (взятии им Белой Вежи, которую историк считал столицей Хазарии), Татищев использует по преимуществу данные известных ему и современной науке древнерусских летописей, лишь иногда прибегая к традиционной для XVIII в. “риторике”, приукрашивавшей скупые летописные фразы. “Содержательное” дополнение древнерусских источников начинается со знаменитого сюжета прений о вере. В летописях, следующих Начальной летописи — Повести временных лет (Ипатьевскому списку)¹, после рассказа о приходе послов из Волжской Болгарии и “немцев от Рима”, помещенного под 986 г., говорится: “се слышаше жидове козарьстии придоша” — далее следует сама “проповедь” иудаизма. У Татищева “жиды козарские” не просто пришли к князю Владимиру, но “начали его поучать и прельщать закону своему”². Обвинение евреев в том, что они стремятся совратить в свою веру христиан, стало общим местом в русских полемических сочинениях, начиная с “Просветителя” Иосифа Волоцкого — времени

Владимир Яковлевич Петрухин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

борьбы с “жидовствующими”. “Актуальность” этого традиционного обвинения могла быть очевидной для Татищева, ибо в 1738 г. за вероотступничество был сожжен отставной капитан А. Возницын (едва ли не единственный реальный случай иудейского прозелитизма в России в средневековую и постсредневековую эпоху). Однако та же тенденция к обвинению евреев в стремлении не просто насадить свою “отверженную” веру, но прежде всего погубить доверчивого прозелита, очевидна и в самой Начальной летописи: Владимир “разоблачает” хазарских евреев, когда выясняет, что за их грехи Господь лишил их собственной земли. “Еда и нам то же мыслите прияти?”, – возмущается летописный князь. “Сего ли зла и нас участниками учинить хотите?” – вторит ему Владимир в “Истории Российской”.

Эта тенденция сформировалась в византийской полемической антииудейской традиции и была воспринята уже в начальном летописании. Для понимания источников и соображений, которыми руководствовался собственно Татищев, существенно его примечание к тексту о “жидах козарских”³. Историк отмечает, что в Хронографе (одном из источников конца XVII в., которыми пользовался Татищев⁴) упоминаются не “козарские”, а “курсунский” жиды: “обоя едино”, продолжает историк, “ибо козары и Херсоном владели <...>, и в козарех много жидовства было”. Здесь явная натяжка, которую ощущает сам Татищев, ибо в варианте текста он допускает, что в “Херсонезе у генуэзцов могли способнее жиды в городех торговать”⁵. В Хронографе слово “козарские” заменено на “курсунские” по всей вероятности в связи с тем, что в древнерусской литературе (за исключением сюжета прений о вере) практически ничего не было известно об иудаизме у хазар, в то время как о присутствии иудеев в Херсонесе было известно из Киево-Печерского патерика: в “Слове” о Евстратии Постнике и рассказывается о таком иудее, который хотел отвратить пленных христиан, в том числе монахов Киево-Печерского монастыря, от православной веры⁶.

Существеннее для нашей темы другая ремарка Татищева в том же примечании: он считает, что евреи не “нарочно” пришли “от козар”. Историк допускает, что его источники имеют в виду неких пленных евреев, приведенных еще князем Святославом из разгромленной Хазарии, которые были “в Киеве по реке Роси и другим градам поселены, которых много было и в начале владения Владимира II (Мономаха. – *В.Л.*) изгнаны; жиды же для

проповеди их учения ходить обычая не имели (справедливо отмечает Татищев. — *В.П.*), чего по всем историям не находится, но где живут, тамо обывателей превращать дерзают, как то и у нас не одна случилось”.

Эта ремарка обнаруживает тенденциозность самого Татищева, точнее, тот подход к древним источникам, который получил название “модернизация истории”: однако сама эта “модернизация” все же означала поворот от средневековых методов историописания, основанных на доверии к традиции. При этом, конечно, историку пришлось несколько “подправить” в цитированном примечании свой источник, ибо в нем говорилось не о том, что Святослав привел с собой евреев или даже хазар, а о плененных ясах (аланах) и касогах⁷. В примечании к этому тексту и упоминаются “козары”, заменяющие ясов: “оныя же козары и косоги хотя многие тогда в Русь переведены и по реке Руси в Переяславли и других градах поселены, но их еще после осталось много, ибо Нестор сказует в Киеве приход жидов козарских из Белавежи”⁸. Не ясно, почему Татищев приписывает Нестору — составителю Повести временных лет — известие о приходе хазарских евреев именно из Белой Вежи (он упускает при том собственное упоминание козар в Киеве при заключении договора Игоря в 944 г.), но зато из дальнейшего изложения понятно, зачем ему нужно было обнаружить присутствие евреев в Киеве и, шире, в Русской земле.

16 апреля 1113 г. скончался киевский князь Святополк Изяславич, наследник старшего сына Ярослава Мудрого. Как часто бывало на Руси в период междуцарствия, в Киеве, несмотря на раздачу княжеских богатств вдовой Святополка, начались беспорядки и грабеж дворов княжеских дружинников-администраторов: “Кияни же разграбиша двор Путятин, тысячького, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру (Мономаху. — *В.П.*), глаголюще: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь (вдову брата Святополка) твою и на бояры, и на манастыре, и будеши ответ имел, княже, оже ти манастыре разграбят»⁹.

Таково известие о первом в истории Руси погроме в начальном летописании: судить по нему о причинах разграбления “жидов” невозможно. Татищев “развернул” летописное известие, пред-

послав ему весьма показательную преамбулу: он дал нелицеприятный портрет князя Святополка: в частности, тот был “вельми сребролюбив и скуп, для котораго жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесл лишились”¹⁰. Начальная летопись более сдержана в характеристиках этого “благочестивого” князя (хотя он и замешан был в преступлении крестного целования и ослеплении князя Василька Тербовльского), зато упомянутый Киево-Печерский патерик не щадит Святополка. В “Слове” о Прохоре Черноризце говорится: “Во дньи княжения своего в Кыеве Святополк много насиллие сотвори: дома силних искорени без вины, имениа многих отъем — его же ради Господь попусти поганым силу имети на нем”¹¹ — половецкое разорение коснулось в 1096 г. и самого Киево-Печерского монастыря; о нем рассказывается в упомянутом выше “Слове” о Евстратии Постнике. “Слово” о Прохоре повествует и о продолжении конфликта сребролюбивого князя с его подданными: из-за конфликта с князьями, правившими в юго-западных русских землях (после ослепления Василька), Святополк не пустил “гостий из Галича, ни лодий из Перемышля”, и в результате “соли не бысть во всю Рускую землю”. Княжеское окружение стало наживаться, спекулируя солью, черноризец же Прохор совершил чудо, обращая пепел в соль и раздавая ее киевлянам. “Въсташа же продающии, — говорится в Патерике, — навадиша ко Святополку на мниха”, обвиняя чернеца в том, что он “отъял” их богатство; князь велел конфисковать соль у Прохора, но вновь свершилось чудо — соль оказалась пеплом. Устрашенный чудом князь оказал почести чернецу и “велику любовь нача имети” к монахам Киево-Печерской лавры, хотя ранее заточил их игумена, который был возвращен лишь благодаря заступничеству Владимира Мономаха¹².

Неясно, насколько Киево-Печерский патерик, известный Татищеву¹³, повлиял на эти источники и на рисуемый историком портрет Святополка (ему известно было и “Житие” Прохора в Минеях), но известия патерика серьезнейшим образом воздействовали на исторические реконструкции событий 1113 г. в современной историографии. Современные историки по преимуществу следуют в этой реконструкции за Татищевым. Более того, события 1113 г. оказываются едва ли не центральным эпизодом “Истории Российской”, на основе которого решается вопрос о “доверии” Татищеву¹⁴.

Обратимся к этому эпизоду, представленному в обычно цитируемой историками пространной второй редакции татищевского труда. По смерти Святополка киевляне, собравшись у святой Софии, “все согласно” избрали Владимира Мономаха на великое княжение. Владимир опасался отправляться в Киев, так как на киевский стол с большим основанием, чем переяславский князь, могли претендовать представители старшей ветви русского княжеского рода – черниговские Святославичи, Давид и Олег. Тогда-то киевляне, не хотевшие Святославичей, “разграбили дома тех, которые о Святославичех старались: первее дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды и в торгах христианом вред чинили. Множество же их, собрався в их синагоге, огородясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова”. Тогда-то “киевские вельможи” посылают второй раз к Мономаху, угрожая ему Божьей карой, если восставшие разграбят и монастыри. “Ужаснувшийся” Владимир известил о своем приходе в Киев Святославичей, и был с почестями встречен киевлянами. Тогда “мятеж преста”. “Однако ж просили его всенародно о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, чрез что многие купцы и ремесленники разорились: они же многих прельстили в их закон и поселились домами между христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить. Владимир же отвечал им: «Поеже их всюду в разных княжениях вошло и населилось много и мне непристойно без совета князей, паче же и противно правости, что они допущены прежними князи, ныне на убийство и грабление их позволить, где могут многие невинные погинуть. Для того немедленно созову князей на совет». И вскоре послал всех звать ко Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобыча, по долгом разсуждении уставили закон таков: «Ныне из вся Руския земли всех жидов со всем их именем выслать и впредь не впускать; а если тайно войдут, вольно их грабить и убивать». И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по городам и на путях своевольные побили и разграбили. С сего времени жидов в Руси нет, и когда которой приедет, народ грабит и убивает»¹⁵.

Со времен Н.М. Карамзина эта трактовка событий была в целом принята в отечественной историографии¹⁶. Правда, Карамзин, продвинувшийся в критическом анализе источников далее

Татищева, отмечал, что в древних русских летописях под 1124 г. сообщается о том, что в Киеве “погорели жиды”: это означало, что евреи не были изгнаны из Руси в 1113 г. Но и это наблюдение не привело к попыткам критического анализа татищевского известия: напротив, Карамзин пошел дальше Татищева и связал с ростовщическим гнетом евреев те статьи Устава Мономаха, принятого после его вокняжения, которые ограничивают “резоимение” — ростовщический процент¹⁷. Эта “находка” была подхвачена советской историографией: М.Н. Тихомиров, в целом критически относившийся к источникам Татищева, в данном случае писал, что “евреи были банкирами средневековья, через руки которых проходили большие денежные суммы”¹⁸. Из того факта, что Киев был большим торговым городом, с неизбежностью следовал вывод о том, что “евреи должны были принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты” и т.д.

Дальше — больше. Поскольку у Татищева жертвы восстания киевлян подозреваются в связях не только со Святополком, но и с черниговскими Святославичами, на историографическом горизонте появляется далекий пригород Чернигова — хазарская Тмутаракань. И несмотря на то что Олег Святославич, уже давно ушедший из Тмутаракани, на Любечском съезде русских князей в 1097 г. был лишен старейшинства и прав даже на “отний” Чернигов, а отношения его с хазарами, по летописи¹⁹, были исключительно враждебными, в нем видят претендента на киевский стол, опирающегося на интересы хазарской торговой корпорации, включающей киевскую общину²⁰ и т. п. Соответственно, “грабеждворов тысяцкого и сотских, а также иудейской общины свидетельствовал о поражении политических противников Владимира Мономаха”, равно как “иноземных ростовщиков, установивших, подобно мафии, свое господство на местном рынке”²¹ и т. д. И уж вовсе “жутким эпилогом” рисуются события 1113 г. у Л.Н. Гумилева: “хитрые ростовщики”, проникшие через Польшу и Германию в Киев, чуть было не возродили на берегах Днепра “убитую химеру Иудео-Хазарии”, не пытаясь прямо захватить власть, а поддерживая своего ставленника²².

Историографические “штампы”, основанные на некритическом восприятии известий Татищева, попали не только в популярную литературу²³, но и в комментарии к академическим изданиям древнерусских памятников²⁴ и в вузовские учебники²⁵.

Между тем скептическое отношение к известиям Татищева, не восходящим к известным науке источникам, было обстоятельно аргументировано прежде всего в работах С.Л. Пештича²⁶, а специально в связи с событиями 1113 г. — в статье Е.М. Добрушкина²⁷. Прежде всего обращает на себя внимание, что первая “краткая” редакция “Истории Российской”, в значительной мере следующая языку средневековых источников Татищева, лишена многих существенных мотивов, присутствующих во второй редакции. В частности, там нет негативной характеристики Святополка (хотя упоминается о великом гладе и распродаже “казенной соли” по “Житию” Прохора) и ничего не говорится о его связи с евреями. Первоначальный отказ Мономаха идти в Киев аргументируется его боязнью не только Святославичей, но и сыновей Святополка. Мономах хочет “уладиться” с Давидом Святославичем, и тогда противники черниговских князей “разграбиша двор Путяты тысяцкаго, идоша же на жидаы, многии избиша, и домы их разграбиша, зане сии многу тшету и смуту людем творяху”. Князь откликается на второй призыв. “По малех днех пришедше кияне ко Владимиру, начаша жалитися на жидаы, яко испродаша люд, отьяша христианом торг и многи наворочают на свою веру; и хотяху вся избивати. И рек Владимир: «Не леть ми есть, не сослався со братиею, князи рускими, толико жидов по всей Руси изгубити, ни выгнати; ач пошлю ко братии». Егда же князи снидошася на съем, тогда уложиша из всея Руския земля изгнати жидаы. И изгнаша, и многи по градам избиша, а имение их пограбиша. И отселе не смеют жидаы в Рускую землю приезжати, всюду бо их избивают”²⁸.

Сопоставление двух редакций “Истории” Татищева обнаруживает общую тенденцию, направление которой было задано историку его источниками. Очевидно, что эти источники не отражали собственно древнерусских реалий: из домонгольских памятников о еврейском засилье в Русской земле (даже если понимать ее в узком смысле — как Среднее Поднепровье), в том числе о “продаже” (незаконных поборах, ростовщичестве) и “отьятии” торго евреями, ничего неизвестно²⁹. Характерно, в частности, что Киево-Печерский патерик, “Слова” которого имели вполне определенную антииудейскую полемическую направленность, ничего не знает о реконструируемой современными исследователями еврейской спекуляции солью при Святополке: князя направляют на монаха-чудотворца “продающего”, но не еврея.

Скептически относился к известиям Татищева о причинах восстания 1113 г. и А.А. Зимин, хотя и он писал об особом покровительстве, оказываемом Святополком ростовщикам; впрочем, Зимин отмечал, что против ростовщиков было направлено и восстание 1209 г., но ростовщицеством там занимались отнюдь не евреи, а бояре Мирошкиничичи³⁰. Равным образом содержание статей Пространной правды (Устава Мономаха) связано не только с урегулированием отношений между должником-купцом и займодавцем, относящихся к “городской” сфере экономики (ст. 54–55); статьи 56–64 посвящены правовому положению *закупов*, крестьян-смердов, получивших ссуду от феодала-землевладельца, условиям выплаты этой ссуды или окончательного закабаления закупа – превращения его в *обельного холопа*³¹. О том, что такого рода отношения были характерны не только для Киевской земли, свидетельствуют новгородские берестяные грамоты: в грамоте второй трети XI в. (№ 526) содержатся сведения по сбору “истины” (капитала) и “намов” (процентов) от жителей разных районов Новгородской земли – очевидно, что такого рода ростовщицеством и здесь занималось боярство, участвовавшее в государственном фиске³².

Участвовали ли евреи в подобных ростовщических операциях киевского боярства в начале XII в. или пали жертвой православной антииудейской пропаганды, образцами которой полны памятники древнерусской словесности, краткая летописная заметка о первом погроме судить не позволяет. Зато ясно, что Устав Мономаха, принятый с его “мужами” (и “мужем” Олега Святославича, что опять-таки никак не свидетельствует о его претензиях на киевский стол) в Берестове, не имеет отношения к “сейму” (*сьем*) русских князей в Выдобице у Татищева – на это обратил особое внимание И. Берлин.

Тот же Берлин осторожно предположил (вслед за А. Гатцуком), что “известие, приводимое Татищевым об изгнании евреев из Киева, есть позднейшее свидетельство какого-нибудь хронографа или хроники XVII в., автор которого желал показать своим современникам, как поступил с «нечестивыми жидами» лучший из древнерусских князей и как теперь следует поступать с ними”³³. Действительно, мотивы еврейского засилья, равно как и мотив соращения христиан в иудаизм, характерны для источников (а отчасти и быта) XVII в. Мещанство Киева, Переяслава (древнего Переяславля – отчины Мономаха), Черниговской и Северной

земель постоянно обращалось с жалобами к властям Речи Посполитой о притеснении, чинимом евреями христианам. Ср. жалобу мещан Переяслава 1623 г.: “немалое число жидов в месте нашем переяславском... мало не весь торг оселяся домами, лавками и подобными хоромными строениями своими в пожитках им (христианам) угеснения разные чинят”. Власти вынуждены были считаться с этими жалобами: в 1619 г. Киев получает право *de non tolerandis judaeis* — по грамоте Сигизмунда III евреи могут оставаться в Киеве на один день лишь в гостиных домах³⁴. Получивший в управление Северскую и Черниговскую земли королевич Владислав писал: “Выражаем нашу непременную волю, чтобы в вышеуказанных местах не допускали жидов ни селиться, ни проживать, чтобы не осмеливались принимать в города и чтобы они не только не брали никаких аренд, но никакой продажи и торговли не производили”³⁵.

В отличие от древней и средневековой Руси в Речи Посполитой евреи имели королевские “привилегии” и собственную социально-экономическую “нишу”, в том числе на колонизируемой Украине, где пользовались поддержкой польских магнатов. Указы властей на практике не выполнялись, антиеврейские требования мещан повторялись и приобрели особую остроту в период “хмельничины”. Сам мятежный гетман в “листах” русскому царю не раз писал: “И о том Бога просим, чтоб ляхи и жида болши над православными христианы не государствовали, понеже они, яко хитрые, издавна извыкли кровь христианскую розливати и измену чинити”³⁶ (ср. мотив “смуты” у Татищева в первой редакции). Московское правительство вступилось за единоверцев: на переговорах с представителями Речи Посполитой в 1653 г. московские послы упрекали поляков: у них “не токмо что розных вер людям насилия и поругания нет, но и жидом, которых всех христианом гнушатися и ненавидети их годитца, во всем повольность и школы свои жидовские имеют по своей воле где хотят <...> и живут в своей вере вольнее благочестивых христиан”. Поляки оправдывались, заявляя, что король “жидом не присягает, а имеет их в своем государстве за невольников (статус «сервов казны», определяемый средневековыми привилегиями. — В.П.), и вольно де королевскому величеству тех жидов из своего государства выгнать что псов. А греческого закону (православным. — В.П.) людем королевское величество присягает и по своей присяге неволи им никакие не чинит”³⁷.

Социальные и конфессиональные конфликты эпохи кризиса феодальной системы привели еврейское население Украины времен “хмельниччины” к катастрофе. Еврейские общины, не раз подвергавшиеся нападениям и погромам и до восстания 1648 г., создали особый архитектурный тип синагог-крепостей, где можно было отсидеться, ожидая подхода коронных войск и восстановления порядка³⁸ — этот мотив имеется во второй редакции “Истории” Татищева. После заключения Зборовского мира 1649 г. евреям запрещено было селиться на территории Черниговского, Киевского и Брацлавского воеводств: согласно Зборовскому договору (ст. 7) евреи не могли быть ни владельцами, ни откупщиками, ни жителями в украинских городах, где казаки имеют свои полки. “А которые жида объявятся за Днепром, тех жидов в запорожском войске грабить и отпускать назад за Днепр”³⁹.

Следует отметить, что даже после “хмельниччины” и присоединения “Русской земли” — Малороссии в Среднем Поднепровье (Чернигов, Переяславль, затем и Киев) к Российскому царству, заинтересованность местной феодальной верхушки в евреях как посредниках в аренде, откупах и т.п. не миновала. Политика же царского правительства в отношении евреев, даже после петровских реформ, существенных изменений не претерпела. Это привело уже в татищевское время, в первой половине XVIII в., к неоднократным указам о высылке евреев — несмотря на их малочисленность — из Малороссии, в том числе по собственно петровскому указу 1721 г., указам Екатерины I — 1727 г., Анны Иоанновны — 1731 и 1738 гг., Елизаветы Петровны — 1742 г. Временно пребывающим в Малороссии евреям была запрещена розничная торговля. За петровским указом следовал универсал гетмана И. Скоропадского, предписывавший (вслед за Зборовским договором) при обнаружении еврея в Малороссии оштрафовать приютившего его владельца и “все его жидовское имение разграбивши, с бесчестием и умалением здоровья прочь за рубеж обнаженного выгнать”⁴⁰. Эта средневековая правовая традиция и повлияла на формулировки “сейма” князей, проводимого по инициативе Мономаха, у Татищева.

Очевидно, что Татищев, приверженец петровских реформ, разделял предрассудки эпохи — и самого Петра⁴¹, что не могло не сказаться на “реконструкции” им исторических событий, связанных с начальным этапом еврейской истории в древней Руси.

С.Л. Пештич, ссылаясь на указы 1727 и 1742 гг. о высылке евреев, напрямую связывал “антисемитскую заостренность” татищевского рассказа о событиях 1113 г. со стремлением “исторически обосновать реакционное законодательство царизма в национальном вопросе”⁴². Конечно, это была не единственная мотивировка исторической реконструкции у Татищева: Мономах был для него (как и для Карамзина) образцом раннесредневекового государя и в этом смысле предшественником Петра; между тем “законность” его вступления на киевский престол, минуя старших представителей княжеского рода, была сомнительной, что осознавал сам Татищев⁴³. Его избрание на престол должно было быть связано с восстановлением порядка и законности: Татищев до предела “развернул” скудные летописные известия, чтобы продемонстрировать эти правовые акции Мономаха, в том числе в отношении евреев. Татищевская “реконструкция”, однако, не была простым вымыслом или даже “модернизацией” истории (в этом можно упрекнуть скорее современных историографов): Татищев явно основывался и на ранних источниках, описывающих события первой половины XVII в. в Малороссии, и выводил из них некую парадигму отношения к евреям на Руси. Дальнейшее исследование этих источников – специальная задача.

Условные сокращения

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.

ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1996. Изд. 2-е.

ПРП – Памятники русского права. М., 1952. Т. 1.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ЧОИДР – Чтения общества истории и древностей Российских.

---

¹ Ср.: ПВЛ. С. 40; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 72-73.

² Татищев В.Н. Собр. соч. В 8 т. М., 1963. Т. 2. С. 58.

³ Там же. С. 231, примеч. 176.

⁴ Кучкин В.А. К спорам о Татищеве// Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 250.

⁵ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 308.

⁶ Ср.: Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника// Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5.

⁷ *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 49.

⁸ Там же. С. 224, прим. 137.

⁹ Ср.: ПВЛ. С. 126; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275, 276.

¹⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 128.

¹¹ Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 53.

¹² Там же. С. 54-56.

¹³ *Татищев В.Н.* Указ. соч. М., 1962. Т. 1. С. 85; *Тихомиров М.Н.* О русских источниках "Истории Российской" // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 44.

¹⁴ См. историографию: *Валк С.Н.* "История Российская" В.Н. Татищева в советской историографии // *Татищев В.Н.* Указ. соч. М., 1968. Т. 7. С. 24, 25; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М.; СПб., 1995. С. 196 и сл.

¹⁵ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 129.

¹⁶ Ср.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 2. С. 87; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1. С. 388-389.

¹⁷ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 89.

¹⁸ *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 136, 137. Ср.: *Греков Б.Д.* Избранные труды. М., 1959. Т. 2. С. 218, 219. М.Н. Тихомировым приводится даже антииудейское сочинение XIII в. "Словеса святых пророк", в содержании которого усматривается мотив попустительства некоего князя евреям, хотя положение евреев, лишенных своей земли (мотив, знакомый по летописным прениям о вере), рисуется "словесами" в прямо противоположном свете: "вам уже работающе в нас", — говорится там о зависимом положении иудеев. Установки советской историографии, сформулированные в трудах Грекова и Тихомирова, были развиты И.И. Смирновым, настаивавшим на практически полном доверии Татищеву; ср.: *Смирнов И.И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII-XIII вв. М.; Л., 1963. С. 252-259.

¹⁹ ПВЛ. С. 87. Известие о том, что Олег "исече козары" — последнее упоминание хазар в летописи.

²⁰ Ср.: *Фроянов И.Я.* Указ. соч. С. 216.

²¹ Там же. С. 223, 224.

²² *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 321—324.

²³ *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Иерусалим, 1988. С. 27.

²⁴ Древнерусские патерики. С. 404, 405.

²⁵ История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996. С. 180, 181.

²⁶ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961—1965. Ч. 1—2.

²⁷ *Добрушкин Е.М.* О двух известиях "Истории Российской" В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 282—290.

²⁸ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 4. С. 179, 180.

²⁹ См. из последних сводок: *Чекин Л.С.* К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34—43.

³⁰ *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 221 и сл.

³¹ ПРП. Вып. 1. С. 113–115; ср.: *Черетин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 240 и сл.

³² *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. М., 1998. С. 342, 343.

³³ *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919. С. 160, 161.

³⁴ АЮЗР. Т. 10. С. 520; ср.: *Эттингер Ш.* Россия и евреи. Иерусалим, 1993. С. 64, 130.

³⁵ АЮЗР. Т. 10. С. 522; ср. *Боровой С.Я.* Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха “хмельничины”. М., 1997. С. 20 и сл.

³⁶ *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. М., 1998. Ч. 1. № 20. С. 38; ср.: № 44. С. 88.

³⁷ Там же. С. 135. № 70. Ср.: С. 150, 265, 278.

³⁸ *Боровой С.Я.* Указ. соч. С. 66.

³⁹ АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. № 303. С. 415.

⁴⁰ Ср.: *С.Д.* (Дубнов). Выдворение евреев из Малороссии во второй четверти XVIII в. // Евр. старина. 1913. С. 123 и сл.; *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993. С. 11 и сл.; *Пештич С.Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 159.

⁴¹ Характерны слова Петра: “Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располагаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают” (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 15 // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 8. С. 74). По сути эти слова мало чем отличаются от знаменитого послания Ивана Грозного Сигизмунду-Августу о польских купцах-евреях: “А что еси писал нам, чтобы жидом твоим позволили ездити в наши государства по старине, и мы к тебе о том писали наперед сего неодинова, извещая тебе от жидов лихия дела, как наших людей и от крестьянства отводили и отравняя зелья в наше государство привозили и пакости многие людям нашим делали; и тебе было брату нашему, слышав такая их злые дела, много о них писати непригоже: занже и в иных государствах, где жида побывали, и в тех государствах много зла от них делалось... и нам в свои государства жидам никак ездити не велети, занже в своих государствах лиха никакого видети не хотим” (ЧО-ИДР. М., 1860. Т. 4. С. 77, 78).

Впрочем, для России начала петровских реформ оставались характерными средневековые предрассудки, в том числе в отношении к православным грекам: ср. слова П.А. Толстого о том, что греки “от мала до велика все лгут и верить им отнюдь нельзя” (*Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 113), и фразу летописца Нестора о том, что “греки льстивы и до сего дни”. При этом просветительские установки самого Татищева, утверждавшего, что “умному до веры другого ничто касается ... ибо не смотрит на веру, но

смотрит на его товар, на его поступки и нрав”, вступали в противоречие с проводимой им в отношении “малых народов” “административной практикой”: по его приказу в 1738 г. был сожжен (одновременно с Возницыным!) как вероотступник крещеный башкир Тойгильда, вернувшийся в ислам (ср.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 14; *Пешич С.Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 149).

⁴² *Пешич С.Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 159.

Отсюда, как показал Е.М. Добрушкин (указ. соч. С. 284), настойчиво проводимые Татищевым негативные характеристики Олега Святославича как потенциального претендента на киевский стол.

⁴³ Вероятно, эти сведения могли содержаться в не дошедшей до нас Голицынской летописи, писаной “белоруским” (западнорусским) письмом – отсюда автор брал известия, дополняющие Начальную летопись (*Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 124; ср.: *Тихомиров М.Н.* О русских источниках. С. 49; *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 248-250).

Дмитрий Фельдман,

Дмитрий Петерс

О НАГРАЖДЕНИИ МЕДАЛЯМИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Данная статья является первой попыткой исследования на основе новых архивных источников вопроса о награждении российских евреев медалями примерно до середины XIX в. Мы попытались определить, когда же впервые иудеи стали удостоиваться наград, какие конкретно медали и за что они получали от верховной власти, кто из русских государственных и военных деятелей представлял евреев к награждению или свидетельствовал об их заслугах.

Надо сказать, что существовали и другие формы поощрения евреев за полезную деятельность: крупные денежные суммы в виде золотых монет, драгоценные перстни, золотые часы, потомственное почетное гражданство, благодарности. Собственно говоря, многие из этих форм предшествовали такому виду награждения, как медали. Документы свидетельствуют о вручении подарков уже в конце правления Екатерины II, а более-менее массовый характер процесс приобретает при ее наследнике Павле Петровиче.

Именно в павловскую эпоху нами зафиксирован первый случай награждения медалью иудея. В феврале 1799 г. по высочайшему повелению золотую медаль с портретом и вензелем императора Павла I получил еврейский раввин мест. Шаргород Давид Герценштейн, “участвовавший в прекращении заразительной болезни”¹. По разным источникам, таких золотых медалей в короткое павловское царствование было выдано не более 30 штук. Медальями с вензелем императора награждали за различные заслуги, ока-

---

Дмитрий Захарович Фельдман – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Дмитрий Игоревич Петерс – ведущий архивист Российского государственного архива древних актов.

занные государству, а носили их на шее на орденских лентах². Представление раввина к редкой награде, видимо, состоялось еще в конце 1798 г., ибо в октябре этого года он писал царю из г. Каменец-Подольского: “Высочайшия Вашего императорскаго величества излиянныя на меня милости имел я счастье слышать от генерала графа Гудовича (гр. И.В. Гудович был в это время волынским и подольским военным губернатором. — *Д.Ф.*). Сии драгоценнейшия Вашего величества сщедроты суть моим украшением, что я, малый и слабый, удостоился от премудраго твоего престола носить. Прерогативы, преходящие из роду в род, будут незабвенным памятником и сильным всех ободрением к подобному заслугиванию монарших Вашего императорскаго величества милостей”³.

Насколько можно судить по архивным источникам, при Павле I это награждение еврея медалью так и осталось исключительным фактом (практиковались другие виды поощрения). Дальнейшие зафиксированные нами случаи относятся уже к эпохе правления Александра I, деятельность которого в данной области стала своего рода прорывом в отношении государства к своим подданным-иудеям. Именно он первым из русских монархов дал адекватную оценку полезной деятельности еврейских мещан и купцов, направленной на укрепление экономических и военных основ Российской империи. И именно при нем в российском законодательстве появилась юридическая норма, закрепляющая поощрение иудеев. В утвержденном им 9 декабря 1804 г. “Положении для евреев” (ч. IV “О гражданском устройстве евреев”, п. 43) сказано: “Евреи, отличившиеся знаниями или важными государству заслугами, будут соразмерно тому отличаемы и награждаемы”⁴.

Главным историческим событием в России первой половины XIX в., безусловно, стала Отечественная война 1812 г. и связанный с ней заграничный поход русской армии 1813–1814 гг., поддержанный союзниками (Пруссией и Австрией) и завершившийся разгромом французов и подписанием в Париже в мае 1814 г. мирного договора. Но еще в первом десятилетии XIX в. еврейское население Западного края страны получило возможность проявить свою лояльность по отношению к России. Например, в период военной кампании 1806–1807 гг. против наполеоновской Франции, в которой целью России было спасение союзной Пруссии. 6 декабря 1806 г. был опубликован манифест о содействии дворянства, купечества и мещанства добровольными взносами формированию и вооружению вспомогательного ополчения — “земского войска” (или милиции)⁵, призванного под-

держивать внутренний порядок в стране в условиях войны. Многочисленные пожертвования поступали и от еврейского населения, о чем свидетельствуют списки жертвователей (как общин и кагалов, так и частных лиц), напечатанные в “Санкт-Петербургских ведомостях” “во всенародное известие и в память потомству”. Среди них мы встречаем фамилии евреев, позднее представленных к различным наградам. Так, часть своего капитала внесли волынский купец Лихтенштейн — 500 руб., заславские купцы Гальперин и Гальперсон — 600 руб⁶.

Одним из самых ранних примеров награждения евреев в александровскую эпоху можно считать следующий. Как видно из архивных документов, повелением Александра I, сообщенным генерал-адъютантом Х.А. Ливеном министру финансов графу А.И. Васильеву 31 августа 1805 г., золотой медалью с портретом императора и надписью на реверсе “За безкорыстие и усердие на пользу казенную” для ношения на шее на Александровской ленте был пожалован каменец-подольский купец 1-й гильдии Янкель Хаймович “за оказанное им усердие и безкорыстие при исправлении Каменец-Подольской крепости”. Ходатайствуя о его награждении, генерал П.К. Сухтелен в апреле того же года доносил царю, что Хаймович на основании заключенного контракта в 1798 г. “исправил при поминаемой крепости горнверк каменной, земляною, планировочною и дерновою работой с поставлением палисада”, а также “доставлял по своему контракту начатых еще в польское владение каменных в трех обширных корпусах солдатские казармы, офицерские флигели и прочия при них здания с возможным успехом и деятельностью”. Генерал сообщал далее, что “сверх того в продолжении 7 лет производил оный Хаймович по частям и другие в Каменце крепостные и цивильные казенные работы с уступкою всегда противу явившихся к торгам на пользу казенного интереса”⁷. В феврале 1806 г. медаль была изготовлена и отослана награжденному купцу. Отметим, что она очень редка: известен еще всего лишь один случай выдачи подобной награды⁸.

В условиях надвигающейся Отечественной войны и особенно после созыва Наполеоном в Париже собрания представителей еврейских общин Европы — Синедриона русское правительство было озабочено поведением евреев и всячески культивировало усиление подозрительности по отношению к евреям. Действительно, возможные боевые действия должны были развернуться именно на тех недавно присоединенных территориях Литвы и Белоруссии, где была сосредоточена значительная масса иудейского насе-

ления. По словам историка С.М. Гинзбурга, в этом отношении русское еврейство представлялось властям своего рода “сфинксом”⁹. Однако и в этот период русские евреи проявили себя вполне лояльно. Документально зафиксировано их участие в качестве поставщиков отечественной армии в русско-турецкую войну 1806—1812 гг., в частности весной 1811 г.; к тому времени русские войска форсировали р. Дунай, завладели территориями Молдавии, Валахии, Бессарабии и части Болгарии. Эта война велась в Западном Причерноморье, где русская армия была вынуждена действовать в сложнейших климатических условиях южных степей. Достаточно сказать, что пехотинцы с трудом поспевали за кавалерийскими частями, перемещаясь по пыльным дорогам к назначенным для лагерей местам. Многочисленные, изматывающие силы сражения требовали надежного тылового обеспечения, которое осуществляли поставщики продовольствия и других товаров, в том числе украинские евреи. Наиболее активные из них были удостоены наград. Так, в апреле 1811 г. по письму военного министра М.Б. Барклая де Толли министру финансов гофмейстеру Д.А. Гурьеву и представлению волынского гражданского губернатора золотой медалью “За усердие” на голубой ленте был награжден вышеупомянутый заславский купец 1-й гильдии Мотка Гальперсон “за исправное окончание поставки для Молдавской армии хлеба... по ценам, для казны выгодным, и за перевозку за свой счет в разные магазины хлеба” (главнокомандующим этой армией, действующей на юго-западных рубежах, был генерал от инфантерии гр. Н.М. Каменский, а с марта 1811 г. — генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов). Тогда же, в апреле 1811 г., золотые медали “За усердие” на алой ленте получают дубенский и житомирский купец Рабин Моргульс и заславский купец 1-й гильдии Израиль Гальперин за перевозку в магазины хлеба “без всяких от казны платежей” и его поставку по низким ценам в Молдавскую (Дунайскую) армию, противостоявшую турецким войскам. Последний в октябре того же года награждается второй золотой медалью “За усердие”, но уже на голубой (более высокого достоинства) ленте “за исполнение поручений по части Министерства финансов”.

Кстати, эта награда была учреждена Александром I в декабре 1801 г. для награждения представителей различных сословий — купцов, мещан и крестьян, а также народов России за разнообразные заслуги¹⁰. Ее носили на шее на орденской ленте. Первое же награждение еврея этой медалью зафиксировано нами за январь—февраль 1810 г.: золотой наградой на алой ленте был пожалован

велижский купец Левенсон “за усердие в исправной поставке хлеба в магазины Риги по пониженным ценам”. Он был представлен к ней военным министром генералом от инфантерии М.Б. Барклаем де Толли в конце 1809 г. Из журнала Комитета министров за этот год известно, что по Министерству военных сухопутных сил это представление было утверждено¹¹.

Далеко не всегда в представлениях содержатся конкретные формулировки, за какую именно работу награждается тот или иной человек. Так, в письме М.Б. Барклая де Толли министру финансов Д.А. Гурьеву (февраль 1811 г.) говорится о награждении золотой медалью “За усердие” на Аннинской ленте одесского купца 1-й гильдии Натансона Ноткина за “ревность” и “поощрение к дальнейшему продолжению услуг его”. При этом отмечается, что он выполнял различные поручения командовавшего корпусом генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова, который и засвидетельствовал заслуги купца. Интересно, что данное “поощрение” сыграло свою роль, так как в апреле 1812 г. из переписки тех же лиц становится известным факт награждения Ноткина второй золотой медалью уже на Андреевской (голубой) ленте. На этот раз – за “ревностное” исполнение поручений генерала от инфантерии кн. П.И. Багратиона, по его свидетельству.

Второй массовой наградой, которой удостаивались представители еврейского населения России, является медаль “За полезное”. Она была учреждена Александром I в декабре 1801 г. одновременно с медалью “За усердие”; ею награждали купцов, мещан и крестьян за различные заслуги перед государством в области торговли, промышленности и сельского хозяйства, а также за крупные пожертвования¹². Медаль носили на шее на орденской ленте. Впервые такую золотую медаль на голубой ленте получил в июне 1808 г. по представлению херсонского губернатора (декабрь 1807 г.) одесский купец 2-й гильдии Полнер “за усердие, оказанное в доставлении разных материалов, для водворения иностранных колонистов нужных, и в поставке для армии знатного количества хлеба весьма выгодными для казны ценами”. В феврале 1809 г. золотая медаль на голубой ленте вручается жигомирскому купцу 1-й гильдии Леви за поставку из-за границы для казны “знатного количества серы”. А в апреле–мае того же года состоялось награждение николаевского купца 2-й гильдии Нусина Пуретца, “показавшего усердие к казенной пользе по разным для Черноморского адмиралтейства подрядам”. По представлению главного командира Черноморского флота он получил золотую медаль с изображением рога изобилия на Владимирской ленте. Ут-

верждение этого представления зафиксировано в журнале Комитета министров за 1809 г. по Министерству военных морских сил, где вновь подчеркивалось “сохранение казенного интереса”¹³. Отметим еще одно заслуживающее внимания награждение. В январе и октябре–ноябре 1810 г. золотые медали “За полезное” на алых лентах получают житомирский купец 1-й гильдии Мозус Лихтенштейн и житомирский купец 3-й гильдии Бень Чернецкий. Этой награды они оба удостоились за крупные пожертвования для Бердичевской больницы, заведенной действительным статским советником кн. Радзивиллом. Представления к наградам были поданы волынским гражданским губернатором тайным советником М.И. Комбурлеем.

Третья медаль, которой награждались евреи в XIX в. в основном за трудовую деятельность, — “За усердную службу”. Она была учреждена Александром I несколько ранее двух перечисленных выше — в августе 1801 г. для широкого круга лиц: ханов, старшин, султанов и других предводителей народов или народностей Российской империи, а также купцов, мещан и крестьян за различные заслуги, оказанные правительству, и долговременную службу на выборных должностях¹⁴. Первым из евреев такой золотой медалью на Аннинской ленте был пожалован в мае 1811 г. евпаторийский купец 1-й гильдии Мошевич. Как следует из письма министра внутренних дел тайного советника О.П. Козодавлева министру финансов Д.А. Гурьеву, предприниматель награждался “за долговременную и усердную службу по выборам купеческим и за разные пользы городу, им оказанные”.

За важные услуги для правительства в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., помимо вышеупомянутых лиц, государственной награды был удостоен еврейский купец Янкель Бронштейн. Военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли в июне 1812 г. сообщил министру финансов Д.А. Гурьеву, что “государь император в воздаяние отличного усердия к содействию казенным пользам при торгах на поставку в Молдавские госпитали на сей год разных припасов каменец-подольского 1-й гильдии купца Янкеля Бронштейна всемилостивейше пожаловать соизволил ему золотую медаль с надписью “За отличное усердие” для ношения оной на Владимирской ленте” и просил приказать изготовить медаль и отослать ее к главнокомандующему Молдавской армией М.И. Голенищеву-Кутузову “для возложения на Бронштейна”. Надо сказать, что данная медаль, учрежденная повелением Александра I в июле 1810 г., была весьма редкой: в его царствование ею было награждено не более пяти человек¹⁵. В

марте 1813 г. она была отослана из Кабинета Е.И.В. для вручения купцу.

Отечественная война 1812 г. явилась как бы исторической проверкой целого народа на лояльность России.

В этой связи надо заметить, что историография данного вопроса крайне ограничена. В нашем распоряжении имеется всего лишь одна дореволюционная монография, специально посвященная этой теме, написанная еврейским историком С.М. Гинзбургом к 100-летию Отечественной войны. В портфеле исследований — несколько локальных работ, опубликованных в различных журналах опять же до 1917 г.¹⁶, а также отдельные фрагменты в книгах по военной истории, мемуарах участников и современников войны 1812 г. (как с русской, так и с французской стороны) и проч. Что касается награждений евреев за оказанные ими услуги во время военной кампании, то для современной науки это пока “белое пятно”.

Как уже было замечено выше, опасения российской верхушки относительно неблагонадежности литовско-белорусских и украинских евреев оказались напрасными. С.М. Гинзбург констатировал, “что русское еврейство проявило во время Отечественной войны активную преданность России, враждебность неприятелю” и “оказывало ревностное и серьезное содействие русской армии”¹⁷. Этому было несколько причин. Во-первых, антиеврейская политика польских и литовских властей (находившихся под контролем Франции), которая выразилась в резком ограничении иудеев в правах и свободах¹⁸. В России, конечно, также существовали ограничения для евреев, и их было немало. Но законодательство империи по еврейскому вопросу в том виде, который оно примет в конце правления Александра I, и в особенности при Николае I, — жестко ограничительным, окончательно еще не сложилось. Оно несло на себе отпечаток политики екатерининской эпохи — во многом противоречивой, но не лишенной либеральных идей “просвещенной императрицы”. Кроме того, в общине теплилась надежда, что после окончания череды войн придут наконец освободительные внутренние реформы, которые ослабят нарастающее давление запретительных законов.

Пытаясь объяснить поведение иудеев в Отечественной войне 1812 г., один из ее участников полковник А.Х. Бенкендорф (впоследствии шеф жандармов и начальник 3-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии), находившийся в отряде генерала Ф.Ф. Винценгероде, писал, что российские евреи “опасались возвращения польского правительства, при котором подвергались все-

возможным несправедливостям и насилиям, и горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам” и что “мы не могли достаточно нахвалиться усердием и привязанностью, которые выказали нам евреи”¹⁹. И даже великий князь Николай Павлович, будущий император, неодобрительно относившийся к иноверцам—иудеям, во время инспекторской поездки по России летом 1816 г. записал в своем путевом журнале: “Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни”²⁰. Близкое соприкосновение с французскими оккупационными войсками, результатами которого стали реквизиции скота, ремесленной продукции и провианта, денежные поборы, принудительные работы для нужд “Великой армии”, осквернение синагог и кладбищ, наконец, грабежи и мародерство, избиения и убийства мирных жителей (особенно при отступлении к границе), окончательно развеяло в еврейской диаспоре России иллюзии о намерениях Наполеона в отношении евреев.

Деятельность евреев, которая тем или иным образом связана с военным строительством и за которую они получали различные правительственные награды, осуществлялась по нескольким направлениям²¹. Это, во-первых, непосредственная служба в воинских формированиях. Но поскольку до 1827 г. в России не существовало личной воинской повинности для иудеев, лишь единицы из них в качестве добровольцев могли принять участие в боях в рядах русской армии. О подвиге одного еврейского волонтера сообщает в своих мемуарах известный поэт-партизан Д.В. Давыдов. В октябре 1812 г. он стал свидетелем героического поступка воина Литовского уланского полка в бою с французскими егерями у с. Ляхово Смоленской губ.; улан оказался бердичевским евреем, который, как пишет Денис Давыдов, получив за свой подвиг Георгиевский знак, не мог носить его (кстати, сам факт получения евреем этой медали в документах нами обнаружен не был)²².

Главным же образом еврейское население оказывало различные услуги русской армии. Осложнение внешнеполитической обстановки на континенте в первое десятилетие XIX в., вызванное столкновением интересов европейских держав, требовало повышения бдительности и привело к усилению мониторинга внутреннего положения соседних с Россией государств, в первую очередь в Герцогстве Варшавском, находившемся под французским протекторатом (его трон был передан вассалу Наполеона, саксон-

скому королю). Среди отправленных в 1811–1812 гг. лиц “для разведывания” встречается немало количество евреев. Основная масса агентов проходила через Юрбургскую таможню. Об известиях от одного из них, виленского купца 1-й гильдии Исаака Адельсона, упоминается в рапорте командиру 1-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту гр. П.Х. Витгенштейну от командира Донского казачьего полка в апреле 1812 г.²³. А уже в мае–июне, как следует из письма военного министра М.Б. Барклая де Толли министру финансов Д.А. Гурьеву, еврейский купец получил золотую медаль “За усердие” на голубой ленте “за оказанное им в разных случаях усердие к пользе государству” (то есть за секретную разведывательную деятельность). Интересно, что помимо такой работы, И. Адельсон продолжал осуществлять свои профессиональные обязанности купца и поставщика, за что был позднее отмечен правительством вторично: в сентябре–октябре 1814 г. он награждается золотой медалью “За полезное” на Александровской (алой) ленте “за доставку войскам припасов”. К слову, Адельсон имел тесные деловые отношения с такими известными фигурами российского еврейства, как Абрам Перетц – известный откупщик, подрядчик и банкир (в войну 1812 г. потерпел убытки на интендантских поставках), и Лейба Невахович, начинавший как предприниматель, а затем ставший первым русско-еврейским писателем (оба являлись видными общественными деятелями, выступавшими в защиту интересов своего народа, и одними из первых в России среди еврейской интеллигенции – “просвещенными” евреями).

Еще в августе 1811 г. Барклай де Толли тайно писал Витгенштейну, что по высочайшему повелению следует “употреблять возможные и осторожные меры получать из-за границы, от соседствующих с нами, разныя политическия известия”. Секретное наблюдение за обстановкой в Польше велось, в частности, из смежной с ней Белостокской области. Из донесений местной разведслужбы военному министру следует, что особенно активную деятельность в этом направлении проводил белостокский житель Гирш Альперн, который по спецпоручению в мае 1811 г. совершил поездку в Герцогство Варшавское и по возвращении составил подробный отчет о добытой информации, после чего был отправлен в военное министерство с докладом. В Санкт-Петербурге его ждали награды. Во-первых, по приказу императора ему было выдано из Кабинета Е.И.В. 50 червонцев. А в октябре 1811 г. мещанин получает благодарственное письмо от Барклая де Толли, к которому был приложен подарок Александра I – драгоцен-

ный перстень в 400 руб.²⁴. Но и эта награда не стала для Г. Альперна последней: уже после войны, в декабре 1815 г., он был удостоен золотой медали “За усердие” на Андреевской (голубой) ленте.

С началом военных действий услуги как отдельных евреев, так и целых кагалов становятся все разнообразнее и многочисленнее. Как писали русские военачальники А.Х. Бенкендорф, А.Ф. Ланжерон, В.И. Левенштерн, Я.И. де Санглен и даже французские офицеры, именно еврейское население играло главную роль в организации “тайных разведок”, в доставлении сведений о передвижениях, численности, вооружении вражеских войск, местах их квартирования и переправ. Д.В. Давыдов также сообщает, что евреи Белоруссии и Литвы были столь преданы России, что отказывались служить иностранным захватчикам в качестве “лазутчиков” и, наоборот, сообщали русским военным сведения о неприятеле. В “Записках” генерала А.П. Ермолова, который в то время был начальником объединенного штаба 1-й и 2-й армий, мы обнаруживаем несколько примеров весьма ценных услуг еврейских информаторов. Так, после переправы через р. Днепр у мест. Толочин он встретил курьера-еврея, направлявшегося с важным донесением от командующего Отдельным корпусом П.Х. Витгенштейна к генерал-фельдмаршалу М.И. Кутузову, в котором сообщалось о диспозиции французских войск близ мест. Черрея. Ермолов отправил посыльного дальше, дополнив депешу своей информацией и предложениями о возможных ответных действиях русских частей. Он же описывает эпизод внезапного нападения партизанского отряда капитана А.Н. Сеславина на г. Ошмяны, в одном из окраинных домов которого размещалась квартира Наполеона. Проводником партизан был местный житель-еврей, который тайно провел гусар и казаков прямо в центр города, и лишь по счастливой случайности императору в суматохе боя удалось скрыться и отбыть в г. Вильно²⁵.

Деятельность еврейских “разведчиков” была крайне опасной, ибо они ежеминутно подвергали себя и свои семьи смертельной угрозе. Однако сознавая важность и серьезность этой работы, которая способствовала изгнанию неприятеля из родных мест, евреи шли на это (по своей инициативе или по поручению командования), и некоторые из них поплатились своей жизнью. Из исторической литературы известен подвиг мещанина Кринского уезда Гродненской губ. Рувина Гуммера. Описание его подвига было опубликовано в журнале “Сын Отечества” за 1816 г. (№ 26, с. 289–291). Ему удалось спрятать у себя в доме скрывав-

шегося от французов поручика Донского Исаева 2-го полка Богачева, направлявшегося с курьерским донесением к командующему армией генералу от инфантерии А.П. Тормасову; затем он передел офицера в еврейское платье и доставил в расположение русских войск. Французы сумели выяснить правду и устроили в доме мещанина засаду. Однако его жена передала информацию об этом возвращавшемуся мужу, тем самым погубив себя. Когда Р. Гуммер вернулся домой, то нашел тело повешенной жены и пепелище сожженного дома. Этот героический поступок засвидетельствовал представитель царского окружения герцог А. Вюртембергский. Как писал в заметке неизвестный автор, подписавшийся “Усердный почитатель добродетельных подвигов”, Гуммеру не удалось добиться компенсации за понесенные материальные убытки, но горечь потерь должна была хоть как-то скрасить ценная правительственная награда. В ноябре–декабре 1816 г. “оказавший отличные подвиги” мещанин был награжден золотой медалью “За усердие” на алой ленте.

Надо заметить, что оперативность передачи различной информации для российского командования обеспечивалась во многом благодаря так называемой “еврейской почте”, издавна существовавшей на территории, населенной евреями. Функционирование этого своеобразного учреждения было вызвано довольно слабой организацией государственной почтовой службы. Собственная частная почта давала возможность еврейским коммерсантам, оплачивавшим эту услугу, быстро и регулярно получать информацию от своих торгово-финансовых партнеров в других городах и местечках. Письма доставлялись нарочными по особым трактам, а роль почтовых станций играли еврейские корчмы, держатели которых предоставляли для этих целей лошадей. Уровень организации “еврейской почты” был очень высок, во всяком случае она значительно – почти на сутки – опережала курьеров и фельдегерей²⁶. В войну 1812 г. именно с помощью еврейских почтальонов необходимые сведения доставлялись военному начальству в кратчайшие сроки. Кстати, известный путешественник, беллетрист и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский уже в середине века писал: “Еще не так давно у евреев существовала своя тайная почта, посредством которой, словно по телеграфу, передавались известия”²⁷. При этом литовско-белорусские евреи всячески уклонялись от оказания подобных услуг французам, из-за чего противник часто был недостаточно осведомлен о передвижениях и силах русских войск.

Многочисленные пожертвования на нужды армии и помощь раненым воинам — большая заслуга российского еврейства в годы Отечественной войны. Свой вклад в “общую копилку” внесли евреи Витебска, Екатеринослава, Житомира, Люцина, Минска, Санкт-Петербурга, Шклова и других городов и местечек. С.М. Гинзбург приводит сохранившийся в делах Витебской городской думы и опубликованный в книге А. Сапунова “Витебская старина” (Витебск, 1883) список горожан, награжденных медалями за пожертвования, сделанные ими в 1812 г. В нем фигурируют следующие евреи: бургомистр Хаим Етинг, Абрам Берельсон, Симха Кекин, Янкель Лихтинштейн, Овсей Маевский и Гирша Соскин²⁸. В качестве примера можно привести еще несколько подобных фактов. В декабре 1812 г. министр полиции генерал-адъютант А.Д. Балашов писал Д.А. Гурьеву о представлении к золотой медали “За полезное” на алой ленте проскуровского купца 1-й гильдии Лейбера Берковича “за усердие, оказанное им в деле, учиненном еврейским сословием Подольской губернии, пожертвования”. Об этом же сообщается в ноябре 1813 г. подольским гражданским губернатором главнокомандующему в столице генералу от инфантерии гр. С.К. Вязьмитинову. А в сентябре—ноябре 1813 г. “за пожертвования для армии” золотую медаль “За усердие” на алой ленте получил бердичевский купец Рувин Рубенштейн. Медалью такого же достоинства за пожертвования “в пользу казны” в феврале—апреле 1814 г. был награжден виленский купец Слуцкий.

Однако наиболее значительно еврейское население отличилось в сфере снабжения русской армии и госпиталей различными продуктами и товарами, хотя историки практически почему-то не касаются этой темы. Попробуем восполнить этот пробел. Еще в мае—июне 1812 г. по письму М.Б. Барклая де Толли Д.А. Гурьеву слонимский купец 2-й гильдии Гиллер получил золотую медаль “За усердие” на алой ленте “за особенную исправность его по продовольствию припасами Слонимского военного госпиталя”.

На поприще поставок товаров для отечественной армии выдвинулись два известных представителя российского еврейства начала XIX в. — Зундель Зонненберг (из г. Гродно) и Лейзер Диллон (из г. Несвиж). В 1812—1813 гг. эти штабланы находились при императорской главной квартире в качестве “депутатов от еврейского народа” (или “от кагалов”), координируя деятельность еврейского населения оккупированных земель по оказанию помощи войскам. Через своих агентов на местах они исполняли различные поручения Александра I, касающиеся обеспечения армейских фор-

мирований, а также являлись посредниками между верховной властью и еврейским народом, сообщая необходимые инструкции и указания, информируя о намерениях правительства, организовывая сбор пожертвований от евреев и т.д. Вместе с тем “депутаты”, пользуясь близостью к императору, приложили немало усилий, чтобы добиться облегчения положения народа, которое значительно ухудшилось к началу войны. Например, в 1813 г. З. Зонненберг лично представил Александру I записку, в которой содержался целый пакет предложений о расширении прав российских евреев. По словам Л. Диллона, царь обещал рассмотреть эти просьбы, но записка так и не получила движения. Во время военных действий против французов Зонненберг и Диллон получают от начальника главного штаба Е.И.В. генерала кн. П.М. Волконского похвальные листы, что свидетельствовало о справедливой оценке командованием их услуг. А в периодграничных походов русской армии 1813–1814 гг., поддержанных Пруссией и Австрией и завершившихся разгромом французов и подписанием в Париже в 1814 г. мирного договора, они сопровождали главную квартиру и за пределами России. Имеются сведения, что Александр I, проезжая Несвиж, остановился именно у Диллона, а когда впоследствии предприниматель по доносу был заключен в тюрьму, император приказал отпустить его на свободу. 29 июня 1814 г. “депутаты” имели аудиенцию у Александра I в г. Брухзаль (Баденское герцогство). Император выразил “еврейским кагалам свое милостивейшее расположение” и приказал, “чтобы та же депутация или подобная отправилась в Санкт-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно современного улучшения их положения”. Видимо, русский монарх, находясь под впечатлением вестей о патриотическом настроении иудеев России, тогда был склонен к улучшению их жизни. (В январе 1817 г. оба “депутата” вновь встречались с царем, после чего тот дал обещание послать чиновника расследовать обвинения в ритуальных преступлениях, неправомерно возбужденные против некоторых еврейских общин местными властями²⁹.) За военные заслуги оба “еврейских депутата” были удостоены правительственных наград. В июле 1813 г. состоялось представление несвижского купца Л. Диллона к награждению от генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли и генерала от артиллерии гр. А.А. Аракчеева (Комиссариат инспектора по артиллерии). Как следует из письма управляющего Военным министерством генерал-

лейтенанта кн. А.И. Горчакова министру финансов Д.А. Гурьеву, “депутат”-предприниматель “за исправную перевозку из Юрбурга и Таурогена в Плоцк артиллерийских снарядов весом до 25 тысяч пудов” получил золотую медаль “За усердие” на алой ленте. Гродненский же “обыватель” и “депутат еврейских кагалов” З. Зонненберг за участие в Отечественной войне был награжден дважды – в 1814 и 1819 гг. медалями “За усердие” на Аннинской и Александровской лентах.

Среди лиц, по свидетельству которых награждались евреи, встречается имя наследника престола Великого князя Константина Павловича. Об этом говорится, к примеру, в письме военного министра М.Б. Барклая де Толли Д.А. Гурьеву: в июне–июле 1812 г. серебряными медалями “За усердие” на красных лентах удостоиваются кагалльные члены мест. Видзы Виленской губ. Йосель Салит и Вульф Рапопорт. В январе 1813 г. по представлению Великого князя и письму кн. А.И. Горчакова Д.А. Гурьеву серебряными медалями “За полезное” на алых лентах были награждены жители того же местечка Жизко Розенберг и Зельм Ванштейн (впоследствии Ж. Розенберг получил еще золотую медаль “За усердие” на Аннинской ленте). А в июне – июле 1814 г. “находящиеся при Его Императорском Высочестве цесаревиче Константине Павловиче” динабургский мещанин Зальм Маусович и виленский житель Моисей Амсеевич получили золотые медали “За усердие” на алых лентах (причем в представлении сказано, что “серебряные медали они уже имеют”). Все вышеперечисленные люди были награждены за ревностное выполнение различных поручений и услуг в продолжение военной кампании 1812–1814 гг.

Приведем еще несколько интересных примеров награждения евреев. В письме генерал-фельдмаршала гр. М.Б. Барклая де Толли министру финансов Д.А. Гурьеву из г. Варшавы (сентябрь 1814 г.) говорится о пожаловании ковенскому жителю Рубину Фрембергу серебряной медали “За полезное” на Аннинской ленте “за бескорыстное доставление войскам разных жизненных вещей и припасов”. В 1814 г. дважды – серебряной и золотой медалями “За усердие” на Аннинской и Александровской лентах – награждался гродненский купец Шлиом Ионус за исполнение различных поручений по армии.

Такую же золотую медаль на Александровской ленте получил в 1814 г. витебский купец и городской голова Бейниш Лапковский “за отличное усердие и особенные заслуги”. В начале 1819 г. в числе пяти избранных от кагалов представителей (среди которых находились Л. Диллон и З. Зонненберг) он был высочай-

ше утвержден членом совещательной коллегии “еврейских депутатов” при Министерстве духовных дел и народного просвещения, которое возглавлял личный друг Александра I кн. А.Н. Голицын. Тогда же, в январе, он награждается второй медалью более высокого достоинства. В документе, где описывались его заслуги, говорилось: “В 1812 году разведывал о неприятеле и участвовал в захвачении в Бабиновичах французского префекта с бумагами, причем от раны лишился употребления руки”. Так как первая его медаль была на алой ленте, то следующая — на голубой. Скорее всего, именно о его подвиге рассказывает в своих мемуарах С.Г. Волконский, состоявший некоторое время дежурным штаб-офицером при партизанском отряде генерал-адъютанта бар. Ф.Ф. Винценгероде. По воспоминаниям офицера, некий “безымянный” еврей с группой товарищей доставили русским захваченного французского кабинет-курьера, ехавшего к Наполеону из Парижа, который вместе с депешами был отправлен в столицу. Но поскольку территория, где проживал смелый еврей, была оккупирована, Волконский содержал его при себе до тех пор, пока его местечко под Витебском не было освобождено при отступлении французов³⁰.

В декабре 1816 г. Комитет министров рассмотрел записку военного министра по представлению белорусского военного губернатора герцога А. Вюртембергского о награждении витебского купца 2-й гильдии Рабиновича золотой медалью “За усердие” на голубой ленте. Купец проявил “усердие, по изгнании из Витебской губернии неприятеля, по случаю продовольствия больниц и постройке в короткое время белья и прочаго с возможною против цен уступкою”. В январе следующего года он был пожалован такой медалью, правда, на Аннинской ленте. В январе 1817 г. по представлению генерал-фельдмаршала гр. М.Б. Барклая де Толли серебряные медали “За усердие” на Аннинских лентах получили бобруйские купцы 1-й гильдии братья Лейба и Хаим Кацнельсоны с общей формулировкой: “за отличное усердие, оказанное ими в пользу казны в продолжение нескольких лет”.

Пожалуй, стоит упомянуть еще об одном факте награждения еврея военным командованием, но не в связи с боевыми действиями, а с событием криминального характера. В мае 1815 г. из г. Дрездена в столицу поступило представление генерал-фельдмаршала гр. М.Б. Барклая де Толли, в котором отмечалось: “По возникшим в польских наших губерниях злоупотреблениям на счет ввоза в оные фальшивых ассигнаций и вывоза оттуда серебряной монеты я посылал для открытия сего злоупотребления адъ-

ютанта моего... и кишиневского купца Израиля Гехта. Сию порученность исполнили они с отличным усердием и расторопностью, открыв многие следы такового злоупотребления; в воздаяние чего я осмеливаюсь всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество всемилостивейше пожаловать купцу Гехту серебряную медаль на алой ленте”. Это представление поступило к императору вместе с письмом управляющего Военным министерством кн. А.И. Горчакова и уже вскоре, в июне того же года, бессарабский купец И. Гехт получает медаль “За усердие” на Аннинской ленте. Следует заметить, что первый зафиксированный случай награждения еврея за помощь властям в соблюдении законности и порядка относится к ноябрю 1810 г. Тогда серебряной медалью “За усердие” на Аннинской ленте был пожалован житель Санкт-Петербурга, уроженец г. Житомира Вайтман “за спешествование здешней полиции к открытию и поимке воров”. Таким образом, местная администрация использовала обширные связи евреев в разных социальных слоях населения, и это зачастую приводило к желаемому результату.

Последний факт награждения иудея за заслуги в Отечественной войне 1812 г. зафиксирован нами в марте—апреле 1820 г., то есть спустя 5 лет после окончания военных действий в Европе, но повод для него является весьма примечательным. Как следует из представления, “за оказанные в прошедшую (Отечественную) войну услуги и за успешное исполнение сделанных ему ныне секретных поручений” к золотой медали “За усердие” на Александровской ленте был представлен ковенский житель Берка Нейман. Документ уточняет характер выполненного мещанином задания — по свидетельству командующего армией генерала от инфантерии Ф.В. Сакена, тот “находился агентом при высшей военной полиции... в Москве во время нахождения французов”. Это еще одно важное подтверждение участия евреев в войне 1812 г. в качестве разведчиков-информаторов. Надо сказать, что для Б. Неймана это была уже вторая награда. Сразу после завершения военной кампании он получил серебряную медаль “За усердие” на Аннинской ленте, что говорит о его выдающихся заслугах.

Интересно, что иногда инициатива награждения исходила не от вышестоящего начальства, а от самого претендента. Например, в октябре 1817 г. санкт-петербургский военный губернатор генерал от инфантерии гр. С.К. Вязьмитинов писал следующее: “Господин статс-секретарь В.Р. Марченко сообщил мне, что Государь император, рассмотрев всеподданнейшую просьбу Волынской губернии Луцкого повета мещанина Лейбы Ицковича Верницкого

о награждении его за оказанные им услуги в последнюю кампанию, пожаловал ему серебряную медаль на Аннинской ленте”.

Особо следует выделить случай вручения 2 мая 1815 г. российской награды еврею — подданному иностранной державы. Как известно, в конце зимы — начале весны 1815 г. Наполеон покинул о.Эльбу, куда был сослан после отречения, и, воспользовавшись распрями внутри коалиции держав-победителей (между Англией, Австрией и примкнувшей к ним Францией, с одной стороны, и Россией и Пруссией — с другой), внезапно высадился с отрядом во Франции. Началась новая военная кампания, поначалу успешная для Бонапарта, вознамерившегося вернуть трон. Александр I в это время находился в Австрии, где проходил весьма представительный международный Венский конгресс. Выступление французов вынудило бывших соперников вновь сплотиться и в конце концов добиться окончательной победы над мятежным императором. Противостояние вооруженных сил европейской коалиции и наполеоновской армии привело к многочисленным жертвам с обеих сторон. Видимо, большое число раненых насчитывалось и среди солдат-евреев, участвовавших в военных действиях в составе союзных армий. Этот факт не ускользнул от внимания русского монарха, возглавившего новое наступление на Париж. Об этом свидетельствует следующее его представление о награждении в самый разгар военной кампании 1815 г.: “Государь император, приняв в уважение свидетельства Австрийского министерства об услугах, оказанных главным смотрителем Еврейского госпиталя Ошером Матцелем больным и раненым военнослужащим, состоящим во оном госпитале во время войны 1815 года, и желая вознаградить таковое его усердие, всемилостивейше изволил пожаловать ему золотую медаль для ношения на шее на красной ленте”.

Подводя черту под военным периодом, заметим, что приведенные нами данные далеко не исчерпывают всех случаев награждения. В нашем распоряжении имеются сведения о награждении евреев без указания их конкретных действий. Среди награжденных медалью “За усердие” различного достоинства — купец Гиршик Мошкович, юрбургский житель Меер Марковский, дисненский бургомистр Маркус, купец Авраам Ланзер, виленский купец 1-й гильдии Завель Германз, копысский купец Ноткин, дриссенский мещанин Ицых Алтшулер, виленский житель Закс (впоследствии получивший медаль “За усердную службу”), гродненские купцы Мовша и Абель Рабиновичи, радзивилловские жители — купец 3-й гильдии Меер и мещанин Хаим Заксы,

жители мест. Меречь Виленской губ. Гирш Горд и Азик Шавелиович, купец Шмуль Левенсон, брестские жители Лейзер Рубенштейн и Абрам Венигрид и другие. А в списке награжденных разными вариантами медали “За полезное” — житель мест. Видзы Виленской губ. Лазарь Манделович, виленский житель Моисей Амсевич (позднее получивший медаль “За усердие”) и другие.

Окончилась война, и народы России стали восстанавливать разрушенное хозяйство, в том числе особенно пострадавшие в кровопролитных боях западные губернии. Исторические источники показывают, что среди населения этого края отличились и евреи. Еще до окончательной победы над Наполеоном, в ноябре 1814 г., по письму Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора гр. С.К. Вязьмигина в Кабинет Е.И.В. “за доставление казне значительных выгод при разных постройках, торгах и подрядах” золотой медалью “За усердие” на голубой ленте был награжден радомысльский купец Берко Абрамов. В январе 1827 г. такую медаль на Аннинской ленте получил ратман Виленской городской думы Карнер “за содействие к умножению акциза с питейного сбора в г. Вильне”. Обладателями золотых медалей “За усердие” на Аннинской ленте стали виленские евреи — кагальный Шолом Иструх, содержатель почтовых станций по Гродненскому тракту Абрам Лейбович, а также мещанин Ковенского уезда Шендер Яновский (апрель 1832 г.), уманский купец 3-й гильдии Ковка Гросман (август 1832 г.), могилевский купец 1-й гильдии Шмерк Лурье “в награду услуг, оказанных при постройке... Кенигсбергского шоссе” (февраль 1838 г.), и другие.

В ряду лиц, в разное время награжденных серебряной медалью “За усердие” на Аннинской ленте, можно выделить некоего еврея Дозорцева. В выписке о представлении к награде (декабрь 1821 г.) говорилось следующее: “Бывшим в употреблении миссии нашей, отправлявшейся в Бухарию в 1820 г., чиновнику 14 класса Черкасову — табакерка золотая, а еврею Дозорцеву — серебряная медаль...” Подобную медаль в феврале 1844 г. получил городищенский купеческий сын Иосиф Арнштейн “за произведение без платы работ для Киевского института благородных девиц на сумму 27.900 рублей и вообще за оказанное им усердие и полезные действия”. Этот список можно продолжать.

Еще большее число иудеев было поощрено правительством медалью “За полезное” разного достоинства. В марте—апреле 1815 г. золотые медали на голубых лентах получили одесский купец 1-й гильдии Янкель Рабинович и кагальный член тульчинской об-

щины Даниель-Мейер Розенблом, а на алых лентах — брацлавский купец 3-й гильдии Хаймович и карасубазарский купец 2-й гильдии Берлин. О последнем из них стоит сказать особо, ведь в общей сложности он награждался три раза. Впервые этот предприниматель получил золотую медаль “За усердие” на Аннинской ленте в январе 1812 г. “за полезные труды Феодосийскому краю по разным вопросам промышленности”, а свою третью награду — золотую медаль “За полезное” — 1819 г. Вот строки из представления к награждению: “В 1817 г. исправил он за 9 тысяч рублей пристань Феодосийского карантина, и покуда как никто не брал дешевле 14900 рублей. Имеет медали на Аннинской и Александровской лентах. Представляется к медали на Владимирской ленте”.

В январе 1820 г. золотую медаль “За полезное” на Аннинской ленте получает екатеринославский купец 3-й гильдии Трояновский “за содержание почтовых станций в Екатеринославе и других местах с пользой для казны”. В декабре 1826 — январе 1827 гг. правительство наградило медалями за различные “полезные занятия” группу купцов 1-й гильдии, в их числе оказался виленский купец Соломон Гейман (золотая медаль “За полезное” на Владимирской ленте). Такую же медаль в июле 1833 г. получил Берхзон Вакзоп “за соревнование, способствовавшее к умножению при последней отдаче с публичного торга так называемой классической лотереи в Варшаве казенного дохода”. Приведем еще несколько интересных примеров награждения медалью “За полезное” в разное время. Минский купец 2-й гильдии Аарон Люрье “за благотворительные поступки, неоднократно оказываемые на пользу Минской еврейской больницы”, получил золотую медаль на Аннинской ленте (июнь 1833 г.); нижеудинский купец 2-й гильдии “из евреев” Моисей Исаев, “иначе Мовша Ицкин Прейсман”, подобную награду получил “за сделанные в пользу учебных заведений пожертвования” (февраль 1841 г.); гродненский житель Зиммель Нохимович такую же медаль получил “за принесенную тамошнему краю пользу устройением типографии и приведением в возможное совершенство словолитного искусства” (август 1843 г.).

Трижды удостоивался правительственных наград известный в еврейских интеллигентских кругах Яков Тугендгольд, который еще в первой четверти XIX в., будучи молодым варшавским учителем, выразил настроение евреев, стремившихся приобщиться к культуре христианских народов и выступавших за допуск “просвещенных” иудеев на государственную службу. Одновременно

он выступил с научными возражениями против распространенной в обществе лжи об употреблении христианской крови евреями (так называемого “кровавого навета”), против усиления юдофобии³¹. Неудивительно, что Я. Тугендгольд как подготовленный и образованный человек был привлечен к работе по проверке старопечатной еврейской литературы в доцензурных изданиях XVI—XVIII вв. (николаевские власти заботила мысль о бесконтрольности существования типографий, печатавших еврейские книги), и его деятельность на цензурской должности и активная общественная работа были оценены правительством золотыми наградами. В марте 1834 г. он получает медаль “За усердную службу” на Аннинской ленте за “рассмотрение еврейских сочинений при виленском цензурном комитете”; в декабре 1837 г. и апреле 1844 г. Тугендгольду вручают медали “За полезное” на Аннинской и Владимирской лентах за работу в цензурном комитете для рассмотрения еврейских книг в Варшаве, различные бесплатные услуги, а также за пожертвования в пользу благотворительного общества варшавского еврейского приюта. Заметим, что довольно весомым поводом для представления к награде различных лиц в самых разнообразных сферах деятельности, определяющим в конечном счете утверждение его правительством, была “польза” для государственной казны, то есть деятельность, принесшая большие финансовые и материальные выгоды стране. Именно это общее место проходит красной нитью через большинство проанализированных источников, и именно эта формула содержится во многих наградных представлениях или утверждениях.

Специфической и немногочисленной категорией еврейского населения Российской империи, распределенного в основном по сословиям мещан, купцов и ремесленников, были земледельцы-колонисты, проживавшие на казенных и частных землях. За успехи в сельском хозяйстве некоторые из них были удостоены наград, что само по себе развеивает бытовавший тогда миф о полной неспособности евреев к аграрному труду. В феврале 1863 г. министерство государственных имуществ утвердило новые правила о награждении евреев-земледельцев за успешное ведение хозяйства премиями в 200, 100 и 50 руб. из процентов с капитала (в 10 тыс. руб.), пожертвованного почетным гражданином Е. Гинцбургом. 24 еврейских колониста Херсонской губернии сразу же получили премии разного размера³². Известны также случаи награждения евреев-колонистов медалями. “Высочайше утвержденными правилами о рекрутской повинности евреев земледельцев,

поселенных по распоряжению Правительства на казенных землях Херсонской губернии, и о лучшем устройстве их водворения” от 24 июля 1829 г. (ч. V “О наградах, предоставляемых евреям, отличившимся в сельском хозяйстве”, параграфы 27–29) определялся порядок награждения особо успешных колонистов серебряными медалями на синих (то есть ордена Белого Орла) лентах³³. Вследствие этого законоположения в ноябре 1831 г. медали “За полезное” получили четверо сельских старшин херсонских еврейских колоний — Клемперт, Халам, Чаусовский и Бейнисов.

Положение о награждении наиболее отличившихся в земледелии, скотоводстве и садоводстве евреев-колонистов (поселенных как на казенных, так и на владельческих и собственных землях) серебряными и золотыми медалями содержится также в высочайше утвержденном 4 ноября 1837 г. мнении Государственного совета “Об управлении еврейскими колониями, в Херсонской губернии находящимися” (п. 13)³⁴ и “Высочайше утвержденном положении о евреях-земледельцах” от 26 декабря 1844 г. (разд. I, п. 47, 48; разд. II, п. 78)³⁵. Последнее из них распространяло правила о наградах, установленных для поощрения государственных крестьян, в той же мере и на евреев.

“Положение о евреях”, утвержденное Николаем I 13 апреля 1835 г., ввело в практику юридическую норму награждения медалями раввинов, получивших почетные права купцов 1-й гильдии и после того “безпорочно” выполнявших свои обязанности не менее 9 лет (гл. V “О делах веры и обрядах”, § 98–99)³⁶. Нам известны факты вручения наград проживавшим в херсонских колониях раввинам. Так, в 1859 г. получили золотые и серебряные медали на Станиславской ленте “за твердое знание догматов веры и за добрые качества” Драпкин (кол. Израилевка), Лавут (кол. Романовка), Слинин (кол. Б. и М. Нагартавы) и Сырот (кол. Эфенгар), а в 1863 г. золотой медалью были награждены раввины Вундер, Зусман и Хейвиц³⁷.

В 1849 г. в кол. Б. Нагартав Херсонского у. была открыта первая и единственная в херсонских колониях лечебница, средства на которую (3125 руб.) пожертвовал одесский купец 1-й гильдии Хаим Ефруси. За этот поступок Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России ходатайствовал о возведении купца в потомственные почетные граждане, и это ходатайство поддержал новороссийский генерал-губернатор гр. М.С. Воронцов. Однако руководитель Министерства финансов гр. Ф.П. Вронченко воспротивился представлению, в результате чего Х. Ефруси получил только золотую медаль (видимо, “За

полезное”), имевшую статус ниже потомственного почетного гражданства³⁸.

Для лиц всех сословий в России за спасение людей во время пожаров, стихийных бедствий, утративших и т.п. с 1809 г. существовала особая награда — медаль “За спасение погибавших”. С апреля 1828 г. в правление Николая I медалями с такой надписью (золотыми и серебряными, шейными и нагрудными) стали награждать вместо медалей “За спасение человечества”³⁹. По архивным документам нам известно о награждении евреев в николаевскую эпоху только серебряными нагрудными медалями на Владимирской ленте, которые выдавали из Кабинета Е.И.В. с общей формулировкой: “за человеколюбивые подвиги, оказанные при спасении утративших людей и во время пожаров”. Например, в ноябре 1833 г. такую медаль получил житель мест. Берестечко Хаскель Скульский, в июне 1834 г. — бахмутский мещанин Давид Самойлов, в ноябре 1838 г. — дисненский житель Гирш Данхио, в декабре 1839 г. — могилевский мещанин Мордух Фарбер, в июне 1840 г. — невельский мещанин Гирш Хракунович, в октябре 1840 г. — житомирский мещанин Моше-Пейсах Гильбурд, в октябре 1842 г. — музыкант Пехотного генерал-фельдмаршала герцога Веллингтона полка Зельман Белый, в феврале 1844 г. — бобруйский мещанин Морша Евна. А вот наиболее ранний зафиксированный нами случай поощрения такой медалью евреев за героизм, проявленный в мирное время. В августе 1830 г. серебряной медалью на Владимирской ленте был награжден витебский мещанин Симанович “за спасение от потопления в р. Двине малолетнего мальчика”. К слову, известно множество фактов обратного порядка, то есть представления к медали христиан, спасших иудеев, которым грозила смерть; причем подавляющее большинство награжденных — военнослужащие.

Велика заслуга российских евреев в деле борьбы с многочисленными эпидемиями. О некоторых лицах, жертвовавших деньги на устройство больниц и поставлявших товары и продукты в госпитали, уже говорилось выше. К этому можно добавить следующие факты. В декабре 1836 г. золотой медалью “За усердную службу” на Аннинской ленте был награжден староста мстиславских еврейских больниц и богаделен Лейтес, а в декабре 1838 г. такую же награду получил попечитель одесской еврейской больницы купец 1-й гильдии Незгурицер. “За услуги и пожертвования во время свирепствовавшей болезни холеры в г. Николаеве” в сентябре 1831 г. золотой медалью “За усердие” на Аннинской ленте наградили одесского купца Рафаловича. “За отличную пре-

данность к престолу и Отечеству и за человеколюбивые его подвиги, оказанные во время бывшего в г. Пинске возмущения и существовавшей там болезни холеры” в октябре 1831 г. золотую медаль “За усердие” на Андреевской ленте получил пинский купец 1-й гильдии Шевель Левин. “За содействие к прекращению в Вильне между евреями болезни холеры” такой же золотой медали на Александровской ленте был удостоен в январе 1832 г. купец Гирша Клячко. Наконец, в декабре 1843 г. попечитель Одесской еврейской больницы купец Биллиг получил золотую медаль “За усердие” на Владимирской ленте. В 1822 г. прошло совместное награждение двух лиц — иудея и христианина: “в вознаграждение отличной деятельности и особенного усердия в прекращении бывшей в 1819 г. в Бессарабской области моровой язвы”. Золотую медаль “За полезное” на Аннинской ленте и серебряную медаль получили атакский купец-еврей Юкель Черкез и дворник с. Плотвы Н. Рожка соответственно. В феврале 1826 г. был представлен, а в июле 1827 г. получил серебряную медаль “За полезное” на Аннинской ленте “комиссар, наряженный от общества для наблюдения и продовольствия жителей” Мордко Гриденер; он состоял в числе “купцов, содействовавших в истреблении чумы, бывшей в Измаиле”.

В России существовали медали, специально отчеканенные в качестве награды за заслуги в области медицины. Одна из них — “За прививание оспы” — была учреждена в феврале 1826 г. Николаем I. Золотыми и серебряными медалями для ношения в петлице на груди награждали наиболее отличившихся прививальщиков оспы в губерниях по спискам, утвержденным царем⁴⁰. Большое количество этих наград получили и евреи. Так, в декабре 1858 г. обладателями серебряных медалей стали невеликий мещанин Янкель Ерохов, полоцкий мещанин Ицка Левман, мастера цирюльничьих цехов Подольского уезда Подольской губ. Герш-Бер Гольденберг и Проскуровского уезда — Иойла Рейзин и Иось Беншток⁴¹.

Еще одна медаль, которую получили большое число иудеев — “За прекращение чумы в Одессе”. Она была учреждена в апреле 1838 г. повелением Николая I для награждения лиц, оказавших действительную помощь и отличившихся во время борьбы с чумой в г. Одессе в 1837 г., по спискам, представленным в Военное министерство новороссийским генерал-губернатором гр. М.С. Воронцовым и утвержденным императором. Золотыми медалями для ношения в петлице на груди награждали офицеров, купцов, врачей и медицинских чиновников, а серебряными — канцелярис-

тов, урядников, фельдшеров и мещан⁴². Причиной возникновения эпидемии чумы в Одессе стало, по свидетельству современников, несоблюдение карантина по рекам Днестр, Прут и Дунай из-за внутреннего беспорядка и контрабандной торговли, на которую закрывали глаза чиновники и солдаты карантинной стражи. Как следствие халатности местных властей болезнь проникла из местностей, занятых турками, в южнорусский регион, причем возникла реальная угроза дальнейшего ее распространения внутри российской территории. Осуществление противоэпидемических мероприятий явилось плодом совместных усилий многих людей, умело направляемых новороссийским администратором М.С. Воронцовым⁴³. Многочисленное еврейское население города-порта, естественно, приняло самое активное участие в подавлении вспышки чумы. Большое число евреев в знак признания их заслуг удостоились наград. Золотые медали «За прекращение чумы в Одессе» получили около 30 еврейских медиков и купцов 1-й и 3-й гильдий, серебряные — 15 еврейских фельдшеров и мещан. Интересно, что среди награжденных одесситов оказались уже упомянутые купцы Биллиг и Рафалович.

В заключение остановимся на вопросе использования еврейского населения в интересах Российской империи в периоды политических обострений на польско-литовских землях. В ноябре 1830 г. в Варшаве под влиянием парижской июльской революции вспыхнуло восстание за независимость, было образовано временное правительство, формировалась повстанческая армия. Поляки создали сейм, низложивший династию Романовых, и потребовали присоединения к Польше Литвы и ряда западных земель, когда-то принадлежавших Речи Посполитой. Первоначально восставшим сопутствовал успех. Однако силы были слишком неравны, и в августе 1831 г. с помощью русских войск польское национально-освободительное движение было подавлено. Еврейское население Литвы, в отличие от евреев Варшавы, находилось в стороне от восстания и даже проявляло сочувствие русским властям. Кое-где были зафиксированы случаи кровавой расправы поляков с евреями, поддержавшими российского монарха. Даже проникнутый юдофобством Николай I во время путешествия по западным губерниям выразил представителям еврейских общин свою благодарность за верность престолу, проявленную евреями во время польского мятежа⁴⁴. Российская администрация умело использовала антипольские настроения еврейского населения; за выполнение ее различных поручений и услуг ряд иудеев были награждены медалями.

Следует отметить, что за свои услуги в 1830–1831 гг. они получали исключительно медаль “За усердие” различного достоинства. Так, в ноябре 1831 г. награды получили следующие лица: золотую медаль на Аннинской ленте – бургомистр могилевского городского магистрата купец 3-й гильдии Кива Лурье и могилевский пробирмейстер Гирш Гуревич “за отлично-усердное исполнение ими разных поручений во время бывших беспорядков в Литовских губерниях”; мещанин мест. Бранск Белостокской области Шмуль Львов “за особенное усердие в доставлении во время командования генерал-адъютанта Головина авангардом 6-го пехотного корпуса сведений о неприятеле и о намерениях жителей, где авангард находился”; серебряную медаль на Аннинской ленте – мещанин мест. Плуңгяны Виленской губ. Янкель Прейден “за усердие, оказанное им по разным поручениям во время действий против польских мятежников”. В июле 1832 г. россиенский купец 3-й гильдии Йосель Блюмберг награждается золотой медалью на Аннинской ленте “за усердие, оказанное им во время бывшего в Россиенском уезде Виленской губернии мятежа”. А вот весьма необычный пример награждения медалью “За усердие”. В октябре 1832 г. серебряные награды на Георгиевских (редчайший случай!) лентах получили “участвовавшие при разыскании шайки бунтовщиков во время бывших в Литве беспорядков и получившие при том раны” житель-немец мест. Плуңгяны Х. Лихтвейс и мещане-евреи того же местечка Нохим Гиршович, Лейба Вульфович и Берель Лейбович. “За ревностное исполнение разных поручений генерал-майора Ширмана во время действий против польских мятежников” серебряной медали на Аннинской ленте был удостоен в декабре 1832 г. Мозес Иоселиович, житель мест. Утяг Вилькомирского уезда. В феврале 1833 г. награды получили двое иудеев: яacobитский купец 2-й гильдии Иовель Иовелев – золотую медаль на Аннинской ленте “за усердие, оказанное им при перевозке продовольственных припасов для следовавшей в 1831 году левой колонны Гвардейского корпуса к границам Царства Польского” и белостокский житель Иовель-Шмуль Дхуд Гольд – серебряную медаль на Аннинской ленте “за особенную верность и усердие и расторопность” во время нахождения при 6-м пехотном корпусе, действовавшем против мятежников.

В 1863 г. началось новое восстание в Польше, Литве и Западной Белоруссии. Вооруженная борьба развернулась в Царстве Польском в январе этого года. Ее участники, отвергнув предложенные Александром II умеренные реформы, потребовали полной независимости от России в старых границах, гражданского

равноправия и наделения крестьян землей. Но и на этот раз восстание было жестоко подавлено: осенью 1864 г. были разгромлены последние повстанческие отряды. После подавления мятежа военной силой были ликвидированы остатки польской свободы. Русское правительство использовало преданных ему евреев для сбора агентурной информации, а наиболее активные из них были поощрены наградами. Например, в феврале 1864 г. серебряной медалью “За усердие” для ношения в петлице на Станиславской ленте “за преданность к законному правительству” пожаловали некоего еврея Клемберка, который, как следует из представления, “с начала открытия военных действий в Царстве Польском доставлял отрядным начальникам сведения о движениях мятежников”⁴⁵.

В целом по архивным источникам зафиксировано более 90 награждений иудеев медалью “За усердие” и около 40 — медалью “За полезное”. Естественно, в рамках одной статьи невозможно упомянуть всех евреев, награжденных за различные заслуги медалями (ордена иудеям не вручались). Мы приводим информацию в сильно сжатом виде, а более полный вариант собранного материала — дело будущего, надеемся недалекого. И еще одно соображение, которое нельзя обойти вниманием. Награды получали, как правило, лица за особые заслуги, действия крупномасштабного характера и большой значимости. Поэтому как бы в стороне остались сотни и тысячи других евреев — купцов и мещан, чей труд не был отмечен медалями. Но от этого их заслуги не стали менее весомыми, так как их деятельность была направлена в конечном счете на улучшение экономики и обороноспособности Российского государства, подданными которого сотни тысяч евреев стали с конца XVIII в. Объединенные их усилия в этом направлении — и есть тот вклад еврейского народа в развитие России, информация о котором слишком долго замалчивалась. Сегодня она должна стать достоянием научной общественности.

---

¹ При подготовке данной работы были использованы следующие архивные материалы: Российский государственный исторический архив (РГИА) — ф. 468 “Кабинет Е.И.В.”, ф. 496 “Капитул российских императорских и царских орденов”, ф. 1162 “Государственная канцелярия”, ф. 1263 “Комитет министров”, ф. 1282 “Канцелярия Министерства внутренних дел”, ф. 1329 “Именные указы и высочайшие повеления Сенату”, ф. 1330 “Общие собрания департаментов Сената”, ф. 1398 “Всеподданнейшие доклады и рапорты Сената”, ф. 1409 “Собственная Е.И.В. канцелярия” и др.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) — ф. ВУА (военно-ученый

архив Главного штаба), ф. 1 и 29 “Канцелярия Военного министерства”, ф. 31 “Инспекторский департамент Главного штаба”, ф. 35 “Канцелярия Главного штаба Е.И.В.”, ф. 103 “Барклай де Толли М.Б.”, ф. 470 “Война с Турцией 1806–1812 гг.”, ф. 474 “Отечественная война 1812 г. и кампания 1813–1814 гг.”, ф. 970 “Военно-походная канцелярия Е.И.В. при Императорской главной квартире” и др.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – ф. 11 “Переписка разных лиц”, ф. 20 “Дела военные”, ф. 248 “Сенат и его учреждения”, ф. 396 “Оружейная палата” и др.; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) – ф. 1 “Бахрушин А.П.”, ф. 160 “Материалы по истории войн 1812 г. и 1813–1814 гг.”, ф. 264 “Материалы по истории армии и войн России 18–19 вв.”, ф. 265 “Шукин П.И.”, ф. 440 “Забелин И.Е.”, ф. 445 “Чертковы”, ф. 450 “Барсов Е.В.” и др.

² Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи XIX–XX веков: Каталог. М., 1996. С.12; *он же.* Наградные медали России второй половины XVIII столетия. М., 1999. С.195–197.

³ РГАДА, ф. 1239 (Дворцовый отдел), оп. 3, ч. 111, д. 55352. л. 1.

⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 28. № 21547. С. 736.

⁵ Там же. Т. 29. № 22389.

⁶ См.: *Гинзбург С.М.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 37.

⁷ РГВИА, ф. 26 (Военно-походная канцелярия Е.И.В.), оп. 1/152, д. 297, л. 515-517об.; д. 336, л. 30–31.

⁸ Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи... С. 39.

⁹ См.: *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Указ. соч. С. 18.

¹¹ См.: Журналы Комитета министров: Царствование Александра I. 1802–1826 гг. СПб., 1888. Т. I. 1802–1810 гг. С. 425.

¹² Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Указ. соч. С. 22, 25–29.

¹³ См.: Журналы Комитета министров... Т. I. С. 427.

¹⁴ Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Указ. соч. С. 16.

¹⁵ Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Наградные медали России первой половины XIX века: Каталог. М., 1989. С. 60; *он же.* Наградные медали Российской империи... С. 64.

¹⁶ *Военский К.А.* Наполеон и борисовские евреи в 1812 г. // Военный сборник. 1906. № 9; *Берлин П.* Отечественная война и евреи // Новый Восход. 1911. № 29; *Борейский-Бергфельд Н.* Русские евреи в 1812 г. // Новый Восход. 1912. № 36; *Гинзбург С.М.* Из эпохи Отечественной войны // Пережитое. СПб., 1913. Т.4; *Шацкий Я.* Новые материалы об участии евреев в войне 1812 г. // Еврейская старина. СПб., 1914. Вып.3–4.

¹⁷ *Гинзбург С.М.* Отечественная война... С. 47, 70.

¹⁸ См.: *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 216–219.

¹⁹ *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 51, 125.

²⁰ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 68; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 124, 125; *Дудаков С.Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 42, 43.

²¹ См.: *Фельдман Д.З.* О патриотизме российских евреев в Отечественной войне 1812 года // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 116-124.

²² См.: *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982. С. 207; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 69, 70; *Дудаков С.Ю.* Указ. соч. С. 43.

²³ *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 73.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1865. Ч. 1. С. 258, 270, 271; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 76, 77; *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 227; *Дудаков С.Ю.* Указ. соч. С. 43.

²⁶ *Берлин П.* Указ. соч. С. 23, 24; *Дудаков С.Ю.* Указ. соч. С. 44.

²⁷ *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в южную Россию. СПб., 1863. Ч. 2. С. 305.

²⁸ См.: *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 86.

²⁹ Подробнее о них см.: *Голицын Н.Н.* История русского законодательства о евреях. 1649–1825. СПб., 1886. Т. 1. С. 590; *Дубнов Ш.* Судьбы евреев в России в эпоху западной “первой эмансипации” (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков: Сб. трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995. С. 309; *он же.* Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815–1848) // Там же. С. 332-334; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 85; *Маггид Д.Г.* К истории еврейских депутатов в царствование Александра I // Пережитое. СПб., 1913. Т. 4. С. 181-191; *Гессен Ю.* Депутаты еврейского народа” при Александре I: По архивным источникам // Еврейская старина. СПб., 1909. Вып. 3 (июль-сентябрь). С. 17-29; Вып. 4 (октябрь-декабрь). С. 196-206; *он же.* История еврейского народа... Т. 1. С. 176-182, 209; *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. С. 279–281, 283, 284, 286, 287, 292.

³⁰ См.: Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901. С. 174, 175; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 89, 90; *Дудаков С.Ю.* Указ. соч. С. 43.

³¹ *Дубнов Ш.* Евреи в России в эпоху европейской реакции... С. 401, 405.

³² *Никитин В.Н.* Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней, 1807–1887. СПб., 1887. С. 536, 537.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (ПСЗ-2). СПб., 1830. Т. 4. № 3034. С. 542.

³⁴ Там же. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 2. № 10668. С. 854.

³⁵ Там же. СПб., 1845. Т. 19. Отд. 1. № 18562. С. 914.

³⁶ Там же. СПб., 1836. Т. 10. Отд. 1. № 8054. С. 321.

³⁷ *Никитин В.Н.* Указ. соч. С. 508, 537.

³⁸ Там же. С. 366, 367.

³⁹ Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи... С. 105–107.

⁴⁰ Там же. С. 111, 112.

⁴¹ Санкг-Петербургские Сенатские ведомости. 30 декабря 1858 г. № 104. С. 1174, 1175.

⁴² Подробнее об учреждении и выдаче медалей см.: *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи... С. 130.

⁴³ *Захарова О.Ю.* “Генералы своих судеб”: М.С. Воронцов - генерал-губернатор Новороссийского края. М., 1998. С. 82–85.

⁴⁴ См.: *Дубнов Ш.* Евреи в России в эпоху европейской реакции... С. 361, 409.

⁴⁵ РГВИА, ф. 395, Инспекторский департамент Военного министерства, оп. 170, д. 21, л. 1-Зоб. См.: *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи... С. 146, 147.

Илья Хейфец

ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ИДИОМА И КОМПОЗИЦИОННАЯ ТЕХНИКА

*(на примере двух произведений
М.И. Глинки и М.П. Мусоргского)*

На заре еврейской этномузыкалогии духовный отец “Могучей кучки” Владимир Стасов писал Йоэлю Энгелю, готовившему к выходу в свет первое собрание еврейских народных мелодий (1904): “Я постоянно чувствовал, что есть большое опоздание в оценке еврейского вклада в историю и содержание новой европейской музыки. Примерно половина, или более того, всех грегорианских, амброзианских, армянских и других христианских мелодий имеют еврейские корни. Я думаю, что солидное исследование еврейских национальных мелодий может стать одним из краеугольных камней в изучении современной европейской музыки”¹.

Интуиция не обманула Стасова. Сегодня весь западный мир изучает историю европейской музыки по Дональду Дж. Грауту, который утверждает, что “самая ранняя музыка Западной церкви включила большое число еврейских элементов или прямо из древнееврейских напевов, или опосредованно — как уже адаптированные в различных раннехристианских центрах: Греции, Сирии, Египте и других регионах Востока”².

Иосиф Яссер, исследования которого признаны наиболее важным вкладом последних десятилетий в изучение русско-еврейских музыкальных связей, считает самым странным и труднообъяснимым парадоксом русской музыки наличие в ней очень большого количества тем из Ветхого Завета, причем не только в литургической, но также в полулитургической и даже в народной — феномен, крайне редкий для какой-либо другой народной музыки. Из работ Михаила Бражникова, другого видного исследователя древнерусского певческого искусства, известно, что с XII в. в музыкальных представлениях по всей

Илья Хейфец — композитор, доктор философии в области музыки. Израиль.

Руси очень часто использовались сюжеты Ветхого Завета, повествующие об Адаме, Каине, Иосифе, Моисее, Самсоне, Давиде и др., а содержание “Пещного действия” (с XVI в.) связано с Книгой Даниила. Это глубокое влияние продолжается до конца XVIII в., затем на короткий период времени ослабевает.

Однако речь идет не только о заимствовании сюжетов. Яссер показывает, что “мелодии из Иерусалима”, “вирши иудейские”, “струны иерусалимские”, часто упоминаемые в средневековых русских былинах, не были чисто поэтическими метафорами, а указывали на определенную часть древнееврейских мелодий, которые впитала средневековая русская музыкальная культура³.

В трудах Николая Успенского указывается, что “заморская музыка”, или “тонец из Иерусалима”, имела прямое отношение к музыкальной идиоме, возможно, связанной с игрой на гуслях, и что “существовал путь влияния на Киевскую Русь многожанровой литературы Ближнего Востока: Палестины, Сирии и других стран”⁴.

Израильский ученый Йоахим Браун считает, что “продолжение еврейской музыкальной традиции на территории (бывшего) СССР и ее связь с русской музыкой славянских регионов восходят по крайней мере к середине I тыс. н.э. До сего дня восточноевропейский канал музыкальной связи Палестина—Византия—славянские страны (Россия, Центральная Европа) недостаточно изучен историками”⁵.

Еще раз повторим, что следует различать воздействие библейских тем и сюжетов, так или иначе проявившееся в культуре всех христианских народов (включая русский), и конкретные элементы, воспринятые русской культурой из еврейской музыкальной традиции. Именно об этих (древнееврейских) элементах пишут в указанных работах И. Яссер и Й. Браун.

Новый этап взаимодействия двух культур начинается примерно со второй трети XIX в. и продолжается по сей день. Список лишь наиболее важных произведений русской художественной музыки XIX—XX вв., в которых использованы элементы еврейской фольклорной и литургической музыки, поражает не столько своей длиной, сколько наличием в нем имен композиторов — звезд первой величины: М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича⁶. Разумеется, удельный вес еврейской темы и еврейских музыкальных элементов в творчестве каждого из

названных композиторов различен: если у Мусоргского и Шостаковича он весьма значителен, то у Глинки или, к примеру, у Прокофьева есть лишь по одному “еврейскому” произведению. Однако характерно, что после Глинки “еврейские” сочинения создавались чуть ли не каждым русским композитором.

Взаимодействию между русской и еврейской музыкой и музыкантами в XIX–XX вв. был посвящен доклад американского музыковеда Б.Шварца на состоявшемся в 1978 г. в Израиле Всемирном конгрессе по еврейской музыке. В нем был сделан исторический обзор наиболее крупных явлений в этой области, связанных с именами А.Рубинштейна, А.Серова, М.Мусоргского (речь шла об их сочинениях в оперном и кантатно-ораториальном жанрах), даны эстетические характеристики соответствующих произведений. В докладе содержались также сведения о деятельности упомянутых композиторов (как, например, основание братьями Рубинштейн обеих русских столичных консерваторий) и ее оценка. Был затронут вопрос развития этого взаимодействия в советскую эпоху, особенно в произведениях Д.Шостаковича, связанных с еврейской темой, – в контексте антисемитской политики советского режима. Конкретному произведению Шостаковича – циклу песен “Из еврейской народной поэзии” посвящено исследование уже упоминавшегося Й.Брауна. В нем содержится целый ряд тонких наблюдений, как, например, указание на связь между принципами, культивировавшимися в русской художественной музыке, и традиционными чертами еврейского фольклора. Все это свидетельствует о том, что тема взаимодействия еврейской этнической и русской художественной музыки актуальна и активно развивается.

Однако в большинстве случаев эти исследования ведутся в историческом и эстетическом аспектах (Б.Шварц, М.Русс и др.). Это безусловно необходимый этап заполнения “белых пятен” в музыковедческой науке – ни для кого не секрет, что эта тема была закрыта для советской музыкологии⁷. Редким, но знаменательным исключением являются исследования Й.Брауна (в частности, упомянутое выше), где он выходит на этно-музыкологический уровень, сопоставляя и анализируя конкретные музыкальные элементы и структуры. Цель предлагаемой вниманию читателя статьи – на примере двух небольших произведений М. И. Глинки и М. П. Мусоргского попытаться проанализировать художественные средства, которые

применялись при использовании композиторами элементов этнической музыки восточноевропейских евреев, и эстетический результат такого использования. При этом не так важна степень точности воспроизведения этих элементов. Ведь адресат композитора, привносящего элементы этнической музыки в художественное произведение, — слушатель, воспитанный в европейской культурной традиции, восприимчивый к ее эстетике и средствам воздействия. Он не знаком с конкретной этнической традицией, поэтому может не оценить глубокого в нее погружения и просто не понять его в рамках конкретного музыкального художественного произведения⁸. Поэтому естественно, что этнический “росток”, пересаженный на иную музыкальную почву, должен развиваться в соответствии с новыми условиями. Исходя из этого мы должны различать: 1) подлинные элементы еврейской этнической музыки и 2) еврейскую музыкальную идиому — музыкальный символ еврейства, несущий ту или иную эстетическую и содержательную нагрузку. Такая идиомы может включать большее или меньшее количество этнических элементов (разумеется, сам факт их присутствия необходим для идентификации), при этом степень их концентрации, выбор конкретного источника и способ использования будут зависеть от чуткости и эстетических задач композитора. Поэтому еврейская идиомы (как и любая другая) может быть многоликой, но обязана оставаться узнаваемой.

Поскольку и М.И.Глинка, и М.П. Мусоргский имели дело не только с библейскими темами, но и с конкретными элементами музыкального наследия евреев Восточной Европы, имеет смысл назвать его основные составляющие. Это:

1) *хазанут* — синагогальный речитатив кантора (*хазана*) — солиста (наиболее древняя часть этого наследия); с *хазанутом* связан не только особый “мотивный фонд” со своими ладовыми, ритмическими и мелодическими характерными чертами; он, кроме того, опирается на концепцию неритмизованного пения (омузыкаленного произнесения текста Священного писания), зафиксированную в библейских акцентах “Та-амей ха-микра”;

2) клейзмерское искусство — ансамблевая (или сольная) игра полупрофессиональных музыкантов, включавшая и элементы *хазанута*, и народные танцы, и песни, и инациональные мелодии (примерно с XVI в.);

3) музыкальный мир хасидизма – песни религиозного содержания, напевы без слов – *нигуним*, сочинявшиеся цадиками, духовными вождями хасидов под влиянием каббалы, и танцы (с XVIII в.)⁹.

Итак, “роман” между русской и еврейской музыкальными культурами, продолжавшийся в течение столетий и несколько угасший к началу XIX в., вспыхнул с новой силой. Слово “роман” здесь кажется вполне уместным, так как все началось с настоящего романа. Вот как описывает это сам Глинка: “Она была, похоже, израэлитского происхождения, стройная, очень красивая, похожая на Мадонну. Я начал учить ее пению, писал для нее этюды, один из них я позднее развил в «Еврейскую песню» для драмы Нестора Кукольника «Князь Холмский»”¹⁰. Та же музыка была использована композитором в качестве одной из основных тем симфонической увертюры к драме.

“Еврейская песня” М.И.Глинки замечательна не только как яркий пример внедрения еврейских (точнее, хасидских) элементов в русскую художественную музыку. Она стала первой в гирлянде русских “еврейских” песен, кантат, ораторий, трио, квартетов, концертов и симфоний.

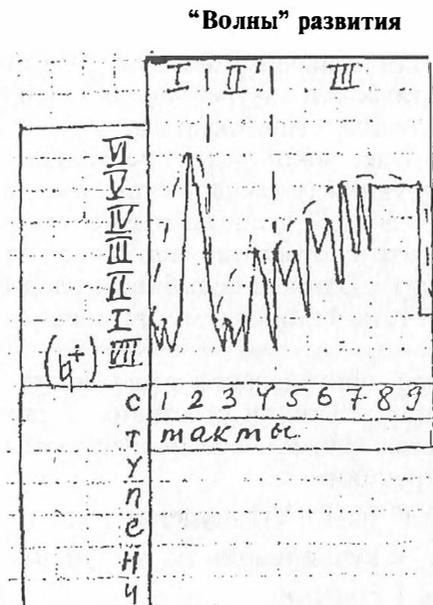
Истоки тематизма произведения Глинки можно найти в хасидских *нигуним* – напевах без слов. Многим из них свойствен характер глубокой внутренней убежденности, “истовости”. Это проявляется в многократных возвращениях к основной ритмоформуле, ясной, даже несколько умозрительной внешней конструкции (у хасидов существовала теория шести стадий “освобождения” души на пути слияния с Божественным началом, что соответствовало шести этапам развития мелодии нигуна)¹¹. Одна из подобных мелодий кажется особенно близкой теме Глинки (см. примеры 1 и 2 в приложении).

Кроме общей оригинальной тональности “ля”, лада (натуральный минор у Глинки сочетается с гармоническим) и диапазона (чистая квинта), обе мелодии сближает исходный принцип конструкции:

- 1) “раскачка” на I – VII ступенях;
- 2) “скачок” к кульминации на V ступени;
- 3) “спад” к I ступени.

Схема 1. Хасидская мелодия. Мелодическая схема *нигуна*

Схема 2. Мелодия Глинки. Мелодическая схема "Еврейской песни"

Как следует из сравнения схем 1 и 2, тот же принцип “волнового развития” приводит у Глинки к более изящной и совершенной конструкции, где высшие точки “перекликаются” (2-й и 9-й такты), создавая эффект “арки”.

Ритмическая основа обеих мелодий содержит много общего. Характерный для “раскачки” пунктирный ритм (I, 1; II, 1) сменяется более “плавным” движением (I, 3-4; II, 2). В целом ритмическая структура хасидской мелодии проще: она содержит лишь две формулы, которые, чередуясь, образуют подобие формы рондо:

	A		B			
	1	2	3	4	5	6
ТАКТЫ	5	6	7	8	9	10
	13	14	11	12		

У Глинки из двух аналогичных элементов выстраивается более сложная композиция:

	a	a	b	b	b	a	b	a	a
ТАКТЫ	1	2	3	4	5	6	7	8	9

В форме-структуре хасидской мелодии, как указывалось выше, “царство периодичности”. У Глинки – в основе музыкальной строфы – оригинальная 9-тактовая конструкция, включающая периодичность и дробление с замыканием: $2 + 2 + 1 + 1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{2} + 2$.

Сравним: $2 + 2 + 1 + 1 + 2$ (Л. ван Бетховен. Соната № 1 для ф-но, т. 1–6).

Вся “Еврейская песня” состоит из двух строф в миноре и мажорной коды (как на близкий ей по форме пример можно указать на “Вечернюю серенаду” Ф. Шуберта).

Примечательны совпадения оборотов натурального минора в предлагаемой Идельсоном гармонизации хасидского *нигуна* и гармонии Глинки (примеры 3 и 4 в приложении).

Таблица 1

Сравнение гармонических оборотов *нигуна* и “Еврейской песни”

	Такты	Гармон. оборот	Такты	Гармон. оборот	Такты	Гармон. оборот
Идельсон	1-2	III — I	3-4	V — I	7-8	IV — I
Глинка	1-2 10-11		9 5-6		3	

При совпадениях лада и характерных плагальных каденций гармоническая конструкция Глинки выглядит более элегантно: в ней почти отсутствуют буквальные повторы гармонических оборотов и отдельных аккордов, гармония подчеркивает функциональное назначение каждого построения.

Таблица 2

Связь гармонии и структура в “Еврейской песне”

Такты	1-2	3-4	5	6	7	8	9	10-11
Гармонические обороты	V-III-I	IV-I	IV-I	V-I-V	III-V III-IV	IV-VI IV-VII	V-I V-I	V-I
Функция	Вступление	Экспозиция			Развитие			Кульминация + заключение

Нигун исполнялся соло или в унисон. Фактура пьесы Глинки разнообразна и многослойна. Ее открывают “разбухающие” созвучия вступления (II, 1-2): от октавы через компактный 2-октавный аккорд к “туттийному” звучанию всех регистров (II, 10-11). В “экспозиционной” части некоторая аскетичность основной мелодии компенсируется богатством ее фактурного обрамления (II, 3-6), состоящего из тонического органного пункта, контрапункта в низком регистре, гармонии. В 7-9 тактах — регистровые переключки, приводящие к мощному “органному” заключению (II, 10-11), буквально повторяющему “вступление” 1-2 тактов.

Итак, до определенной степени сохранив своеобразие “источника” своей музыки (на уровне мотивов и лада) и используя принятые в европейской музыкальной культуре средства структуры, фактуры и гармонии, Глинка вводит “источник” в контекст этой культуры. Несмотря на существенную переработку хасидского материала, художественный и эмоциональный результат однозначно связывался русскими слушателями с еврейской смысловой составляющей. Свидетельством этому является известное высказывание Вл. Стасова: “Рисуя поразительный характер страстной еврейки в ее национальном воодушевлении, он [Глинка] несколькими гениальными штрихами кисти описывает нам всю еврейскую нацию с ее торжественными ожиданиями будущего, восточным самопогружением и глубокой печалью”.

Назовем этот способ использования элементов характерного национального (этнического) материала “просветительским”, цель которого при максимальной чуткости к своеобразие материала — “поднять” его до общепринятых музыкально-художественных норм эпохи и, тем самым “облагородив”, сделать “общечеловеческим”.

Об интересе М.П. Мусоргского к еврейской теме и еврейской музыке написано немало. Б. Шварц, в частности, пишет: “Что привлекало Мусоргского в еврейской тематике? В кругах, близких ему, отношение к евреям было различным. Мы видим контраст между открытым антисемитизмом Балакирева и полным доброты и симпатии к евреям-студентам и коллегам отношением Римского-Корсакова. Мусоргский тяготел к либерализму последнего. Его сердце рвалось навстречу униженному, каково бы ни было его происхождение. Евреи интересовали его как этническая, а не религиозная группа”¹².

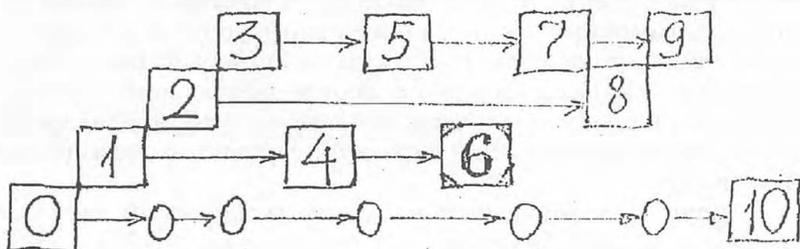
В письмах М.П. Мусоргского имеется свидетельство подлинного интереса к еврейской культуре. В 1879 г. он пишет В.В. Стасову: “По дороге в Севастополь я записывал греческие и еврейские песни, как они поются сельскими женщинами, я пел последние вместе с ними. В Одессе я посетил службу в 2 синагогах и был в восторге. Я хорошо запомнил 2 израэлитские темы”¹³.

В свете творческого кредо Мусоргского “Хочу правды, как бы она ни была солона” естественным выглядит его интерес к еврейской народной музыке, как она звучала в жизни — у мес-

течковых еврейских женщин и в синагоге. Совершенно очевидно, что для такого непреходящего интереса (от ранней кантаты “Царь Саул”, 1862 г., до процитированного выше письма Мусоргского 1879 г. — почти вся его такая трагически короткая и творчески насыщенная жизнь) были серьезные причины. Об одной из них пишет Й. Браун: “Народные сценки — и в еврейских народных песнях — и в русской (художественной. — И.Х.) традиции от Даргомыжского и Мусоргского. Еврейская народная песня всегда имеет жанровый характер, тяготея к рассказу. Герой еврейских народных сценок с его «смехом сквозь слезы» очень похож на «маленького человека» гоголевских рассказов и песен Мусоргского. Имеется, однако, важное различие. Русский «маленький человек» страдает от социального неравенства и морального унижения, еврейский «маленький человек» прежде и более всего угнетаем экономически, но и подавляемый темными социальными силами дух его, как у известного народного героя, остается сильным и стойким”¹⁴. Не менее важное свойство еврейских народных песен отмечает Добрушин: “Одна из наиболее характерных черт народных песен восточноевропейских евреев — их фундаментальная связь с разговорным языком, с манерой разговора еврейских масс”¹⁵. Эти качества еврейских народных песен лежат в русле поисков Мусоргского, который проявлял столь сильный интерес к музыкальной декламации и видел роль музыки не только в воспроизведении нюансов эмоций, но и, что еще важнее, нюансов речи. Почти за полвека до Б. Бартока он увидел в аутентичной народной музыке и школу, и основу для собственного оригинального творчества и за несколько десятилетий до Й. Энгеля начал изучать и записывать еврейский музыкальный фольклор. О еще одной причине интереса к еврейской музыке, связанной с *хазанутом*, речь пойдет ниже.

Из всех “еврейских” произведений композитора (а среди них есть кантаты и оратория) остановимся на шестом номере “Картинок с выставки”, который представляется нам неповторимым по гениальному сочетанию интонационной точности и изящности крайне лаконичного формального решения¹⁶. В стройной 10-частной (не считая “Прогулок”) композиции этот номер занимает особое место.

Схема 3. Тематические линии "Картинок с выставки"

0—Прогулка; 1—Гном; 2—Старый замок; 3—Сад Тюильри; 4—Быдло; 5—Балет невылупившихся птенцов; 6—Самуил Гольденберг и Шмуэль (2 еврея, богатый и бедный. — *Вл. Стасов*); 7—Лиможский рынок; 8—Катакомбы — “С мертвыми на мертвом языке”; 9—Избушка на куриных ножках, 10—Богатырские ворота в Киеве.

Как видно из схемы 3, в сюите, кроме сквозной, объединяющей линии “Прогулок”, имеются еще три:

- 1) скерцозно-танцевальная (3, 5, 7, 9);
- 2) “исторически-ностальгическая” (2, 8);
- 3) тема сочувствия униженным и оскорбленным, (1, 4, 6).

Так, “Гном” — образ не столько сказочного, сколько человеческого страдания от ущербности, физического несовершенства. “Быдло” — впечатляющий музыкальный портрет монотонного, изнуряющего и унижающего личность труда (вспомним картины “передвижников”, близких по духу композитору: “Тройку” В.Перова или “Бурлаков на Волге” И.Репина), и удивительным образом связанный с еврейской темой эскиз Н.А. Гартмана, сделанный в гетто г. Сандомира (Польша).

“Самуил Гольденберг и Шмуэль”, с легкой руки В.Стасова известные как “Два еврея, богатый и бедный”, — пьеса, представляющаяся нам наиболее конфликтной и многозначной не только в своей тематической линии, но и во всем цикле. Это видно и по ее положению в нем, и по ее содержанию. Традиционное понимание этой пьесы как острохарактерной зарисовки двух полукомических персонажей, гротесковое противопоставление богатого и бедного евреев в последнее время уступает место более глубокой, философской, трактовке. Надо заметить, что и в эскизах Н.А. Гартмана, послуживших импульсом для создания этого произведения, куда больше осно-

ваний для последней. “Самуил Гольденберг” – портрет задумчивого, углубленного в себя религиозного человека, “Шмуэль” – изображение нищего, просящего подаяния, однако без внешнего самоуничтожения, также явно глубоко верующего и погруженного в себя человека. Естественной была бы трактовка содержания пьесы как двух сторон национального характера. Однако в семантике второй темы есть нечто, противоречащее безоговорочному принятию этой версии (об этом пойдет речь ниже)¹⁷.

С другой стороны, этот номер замыкает собой наиболее проблемную линию цикла, являясь ее кульминацией. В ней единственный раз сочетаются два ярко контрастных образа, **не достигающих примирения до конца пьесы**. А после этого “кризисного” момента (№ 6) стремительно наступают “развязки” всех остальных линий. № 7 – последний в ряду беззаботных французских танцев-сенок – образ жизненной суеты, такой ничтожной перед внезапно открывающейся вечностью – № 8, в свою очередь переходящего в “светящийся” образ смерти (“С мертвыми – на мертвом языке”). И в № 9 – воспринятый от Ф.Листа¹⁸, но возрожденный на русской почве образ торжествующего зла – “черная” кульминация цикла.

Поиски аутентичного источника “Двух евреев” приводят к *хазануту* – наиболее древней части еврейского музыкального наследия. Это искусство монофонии – без намека на гармонию, даже без бурдона. Сольное интонирование, свободное ритмо-мелодическое развертывание, зависимое лишь от передаваемого им смысла текста. Как такая идея, заключенная в самом феномене *хазанута*, могла не притягивать художника, жаждавшего, чтобы “звук прямо выразил слово”? Не в действительности ли и этой концепции – причина постоянного влечения Мусоргского не только к темам Ветхого Завета, но и к его, так сказать, музыкальной материи?

Поскольку в пьесе Мусоргского содержится инструментальное перевоплощение первоначально вокального (в той мере, в какой это определение приложимо к *хазануту*) материала, имеет смысл сравнить ее с инструментальным преломлением подобного материала в клейзмерской музыке (пример 5).

Когда в молодые годы Мусоргский служил в армии, его полк квартировал неподалеку от еврейского местечка в Малороссии. Композитор часто навещался туда, много слушал и даже участвовал в исполнении литургических мелодий, за что нередко удостоивался похвал¹⁹. Позже, когда он жил в Пе-

тербурге, его соседями также оказались евреи, он регулярно слышал их песнопения и даже записал одно, позднее используя его в опере “Саламбо”²⁰. Вполне возможно, что он слышал и подобные приведенному клейзмерские наигрыши, звучавшие на свадьбах в момент “усаживания невесты” (*кале базецн — идиш*).

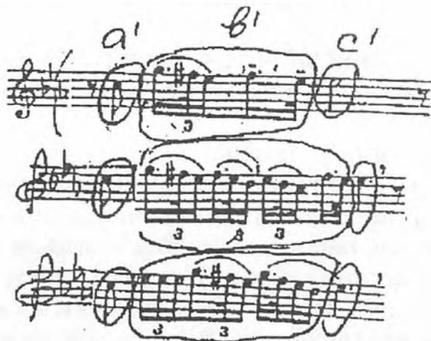
Рассмотрим особенности мотивного состава, структуры, ладов и развития на примере 5 (см. приложение), замечательном образце клейзмерского искусства. Всю кажущуюся одной непрерывной импровизационной вязью мелодию можно условно разделить на шесть “строк”. Уже в первой из них определяется и тип мотивов, и способ мелодического движения, связанный с функциями мотивов:

- 1) “вступление” (1-2 т.)

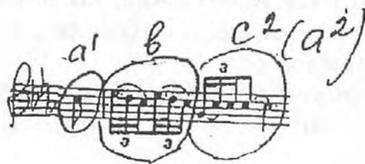

“раскачка”, “взлет” – “заключение” – “спад”

- 2) “экспозиция – развитие” (3-5 т.)

- 3) “реприза – заключение” (6 т.)

В свою очередь вся первая “строфа” относительно всей формы выполняет роль своеобразной экспозиции: она содержит мотивное и конструктивное зерно композиции и задает основную ладотональность (“до измененный дорийский, по М. Береговскому²¹, или “украинский”: до, ре, ми^b, фа#, соль, ля, си^b).

Последующие три “строфы” (2, 3, 4) представляют собой развитие, а 5-я и 6-я сочетают в себе функции развития и репризы.

План ладового развития во 2–6 строфах:

II – ми-бемоль миксолидийский – фа минор натуральный

III – фа минор натуральный – си бемоль – “украинский”

IV – си-бемоль “украинский” – до “фрейгиш” (до, ре-бемоль, ми, фа, соль, ля-бемоль, си-бемоль);

V – до “украинский” – фа “украинский”

VI – фа “украинский” – до “фрейгиш”.

Отметим начало IV “строфы” (см. пример 5), мелодически буквально совпадающей с началом пьесы М.П. Мусоргского (см. пример 6), а также следующее:

1) при постоянном мелодическом развертывании, ладовом и ритмическом обновлении структурные контуры наигрыша – трехчастные;

2) направление ладового развития – субдоминантовое (до – фа – си^b и т.д.);

3) возвращение к основной тональности в V и VI строфах связано с ладовой модуляцией из до “украинского” в до “фрейгиш”;

4) зерно композиции – мотив.

Первая мелодия Мусоргского содержит мотивы, близкие клейзмерским, но организованы они иначе. Если в клейзмерской мелодии относительная длина всех мотивов неизменна (при различии их функций) и равна одному такту, у Мусоргского существует иерархия структуры: мотивы складываются во фразы, а те – в предложения. Время у Мусоргского предельно сжато: отсутствует какая-либо ладовая или другая подготовка. Отсутствует как вступление, так и заключение. Перед нами тема в обнаженном виде, сохраняющая, впрочем, трехчастную основу (пример 6).

Если клейзмерский вариант изложения в первой строфе обстоятельно устойчив, мелодия Мусоргского – сама динамика.

Таблица 3

**Сравнение параметров в клейзмерском наигрыше
и в пьесе М.П. Мусоргского “Два еврея”**

Элемент	Клейзмерская мелодия	“Два еврея”
Мелодия	Много репетиций на 1-м звуке и буквальных повторов	Нет буквальных повторов, отсутствуют репетиции на 1-м звуке
Диапазон	I-III-I, I-V-II, I-V-III Чистая квинта: I - V	I-V VII-VIII-III Малая нона: VII - VIII
Лад	“Украинский”	“Украинский” – натурально-гармонический минор – “украинский”
Форма	“Вступление”– “экспозиция”– “заключение”	Экспозиция– 3 предложения периода
Каденции	I-III, III, III-I	# IV, III-V-III

Мусоргский подчеркивает **наиболее характерные моменты**, например:

- в ладу: 4-я повышенная ступень, присутствующая, но не акцентированная в клейзмерской мелодии, “плагальное” направление в ладовом развитии;
- трехчастность структуры;
- склонность к повторам.

Композитор “сжимает” эти моменты во времени: в клейзмерском примере переход из до “украинского” в до “фрейгиш” занимает всю пьесу, у Мусоргского “ладовое отклонение” происходит уже в 3-м такте. Переход в тональность IV ступени у клейзмеров – во 2 “строфе”, у Мусоргского – акцент на # IV – в 3 такте.

У Мусоргского отсутствуют точные повторы, а изменения всегда направлены в сторону динамизации (ср. варианты а, а¹, и в, в¹, в³, в⁴, в⁵, в⁶ в примере б).

Еще большие различия выступают на первый план при сравнении общих структур. Если свободное вариантное развитие основных мотивов приводит в клейзмерском наигрыше к вариантно-строфической форме, то “жесткая” конструкция

Мусоргского держится на контрастном сопоставлении двух тем с их последующим “объединением”²².

2-й характерный, “говорящий” мотив 1-й темы превращается в оstinatную “бубнящую” фигурацию во 2-й (пример 7).

А оба мотива 2-й темы в инверсии и в ракоходном порядке являются ритмически укрупненными вариантами мотивов 1-й (пример 8 в приложении).

За этим глубоко спрятанным родством на первый план выступают внешние отличия (см. табл. 4).

Таблица 4

Сравнение параметров двух тем в пьесе М.П. Мусоргского

Элемент	1-я тема	2-я тема
Фактура	Монофония	“Втора” в терцию через октаву, мелод. фигурация
Лад	“Украинский” – гармонический – нат. мин. с увел. секундами	Фригийский (диатонический), без увел. секунд
Ритм	Пунктирный, динамично развивающийся	Оstinатная фигурация, плавный
Форма	1 + 1 + 2 + 2 + 2 А В А ¹	2 + 2 + 2 + 2 + 1 + 1 АА В В К (дополнение)

С другой стороны, и фактура, и мелодическая основа второй темы, ясно проступающая в нижнем плане фактуры, выдают ее родство с русскими народными протяжными песнями (примеры 9, 10 в приложении). Сравним: “Ой ты, степь широкая” (2-я часть) и 9-10-я темы Мусоргского (пример 9).

Таблица 5

Сравнение структур 2-й темы Мусоргского и русской народной песни

Мусоргский	$\frac{AA}{2+2}$	$\frac{A^1 A^1}{2+2}$
“Ой ты, степь широкая”	$\frac{AA^1}{3+3}$	$\frac{VV^1}{4+3}$

Совпадают также общие контуры структур обеих мелодий (пример 10 в приложении). Структура темы Мусоргского ка-

жется намного более обобщенной, даже схематичной по сравнению с “живой”, богатой вариантами и структурным развитием народной темы.

Эта разница еще сильнее ощущается при сравнении метрической основы обеих тем, ср.:

Таблица 6

Сравнение метрических характеристик пьесы Мусоргского и русской народной песни

<i>Мусоргский</i>	$\begin{matrix} 4 \\ 4 \end{matrix}$	AA	A ¹ A ¹
		2 + 2	“2 + 2
“Ой ты, степь”			
		A	A' B B'
		$\frac{2}{2}1 + \frac{3}{2}1 + \frac{2}{2}1 + \frac{2}{2}1$	$\frac{2}{2}1 + \frac{3}{2}1 + \frac{2}{2}1$ $\frac{2}{2}4 + 3$

Очевидно сознательное стремление композитора выразить наиболее характерное для мелодии и структуры в максимально обобщенном, сжатом виде.

Обе темы проходят в пьесе краткий, но насыщенный путь фактурного развития.

Таблица 7

Динамика фактурного развития в пьесе Мусоргского

Такты	1–8	9–16	17–18	19–25
1-я тема	Унисон в октаву (1-я октава)			Унисон в октаву в басу
2-я тема		Терцовая “втора” с неточной дублировкой в октаву (1-2-я октавы)	Аккорды с мелодией в верхнем голосе	Унисон в октаву в 1-й - 2-й октавах
Такты	26–27		28–29	
1-я тема			5-октавный унисон	
2-я тема	Хоральный склад, хроматика			

Каждая из них, развиваясь фактурно, сохраняет неизменной свою ладотональность. Эта “тональная остинантность” приводит к ощущению замкнутости, атолерантности, несоединимости. При попытке их механического соединения в “репризе” (19-25 т.) происходит “срыв” (т. 25, пример 11 в приложении)²³.

“Хоральный” хроматический эпизод 26-27 тт. (“Кода”) — не столько развитие 2-й темы, сколько выход за пределы уже знакомого материала, введение нового — более общего семантического знака, нового в условиях пьесы, но известного с эпохи барокко как “риторическая фигура страдания” (пример 12 в приложении). Ей “противостоит” заключительное утверждение мотива — символа 1-й темы (28-29 т.), усиленного до пятиоктавного унисона (утверждение тем более абсолютное, что впервые во всей пьесе связано с прямой лада). Окончание пьесы на кульминации — в момент апогея конфликтного развития — лишь одно из проявлений ее феноменальной новизны.

Вся пьеса целиком представляется уникальным примером музыкального произведения, целиком построенного на темах-идиомах (“еврейской”, “русской”, “страдания”) и в высшей степени убедительно организованного с помощью соответствующей “драматургии символов”.

* * *

Если М.И. Глинка воспринимал еврейскую тему в обобщенно-философском, “просветительском” плане как символ глубокой веры и стремления к вечным идеалам Священного писания (понятым отчасти в духе романтизма: ведь оригинал текста — в “Еврейских мелодиях” лорда Байрона), то М.П. Мусоргский — на следующем этапе истории русской культуры — находил в ней ключ к решению и актуальных этических проблем (вспомним его оратории “Царь Саул”, “Иисус Навин” и “Поражение Сеннахериба”) и вечных вопросов бытия, и способы обновления музыкально-художественных средств.

При этом каждый композитор, естественно, действовал по-своему. М.И. Глинка вводит “еврейский” материал в круг общепринятых художественных норм, изменяя его в соответствии с ними (не случайно приведенные выше параллели с произведениями Л. ван Бетховена и Ф. Шуберта).

М.П. Мусоргский, трансформируя и сам материал до степени крайней концентрации, и средства его развития, достигает впечатляющего новаторского результата, сравнимого по силе воздействия с произведениями грядущего через несколько десятилетий символизма.

Оба подхода нашли достойное продолжение в дальнейшей истории новой русской музыки, в которой еврейская идиома стала не только неотъемлемой частью, но и важным семантическим знаком, получающим в разные эпохи и в разных творческих контекстах различное содержательное наполнение, выполняющим различные драматургические роли^{2 4}.

Пока музыковеды искали истоки европейской музыки, социологи спорили о роли светского и религиозного начал в обществе, а историки — о миграции и интеграции этносов, великие композиторы давно сказали свое слово на языке искусства, с легкостью сочетающем звучащие символы различных культурных эпох и миров.

Источники музыкальных примеров

Пример 1. *Idelson A.Z. Jewish Music in Its Historical Development.* P 429.

Пример 3. Там же. P. 491

Пример 5. *Stuchevsky I. Ha-Klezmerim.* Jerusalem, 1959. In Hebrew.

¹ *Энгель Й.* Глазами современника: Сб. ст. М., 1971.

² *Grove. D. J. A History of Western Music.* N.Y., 1965. P. 15

³ *Ясеп И.* Русская музыка на библейские темы //Новое рус. слово. 1960. № 1.

⁴ *Успенский Н.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971. С.32.

⁵ *Braun. J. Jews and Jewish Elements in Soviet Music.* Tel-Aviv, 1978. P.17.

⁶ Вот далеко не полный список “еврейских” произведений русских композиторов после Глинки.

Песни: М. Балакирев “Еврейская песня” (1859), М.Мусоргский “Еврейская песня” (1867), Н. Римский-Корсаков “Еврейская песня” (1862, 1870, 1897); *Кантаты, оратории:* М. Мусоргский “Царь Саул” (1862), “Иисус Навин” (1867), “Поражение Сеннахериба” (1867); С. Танеев “ По прочтении Псалма” (1915); А.Рубинштейн “Вавилонская башня” (1869); *Оперы:* А. Серов “Юдифь” (1863); А. Рубинштейн “Маккавей” (1875), “Суламифь” (1883), “Моисей” (1887); *Музыка для фортепьяно:* А. Рубинштейн “Рапсодия на еврейские темы” (1867); М.Мусоргский №6 из “Картинок с выставки” (1874); Д.Шостакович. Прелюдии и фуги № 7, 8, 17 (1950); *Музыка для камерных ансамблей:* С. Прокофьев. Увертюра на еврейские темы (1919); Д.Шостакович Фортепианное трио ор 67 (1944), Струнный квартет №4 (1948), Струнный квартет №8 (1962), “Из еврейской народной поэзии”- вокальный цикл (1948); *Музыка для оркестра:* Д.Шостакович. 1-й скрипичный концерт (1948), Симфония №13 (1962).

⁷ В этой связи интересно замечание Й. Брауна в анализе 2 номера цикла Д. Шостаковича “Из еврейской народной поэзии”, что пониженная VI ступень в нем — результат воздействия лада “фрейгиш”, а не русская “романсовая секста”, найденная там советским музыковедом Т.Курьшевой.

⁸ Эту мысль ярко иллюстрирует факт, приведенный в вышеупомянутом докладе Б.Шварца (*Proceedings of the World Congress on Jewish Music.* Tel-Aviv, 1978. P. 205): “Интересно отметить, что Рубинштейн (в опере “Маккавей”. — *И.Х.*) использовал две еврейские мелодии: молитвенную “Адоной, Шаддай” и юбилейную (славильную. — *И.Х.*) — обе песни Леи. Это немедленно спровоцировало критику в Лондоне” (! — *И.Х.*). Выше автор отмечает, что опера с успехом ставилась в России и Германии, об Англии не говорится. Если так, то

сам факт активной эстетической реакции в Лондоне на далекую российскую или германскую постановку поразителен. В этой критике справедливо ставится вопрос о художественной необходимости и оправданности введения в современный западноевропейский музыкальный контекст двух старинных еврейских мелодий. При этом признается, что сами по себе эти мелодии чрезвычайно “эффектны”.

⁹ Авраам Цви Идельсон – крупнейший историк и теоретик еврейской музыки, отмечает, что еврейская народная песня после разрушения Второго Храма буквально пронизана религиозными темами и элементами, а и лишь в XIX в. в ней появляются светские темы. В этом ее отличие от народной песни других народов (Idelson A. Z. *Jewish Music in Its Historical Development*. N.Y., P.357). На эту же тему в другом месте он приводит ивритскую эпиграмму Авраама ибн Эзры: “Арабы поют о любви и страсти, греки – о мудрости и искусстве, индусы – о притчах и загадках, а израильская песня – к Господу Воинств!” (перевод мой. – *И.Х.*)

¹⁰ Глинка М. Записки. Л., 1953. С. 96. В данном фрагменте речь идет о берлинском эпизоде жизни 24-летнего композитора и его встрече с Марией – немецкой еврейкой (1828). Вся музыка к драме Н.Кукольника написана в 1840 г.

¹¹ Идельсон А.Ц. Цит. соч. С. 419, 420.

¹² Шварц Б. Mussorgsky's Interest in Judaica // *Studies in Russian Music. Mussorgsky in Memoriam*. № 3. С.85-93

¹³ Russ M. *Mussorgsky. Pictures at an Exhibition*. Cambridge, 1992. P. 42-44.

¹⁴ Браун Й. Цикл песен Шостаковича “Из еврейской народной поэзии” // *Proceedings of the World Congress on Jewish Music*. Tel-Aviv, 1978. P.

¹⁵ Добрушин. Еврейские народные песни. С.9.

¹⁶ Б.Шварц по поводу этой пьесы пишет: “Добавить музыкальный портрет двух евреев было, по-видимому, запоздалой идеей. Помпезная тема, описывающая богача, жалобные причитания нищего и финальное наложение сделаны с элегантностью и лаконизмом” (Цит. соч. С.92). Из других источников известно, что эскизы двух евреев, сделанные Гартманом в Сандомире, были подарены им Мусоргскому, хранились у него дома, вызывая у Мусоргского неослабевающее восхищение своей меткостью и глубиной.

¹⁷ Abraham G. *The Artist of Pictures from Exhibition* // *Studies in Russian Music*. N.3. P.229-235.

¹⁸ В 1865 году Мусоргский слышал в С.-Петербурге “Пляску смерти” в авторском исполнении.

¹⁹ Стучевский И. Музыкальный фольклор евреев Вост.Европы. Тель-Авив, 1958. (На иврите.)

²⁰ Береговский М.Я. Еврейские народные песни. М., 1962. С. 6.

²¹ Береговский М. Я. Еврейская народная инструментальная музыка. М., 1987. С. 41.

²² Russ M. *Op. cit.* P. 44. “Форма АВ (А+В) Coda обусловлена лежащим в основе пьесы сюжетом. Части ее ясно очерчены тематической и тональной структурой”.

²³ Там же. “В финальном разделе цель Мусоргского – не продемонстрировать свое искусство тематической комбинации, а отразить непримиримую природу двух главных героев”.

²⁴ В этом плане интересно сравнить содержательное наполнение еврейской идиомы у Прокофьева (“Увертюра на еврейские темы”, 1919) и у Шостаковича (например, в трио ор.67). В первом случае – жанровое, во втором – трагедино-психологическое.

ПР.1

Нигун

Идельсон

Lento

1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13 14 (13 14)

ПР.2

Еврейская песня

М. Глинка

Allegro moderato *J. ss*
шаеітааа

С гор.ных стран пал туман на до. ля. ны и по.кры.л рад.мо.гил Па. ле. от.и. мы.

es. ss. *p* *f*

Пра.х от.цов ж.дет ве.ков об. но. в.ле.ть. я, но. ч.и. тень. сме.нит. день

riten.

воз. вра. ше.ль. я!

ПР.3

Adagio

p 1 2 3 4 5 6 7 8 D.C.
p marcato 9 10 11 12 *p* 13 14 15 16

ПР. 4

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ
 „С горных стран пал туман“

Allegro moderato $\text{♩} = 80$
maestoso

С горных стран пал туман, на до-ля-ны и покрыл ряд могил Па-ла-оты-ны.

cresc. *p* *f* *riten.*

Прах отцов ждет веков об-но-влень-я, но-чи-ть сь сме-нит день воз-вра-щень-я!

Пр.5 Клезмерский наигрыш

I Й Стучевский «Клейзеры» № 7 «л»

The musical score consists of 18 staves of music. It begins with a 'solo' marking on the first staff. The score is divided into sections marked with Roman numerals: I, II, III, IV, and VI. The markings 'tutti' and 'solo' are used throughout to indicate changes in dynamics and texture. The music features complex rhythmic patterns, including triplets and sixteenth notes, and is written in a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The notation includes various ornaments and phrasing slurs, characteristic of klezmer music.

ПР. 6

(♩=♩) Andante. Grave - energico

A I предложение

1-я фраза

2-я фраза

B II предложение

3-я фраза

4-я фраза

5-я фраза

A' III предложение

ПР. 7

m. 1

Andantino

m. 9 *3 2 2 1 3* *simile*

mf

ПР. 8

(♩=♩) **Andante Grave - energico**

f *sf*

Andantino

3 2 2 1 3 *simile*

mf

ПР. 9

Мусоргский "Зебра"

m.m. 9, 10

ПР. 10

а а' "Ой ты, степь..."

б б'

Andantino

m.m. 9, 11 10, 12, Мусоргский

mf dim.

m.m. 13, 15 14, 16

p dim.

ПР. 11

Handwritten musical score for piano, Op. 11, measures 19-25. The score is in a key with two flats and a 3/4 time signature. It features dense piano textures with many triplets and dynamic markings such as *sf*, *f*, *mf*, and *cresc.* The notation includes accents, slurs, and various articulation marks.

ПР. 12

*poco ritard.
con dolore*

p

a tempo

p *sf* *cresc. sf* *ff*

7627

Леонид Кацис

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЮДОФОБИЯ В ЗЕРКАЛЕ “ШУМА ВРЕМЕНИ” ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

I

Опыт анализа еврейской топики и образности в прозе Осипа Мандельштама, предпринятый нами ранее¹, показывает, что наряду с очевидными признаками интереса поэта как к еврейской, так и к иудейской тематике, целый ряд источников такого рода образов ускользает от внимания исследователей, не говоря уже о современном читателе.

Сам Мандельштам далеко не всегда дает нам понять, что в подтексте его прозы скрывается вполне доступный, известный, но неожиданный еврейский или, наоборот, антисемитский источник.

“Шум времени” связан с периодом национального и религиозного самоопределения Мандельштама в окружающей его культуре, культуре, разумеется, русской.

Хронологически интересующий нас период ограничен автором в “Шуме времени” 1903–1904 гг. Такая дата стоит в самом начале главки “Концерты Гофмана и Кубелика”.

Юный Мандельштам входит в околосимволистскую литературную среду. Сама по себе эта среда во многом ориентировалась на германскую культурную ситуацию, а та, в свою очередь, в интересующем нас аспекте была вполне определенной.

Современные исследователи специально отмечают как раз 1903 г. как принципиально важный для немецко-еврейских отношений. А в центре дискуссий оказалась музыка. Но не в специально музыковедческом контексте. Соответственно и нас интересует не многократно изученная проблема “О. Мандельштам и немецкая музыка”², а общемировоззренческий аспект проблемы.

Леонид Фридович Кацис — кандидат филологических наук, преподаватель Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета.

Вот как характеризует рубеж 1903–1904 гг. Марк А. Вайнер: “В 1903 году Густав Малер и Отто Вайнингер предприняли действия, которые сегодня видятся как парадигматические для еврейской рецепции Вагнера и Ницше в конце XIX столетия в германоговорящем мире в целом и в Вене в частности. Малер с окончанием его Третьей ницшеанской симфонии и с крещением в католицизм (с целью быть назначенным директором Венской оперы) в 1897 году осуществил новую постановку «Тристана и Изольды» Р. Вагнера и, таким образом, стал одним из самых известных еврейских художников Австро-Венгерской империи <...> активным поборником творений Ницше и Вагнера одновременно. Вайнингер, чья женоненавистническая и антисемитская книга «Пол и характер» была создана под влиянием писаний Ницше и Вагнера, совершил деяние, ставшее публичным событием года — покончил с собой буквально через несколько месяцев после выхода своего сочинения в доме любимого Вагнером его германского предшественника Бетховена. Таким образом, эти люди как вагнеристы и поклонники Ницше воплотили в себе оба варианта выбора, предложенного Вагнером современным евреям в позорном эссе «Еврейство в музыке». В заключительных замечаниях Вагнер отметил, что решение противоречий между германцем и евреем — в еврейском самоотречении (нем. *Untergang*); этот термин из-за его эвокативной неопределенности может означать или ассимиляцию, или смерть. Однако в переводе его посыл понятен: еврейство для Вагнера и его последователей должно быть вытеснено, искоренено (англ. *go under*). На рубеже XX столетия ни один еврей в германоговорящей Европе не мог игнорировать интерпретацию своей «расы», которую писания и сочинения Вагнера столь усиленно внедряли в общество, ни те из его (еврея. — Л. К.) философских друзей или ярких сторонников, чьи писания, пусть и с критикой Вагнера, были пропитаны тем не менее системой образов той культуры, которая обозначала еврея как дегенерата, опасного паразита и расовую противоположность германству”³.

Однако, как указывает Марк А. Вайнер, не только квазитеоретические антисемитские сочинения Р. Вагнера соответственно воспринимались евреями Германии. Трогательную близость демонстрируют взгляды уже упоминавшихся О. Вайнингера и Г. Малера на соотношение героев опер Вагнера и еврейства. Так, О. Вайнингер в своем “Поле и характере”, говоря о Зигфриде (из третьей драмы “Кольца Нибелунгов”), описыва-

ет фигуру молодого Тевтонца как “наиболее нееврейское из того, что можно себе представить”, а пятью годами ранее Малер написал письмо Натали Бауэр-Лехнер, где он подчеркивал: “Нет сомнений, что в Миме (карлик-нибелунг, которого убивает Зигфрид) Вагнер высмеивает еврея (с характерными для евреев чертами – ограниченным интеллектом и прожорливостью)”. Далее Малер использует выражение, которое может вновь трактоваться двояко. Он говорит о том, что “жаргон умно намекает на это текстуально и музыкально”.

Если учесть, что в слове “жаргон”, как именовался идиш его противниками, звучит “внутренняя форма” этого слова, связанная с неприятным дребезжанием и т. п., то становятся ясны намеки Малера. Ведь и в печально знаменитом трактате Вагнера “Еврейство в музыке” еврейская речь характеризуется как “полное равнодушие своеобразное каляканье”. Так представил это выражение русскому читателю в 1908 году переводчик Вагнера некто I. Ю-сь⁴.

В нашу задачу, разумеется, не входит общая оценка проблемы “Вагнер и иудаизм”. Она давалась многократно и в самых разных формах. Эта проблематика интересует нас в данном случае в связи с культурным и национально-религиозным самоопределением Осипа Мандельштама. И следовательно, основной для нас окажется не столько сугубо германская ситуация, сколько вагнеризм в России в первое десятилетие XX в. Следует еще раз сказать, что все обертоны немецкой ситуации нашли яркое проявление в культуре России в годы взросления Осипа Мандельштама и обретения голоса поэтом.

Мы предполагаем показать, что вагнеровская проблематика существовала в русском культурном сознании, озабоченном в той или иной степени проблемами еврейства, начиная, по крайней мере в актуальный для Мандельштама период, еще с 1870-х гг. В свою очередь, Мандельштам не мог пройти мимо взрыва антисемитского вагнеризма, который русская культура пережила в 1907–1913 гг. Этот период достаточно редко становится предметом специального внимания исследователей. Чему, конечно, есть и объяснения.

Вот, например, одно из них, принадлежащее М. Безродному: “Проблема «русский модернизм и еврейский вопрос» изучена плохо. Одна из причин недостатка исследований, удовлетворяющих критерию научности (понимаемой традиционно), кроется в убеждении, что отношение модернистов к еврейскому вопросу совпадало со взглядами либеральной и де-

мократической интеллигенции и лишь у некоторых участников модернистского движения было консервативным, а то и реакционным. Уподобления между тем малопродуктивны: модернистские выступления по еврейскому вопросу чересчур часто покоились на иных основаниях, чем у представителей немодернистских интеллигентских субкультур⁵.

С этим рассуждением невозможно не согласиться. Тем более, что очень скоро после 1907–1909 гг., которые нас будут интересовать, началось знаменитое “дело Бейлиса”, и у всех на виду стало разворачиваться действие с участием крупнейших представителей модернистской среды, которого либеральное сознание не могло себе представить⁶.

Ранее нам уже приходилось обращаться к проблемам национального и религиозного самоопределения Мандельштама в той форме, как они выразились в его автобиографической прозе “Шум времени”. Тогда, однако, мы сознательно опустили анализ музыкальных отрывков и даже специальных главок “Шума времени”. И если в предыдущей работе, мы уделили основное внимание собственно еврейским, русско-еврейским и немецко-еврейским образам и мотивам, то в настоящей статье мы коснемся того культурного контекста, в котором протекает действие основных музыкально-еврейских главок “Шума времени” — “Книжный шкаф”, “Хаос иудейский”, “Концерты Гофмана и Кубелика”.

Анализируя главку “Хаос иудейский” из “Шума времени”, мы предприняли попытку показать, что одним из важных источников этого текста является статья В. Стасова “По поводу постройки синагоги в С.-Петербурге”, опубликованная во втором томе “Еврейской библиотеки”. Но, возвращаясь к этой статье в целом, отметим, что вся она построена как ответ на уже упоминавшуюся на этих страницах антисемитскую статью Р. Вагнера, которую В. Стасов именует “Жидовство в музыке”⁷. В русском переводе 1908 г. этот текст назван более прилично, да и более точно — “Еврейство в музыке”.

Вот как излагает В. Стасов позицию Вагнера: “Повторять прежние нелепости о нехудожественности евреев, об их отстранении как будто бы самой природой от общей работы всех народов в деле искусства — остается в наше время дозволительным разве только людям вовсе слепым и незнающим, либо одолеваемым тою самою нетерпимостью и фанатизмом, которые всегда было принято приписывать самим евреям. К сожалению, таких людей еще довольно, и между ними отличается

один из нынешних европейских знаменитостей композитор Рихард Вагнер, который в своей брошюре «Жидовство в музыке» (1869) повторил все прежние обвинения против евреев и с примерной ненавистью прибавил много еще и новых. В этом племени он видит отсутствие всего благородного, чистого, возвышенного, способного: даже физический внешний вид евреев кажется ему отвратительным, отталкивающим и далеким от всякого художественного элемента; он считает, что во всех возможных отношениях еврейское племя оказало Европе только самые худшие услуги, заразило ее множеством непохвальных качеств и что тогда только она способна будет пойти настоящим ходом развития и совершенствования, когда окончательно избавится от их гнета и повсюдного вмешательства»⁸.

Пафос статьи В. Стасова сводился к утверждению, что синагога в Санкт-Петербурге должна быть построена в мавританском стиле по образцу берлинской синагоги.

Наиболее ярким эпизодом, связывающим, на наш взгляд, «Шум времени» и «Еврейство в музыке», является описание и оценка синагогального пения Мандельштамом и Вагнером. Сравним то, что раздражает Вагнера и Мандельштама, каждого по-своему, и то, что нравится Мандельштаму в пении хора и кантора в петербургской синагоге.

Вагнер пишет: «Синагога — единственный источник, из которого еврей может извлечь понятные ему народные мотивы. Если мы пожелаем представить себе это музыкальное богослужение в его первоначальной чистоте весьма благородным и возвышенным, то тем вернее мы должны будем сознаться, что эта чистота дошла до нас *в виде противнейшей мути*. В течение тысячелетий здесь не было никакого развития их внутренних жизненных сил, но все, как и в еврействе вообще, застыло в одном содержании, в одной форме. Форма же, никогда не оживляемая возобновлением содержания, делается ветхой, и если ее содержанием являются чувства уже не живые, то она становится бессмысленной. Кому не случалось убедиться в этом при слушании богослужебного пения в любой синагоге? Кем не овладевало *противнейшее чувство*, смешанное с ужасом и желанием смеяться при слушании этих хрипов, запутывающих чувство и ум, этого запевания фистулой, этой болтовни?»⁹.

Заявление Вагнера требует проверки его адекватности тому, что в действительности происходило в синагогах Германии в середине XIX в.

Так, например, Яаков Кац, анализируя это место эссе Вагнера, пишет: «Здесь вновь один из стереотипов, дошедших до Вагнера через Бруно Бауэра. Вагнер не был беспристрастен к попыткам новой синагоги реформировать религиозную службу, к попыткам проникнуть к тому, что бы открывало ее в оригинальной чистоте. Однако он не затруднился отделаться от этого как от «умственно выродившейся еврейской интеллигенции», которая не имеет субститута, который должен действительно исходить из «реальных источников народной жизни». Это был тот обычный народный тип религиозной службы, со всей его диссоциирующей музыкальной атмосферой, который мог оказать воздействие на еврейских композиторов. Подобно тому, как он обнаруживал следы еврейского диалекта (идиш. – *Л. К.*) в языке современных евреев, он претендовал на обнаружение влияния презренной еврейской музыки в композициях людей типа Мендельсона и Мейербера»¹⁰.

Понятно, что здесь проанализирована крайне идеологизированная позиция антисемита Вагнера. А вот как оценивает реальную ситуацию современный исследователь культуры ортодоксального еврейства в имперской Германии. Именно этот аспект проблемы и интересует нас в связи с Вагнером, который в своей брошюре обсуждает, в числе прочего, и реформу в синагогальной музыке. Ясно, что работа по очистке от наслоений в музыкально-религиозной традиции шла в синагогах нео-ортодоксального направления в более адекватном и умеренном варианте, чем в синагогах полностью реформированных. Итак, Мордехай Брейер пишет: «Хоровое пение было включено в службу во многих ортодоксальных синагогах, однако участие хора в службе было, как правило, вполне умеренным. Хоровое пение не было активно включено в общинную молитву, оно лишь аккомпанировало ей – и не слишком обращало на себя внимание»¹¹.

Далее исследователь обращает внимание на то, что, например, И.М. Яфет, учитель и композитор из Франкфурта, «написал большое количество литургических пьес для исполнения в народном ключе, некоторые из них по просьбе С.Р. Гирша. Он просто мелодизировал речитативную музыку, частично основанную на традиционных напевах, частично приближенную к немецкой народной песне и скоро ставшую очень популярной и доминирующей в музыкальной традиции многих ортодоксальных общин.

То, что германский элемент в синагогальной пении доминировал, не было действительно новостью... Музыкальное чувство среди немецких евреев было специфически «германизировано», даже среди большинства ортодоксов”¹².

Характерно, что тот же автор отмечает специфическую близкую к оперному исполнению манеру немецких канторов, особенно в деревенских общинах.

Таким образом, даже в ортодоксальных синагогах, не говоря уже о реформированных, для которых писалась специальная музыка, музыка, вплоть до органной, была вполне германизирована. И именно эта германизованность, похоже, и пугала Вагнера.

Что же касается Мандельштама, то его описание синагогальной службы с явным превалированием роли кантора, хором мальчиков, однако без органного аккомпанемента (хотя он и был предусмотрен в петербургской синагоге), говорит о том, что мы имеем дело как раз с германизированной синагогой нео-ортодоксального типа. Что лишь подтверждают упомянутые Мандельштамом камилавки на головах певчих.

Мы еще раз хотим подчеркнуть, что нас менее всего интересует реальная обстановка в петербургской синагоге. Нас интересует ее описание Мандельштамом. А оно полностью соответствует той неомарранской идеологии, которой, как мы показывали ранее, придерживался О. Мандельштам. А ведь именно этот тип еврейской эмансипации, а порой и ассимиляции и породил многие явления реформы иудаизма.

В свою очередь, и мавританский архитектурный стиль синагоги вполне соответствует описываемому Мандельштамом типу синагогальной службы. А противопоставление еще тогда только чаемой синагоги и ее идеологии эссе Вагнера “Еврейство в музыке” в статье В. Стасова лишь приближает российскую ситуацию к германской. Теперь время обратиться к мандельштамовскому описанию.

Вот чувства О. Мандельштама, запечатленные в “Шуме времени”: “Раз или два в жизни меня водили в синагогу, как в концерт, с долгими сборами, чуть ли не покупая билеты у барышников; и оттого, что я видел и слышал, *я возвращался в тяжелом чаду* (курсив мой. — Л. К.). Синагога с коническими своими шапками и луковичными сферами, как пышная чужая смоковница, теряется среди убогих строений. Бархатные береты с помпонами, изнуренные служки и певчие, гроздя семисвечников, высокие бархатные камилавки. Еврейский корабль,

с звонкими альтовыми хорами, с потрясающими детскими головами, плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину. Заблудившись на женских хорах, я пробирался, как тать, прячась за стропилами. Кантор, как силач Самсон, рушил львиное здание, ему отвечали бархатные камилавки, и *дивное равновесие* гласных и согласных, в четко произносимых словах, сообщало несокрушимую силу песнопениям” (с.19)¹³.

Таково собственно музыкальное впечатление юного Мандельштама. Но с чем же связан “чад”, в котором он каждый раз возвращался домой из синагоги? Кстати, этот “всегдашний” чад как-то слабо коррелирует с тем, что в синагоге поэт был “раз или два в жизни”

Что же вызвало в поэте непреодолимое неприятие? Мандельштам отвечает: “Но какое *оскорбление* — *скверная*, хотя и *грамотная* речь раввина, какая пошлость, когда он произносит “государь император”, какая пошлость все, что он говорит!” (с.19).

Характерно, что практически то же самое сказано Мандельштамом о своем еврейском учителе: “В припадке национального раскаяния наняли было ко мне настоящего еврейского учителя. *Грамотная* русская речь звучала *фальшиво*” (с.19).

Итак, проблема еврейской речи оказалась связана у Мандельштама с проблемой сочетания этой речи с синагогальным пением. Только в отличие от Вагнера, который именно из особенностей семитской речи выводил невыносимость для себя еврейского пения, ситуация у Мандельштама существенно иная.

Если речь его отца, у которого “совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие”(с.20), нас может сейчас не интересовать — он не имел никакого отношения к русской культуре, то речь матери — иное дело.

Вот как характеризует ее Мандельштам: “Речь матери — ясная и звонкая без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь; *словарь ее беден и сжат, обороты однообразны*, но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное. Мать любила говорить и радовалась корню и звуку *прибедненной* интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков?” (с. 20).

А вот что пишет Р. Вагнер на ту же самую тему с той лишь разницей, что у него рассуждения о еврейском языке следуют

до анализа синагогальной музыки, а у Мандельштама – после.

Цитируем “Еврейство в музыке”: “...для разрешения вопроса о влиянии евреев на музыку необходимо, главным образом, обратить внимание на язык евреев и на то впечатление, которое производит на нас еврейская речь.

Евреи говорят языком той нации, среди которой они живут, но говорят, как иностранцы. Прежде всего необходимо иметь в виду то обстоятельство, что еврей, научившись говорить на европейских языках, но не владея ими *как языками природными*, окончательно лишен какой бы то ни было способности выражаться на них вполне самостоятельно и индивидуально своеобразно”.

Обратим внимание на то, что мать Мандельштама, судя по рассказу сына, говорила на усредненном и обедненном, однообразном интеллигентском наречии, что очень трудно отнести к природному языку. В свою очередь, если человек радуется корню и звуку своего языка и при этом, как мать поэта, первым из всего рода прорвался к реальной основе, в данном случае – русского, языка, то речь такая, разумеется, отличается от той, что присуща носителям родного языка.

Но именно этим и объясняет Вагнер невозможность для евреев быть актерами или певцами в немецком драматическом или музыкальном театре: “Язык не есть дело единичной личности, но произведение исторической общности; и только тот, кто вырос в этой общности, может принимать участие в ее создании. Евреи же живут одиноко, вне исторической общности с теми народами, среди которых они живут. Они одиноки со своей национальной религией, одиноки как племя, которое *лишено почвы* и которому *судьба*¹⁴ настолько отказала в развитии внутри себя, что даже его собственный язык сохранился лишь как мертвый”¹⁵.

Мандельштам – еврей, а не немец, пришел в синагогу и слышал звуки еврейских песнопений. Любые свойства русского языка матери и отца не могли оказать никакого влияния на впечатления еврейского мальчика от древнееврейских песнопений. Собственно, и антисемит Вагнер готов был допустить “в интересах справедливости”, как он сам говорил, что “у евреев в их чисто еврейских делах и в семейной жизни, несомненно, прорываются человеческие, алыруистические чувства, но принять во внимание этого мы не можем в связи с тем, что вынуждены выслушивать евреев, которые в жизни и искусстве обращаются именно к нам”¹⁶.

На фоне сказанного особый интерес приобретают слова Мандельштама о происхождении его собственного языка: “В детстве я совсем не слышал жаргона, лишь потом я наслушался этой певучей, всегда удивленной и разочарованной, вопросительной речи с резкими ударениями на полутонах. Речь отца и матери — не слиянием ли этих двух речей питается всю долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер?” (с. 19–20)¹⁷.

Итак, язык самого Мандельштама сложился из интеллигентски обедненного с однообразными оборотами речи языка матери и неязыка отца, чье описание Мандельштамом сходно с самописанием языка в автобиографии Соломона Маймона¹⁸. Однако именно странности языка отца, которые и не “русская речь польского еврея” (то есть русская речь с идишским акцентом) и не “речь немецкого еврея”, исключают наследование идишского произношения. Здесь, несмотря на “синтаксис талмудиста”, можно встретить и “термины Лейбница, Гердера, Спинозы”. Следовательно, сам Мандельштам, который жил и учился в Петербурге, вполне мог оказаться носителем настоящей русской речи и избежать обвинений отечественных последователей Р. Вагнера, утверждавшего: “А творить на чужом языке до сего времени не было возможно даже для величайших гениев. Поэтому вся европейская цивилизация и ее искусство остались чуждыми для евреев: они не принимали никакого участия в их образовании и развитии, но лишённые отечества, только издали присматривались к ним. На нашем языке и в нашем искусстве еврей может только повторять, подражать, но создать изящные произведения, творить — он не в состоянии.

Насколько чужды нам евреи, можно судить из того, что сам язык евреев противен нам. Особенности семитической речи, особенное упрямство её природы не изгладилось даже под воздействием на нее двухтысячелетнего культурного общения евреев с европейскими народами.

Само звуковыражение, чуждое нам, резко поражает наш слух; также неприятно действует на нас незнакомая конструкция оборотов, благодаря которым еврейская речь приобретает характер невыразимо перепутанной болтовни... Прислушайтесь к речи еврея, и вас неприятно удивит отсутствие в ней чего-то гуманного: его речь это какое-то холодное, полное равнодушия своеобразное каляканье. Ничто не возвышается в ней до взволнованности высшей, прожигающей сердце страсти... Вышеуказанные свойства еврейской речи, как видим, делают

еврея неспособным к художественному словесному выражению своих мыслей и чувств...”¹⁹.

Понятно, что такой подход к определению творческих возможностей еврея был для Манделъштама не только неприятен, но и должен был вызывать тревогу.

Тем более что Р. Вагнер задевал и еще одну болезненную струну — начиная с попыток еврейской религиозной реформы и кончая образованными евреями, шедшими на все, вплоть до крещения, ради доступа в высшие сферы. Р. Вагнер как антисемит говорит о том, что все в художественном творчестве определяется происхождением, ничто не может изменить этот момент в биографии любого художника, особенно еврея. Выражается эта мысль так: “...о подражании, о достойном обезьян копировании приемов музыкального творчества со стороны наших еврейских «делателей музыки», которые если и внесли в искусство хоть что-нибудь оригинальное, то лишь своеобразный акцент.

Современное образование, доступное только классам состоятельным, прежде всего оказалось доступным для евреев и тем унижительно для себя обратилось в предмет роскоши.

С этого же момента в нашу общественную жизнь вступает образованный еврей, отличие которого от необразованного еврея мы должны принять во внимание. Образованный еврей произвел невероятнейшие усилия, чтобы лишить себя заметных признаков своих низших единоверцев. Во многих случаях он даже признавал целесообразным действовать путем принятия христианского крещения, лишь бы только уничтожить все следы своего происхождения. Но такое усердие никогда, однако, не давало ему полной возможности получить ожидаемые результаты”²⁰.

Здесь важно отметить, что, хотя в главке “Хаос иудейский” речь идет примерно о 1899–1904 гг., все же прозу писал не 10–12-летний мальчик, а серьезный поэт и прозаик, переживший не только методистское крещение, увлечение имяславием, две русские революции (если не три, считая 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. по отдельности), написавший несколько вполне еврейских очерков и пишущий все тот же “Шум времени”. Поэтому, разумеется, в этой прозе отразились не только детские воспоминания, но и сложный духовный путь российского еврея Осипа Манделъштама. Собственно об этом свидетельствует и общая конструкция “Шума времени”.

Сейчас мы прервем на время анализ главки “Хаос иудейский”, лишь отметив, что описание Рижского взморья и его курортов строится на противопоставлении музыки немецкой части курорта и какофонии “еврейской клоаки”, что лишь подтверждает предыдущие выводы о связи “Шума времени” с “Еврейством в музыке”. Обратимся теперь к следующей главке “Концерты Гофмана и Кубелика”, которая предшествует главке о становлении, говоря словами Р. Вагнера, “образованного еврея” в престижном петербургском учебном заведении.

Концерты Гофмана и Кубелика в петербургском Дворянском собрании, бурный восторг публики Мандельштам ассоциирует с подземными толчками революции 1905 года. Ярость и исступление зала он связывает с чем-то “грозным и даже опасным”, подымающимся с большой глубины “предысторическим беспокойством, точившим тогдашний Петербург”. Чуть ниже Мандельштам значимо назовет этих двух виртуозов не традиционными “законодателями мод”, но несколько своеобразно, однако в нашем контексте значимо — “законниками скрипки и роля”.

Похоже, вслед за рижско-еврейскими скрипичными какофониями появились настоящие виртуозы. Те самые, которых так ненавидел Вагнер. Напомним, что он отмечал в речи еврея “холодность”, невозможность возвыситься до “взволнованности высшей, прожигающей сердце страсти”, и одновременно отмечал, что для “образованного еврея” не существует содержания искусства, “к содержанию художественных произведений он безразличен: только форма интересует его.

Еврею все равно, что сказать в произведении искусства, остается вопрос — как сказать, и этот вопрос для него единственный, достойный заботы.

Все, что в музыке, как в обособленном искусстве, можно было выразить, — все выражено, все исчерпано в ней творчеством величайших гениев”²¹.

Именно вслед за этим идут рассуждения об обезьяннем и попугайном подражательстве евреев — “творцов музыки”.

На этом фоне особое значение приобретает непосредственное описание Мандельштамом виртуозной игры Гофмана и Кубелика: “...эти маленькие *гении*, властвуя над потрясенной музыкальной чернью всем способом своей игры, всей логикой и *прелестью звука*, делали все, чтобы сковать и *остудить* разнужданную своеобразно-дионисийскую стихию”²². Я никогда ни у кого не слышал такого *чистого, первородно-ясного* и прозрач-

ного звука, *трезвого* в рояли как ключевая вода, и доводящего скрипку до простейшего, неразложимого на составные волокна голоса; я никогда не слышал больше такого виртуозного, *альпийского холода*, как в *скуности, трезвости, формальной ясности* этих двух законников скрипки и рояля. Но то, что было в их исполнении ясного и трезвого, только больше бесило и подстрекало к новым неистовствам облепившую мраморные столпы, свисавшую гроздьями с хоров толпу. Такая сила была в рассудочной и чистой игре этих двух виртуозов" (с. 24).

Итак, неистовству публики противопоставлена холодность; формальная ясность вызывает новые приступы дионисийского бешенства, а сама музыка вообще не названа. Мандельштам описывает лишь то "как", но не то, "что" играют виртуозы.

А то, что вновь, как и в случае с синагогой и описанием еврейской речи, возникла инверсия – виртуозов мальчик слышал до Тенишевского училища, да к тому же, в отличие от большинства почитателей Кубелика, "не играл на скрипке", не был еврейским "делателем музыки", оказывается достойным контрапунктом тому, о чем и как говорится в "Еврействе в музыке".

Вообще говоря, музыкальная тема, сочетающая в себе два имени – Чайковский и Рубинштейн, – пронизывает все главы "Шума времени" – от "Музыки в Павловске" до "Книжного шкапа". Как мы пытаемся показать, вагнеровский слой достаточно плотен в прозе Мандельштама и стоит обратить внимание на одно интересное обстоятельство. В биографии Р. Вагнера мы встречаемся с еще одним пианистом Рубинштейном, совсем не тем, что играл Чайковского в Павловске, и не тем, баркаролы которого звучали на гимназических вечерах в Вильно в годы учебы матери Мандельштама.

С этим "третьим" Рубинштейном все обстоит куда интереснее, сложнее и трагичнее. Вот как излагает его историю в своей "Истории антисемитизма" Леон Поляков: "В окружении Вагнера была история с виртуозом Иосифом Рубинштейном. Их связь началась с письма, отправленного этим музыкантом со своей родной Украины автору «Иудаизма в музыке» (так называет брошюру Р. Вагнера Л. Поляков в своей книге. – Л. К.), в котором он писал, что согласен с ним по всем пунктам и что поэтому ему остается выбор между самоубийством или искуплением под сенью мэтра. Вагнер согласился оказать ему отеческое покровительство, принял его в 1872 г. в число своих домочадцев, и он стал его любимым пианистом: мелодии Зиг-

фрида, Вотана, Валькирий исполнялись для гостей в обработке для клавишных этим евреем. Его преданность Вагнеру не знала границ, а его смерть повергла Рубинштейна в такую растерянность, что он совершил самоубийство на могиле своего мэтра. В официальной биографии Вагнера написано: «Он (Рубинштейн. — Л. К.) не смог вынести того, что вынесли все приверженцы мэтра — пережить его»²³.

Итак, в тексте Мандельштама “Шум времени” упоминаются впрямую один или два Рубинштейна: Николай и Антон. К ним, возможно, примыкает и еще один — Иосиф. Кстати, сам Мандельштам нигде не приводит инициалов своих или своего Рубинштейна. Нам представляется это неслучайным.

Ведь подобная игра была свойственна как раз полемике вокруг Р. Вагнера. И связана она с позицией Г. Гейне.

Это тем более важно, что лишь этот немецко-еврейский поэт удостоился похвалы Р. Вагнера в его “Еврействе в музыке”. И немудрено. Ведь соображения Г. Гейне о некоем Дессауэре мало чем отличаются от текста Вагнера. В связи с ними мы обращаем внимание на то, как Г. Гейне играет в ту самую игру, которая, как нам представляется, наличествует и у О. Мандельштама. Оба обыгрывают совпадения фамилий музыкантов, имеющих то или иное отношение к еврейской проблематике.

Итак, Гейне пишет: “Как печален был опыт Рихарда Вагнера, который, наконец, повинувшись внушениям рассудка и желудка, благоразумно отказался от опасного проекта обосноваться на французской сцене и перелетел обратно, в немецкий картофельный рай. Более благоприятно в материальном и профессиональном отношении устроился старый Дессауэр, сочиняющий, как он утверждает, оперу по поручению дирекции Комической оперы... Но кто же такой старый Дессауэр? Это же не может быть тот старый Дессауэр, который в Семилетней войне снискал столько лавров, марш которого стал так знаменит и статуя которого стояла в берлинском дворцовом саду, а потом обрушилась! Нет, дорогой читатель! Он не из Дессау — напротив, он из Праги, где у него два больших опрятных дома в еврейском квартале; говорят, у него и в Вене есть дом и вообще большое состояние... В Вене, так же как и в Праге, старый Дессауэр старался проявить свои таланты, но клика, поклоняющаяся Моцарту, Бетховену и Шуберту, не дала ему ходу; его не поняли, что вполне естественно хотя бы из-за бестолкового жаргона и какого-то гнусавого произношения немецких слов, напоминающего гнилые яйца. А может

быть, его поняли и как раз поэтому-то не захотели слышать о нем? К тому же он страдал геморроем, нарушением мочеиспускания и заболел, как он выражается, «меланхоликой»²⁴.

Далее Гейне рассуждает о проблемах барона Д. Ротшильда, сожалеет о горькой судьбе некоего выкреста Августа Лео и т.д.

В сущности, его выпады против “старого Дессауэра” с его еврейским акцентом находятся в контексте, близком к вагнеровскому. Поэтому не стоит удивляться и вагнеровской оценке творчества Гейне того периода: “Мы говорили выше, что евреи не дали свету ни одного истинного служителя искусства. Но необходимо упомянуть о Генрихе Гейне. В то время, когда у нас творили Гете и Шиллер, не было ни одного другого поэта-еврея. Но когда у нас поэзия превратилась в ложь и когда не сохранилось ни одного настоящего поэта, тогда стало делом некоторого очень одаренного поэтического еврея раскрыть с пленительной насмешкой эту ложь, эту бездонную вялость, иезуитское лицемерие нашего творчества, напрасно пытавшегося придать себе вид поэзии. Он немилосердно бичевал также своих знаменитых братьев-евреев за их открытое намерение быть художниками; никакой обман не мог перед ним устоять. Он был без отдыха гоним неумолимым демоном отрицания того, что казалось ему отрицательным через все иллюзии современного самообмана, до той точки, где он сам себе нагнал, что он поэт. За это он приобрел свое стихотворное вранье, переложенное нашими композиторами на музыку. Он был совестью еврейства, как еврейство является нечистой совестью нашей современной цивилизации”²⁵.

Таким образом, Г. Гейне задает ту игру еврейскими музыкальными фамилиями, которую подхватывает Мандельштам, а вагнеровский подтекст мандельштамовских размышлений о музыке получает еще одно подтверждение.

Однако для того чтобы перейти к непосредственной оценке мандельштамовского описания игры Гофмана и Кубелика, нам необходимо от старых текстов Г. Гейне и Р. Вагнера перейти к российской ситуации 1900-х гг.

II

И здесь именно имя И. Гофмана – польского еврея, знаменитого пианиста, оказывается связующим звеном между проблемами русского вагнеризма и культурной ситуацией в предреволюционной Российской империи. Парадокс, однако,

состоит в том, что автор русской версии “Юдаизма в музыке” – Эмиль Метнер – называл себя “невагнеристом”. И в то же самое время его знаменитая антисемитская статья “Эстрада” начиналась как раз с упоминания Иосифа Гофмана: “Мне уже приходилось на этих столбцах по поводу концертов Иосифа Гофмана указывать на антиномию, стоящую перед каждым артистом, раз выступившим на эстраду.

а. Эстрада необходима для развития и поддержания способностей и для формирования личности артиста.

б. Эстрада пагубна и для того, и для другого”²⁶.

Для того чтобы понять “невагнеризм” Э. Метнера, необходимо знать лишь то, что для него чистая музыка “вопреки крайним вагнерианцам и другим пророкам окончательного синтеза искусств всегда сохранит свою художественную самостоятельность”. В остальном статьи и позиция Э. Метнера (псевдоним – Вольфинг) вполне соответствуют текстам Р. Вагнера.

Говоря о “великопостных концертах Гофмана и Кубелика”, Мандельштам имеет в виду годы, предшествующие первой русской революции: “Тут было не музыкальное любительство, а нечто грозное и даже опасное подымалось с большой глубины, словно жажда действия, глухое предысторическое беспокойство, точившее тогдашний Петербург – еще не пробил тысяча девятьсот пятый год, – выливалось своеобразным, почти хлыстовским радением трабантов Михайловской площади... Гарцующие конные жандармы, внося в атмосферу площади дух гражданского беспокойства, цокали, покрикивали, цепью охраняя главное крыльцо” (с. 23).

А вот как описывает О. Мандельштам внешность И. Гофмана (варшавского еврея, жившего в Берлине) и Я. Кубелика (чешского скрипача-виртуоза): “Кто такие были Гофман и Кубелик? – Прежде всего, в сознании тогдашнего петербуржца они сливались в один образ. Как близнецы, они были одного роста и одной масти. Ростом ниже среднего, *почти недомерки, волосы чернее вороньего крыла* (курсив мой. – Л. К.). У обоих был очень *низкий лоб* и *очень маленькие руки*. Оба сейчас мне представляются чем-то вроде премьеров труппы *лилипутов*” (с. 24).

Явно перед нами описание двух чернявых карликов, которые должны сыграть невыносимо-виртуозную музыку, ненавистную и для Вагнера, и для его последователя Э. Метнера.

Характерно, что и еврей, и чех – одной масти, черной, вороньего крыла. Но перед нами все же пара – еврей-славянин, а не еврей-немец. И на это стоит обратить внимание. Ведь

“традиционно” скрипачом-виртуозом “должен быть” еврей. Здесь же – славянин. И это тут же обыгрывается О. Манделшгамом: “К Кубелику меня возили на поклон в «Европейскую» гостиницу, хотя я и не играл на скрипке (курсив мой – Л. К.). Он жил настоящим принцем. Он тревожно взмахнул ручкой, испугавшись, что мальчик играет на скрипке, но сейчас же успокоился и подарил свой автограф, что от него и требовалось”(с. 23, 24).

Далее следует описание начала концерта двух знаменитых виртуозов, которое, разумеется, может быть и вполне обыденным. Однако важны детали, запомнившиеся автору “Шума времени”: “Вот, когда эти два маленьких музыкальных полубога, два первых любовника театра лилипутов, должны были пробиться через ломившуюся под тяжестью толпы эстраду, мне становилось за них страшно. Потом распорядители с трудом расчищали дорожку в толпе, и среди неопишемого рева со всех сторон навалившейся человеческой массы, не кланяясь и не улыбаясь, почти трепеща, с каким-то злым выражением на лице, они пробивались к пюпитру и роялю”(с. 24).

Современница, а впоследствии ученица И. Гофмана М. Барина вспоминала уже о втором петербургском концерте И. Гофмана: “Успех первого выступления превзошел всякие ожидания. Когда вслед за этим был объявлен собственный клавирабенд Гофмана, публика уже осаждала кассы; зал не вмещал всех желающих его услышать.

Большой зал Дворянского собрания был настолько переполнен, что ряды стульев были поставлены даже на эстраде, оставляя место лишь для прохода артиста к инструменту”²⁷.

Заметим, что почти документально запечатлевая манеры Гофмана, Манделшгам необычайно точен. Вот как описывает это же М. Барина: “Из разговоров с Гофманом о фортепианной технике я узнала много совершенно для меня нового.

С детских лет Гофман проявлял особый интерес к механике. Часами он мог просиживать на автомобильных заводах, изобретая всякие конструкции и усовершенствования В возрасте 14 лет Гофман, по его словам, уже пытался отыскать особые приемы фортепианной техники, используя для этой цели законы механики, вернее, биомеханики. Применяя законы рычагов для движений руки, он хотел сократить количество энергии и времени, затрачиваемых на упражнения.

К этому времени относится и изучение им устройства фонолы, пианолы, вельте-миньон. Слушая механическое испол-

нение, Гофман усваивал очень точную ритмику, что не прошло бесследно и для его собственного исполнения. Появление Гофмана на концертной эстраде поразило слушателей безукоризненным техническим аппаратом пианиста, конкурировавшим с точным механизмом”²⁸.

Теперь остается заметить, что И. Гофман был учеником Антона Рубинштейна. Линия, или лейтмотив “Рубинштейнов” продолжается и в подтексте главки “Концерты Гофмана и Кубелика”.

Однако, как вспоминает М.Баринова, отношение к И. Гофману в музыкальной среде было далеко от всеобщего признания: “Когда я вернулась после занятий с Гофманом из Берлина на родину, то поделилась со многими музыкантами своими впечатлениями, не находя нужным скрывать новые, сформировавшиеся у меня взгляды на фортепианное искусство. Некоторые консервативно настроенные музыканты от меня отвернулись. Им, уповавшим на «святое вдохновение», казалось ужасным вмешательство человеческого разума в искусство”²⁹.

Разумеется, и это отмечает М.Баринова, все технические ухищрения и новшества были не самоценны, но призваны реализовать и выразить глубинный смысл произведений композиторов.

Однако вот что можно прочесть в журнале “Золотое руно (1907. №1) о концертах И. Гофмана: “Г. Гофман в первый раз появился в Москве более десяти лет тому назад и своей игрой сразу околдовал москвичей... С тех пор Гофман от времени до времени приезжал концерттировать в Москву... В настоящий сезон Гофман снова посетил Москву, и на этот раз успех его был чуть ли не наибольшим. Несмотря на то что внимание просвещенного общества в настоящее время усиленно отвлечено *в сторону партийных вопросов*, однако все шесть концертов Гофмана, данные им в декабре прошлого года, прошли при переполненном публикой зале.

Это были совершенно исключительные по нынешним временам собрания *людей противоположных партий*, сошедшихся на одной общей почве уважения и поклонения таланту.

Многие из учащейся молодежи тратили последние свои средства, чтобы услышать замечательного пианиста.

Старые и важные профессора оставили свои серьезные учебные занятия, чтобы прийти послушать Гофмана, и тщетно старались проникнуть умом в тайну тех чувств, которые в них вызывал Гофман и которые ни в какие научные понятия не

укладываются, никакими словами невыразимы и не имеют никакого отношения ни к общественным, ни к научным интересам”³⁰.

Мы процитировали статью “О И. Гофмане и о фортепианной игре”, подписанную критиком, скрывшимся под псевдонимом К.Р., и касающуюся концертов Гофмана в Москве в декабре 1906 г. Однако восторженность рецензента касается лишь некоторых элементов этих концертов, а основная цель его иная: “И, однако же, надо, к сожалению, признать, что игра Гофмана в последнее время, особенно в этот приезд, стала во многих отношениях ниже, чем была десять лет тому назад.

Каким же образом мог за это время так измениться Гофман и в каком отношении его игра (по крайней мере в концерте) стала не так высока, как была раньше?”.

Ответ на этот вопрос последует в самом конце довольно обширной статьи: “...как уже было сказано выше, для того чтобы находиться на высоте действительного художественного исполнения, надо прежде всего быть в состоянии самому переживать в душе высочайшие музыкальные произведения в их законченном и совершенном виде, то есть приблизиться в этом отношении к переживаниям самих великих композиторов... В настоящее время, по крайней мере поскольку речь идет о концертном исполнении, настроение Гофмана не всегда оказывается на высоте тех произведений, которые он исполняет, это уже не должно быть секретом.

Быть может, причина тому — слишком частые концерты, притупившие у Гофмана интерес к концертному исполнению, или, может быть, у Гофмана появились новые интересы и новые переживания, которые не совместимы с чисто художественными музыкальными переживаниями, но теперешняя игра Гофмана производит такое впечатление, как будто он при исполнении многих вещей не вполне присутствует душой и играет не из свойственной художнику потребности поделиться с людьми своими художественными переживаниями”³¹.

Таков был Гофман в 1906 г., но тогда, когда его слушал или описывал О. Мандельштам, то есть в 1903–1904 гг., ситуация, по-видимому, была существенно иной. Отметим, что тогда И. Гофман был символом грядущей бури (“Шум времени”), а в декабре 1906 г. — в разгар первой русской революции — критик К. Р. указывает на отвлеченность пианиста, а публика, в свою очередь, приходит слушать пианиста как раз отрезавшись от внемузыкальных проблем.

Теперь вернемся к проблеме “Вагнер, евреи и музыка”, которая собственно и обсуждается Э. Метнером на страницах “Золотого руна”. Напомним, что его антисемитская статья “Эстрада” начиналась, как мы говорили выше, с обсуждения вреда эстрады даже для Гофмана. Однако статья эта менее всего была посвящена проблемам пианизма.

Уже в первой статье цикла “Эстрада” читаем: “Только очень немногие не задумываются перед единственным морально-практическим решением, принося в жертву даже законченность своего виртуозного дара безупречности своей художественной и нравственной личности, появляясь на эстраде, несмотря на свой талант первоклассного исполнителя, в качестве редкого, иногда робкого гостя, а не с тем *обычным, хозяйским небрежно-победоносным видом укротителя диких зверей*, способным исказить до неузнаваемости даже благородные черты”³².

Здесь трудно не вспомнить, как описывал Мандельштам подход к роялю Гофмана и Кубелика, которых “толпа была готова растерзать” и которые шли к роялю “не кланяясь, почти трепеща, с каким-то злым выражением на лице”; музыка, в свою очередь, была призвана “сковать и остудить” дионисийскую стихию. Хочется задать себе вопрос, а не связан ли этот эпизод “Шума времени” со статьями Э. Метнера напрямую?!

Далее в статье “Эстрада” подробно говорится о том же, о чем и в статье К. Р., то есть о том, что эстрада как явление привела к чистому зарабатыванию денег, выходу артиста на публику лишь для демонстрации беглости пальцев и нервных тиков, а не для донесения до слушателей глубин музыкального смысла. Этому способствует, по мнению Э. Метнера, и продажная музыкальная критика: “Между неутомимым зудом в концертной суе и все растущую массу пустозвонных эстрадников наблюдается по существу то же отношение, что между сутяжничеством и мелкою крючкотворною адвокатурою; там, как и здесь, оба явления, взаимодействуя, развиваются до чрезмерности и приобретают вредоносный характер”³³.

Любому, кто знакомится с антисемитской топикой 1900–1910-х гг., привкус “мелкой крючкотворной адвокатуры” сразу ясен (см. хотя бы многочисленные рассуждения В.В. Розанова времен “дела Бейлиса”). Поэтому неудивительно и то, что последует в следующих частях статьи “Эстрада”, когда речь пойдет о виртуозах на берлинской эстраде.

Для русского антисемитского вагнеризма 1900-х гг. фигуры И. Гофмана, названного Мандельштамом, и Вольфинга (Метнера), им не названного, — ключевые. Не говоря уже о роли журнала “Золотое руно” в культурном процессе эпохи. Поэтому неудивительно, что именно статьи из “Золотого руна” перекликаются, как мы показали, с прозой Мандельштама о 1900-х гг.

Речь в статье Вольфинга пойдет, естественно, и о еврейских мальчиках-виртуозах. Поэтому напомним несколько строк из “Хаоса иудейского”, предшествующих “Концертам Гофмана и Кубелика”: “Как убедительно звучали эти размягченные *итальянским безвольем* (курсив мой. — Л. К.), но все же русские скрипичные голоса (речь идет о “плавных чисто скрипичных местах Чайковского”. — Л. К.) в грязной еврейской клоаке! Какая нить протянута от этих первых убогих концертов к шелковому пожару Дворянского собрания...” (с. 12).

Собственно, именно этой теме и посвящено обширное сочинение Вольфинга, который перенес вагнеровскую проблематику середины XIX в. на русскую почву времен взросления и национально-религиозного самоопределения Осипа Мандельштама.

Э. Метнер пишет: “Здесь я подхожу к одной крайне щекотливой стороне и поэтому вынужден совершить отступление от главной темы статьи. Если бы я сказал, что в противоположность леонидо-андреевскому чиновнику мне негрятянки не нравятся как раз потому, что в них «есть нечто экзотическое», то никому из моих сограждан не пришло бы в голову укорять меня за нетерпимость, узкий национализм, квасной патриотизм и подозревать меня в принадлежности к черной сотне. Если же я осмелюсь наиделикатнейшим образом заметить, что мне не нравятся чужие ингредиенты, вносимые евреями в европейскую (особенно в германскую) музыку, то я рискую прослыть сторонником еврейских погромов и соратником Паволакя Крушевана”³⁴.

Говоря о позиции освободительного движения по отношению к национальному вопросу, Э. Метнер продолжает: “...если бы вместо евреев были негры или китайцы, строго последовательный социально-политический прогрессист бесстрастно поставил бы те же требования эмансипации. И хвала ему! Но только такая же отвлеченность желательна и дальше при рассмотрении «еврейского вопроса» с точки зрения культурного идеала данной нации или группы наций; именно воз-

4 Вестник Еврейского университета

никающие сомнения в ценности еврейских вкладов в сокровищницу европейской (особенно германской) культуры не должны быть рассматриваемы как проявления антисемитизма; ведь эти сомнения вовсе не простираются на самоценность юдаизма как такового, а только в отношении, например, к культурно-национальным типам арийских народов”³⁵.

Далее автор рассуждает о том, что лишь сторонники и фанатики всяческого равенства не замечают принципиальной разницы между евреями и арийскими народами, и выделяет сионистов, которые “глубоко чувствуют коренное отличие своего племени от европейцев, безнадежность полного и плодотворного слития его с последними и справедливо желают пересадить его на иную почву, где оно могло бы дать плоды своей новой культуры”³⁶.

Это предисловие требуется Э. Метнеру, чтобы перейти к проблеме “экзотических” еврейских виртуозов, которых производят специально созданные для этого фирмы, естественно, из черты оседлости, которую, правда, он в открытую не называет: “Я не шутя думаю, что где-нибудь по ту или другую сторону, но неизменно близ пограничной линии, отделяющей обе немецкие империи от русской, Запад от Востока, в той срединной полосе, *где совершаются разные таинственные преступления* (мы вряд ли ошибемся, заподозрив здесь «кровавый навет». — Л. К.), фабрикуются фальшивые деньги, занимаются своим ремеслом контрабандисты и т.п., существуют особенные заводы для выращивания и дрессировки вундеркиндов. Им уже в люльку кладут подобие скрипки, какую-нибудь деревяшку с натянутой на нее ниткой (оттого *они преимущественно скрипачи*); еще ползая на четвереньках, эти гении играют что вам угодно на ниточке; понятно, что четырехструнная скрипка или какая-нибудь там соната Баха им нипочем; впоследствии, когда они выступают, не только соната Баха им нипочем, но и вообще им безразлично, Бах или Оффенбах. Главное, это длинные волосы, кружевной воротник, бархатный детский костюмчик, носимый чуть ли не до 20-летнего возраста, и «экзотическое» имя вроде Seroscha Golowastic или Grischa Grellmaun или Ewsey Malossoini”³⁷.

И надо же такому случиться, что Э. Метнер из названных имен не воспользовался ни одним. Он принялся рассуждать о некоем Ossip’e Ssoloveitchik’e пяти лет от роду. И далее речь в “Эстраде” идет уже просто об “Осипе”, которого фотографируют в разных позах, а если у него толстые губы, то снимают,

чтобы подчеркнуть сходство с Бетховеном; затем подкупают критиков и организаторов концертов и т.д.

Завершается это рассуждение так: "Я не знаю, как берлинцам, но мне, повторяю, становится страшно за музыку ввиду таких явлений, и без малейшей натяжки я должен сказать, что в цирке или в варьете-театре приходится слышать номера, которые имеют не меньшее отношение к музыке, чем эти Осипы"³⁸.

Далее следуют обычные рассуждения о торгово-ростовщической предприимчивости евреев, которая переносится и на музыкальную деятельность, констатируется, что германскому или арийскому артисту не пробиться через еврейский заслон, так как еврею легче работать "со своими".

Откровенно расистские пассажи Э. Метнера, который закономерно закончил свой путь поклонением бесноватому ефрейтору, оказываются полностью связаны с основными, как мы пытались показать, темами "Еврейства в музыке" Р. Вагнера; роли музыки в синагогальном пении времен религиозной реформы; роли и места Антона Рубинштейна в истории музыкального исполнительства; проблемы евреев-вундеркиндов и даже места тех или иных композиторов, упомянутых О. Мандельштамом в "Шуме времени".

Э. Метнер считал еврейскую музыкальность специфической особенностью. Однако эта специфичность, по его мнению, восходила к древности еврейско-азиатского происхождения евреев и была принципиально несовместима с германской музыкальностью³⁹.

Здесь мы приведем достаточно обширный отрывок из статьи "Эстрада", который объединит все названные темы: "Конечно, на это можно возразить, что недостаточно иметь в виду только русского пианиста Рубинштейна, что надлежит принять во внимание и палестинского псалмопевца Давида.

Но пусть слишком «историчные» историки музыкального искусства, влюбленные не в музыку, а в научный фетиш эволюционной теории, ищут (а потому и находят) звенья, связующие европейскую и азиатскую, новую и древнюю музыку; почти все выкладки таких неартистичных ученых имеют значение только на бумаге; даже от констатирования связи итальянской и германской музыки никому не холодно и не жарко: Моцарт велик тем, как претворил итальянизм, тем, что он сумел дать не благодаря итальянизму, а вопреки ему; стоит же только прозвучать симфонии Бетховена, как вся музыкальная

эволюция от Адама и Евы до *Рихарда Штрауса* и Саломеи представится почти ненужным научным пустяком, на который не стоило бы тратить столько времени и сил, когда есть нерешенные вопросы о музыке большей важности. Раз и навсегда: азиатская музыка, древняя музыка, поскольку мы вправе воображать, что знаем, как она звучала, и даже многое из итальянской, например, опера, — все это чуждо нам в той мере, что есть основания пренебречь скорее элементами сходства, нежели различия, и говорить о музыке как о новом искусстве, наиболее типичное и яркое проявление которого представляет период германской музыки от Баха до Вагнера; «музыка есть искусство германское» — говорил русский еврей Антон Рубинштейн.

А азиатская музыка евреев, отчасти сохранившаяся в некоторых строго консервативных синагогах, безнадежно чужда нам; что она чужда стала и многим евреям, доказывают другие синагоги, в которых можно услышать мендельсоновско-модернизированные напевы и орган; европейская же музыкальность евреев — от позавчера; евреи, несмотря на свою талантливость, являются, выражаясь терминологически, музыкальными «варварами»: можно достичь виртуозности в исполнении, аналитической тонкости в понимании и все же остаться чуждым сердцевине данного искусства, и эта чуждость, между прочим, сказывается в бесплодии, творческом бессилии отдельных индивидуумов (так как здесь действуют частные отрицательные причины), а целого народа.

Мне кажется, что права консервативная синагога и правы сионисты; если бы мечта последних когда-нибудь осуществилась, то, освободившись мало-помалу от влияния европейской музыки, еврейское музыкальное дарование, может быть, перестало бы быть столь однобоким и дало бы свои творческие плоды...^{40*}

Если теперь обратиться к эпизоду на Рижском взморье из «Шума времени», то мы без труда увидим, что вся музыка, которая там звучит, прямо противопоставлена вкусам Э. Метнера. Прежде всего, на немецкой «половине» взморья звучит ненавистный Э. Метнеру Рихард Штраус: «Всю землю держал барон с моноклем по имени Фиркс. Землю свою он разгоро-

---

* На это указывал еще Р. Вагнер в своих классических хоть и несколько резких статьях об еврействе в музыке (см. особенно в т. 5 и т. 8); с некоторыми положениями этих статей нельзя не согласиться (прим. Э. Метнера).

дил на чистую от евреев и нечистую. На чистой земле сидели бурши-корпоранты и растирали столики пивными кружками. На земле иудейской висели пеленки и захлебывались гаммы. В Майоренгофе, у немцев, играла музыка — симфонический оркестр в садовой раковине — «Смерть и просветление» Штрауса. Пожилые немки с румянцем на щеках, в свежем трауре, находили свою отраду” (с. 22).

Для Э. Метнера же все, что связано с именем Рихарда Штрауса, “начиная с самодовлеющей инструментовки”, “исполнительского виртуозничанья ради него самого и кончая выращиванием вундеркиндов”, и есть собственно тот “самоубийственный центробежный процесс”, которым является музыка модернизма.

И в качестве вывода Метнер приводит такую мысль: “Под дружным воздействием всех проявлений современного музыкального искусства, одинаково стремящихся к поверхности, то есть к пошлости, все равно интернациональной или экзотической, окончательно гибнет музыкальное чутье не только у большой публики, но и у музыкально-образованного меньшинства. Я не раз наблюдал, как после какой-нибудь штраусовской «домашней симфонии» даже первоклассный оркестр временно грубеет, теряет упругость, становится аритмичным и является неспособным к передаче строгих и тонких моментов недомашней мировой бетховенской симфонии”⁴¹.

Понятно, что и разыскания “псевдоисториков” в области общности “сумеро-аккадийских начал” и Девятой симфонии крайне раздражают ревнителя антиазиатского, чисто арийского духа.

Что же касается евреев, то их “черта оседлости” на Рижском взморье была достаточно жесткой, и здесь О. Мандельштам был точен. Уже после революции рижские старожилы вспоминали: “В Дуббельне стоял эскадрон пограничной стражи. В парке при акционерном доме играл ежедневно симфонический оркестр под управлением Шнефргта. Положим, были ограничения. Например, евреи имели право селиться лишь по левую сторону нынешнего Меллужского проспекта и в новом Дуббельне. Собственник майоративных имений Майоренгоф, Карлсбад и Ассерн барон Фиркс в договорах на земельные участки с дачевладельцами ставил обязательным условием, что дачевладелец не имел права, под страхом штрафа и нарушения договора, пускать на жительство евреев. Эдинбург считался аристократическим районом, и простой проход гуляющего

еврея по Эдинбургу был достаточной причиной для его ареста”⁴².

А вот описание, почти синхронное времени, о котором говорит О.Мандельштам: “...самыми модными и привлекательными местечками являются на шtrandе — Майоренгоф и Старый Дуббельн... Склад жизни петербургских дачных местечек с их отрицательными сторонами здесь чувствуется тотчас же. Получается не дача, а скорее то же городское круговерчение, только при иных декорациях. Этих условий не выкупить, разумеется, превосходному концертному оркестру, который играет в садике Горна. Он-то, по-видимому, и привлекает в Майоренгоф «большую» публику”⁴³.

Что же касается оркестра, приглашаемого дуббельнским акционерным обществом, то “оркестр, хотя и неважный (когда-то здесь дирижировали известнейшие капельмейстеры), но все же не терзает ваших ушей”.

Как нетрудно видеть, и здесь описания Мандельштама практически протокольно точны. К тому же, тема улицы, на одной стороне которой имеют право жить евреи, а на другой — нет, перейдет в “Египетскую марку” и станет знаковой для прозы Мандельштама.

Теперь вспомним, что Э. Метнер, к текстам которого мы вновь возвращаемся, ибо “ниточка” от Рижского взморья тянется к концертам Дворянского собрания, существенное внимание уделял тому пианисту и композитору, чье имя не раз возникало на этих страницах. Мы имеем в виду Антона Рубинштейна. В мандельштамовской прозе его имя постоянно слито с именем Чайковского. Правда, в “Хаосе иудейском” мы встречаем лишь Чайковского. Однако его “скрипичные места” называются “размягчены итальянским безвольем”. То есть вновь вступают в противоречие со взглядами Э. Метнера на музыку вообще. Если же учесть, что Э. Метнер более всего не терпел еврейские транскрипции немецкой музыки, называя, например, переделки Годовского “варварски-еврейскими изделиями, похожими на античные статуи, то украшенные восточную парчою, то одетые в сакко и котелок”. А с другой стороны, имя Чайковского в связи с игрой Иосифа Гофмана, о котором идет речь в главке “Концерты Гофмана и Кубелика”, и который, напомним, был учеником А. Рубинштейна, на страницах “Золотого руна” в статье, подписанной К. Р., которую

мы цитировали ранее, выглядел так: “...пианист (как и всякий другой исполнитель) должен обладать собственно артистическим темпераментом, то есть быть способен и склонен проявить или выразить свои внутренние переживания во внешнем мире и передать их другим, слушателям.

Что эти две способности могут не совмещаться в одном и том же лице, видно уже из того, что некоторые композиторы (например, Чайковский) оказывались вовсе не выдающимися исполнителями своих собственных вещей не только на каком-нибудь инструменте, но и в роли дирижера”⁴⁴.

В этом случае роль исполнителя становится куда более важной, если ему удастся выразить то, чего не смог сделать сам автор. Однако музыкальный слух Мандельштама, судя по “Шуму времени”, формировался в павловских концертах, а “Музыка в Павловске” мешалась с *патриотической какофонией* (курсив мой. — Л. К.) увертюры двенадцатого года, и особенный запах стоял в огромном вокзале, где царили Чайковский и Рубинштейн”.

Имя Рубинштейна, однако, значило куда больше, чем просто имя пианиста. Именно на анализе подхода Рубинштейна к исполнению немецкой музыки строил свои умозаключения Э. Метнер. Стоит также вспомнить, что и художественный вкус поколения матери Мандельштама был связан с “баркаролами Рубинштейна”. А ведь именно язык матери, как отмечал Мандельштам, носил на себе отпечаток чего-то корневого русского. Имя этого композитора не могло быть безразлично автору “Шума времени”.

На наш взгляд, пара Чайковский—Рубинштейн у Мандельштама была вполне симметрична паре Гофман—Кубелик. Этот еврейско-славянский музыкальный синтез противостоял метнеровским эскападам. Нам также кажется, что одно слово из описания игры Гофмана и Кубелика может быть откликом на “Эстраду” Э. Метнера. Мы имеем в виду ту характеристику игры двух виртуозов, которую поэт определил как “доводящую скрипку до простейшего, *неразложимого* на составные волокна голоса”(с. 24).

Итак, вот текст Э. Метнера: “Среди евреев, да и вообще негерманских народностей (славяне, понятно, не германцы. — Л. К.) множество бессознательных (не политических, а расовых) герmanoфобов (ср. с «ребяческим империализмом» О. Ман-

дельштама. — Л. К.); приходится признать, что эта масса, усердно и часто искренне восхищавшаяся несколько десятилетий Бетховеном, приходила в восторг от мастерства, законченности, темперамента, новизны приемов и мыслей и т.д. и т.д., то есть от всего или, по крайней мере, многого, что *разложимо*, что можно выхватить из целого без того, чтобы исчерпать его, но что можно и *сложить* воедино без того, чтобы обратно получить *неделимое*; восхищались частностями, а не цельным индивидуумом, лишь тем, как он говорит, а не тем, что он говорит; не задумывались, почему он именно это и именно так, а не иначе, говорит; сокровенного и словом невыразимого смысла его речей и не схватили, а если бы схватили, то, пожалуй, тут же, несмотря на пленительное красноречие, резко отвернулись бы от него; восхищались, следовательно, чем-то «всечеловеческим» и «музыкантским», общим и Бетховену, и Мейерберу...»⁴⁵.

Таким образом, Э. Метнер вполне внятно говорит, что «германскость» музыки доступна лишь германцам, как «еврейскость» — евреям. Следовательно, еврею вообще недоступно во вполне расовом смысле германское искусство, поэтому, как нам представляется, О. Манделъштам аккуратно выбирает в своих музыкальных пристрастиях все то, что так или иначе противостоит русскому варианту антисемитского германского вагнеризма.

Целый специальный пассаж «Эстрады» посвящен тому, чтобы объяснить читателю, почему все же расово чуждый А. Рубинштейн может исполнять Бетховена так, что это доставляет удовольствие даже Э. Метнеру.

И если мы правы, что существенная часть еврейских главок «Шума времени» связана с проблемами культурного и национально-религиозного самоопределения О. Манделъштама, то русский вариант неовагнеризма, основанный на анализе невозможности постижения евреем немецкой музыки, не мог пройти мимо автора «Хаоса иудейского».

Ведь нетрудно понять, что музыка как искусство несловесное, не связанное с языком (родным или не родным!), дает еврею больше возможностей для самореализации вне еврейского мира, чем, например, поэзия. Поэзия предъявляет, разумеется, еще большие требования к языку, чем исполнение речитативов в сочинениях Р. Вагнера. И поэтому, как нам представляется, борьба с «юдаизацией европейской музыки», которая столь занимала Э. Метнера, задевала или должна была

задевать О. Мандельштама даже сильнее, чем подобные же рассуждения о литературных и языковых способностях евреев.

Теперь мы в очередной раз обращаемся к имени Рубинштейна и суждениям о нем Э. Метнера: "...приходится высказывать опасения относительно юдаизации европейской музыки, производимой незаметно, но упорно день за днем иноплеменной музыкальной армией и ее вождями.

Этим, конечно, не сказано, что всякий еврей *eo ipso* уже не в состоянии исполнить европейскую композицию, не исказив ее, или, наоборот, что всякий немец обязательно хорошо исполнит сонату Бетховена. Независимо от редких случаев, о которых я упоминал раньше, когда арийский элемент, искони присущий еврейскому народу, преодолел в данном индивидууме другие этнографические элементы, возможно и сознательное искусственное приспособление к данному предмету (на что так способны евреи), при сохранении, однако, чего-то неискоренимо своего, сдвигающего понемногу все очертания, изменяющего незаметно все краски этого предмета. Речь идет об общем течении, в котором тонут маленькие погрешности какого-нибудь малодаровитого немца, исполняющего своих классиков, и удачные совпадения с намерениями этих классиков у какого-нибудь проницательного или чуткого еврея"⁴⁶.

Таким образом, Э. Метнер четко и ясно говорит о принципиальной невозможности, "неслиянности" немецких и еврейских душ и физиологии. Тех самых, которые и имелись в виду Мандельштамом, когда он говорил о музыке на немецких и еврейских участках Рижского взморья.

К тому же напомним, что Мандельштам говорил о еще одной несмешиваемости: о том, что книжные полки отца — немецкая и еврейская — не смешивались с русской книжной полкой матери. Однако когда он говорил о "нашем языке", то там — наоборот: "Речь отца и матери — не слиянием ли этих двух речей питается всю долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер?"

А как мы помним, в языке О. Мандельштама, судя по "Шуму времени", отсутствовал как раз идишский элемент. Таким образом, языковое сознание лирического героя "Шума времени" где-то в глубинах было связано с "еврейской азбукой", а на поверхности — с русским языком матери поэта и немецким его отца.

Поэтому столь важна тематика статей Э. Метнера, ведь в них речь идет о невозможности именно немецко-еврейского музыкального синтеза даже в исполнительстве.

Продолжим теперь следовать за мыслью Э. Метнера: “Конечно, помимо сумм, образующихся из массы малых величин, на это общее течение особо влияют и огромные величины вроде того же Рубинштейна и влияют, поспешат мне сказать, далеко не в отрицательно-юдаистическую сторону; но осторожность требует сказать не «далеко не», а «не только»; наверно, Рубинштейн, исполняя Бетховена, давал моменты чисто бетховенские, когда попадал в точку, потому что всегда ярко освещал; но именно яркость особенно опасна; она способна убедить на протяжении пяти минут в истинности двух исключаящих друг друга положений; надо быть Бюловым с его глубоким острым критическим умом, с его чутьем к родным элементам, чтобы почтительнейше не соглашаться во многом с рубинштейновской интерпретацией Бетховена; известны его изречения по поводу ее, обращенные к ученикам: «там, где Рубинштейн велик, вы подражать ему не можете, но вам и незачем повторять его явных ошибок»”.

За этим следует рассуждение о величии Рубинштейна, который “попадал туда, куда хотел”, а затем — интересующая нас выкладка по “национальному вопросу”: “во втором случае Рубинштейн «ошибся», то есть дал (конечно, сознательно) не Бетховена, а только себя самого; а это было опять так ярко, что нетрудно впредь избежать этих ошибок, если на них укажет Бюлов или собственное чутье; если же это не произойдет, то очень многие, и преимущественно евреи, как раз будут повторять «явные ошибки» Рубинштейна, потому что эти мнимые «ошибки» суть подлинно рубинштейновские и антибетховенские элементы; а Рубинштейн ближе типичному еврею, нежели Бетховен”⁴⁷.

Напомним, что в статье об игре Иосифа Гофмана ее автор К.Р. говорил о том, что композитор не всегда может исполнять свою музыку как выдающийся пианист. И приводил в пример русского Чайковского в статье о еврее Гофмане. Состав пары Гофман—Кубелик, как мы уже отмечали, вполне этому соответствует.

К тому же, из статьи о Николае Рубинштейне в “Еврейской энциклопедии” можно узнать, что последний оказал “необыкновенно благотворное влияние... на творческое направление П.И.Чайковского, тогда только начинавшего свою ком-

позиторскую карьеру и приглашенного Р. прямо со школьной скамьи в московскую консерваторию профессором”⁴⁸.

А из статьи об Антоне Рубинштейне в “Еврейской энциклопедии” можно узнать, что в год он был крещен дедом, создал в России профессиональное, а не дилетантское музыкальное сообщество, основал консерваторию и т.д. Но при этом “он не передавал произведения, а воспроизводя, снова творил, проникая в духовную сущность автора”.

Напомним, что одной из претензий к Иосифу Гофману в статье в “Золотом руне” была как раз та, что он во время исполнения думал не о композиторе, а о чем-то своем. В свою очередь, процитированная нами М. Баринова, отмечала как раз обратное.

Что же касается еврейства Антона Рубинштейна, то в той же энциклопедии читаем: “В области же восточного колорита Р. принадлежит особое место... Лучшие в этой области те произведения, в которых раскрылась еврейская душа Р. Достаточно перечислить ряд номеров из его «Маккавеев», «Суламифи», хоры семитов и хамитов из «Вавилонского столпотворения», «Персидские песни», весьма характерные по своим оборотам и гармонии, чтобы с уверенностью причислить их к чисто еврейским напевам”⁴⁹.

Этого-то только и недоставало Э. Метнеру Если же учесть, что для постановки своих “восточных” опер в особом театре Рубинштейн обращался к руководству парижской еврейской общины, то параллели с Вагнером и даже антиподное поведение станут достаточно явными. К тому же А. Рубинштейн был и членом Общества для распространения просвещения между евреями.

Понятно, что слышать Антона Рубинштейна, умершего в 1894 г., двух-трехлетний О. Мандельштам не мог. Ученик Рубинштейна Иосиф Гофман в 1903–1904 гг. стал кумиром мальчика. В свою очередь, антисемитизм русского вагнеризма достиг своего апогея в статьях 1908–1909 гг. в важном для становления О. Мандельштама “Золотом руне”. Не остались в стороне и “Весы”, где уже Андрей Белый активно поддержал старания Э. Метнера в статье “Штемпелеванная культура”, о чем подробно писал в специальных работах М. Безродный⁵⁰.

Таким образом, по нашему мнению, музыкальная тема “Шума времени”, включающая в себя Чайковского, Рубинштейна, Р. Штрауса, И. Гофмана и Я. Кубелика, вместе с неназванными, но ярко звучащими голосами Р. Вагнера, Э. Метне-

ра и Андрея Белого, составляет непростой контрапункт национального самоощущения Мандельштама (близкого к его предшественнику Г. Гейне) или, точнее, лирического “Я” его прозы.

III

Но проза Мандельштама связана с немецко-еврейской проблематикой теснее, чем можно подумать. Мы имеем в виду несколько довольно странных слов и выражений, употребленных О. Мандельштамом в главке “Хаос иудейский”. Прежде всего это само выражение “хаос иудейский”, затем – ребенок, возвращающийся из синагоги в чаду и, наконец, та “грязная еврейская клоака”, от которой протянуты нити к концертам в Дворянском собрании.

Начнем с “чада”. Вот как это описано у О. Мандельштама: “Раз или два в жизни меня возили в синагогу, как *в концерт* (курсив мой. – Л. К.), с долгими сборами, *чуть ли не покупая билеты у барышников*; и от того, что я *видел и слышал*, я *возвращался в тяжелом чаду*” (с.19).

Слышал поэт восхитивший его хор “с потрясающими детскими голосами”, кантора, который как силач Самсон “рушил львиное здание”, видел то “что-то почетное и самое главное”, что совершают “за всех, по доверенности”, Гинзбург и Варшавский. Здесь ничего “чадящего” нет.

Единственное, что не нравится автору, – речь раввина: “Но какое оскорбление – скверная, хотя и грамотная речь раввина, какая пошлость, когда он произносит «государь император», какая пошлость все, что он говорит!”(с. 19).

Речь раввина так потрясла поэта, что осталась в его памяти на всю жизнь. Хотя, казалось бы, ничего страшного нет и в том, что раввин произнес “государь император”. Благодарность монарху – обязанность любого подданного империи. Мандельштаму, по его собственным словам, был не чужд “ребяческий империализм”.

Билеты в синагогу, как в концерт, – это нечто странное. В синагоге – и петербургская не исключение – покупаются места на некоторый срок, а не билеты у барышников.

В связи со всем этим остается предположить, что в истории петербургской синагоги при жизни О. Мандельштама было некое событие, на которое продавали билеты. И это должно быть зафиксировано в истории синагоги. Разумеется, в этом событии должны были участвовать названные Гинзбург и Вар-

шавский, да и звучать речь раввина, обращенная к государю императору.

Таким событием, без сомнения, было освящение синагоги. На него действительно существовали приглашительные билеты, которые получали по специальной заявке.

Находит свое подтверждение и то, что мальчика (если он – О. Мандельштам – действительно лично присутствовал на открытии синагоги) 8 декабря 1893 г. возили в синагогу, “как в концерт”. Вот как выглядело извещение, рассылавшееся приглашенным на торжественный акт, отчет о котором был опубликован В.Ю. Гессеном: “Правление Петербургской еврейской общины просит Вас пожаловать на открытие Главной синагоги 8 декабря, не позднее 1 часа дня. Одежда: фрак, цилиндр, белый галстук и белые перчатки”.

Церемония открытия проходила примерно так, как описано в “Церемониале открытия синагоги”, разработанном раввином А.Н. Драбкиным: “Все приглашенные, за исключением высокопоставленных лиц и участвующих потом в процессе, должны проходить в синагогу по боковым парадным лестницам, через боковые двери и размещаться по местам согласно имеющегося у каждого билета... Г.О. Гинзбургу будет поднесен на подушке приготовленный для этого торжества серебряный ключ. Он им открывает дверь, и все вступают в зал, встреченные пением псалмов... При пении псалма лица, бывшие на алтаре, отправляются в свадебный зал и принимают свитки Завета”⁵¹.

Затем, как пишет историк петербургской еврейской общины В.Ю. Гессен, началось торжественное шествие. Оно проходило в следующем порядке: 1-й свиток нес Г.О. Гинзбург с ассистентами М.А. Варшавским и Л.Я. Поляковым. Далее цитируем вновь, вслед за В.Ю. Гессеном “Церемониал”: “Каждый ассистент несет зажженный факел «Гавдула», заранее приготовленный в свадебном зале. Процессия, сопровождаемая пением псалмов и молитв, по среднему проходу зала направляется к алтарю, на который поднимаются кантор, раввин и лица, несущие свитки... Раввин совершает молебен за царствующий дом, кантором и хором проводятся установленные молебствования за царя, заупокойные за в бозе-почившего Александра II, поются молитвы. Затем с алтаря спускаются кантор и лица со свитками, к которым присоединяются ассистенты с факелами, и вся эта процессия по боковым проходам выходит во двор и обходит синагогу... Кантор и хор поют назначенный псалом, раввин произносит слово, поется заключительный псалом «Галилуя», чем и заканчивается торжество”⁵².

Если уж речь у Мандельштама зашла о некоем “чаде”, то он мог быть в петербургской синагоге лишь в день ее открытия, когда множество факелов вносилось и выносилось из зала. (Освещение зала было газовым⁵³.)

Однако, как всегда у Мандельштама, за внешне бесхитрым описанием скрывается нечто важное для более глубокого понимания мысли автора.

Напомним, что вагнеровский мотив был связан с историей петербургской синагоги еще до начала ее реального строительства. Испанско-мавританский стиль синагоги постулировался В. Стасовым в прямом противопоставлении с антиеврейскими рассуждениями Вагнера.

Затем, как мы пытались показать, описание синагогального пения в “Шуме времени” было в существенной части противопоставлено издевательствам Вагнера, да и Э. Метнера.

В свою очередь, статья Вагнера “Еврейство в музыке” была достаточно близка рассуждениям в “Лютеции” Г. Гейне, вновь связанным с тем, что еврейское лобби не допускает Вагнера на парижскую сцену. Тем интереснее, что к концу жизни, рассорившись с Вагнером, Гейне пишет стихотворение “Общество юных котов для содействия поэзии и музыке”, где, издеваясь уже над автором “Кольца нибелунгов”, обращает многие из нападок Вагнера на еврейство и его музыку на самого Вагнера. И делает это в следующих словах: “Этот союз меломанов-котов / Носится с новой задачей: / Хочет ввести безыскусственный род, / Прежний наивно-кошачий... / Истинным гением чтит лишь того, / Кто не напыщен ученостью — и — / Вправду никак не учился... / О, что за кваканье, криканье там / Что за мяуканья были! / Трубы печей, как церковный орган, / Басом отчаянно выли... / Целую ночь напролет до утра / Та катавасия длилась... / С музыки этой кухарка одна / Раньше поры разрешилась”⁵⁴.

Это перевод из дореволюционного собрания сочинений Г. Гейне, который печатался при жизни Мандельштама во всех изданиях и сопровождался следующим примечанием: “Стихотворение «Общество юных котов» направлено против Рихарда Вагнера, с которым Гейне в сороковых годах был довольно близок, но потом разошелся. Критика, нарисованная в этом стихотворении, вызвана сочинениями Вагнера «Музыка будущего» и «Опера и драма»”.

Таким образом, “чад”, похоже, попал в “Шум времени” из стихов Г. Гейне. (Интересно, что советский переводчик ре-

шился на сопоставление “чада” от музыки и “разрешения от бремени чада” служанки из этого стихотворения⁵⁵.)

Теперь обратим внимание на выражение “хаос иудейский”. Оно также менее всего связано с отрицанием Мандельштамом еврейства или, как указывалось в научных публикациях, не связано с еврейством вообще, будучи чем-то общемировоззренческим.

Это выражение восходит к полемике Мартина Бубера с Отто Вайнингером. В своей знаменитой антисемитско-еврейской книге “Пол и характер”, крайне популярной и в России 1900-1910-х гг., Вайнингер писал: “Я не могу считать вместе с Чемберленом, что рождение Спасителя в Палестине является простою случайностью. Христос был евреем, но только для того, чтобы самым совершенным образом преодолеть в себе еврейство; ибо кто одержал победу над самым сильным сомнением, тот и есть «самый» верущий... может быть, и теперь в еврействе до сих пор заложена возможность произвести Христа, может быть, и ближайший основатель новой религии должен снова пройти через еврейство”⁵⁶.

Становится ясно, что единственная цель существования евреев (по Вайнингеру) – это рождение Мессии. Но не будем сейчас подробно излагать рассуждения Вайнингера, а приведем описание его идей в изложении русско-еврейского философа (учителя иудаизма В. Розанова и А. Лосева) Б.Г. Столпнера: “...отрицание еврейства в настоящем мы видим у Вайнингера. *Еврейство – хаос*. Только в будущем этот хаос может быть преодолен, как он, по Вайнингеру, преодолен Христом, и еврейский народ вновь даст миру основателя новой религии. Это не мешало Вайнингеру ставить еврея рядом с женщиной, объединив их в полном ничтожестве”⁵⁷.

А вот как тот же Столпнер излагает для русских евреев М. Бубера: “Бубер считает основной еврейской чертой, что еврей больше чувствует время, чем пространство. Он сходится с Вайнингером в том, что еврейство даст миру синтез синтезов. Именно оттого, что *еврейство – хаос*, оно так стремится к единству”⁵⁸.

Интересно, что в этом изложении мыслей Мартина Бубера пропущено одно очень важное для нас обстоятельство. Соотношение пространства и времени в сознании еврея связано, по Буберу, с музыкой: “Третья тенденция еврейства – идея будущего. Она основывается в народном характере на том, что чувство времени у евреев развито намного сильнее, чем чувство пространства: красочные эпитеты Библии говорят, в

противоположность, например, гомеровским, не о форме и цвете, а о звуке и движении. Наиболее присущей евреям формой художественного выражения является специфически временное искусство — музыка, и связь поколений для нас более важный жизненный принцип, чем вкус к современности”⁵⁹.

Наконец, рассуждая об истинном будущем еврейства, напрямую связывая переход из хаоса еврейства в синтез с кровью, родом и т.д., Бубер пишет: “...центр еврейского народа только тогда станет центром еврейства, если его создавать не ради обновления еврейства, а исходя из обновления и благодаря ему... Мне даже кажется, что для потрясения основ более благоприятной почвой была бы та чудовищная надломленность, безграничное отчаяние, бесконечная тоска, *патетический хаос множества нынешних евреев*, чем нормальное и обеспеченное существование поселенцев в собственной стране”⁶⁰.

Изломанность патетического еврейского хаоса, причем в изложении М. Бубера, вполне соответствует тому, что нам известно о мировоззрении Осипа Мандельштама. Ведь желание Бубера найти иудейское в раннем христианстве в сочетании с попыткой осмыслить то, что ждет человечество в соединении двух мессианизмов, не могло быть безразлично автору “Хаоса иудейского”.

Вот одно из характерных мест Бубера: “Второисайя заставляет Господа говорить: «Я творю новое небо и новую землю» (Исайя 65:17), автор Апокалипсиса свидетельствует: «И увидел я новое небо и новую землю» (Откровение Иоанна Богослова 21:1). Это не метафора, а непосредственное переживание... Это и есть то, во что я верю, имея в виду еврейство: не просто омоложение или приток жизненных сил, а подлинное и совершенное обновление”⁶¹.

Таков, полагаю, мессианский посыл кажущегося простым и понятным “хаоса иудейского” у Мандельштама.

Напомним, что как раз в годы “Концертов Гофмана и Кубелика” (1903–1904) Вайнингер был особо актуален, наряду с Вагнером, для самоопределения европейских евреев. Как кажется, это нашло отражение в двух текстах О. Мандельштама, — прозаической “Музыке в Павловске” и стихотворении “Концерт на вокзале”. Нам представляется, что два эти текста содержат в себе одну общую идеологему, как бы распределенную между поэтическим и прозаическим текстами.

Главка “Музыка в Павловске” из “Шума времени” полна образов конца, умирания, *fin de siecle* в сочетании с именем

Дрейфуса и обстоятельств, с ним связанных. Наряду с этим сам воздух Павловского вокзала, это — “сыроватый воздух заплесневевших парков, запах гниющих парников и оранжерейных роз и навстречу ему тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы” (с. 6, 7).

Именно в этой среде звучали и царили “Чайковский и Рубинштейн”. В стихах это выглядит так:

Нельзя дышать, и *твердь кишит червями,*
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами,
Дрожит вокзал от пенья Аонид,
И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.

...

Ночного хора дикое начало
и *запах роз в гниющих парниках...*
Горячий пар *зрачки смычков* слепит.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит!

Стихотворение добавляет к прозе несколько очень важных моментов. Это “скрипки” и “твердь”, кишащая “червями”. Вспомним также, что особенный запах был у еврейских квартир в главке “Книжный шкаф”, а “патетическая симфония Чайковского” и “скрипичные голоса” звучали в “еврейской клоаке” Рижского взморья в “Хаосе иудейском”.

Это ощущение умирания, восходящее к знаменитой книге М. Нордау “Вырождение”, здесь, похоже, не случайно. Ведь одним из главных героев книги, и героев отрицательных, был Рихард Вагнер^{6 2}.

Да и мысли об умирании музыки имеют к нему прямое отношение: “До тех пор пока музыка, как особое искусство, имела в себе действительную *органическую жизнеспособность*, до времен Моцарта и Бетховена включительно нигде не нашлось еврейского композитора; совершенно невозможно было для элемента совсем чуждого этому организму принять участие в развитии *его жизни*. Только тогда, когда *внутренняя смерть* тела сделалась неоспоримой, тогда те, кто были вне его, приобрели силу им овладеть, но *только для того, чтобы его разложить*. Да, наш музыкальный организм распался, и кто мог бы, глядя на его разрушение, сказать, что он еще жив?”

Дух нашего искусства, *переставшего быть жизнеспособным*, удалился *обратно в ту среду*, которая родила его жизнь, и только в жизни, а не около его распавшегося трупa, мы можем опять найти его дух”^{6 3}.

Понятно, что дух ушел в горние выси, а разложению трупа способствуют черви. Однако их нет в переводе 1908 г. Между тем в современном переводе этого отрывка в книге Л. Полякова об истории антисемитизма та же строка читается так: “Только в тот момент, когда становится очевидной внутренняя смерть организма, чуждые элементы оказываются достаточно сильными, чтобы им завладеть, но лишь для того, чтобы обеспечить его разложение. Тогда плоть этого организма может исчезнуть в кишении червей, но какому человеку в здравом уме придет в голову относиться к этому организму как к живому?”⁶⁴.

Таким образом, теперь, когда мы знаем о роли Р. Вагнера и вагнеризма в “Шуме времени”, можно сказать, что “Музыка в Павловске” оказывается “увертюрой” будущего расцвета и развития вагнеровских лейтмотивов в прозе Мандельштама.

Что же касается мысли о необходимости болезненного преодоления для художника-еврея наследия “Еврейства в музыке”, заметим, что даже Т. Герцль воспринимал духовное возрождение еврейства в вагнеровских терминах, хотя, разумеется, и с обратным знаком. А Мартин Бубер в своих характеристиках еврея-художника принимал отрицание Вагнера в качестве отправного пункта. Наконец, именно дело Дрейфуса привело к крайней активизации еврейского национального возрождения, приведшего в итоге к сионизму в его политических формах⁶⁵.

У нас нет оснований считать, что Осип Мандельштам остался полностью в стороне от этого процесса. Такое заключение противоречило бы впрямую его собственным произведениям. Тот же факт, что элементы одной мифологемы тогдашней европейской культуры оказались разнесены в два разных произведения, не так уж важен. Ведь и произведения эти написаны практически об одном и том же, да и личность автора представляется нам вполне единой.

Теперь нам осталось понять что означают слова о “грязной еврейской клоаке”, которые уже освящены, как мы видели и мессианским синтезом “хаоса”, и антивагнеровским пафосом “чада”.

Нам представляется, что происхождение этой “клоаки” то же, что и предыдущих образов и терминов. Причем связано оно с именем еще одного противника “феминизации евреев”, по Вайнингеру, — Макса Нордау. Важно, что он был также ярким противником декаданса, то есть вырождения, как и именуется его книга, ставшая классикой. Главными героями этого процесса совершенно неслучайно оказались Ф. Ницше и Р. Ваг-

нер. В полемике с Вайнингером, Макс Нордау высказал идею о существовании маскулинизированного (мужественного) еврея.

Тема настоящей работы не предусматривает подробный анализ взглядов Макса Нордау на все интересующие нас вопросы. Однако его понимание психологического состояния европейских евреев во враждебном антисемитском окружении, их самоопределения и самоощущения крайне близки к проблемам, которые рассматривались в связи с О. Манделштамом.

Исследователь творчества Нордау Джей Геллер пишет: «Обычные обманы культурного человечества» и «Парадоксы» (названия работ М. Нордау. — Л. К.) — это не просто продукты усвоения культурной критики, которая воображает самое себя образцом и которая имеет пристрастие к парадоксам. Подобно другим текстам, которыми они обусловлены и на которые, в свою очередь, воздействуют, это еще и культурный модулятор, генерирующий мнение общества, к которому принадлежит Нордау. В этом интертекстуальном сплетении элитарной и простонародной культур, образов и подобию, антропологических трактатов и религиозных икон, половых ролей и расово-отмеченных тел — социальный дискурс антисемитизма восходит подобно «миазмам». Постоянный напор антисемитских образов, позиций и оценок задевает и ранит (*were traumatizing*). Воздействия через эти раны многочисленны: не только сознательный выбор жизненного пути, но также менее осознанные попытки сформулировать собственную природу, понять самого себя и общество»⁶⁶.

Рассмотрение “Шума времени” О. Манделштама в адекватном и синхронном ему культурном и национально-религиозном контексте позволяет увидеть, что многие странности, выражения, термины, которые обыденное сознание склонно относить к отказу от еврейской идентичности и т.п., представляют собой знаки и следы сложнейшего процесса культурного самоопределения поэта. Тексты же его не только обладают стилистическим единством, но и позволяют нам заглянуть в глубинные слои психики российских евреев европейско-германской ориентации.

Проблемы, затронутые нами в этой статье, не замыкаются лишь “Шумом времени”. Следы их легко обнаружить и в “Египетской марке”, и в “Четвертой прозе”, и в подборе книг для перевода в издательствах, с которыми сотрудничал О. Манделштам. И даже в выборе текстов для перевода, особенно с немецкого, которые выполнил поэт.

Важна и еще одна проблема, которую хотелось бы здесь обозначить. На наш взгляд, если судить лишь по внешним признакам, тексты Мандельштама вполне могли бы относиться к так называемой русско-еврейской литературе. Однако и культурный контекст прозы Мандельштама, и его германско-еврейская ориентация, и реакция на “миазмы” немецкого антисемитского вагнеризма на русской почве заставляют поставить вопрос о том, что тексты типа “Шума времени” относятся к литературе третьего поколения русско-еврейского просвещения. При таком подходе специальная дефиниция – русская это литература немецко-ориентированных российских евреев или просто русская литература – оказывается в том же контексте, что и вопрос принадлежности творчества немецких и австрийских евреев на немецком языке – от Гейне до Кафки и далее.

Мы полагаем, что представленный здесь материал дает возможность для попытки ответа на этот вопрос. Разрешение его было бы немаловажно для исследования русско-еврейских культурно-национальных отношений и позволило бы вывести обобщение данной проблематики на тот уровень, который существует в современной иудаике и имеет замечательные примеры научной реализации.

Что же касается собственно Осипа Мандельштама, то расшифровка еврейских источников и подтекстов его прозы позволяет, на наш взгляд, счесть его одним из глубочайших русско-еврейских мыслителей, чьи тексты отразили те проблемы, беды и достижения предвоенного поколения европейских евреев, которые напрямую связаны с именами некоторых героев этой статьи.

---

¹ *Кацис Л.* “Книжный шкаф” отца, “черно-желтый” цвет иудаизма и русско-немецкий неомарранизм в творчестве О. Мандельштама // *Кацис Л.* Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. Впервые: Вестн. Евр. ун-та. М.; Иерусалим, 1999. № 2. С. 92–128; *Он же.* Осип Мандельштам, Шолом-Алейхем. “Египетская марка”, или “Жертва заранее созданных концепций о том, как должен протекать роман” // *Кацис Л.* Русская эсхатология и русская литература. С. 399–466.

² *Кац Б.* Музыкальные ключи к русской поэзии. СПб., 1998. См. также другие работы этого исследователя.

³ *Weiner A. Mark.* 1903. Gustav Mahler launches a new production of “Tristan and Izolde”, Otto Weininger commits suicide shortly after his “Geschlecht und Character” is published, and Max Nordau advocates the development of a “muscular Jewry” // *Yale Companion to Jewish Writing and Thought in German Culture.* 1996–1997. P. 255.

⁴ *Вагнер Р.* Еврейство в музыке: Перев. с нем. I. Ю-са. СПб., 1908. В связи с

редкостью подлинника мы вынуждены цитировать этот текст по современной перепечатке: *Вагнер Р.* Еврейство в музыке. М., 2000. “Русская правда”. № 10а. С. II.

⁵ *Безродный М.* О “юдобоязни” Андрея Белого // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 100.

⁶ *Кацис Л.* “Дело Бейлиса” в контексте “серебряного века” // *Кацис Л.* Русская эсхатология и русская литература. С. 34–61. Впервые: Вестн. Евр. ун-та в Москве. М., Иерусалим. 1993. № 4.

⁷ *Стасов В.* По поводу постройки синагоги в С.-Петербурге // Евр. б-ка. 2-е изд. СПб., 1890. Т. 2. С. 435–454.

⁸ Там же. С. 445.

⁹ *Вагнер Р.* Указ. соч. С. 17.

¹⁰ *Katz J.* From Prejudice to Destruction // Anti-Semitism, 1700–1933. Harvard, 1980. P.188.

¹¹ *Breuer M.* Modernity within Tradition: The Social History of Orthodox Jewry in Imperial Germany. N. Y., 1992. P. 161.

¹² Там же.

¹³ Все цитаты из “Шума времени” приведены по изд.: *Мандельштам О.* Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 6–49. (стр. указаны в скобках).

¹⁴ Ср. строки Б. Пастернака:

Когда строку диктует чувство,

Оно на сцену шлет раба.

И тут кончается искусство,

И дышат почва и судьба

¹⁵ *Вагнер Р.* Цит. соч. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Ср. явные вагнеровские обертоны в статье Вяч.Иванова “Наш язык” (1918), возможно учтенные Мандельштамом.

¹⁸ См. прим. С. 345.

¹⁹ *Вагнер Р.* Цит. соч. С. 11, 12.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же. С. 15.

²² Ср. о проблеме “Вагнер, Ницше, дионисийство” в ст. М.А. Вайнера (прим. 3). С. 259; и в монографии: *William J. McGrath.* Dionisian Art and Populist Politics in Austria. Yale Univ. Press. 1974. Здесь же, возможно, еще один след Вяч. Иванова и его увлечения дионисийством и ницшеанством в прозе О. Мандельштама.

²³ *Поляков Л.* История антисемизма: Эпоха знаний. М.; Иерусалим, 1998. С. 209, 210.

²⁴ *Гейне Г.* Лютеция // *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 8. С. 214, 215.

²⁵ *Вагнер Р.* Цит. соч. С. 26, 27.

²⁶ *Вольфинг (Э. Метнер).* Эстрада // Золотое руно. 1908. № 11–12. С.77. В настоящей работе рассматриваются лишь события, связанные с журналом “Золотое руно”. Полемика в журнале “Труды и дни” здесь не рассматривается, хотя, будучи хронологическим продолжением описываемых событий, имеет к ним прямое отношение.

²⁷ *Барينو М.* Воспоминания о Гофмане и Буззони. М., 2000. С. 27.

²⁸ Там же. С. 60, 61.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ *К. Р.* Об И. Гофмане и о фортепианной игре // Золотое руно. 1907. № 1. С. 68.

³¹ Там же. С. 70.

- ³² *Вольфинг*. Цит. соч. С. 77.
- ³³ Там же. С. 79.
- ³⁴ Там же. С. 101.
- ³⁵ Там же. С. 101, 102.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 103.
- ³⁸ Там же. С. 104.
- ³⁹ Подробнее см.: *Ljunggren M. The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emil Medtner*. Stokholm, 1994. В 2001 г. появился и русский вариант этой книги.
- ⁴⁰ *Вольфинг*. Цит. соч. С. 106, 107.
- ⁴¹ *Вольфинг*. Эстрада // Золотое руно. 1909. С. 47, 48.
- ⁴² *Эфне*. Конец дачного сезона // Веч. время. Рига. 1932. №33. Цит. по кн.: От Лифляндии к Латвии: Прибалтика русскими глазами / Сост. Ю.Абызов. М., 1993. С. 461. Благодарим Б. Равдина за указание на эту книгу.
- ⁴³ *Филиппов С.* У наших немцев // От Лифляндии к Латвии. С. 442, 443.
- ⁴⁴ *К. Р.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁵ *Вольфинг*. Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁶ *Вольфинг*. Эстрада // Золотое руно. 1909. № 2–3. С. 107, 108.
- ⁴⁷ Там же. С. 108.
- ⁴⁸ *Д. Ч. Рубинштейн Н.Г.* // Еврейская энциклопедия: В 16 т. СПб. Т. 13. Стлб. 711.
- ⁴⁹ *Черномордигов Д.* Рубинштейн А.Г. // Там же. Стлб. 706–710.
- ⁵⁰ *Безродный М.* О “юдобоязни” Андрея Белого // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 100–125. *Безродный М.* Из истории русского германофильства: Изд. “Музагет” // Исследования по истории русской мысли. М., 1999. С. 157–198.
- ⁵¹ *Гессен В.Ю.* К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX в. СПб., 2000. С. 111, 112.
- ⁵² Там же. С. 113.
- ⁵³ Там же. С. 110.
- ⁵⁴ *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1904. Т. 6.
- ⁵⁵ *Гейне Г.* Собр. соч. М., 1957. Т. 3. С. 203–205.
- ⁵⁶ *Вейнингер О.* Пол и характер. Ростов-на-Дону, 1998. С. 447.
- ⁵⁷ *Кацис Л.* Борис Столлнер о еврействе // Исследования по истории русской мысли. М., 1999. С. 259–269.
- ⁵⁸ *Дайн Н.* Еврейство в его историко-психологических характеристиках // Новый восход. 1911. № 49–50. (Цит. по: Исследования по истории русской мысли. С. 304, 308. Излож. докл. Б. Столлнера).
- ⁵⁹ *Бубер М.* Обновление еврейства // *Бубер М.* Избр. произв. Иерусалим, 1979. С. 66, 67.
- ⁶⁰ Там же. С. 56, 57.
- ⁶¹ Там же. С. 53.
- ⁶² *Нордау М.* Вырождение. М., 1995. С. 124–153.
- ⁶³ *Вагнер Р.* Еврейство в музыке. М., 2000. С. 26.
- ⁶⁴ *Поляков Л.* История антисемитизма. С. 207.
- ⁶⁵ *Geller J.* The Conventional Lies and Paradoxes of Jewish Assimilation: Max Nordau’s Pre-Zionist Answer to the Jewish Question // Jewish Social Studies: History, Culture and Society. 1995. Vol. 1. №3. P.131.
- ⁶⁶ *Berkowitz M.* Zionist Culture and West European Jewry before the First World War. The Univ. of North Calif. Press. 1996. P. 119, 120; 132, 133.

Евгений Розенблат

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЛОКОСТА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ: СИСТЕМА КОНТРИБУЦИЙ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ШТРАФОВ

Наряду с определенными успехами в исследовании истории Холокоста в Беларуси многие вопросы этой темы остаются малоизученными. Так, в работах, посвященных истории отдельных гетто, больше внимания уделялось показу карательной деятельности нацистов. Между тем, сущность Холокоста состоит не только в осуществлении оккупационными властями политики тотального истребления еврейского населения, но и в уникальности социально-экономического, политического и правового положения евреев с начала оккупации и до ликвидации последних гетто.

Одним из основных направлений экономической политики оккупационных властей на оккупированных восточных территориях являлось разграбление материальных ценностей, осуществлявшееся по двум направлениям.

1. Эксплуатация и вывоз в Германию бывшего советского имущества, оставшегося на захваченных территориях (производственных мощностей, сырьевых ресурсов, продовольственных запасов, музейных ценностей и т. д.).

2. Насильственное изъятие материальных ценностей, находившихся в личной собственности местного населения.

В 1941—1943 гг. одним из основных объектов грабежа на оккупированных восточных территориях стало еврейское население. Можно выделить следующие методы осуществления политики изъятия материальных ценностей у евреев.

1. Национализация и “ариизация” еврейского имущества. В отличие от европейских стран, где важнейшей составляющей национализации являлась “ариизация” крупной еврейской собственности (промышленных и торговых предприятий, банков и т. д.), на территории Западной Беларуси подобные мероприя-

тия не проводились ввиду отсутствия частного предпринимательства. Национализации подлежало личное движимое и недвижимое имущество еврейского населения (дома, земля, ценности и т. д.). Объявление еврейского имущества государственной собственностью подразумевало тщательный учет и контроль за его сохранением, а также право оккупационных властей на монопольное использование и грабеж еврейской собственности.

2. Контрибуции — принудительные денежные и натуральные поборы. Техническое исполнение этих акций возлагалось на юденраты. Еврейские советы (юденраты) занимались распределением требуемых властями денежных сумм и ценных вещей внутри общины с учетом благосостояния и количества членов семьи.

3. Штрафы — административные наказания в виде денежных взысканий за нарушение предписаний оккупационных властей.

4. Система налогообложения — сбор общих налогов, а также специальных отчислений с заработной платы еврейских служащих и рабочих и подушных поборов с еврейского населения.

5. Конфискации — принудительные безвозмездные изъятия имущества, денег и других ценностей, проводившиеся воинскими частями, полицией, жандармерией и еврейскими советами.

Проведение мероприятий по изъятию еврейского имущества основывалось на политике устрашения (взятие и расстрел заложников, облавы и обыски, публичные казни виновных в сокрытии ценностей).

В осуществлении политики насильственного изъятия имущества у еврейского населения можно выделить несколько этапов.

На первом этапе происходил стихийный грабеж еврейского имущества. Этот период был непродолжительным, для него характерно участие как немецких военнослужащих, представителей властей, полиции, так и части местных жителей. Подобные события имели место в июле 1941 г. в м. Опса и г. Браславе, где местная полиция с помощью некоторых жителей местечка устроила “реквизицию” еврейского имущества, а также в мм. Кольно, Лахве, Ошмянах, Столбцах, гг. Белостоке, Гродно¹. Позже стихийные грабежи возникали при проведении акций уничтожения еврейского населения². Большую проблему для оккупационных властей представляла охрана оставленного евреями имущества при переселении в гетто, а также территории гетто после уничтожения евреев³. Немецкие власти принимали специальные меры для прекращения мародерства. В Гродненском округе задержанные в первый раз наказывались штрафом, повторная

поймка грозила отправкой в штрафной лагерь, после третьего ареста грабителя вешали⁴. Окружной комиссар Новогрудка 1 марта 1942 г. объявил о создании гетто в м. Кореличи и предупредил местных жителей, что грабеж оставленного еврейского имущества вне зависимости от размера кражи будет караться смертной казнью⁵. Жёсткие санкции касались и немецких служащих, пойманных на грабеже еврейского имущества. В Гродненском округе, невзирая на чины и заслуги, виновные в этом преступлении подвергались заключению в каторжную тюрьму⁶. Третий рейх считал себя монопольным обладателем права на грабеж еврейского имущества и стремился предотвратить его расхищение другими.

Национализация. По мере установления оккупационного режима грабеж еврейской собственности приобретает более организованный и упорядоченный характер. Этот этап связан с объявлением еврейского имущества государственной собственностью. Согласно циркуляру рейхскомиссара “Остланда”* Лозе от 13 августа 1941 г. все имущество еврейского населения подлежало конфискации (по существу — национализации)⁷. Евреи — бывшие владельцы имущества — с момента вступления в силу этого приказа теряли право распоряжения своей собственностью и выступали в качестве ответственных лиц за ее сохранение⁸. Все еврейское имущество подлежало учету и регистрации. Распоряжение и управление этим имуществом находилось в юрисдикции окружных комиссариатов. В обязанности гражданской администрации вменялось составление подробной описи движимого и недвижимого еврейского имущества, включая дома, хозяйственные пристройки, землю, хозяйственный инвентарь, мебель, домашнюю утварь, одежду и прочее с указанием количества и состояния имущества⁹. Еврейским имуществом считалось все то, что находилось в еврейской собственности на 20 июня 1941 г. В соответствии с этим неевреи были обязаны зарегистрировать и сдать местным властям имущество, переданное им евреями на сохранение или приобретенное у еврейского населения после 20 июня 1941 г.¹⁰. Появление подобных приказов, адресованных местным жителям, было связано с пресечением попыток евреев спасти часть имущества от грабежа путем передачи на хранение соседям.

Контрибуции. Хотя все еврейское имущество официально считалось собственностью рейха, тем не менее невозможно было произвести полный учет изделий из драгоценных металлов, денежной массы и др. ценностей, которые было легко

---

* В рейхскомиссариат “Остланд” входили территории нынешних областей Беларуси: Минска, Барановичей.

скрыть. Поэтому нацисты стремились в кратчайшие сроки провести изъятие этого имущества путем обложения еврейского населения контрибуциями — фиксированными поборами. Существовали такие разновидности контрибуций, как золотые, денежные и натуральные. Размеры контрибуций напрямую зависели от численности еврейской общины того или иного населенного пункта, а также ее благосостояния. Эту зависимость можно проследить на примере Браสลавского округа генерального комиссариата “Белоруссия”. В августе 1941 г. с 27 населенных пунктов округа, где проживали 6772 еврея, было взято 600000 рублей контрибуции (в среднем по 89 рублей с человека).

Таблица 1

Обложение контрибуцией евреев Браславского округа¹¹. Данные от 25.08.41

Название населенного пункта	Количество еврейского населения, чел.	Общий размер контрибуции, руб.	Размер контрибуции с человека, руб.
г. Браслав	1476	147000	100
м. Друя	1135	145000	128
м. Видзы	675	90000	133
м. Миоры	614	60000	98
м. Друйск	430	8000	19
м. Опса	418	30000	72
м. Иоды	410	35000	85
м. Дубиново	308	8000	26
м. Козяны	235	15000	64
д. Бельдицы	205	10000	49
дд. Новый и Старый Погост	199	15000	75
м. Леонполь	156	5000	32
м. Слободка	149	10000	67
д. Яйсы	105	10000	95
д. Дрисвяты	87	2000	30
д. Плиссы	40	1000	25
д. Иказнь	35	1500	43
д. Замостье	27	3000	111
д. Перебродье	22	1000	45
д. Дедушки	15	800	53
д. Невярово	10	1000	100
д. Ставрово	6	500	83
д. Диксяры	5	200	40
д. Боханы	4	400	100
д. Ковалишки	3	300	100
д. Загорже	2	200	100
д. Барановщизна	1	100	100
Итого:	6772	600000	89

Распределение контрибуции внутри еврейской общины возлагалось на еврейское самоуправление. Юденраты учитывали финансовые возможности различных групп населения и состав семей. В октябре 1941 г. денежная контрибуция проводилась в г. Пинске. Анализ сохранившихся извещений на уплату контрибуции, рассылавшихся еврейским советом, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в половине случаев сумма индивидуальной контрибуции была определена в размере 50 руб. Во-вторых, наиболее крупные суммы для взноса (от 400 до 500 руб.) были назначены евреям, имеющим высокие доходы, — врачам и владельцам ремесленных мастерских. В-третьих, реальные выплаты составляли от 50 до 70% требуемого¹². В конце сентября 1941 г. денежная контрибуция взята была с евреев г. Бреста. Общая сумма сбора составила 1 млн. руб. (из расчета 55 руб. с человека)¹³. В м. Пружаны в феврале 1942 г. от еврейского населения власти потребовали сдать контрибуцию из расчета 10 рейхсмарок (р/м) с человека. За неимущих должен был платить юденрат¹⁴. Слонимская еврейская община выплатила контрибуцию в размере 20 млн. руб.¹⁵.

Кроме денежных сборов, происходило изъятие ценностей: золотых монет царской чеканки, ювелирных изделий и т.д. 9 июля 1941 г. военный комендант г. Барановичи потребовал от еврейского населения контрибуцию в 1 млн. руб., а также 5 кг золота и 10 кг серебра. В июле 1941 г. евреям м. Ружаны предписано было собрать 10 кг золота и 20 кг серебра¹⁶. От еврейской общины г. Белостока оккупационные власти потребовали сдать 25 кг золота и 5 млн. руб. (было собрано 6 кг золота и 2,5 млн. руб.)¹⁷. В июле 1941 г. еврейское население м. Пружаны получило приказ собрать 2 кг золота и 10 кг серебра. В это же время к пружанскому юденрату обратились еврейские общины мм. Шерешево, Линово и Малич с просьбой помочь им выплатить контрибуцию. Чтобы собрать необходимую сумму, пришлось отдать подсвечники из синагоги¹⁸. Уместно отметить, что зачастую для того, чтобы выплатить контрибуцию, еврейские общины сдавали предметы культа, изготовленные из серебра. В результате выплат трех контрибуций все 9 синагог м. Пружаны были полностью ограблены, нацисты забрали не менее 90 серебряных подсвечников, 45 серебряных чашек, 140 корон и 9 алтарей. Из синагог г. Бреста были изъяты серебряные изделия общим весом около 100 кг¹⁹. “Золотые” контрибуции имели место в г. Пинске, известно об их проведении в г. Бресте, г. Вилейке, г. Гродно, м. Диена и других городах и местечках Западной Беларуси²⁰. Для обеспечения выполнения этих акций в установленные нацистами сроки брались заложники.

Кроме директивных ординарных поборов, налагались внеплановые, экстраординарные контрибуции. Регулярно в юденраты присылались подробные списки, содержащие перечни вещей, которые подлежали передаче властям и были неоходимы для обеспечения и обустройства военных частей и гражданских учреждений (мебель, различные предметы домашней обстановки, кухонная утварь, постельное белье, мыло и т. д.)²¹. От еврейской общины г. Бреста оккупационные власти потребовали полностью обставить мебелью 40 квартир²². 9 сентября 1941 г. гражданский комиссар г. Белостока потребовал, чтобы еврейская община передала для обустройства городского казино 30 скатертей, 20 занавесок, 20 ковров, 96 кресел, 15 столов, бильярд, пианино, 10 картин, 500 тарелок, 400 чашек и стаканов, 250 рюмок, 400 столовых приборов, 5 самоваров и других вещей (в списке 54 наименования). Каждый предмет, не соответствующий требуемому немцами стандарту, подлежал немедленному уничтожению и замене. В случае невыполнения контрибуции в полном объеме еврейскую общину ждала суровая кара²³. Таким образом, за счет проведения натуральных контрибуций оккупационные власти практически повсеместно решали вопросы расквартирования и материально-го обеспечения гражданских и военных учреждений²⁴.

Штрафы. Еще одним методом изъятия денег у еврейского населения были штрафы. Одновременно их можно рассматривать как средство экономического воздействия на население в целях поддержания правопорядка. Имелось 9 основных видов штрафов.

1. Дискриминационные штрафы — за несоблюдение правил поведения для евреев в городе (выход на улицу без специальных нашивок и документов, хождение по тротуарам, появление в общественных местах, посещение нееврейских магазинов и т. д.). Размер штрафов за нарушение дискриминационных распоряжений властей колебался от 100 до 400 руб. В случае его неуплаты нарушители подвергались заключению или отправке на принудительные работы сроком на 20 дней²⁵.

2. За нарушение санитарных правил (за неуборку улиц и дворов).

3. За утерю документов и перерегистрацию.

4. За получение хлеба на карточку умершего члена семьи. Так, в г. Бресте за октябрь 1941 г. за подобное нарушение было оштрафовано не менее 16 евреев, размер штрафа колебался от 50 до 500 руб.

5. За торговлю овощами и фруктами по спекулятивным ценам. Размер штрафа был установлен в пределах от 50 до 200 руб.

- 6. За нарушение общественного порядка (от 100 до 250 руб.).
- 7. За несвоевременную сдачу деклараций о доходах лиц, взявших патент на открытие ремесленных мастерских и врачебных кабинетов²⁶.
- 8. За уклонение от работы и низкую производительность труда²⁷.
- 9. За нарушение режима принудительных работ (от 30 до 80 руб.).

Архивные материалы дают представление о масштабах применения штрафных санкций за нарушение режима принудительных работ. Эти штрафы являлись регулярной и весьма доходной статьёй городских бюджетов. По неполным данным, только за 4-5 марта 1942 г. в г. Пинске были оштрафованы 146 евреев. Приведенная таблица позволяет судить о мотивировках и суммах штрафов.

Таблица 2

Виды штрафов и штрафных санкций за нарушение режима принудительных работ по г. Пинску за март 1942 г.²⁸

Причина штрафа	Количество оштрафованных	Сумма штрафов, руб.	Замена штрафа арестом, дней
Замена вызванного работника подростком	46	2070	9
Неявка на работу	16	800	10
Самовольный уход с работы	26	2080	9
Опоздание на работу	8	400	8
Работа до обеда	16	480	6
Без указания причины	34	1700	10
Итого	146	7530	

Штрафным санкциям подвергались также дети, начиная с 12-летнего возраста. Все виды штрафов, за исключением дискриминационных, касались и нееврейского населения. Сравнительный анализ штрафных постановлений показывает, однако, что размеры штрафов для еврейского населения были значительно большими. Характерно также, что количество оштрафованных евреев превышало количество оштрафованных неевреев. Так, в журнале регистрации оштрафованных с 15 мая по 23 октября 1942 г. граждан г. Пинска сохранились расписки в уплате штрафов на 411 человек, из которых 363 были евреями (88,4% всех оштрафованных). Они выплатили в общей сложности 11.233 руб., то есть в среднем по 30 руб. на человека²⁹.

Налоги. На оккупированных территориях была создана разветвленная система налогов. Частные лица должны были выплачивать подоходный, промысловый налоги, квартирную плату, налог со строений и т. д. Несколько позднее система налогообложения была пересмотрена и оккупационными властями были введены новые налоги: культурный сбор, налог на здравоохранение, налог на собак и др.

В отношении еврейского населения была разработана особая система налогообложения. Юденраты получили право внутреннего налогообложения для формирования фонда заработной платы еврейским рабочим и текущих расходов, связанных с содержанием служащих еврейского самоуправления. Денежные средства, полученные от сбора этого налога, не включались в общегородские бюджеты³⁰. Пользуясь этим правом, юденрат г. Пинска 9 декабря 1941 г. испросил у хозяйственного отдела Пинского городского управления разрешение продавать хлеб для евреев по удвоенной против обычной цене. Таким образом, один рубль с каждого килограмма поступал в распоряжение еврейского совета, а один шел в городскую казну (позднее юденрат увеличил цену на хлеб до 3 руб. за 1 кг)³¹.

Часть денег на нужды юденратов поступала от нелегальной реализации собранного ими золота и других ценных вещей в обход оккупационных властей. Эти средства использовались в качестве резерва для выполнения внеплановых, срочных заказов. Требования органов управления зачастую были трудно выполнимы: в ряде случаев еврейские советы производили покупку необходимых для сдачи властям вещей у местного населения. Кроме того, некоторые юденраты предусмотрительно создавали резерв средств и ценностей, необходимых для дачи взяток должностным лицам. Например, еврейский совет г. Белостока создал склад, заполненный мебелью, текстилем, сервизами и др. ценными вещами, предназначенными для “умиротворения” властей. С этой же целью юденраты устраивали пышные банкеты для местного начальства (г. Пинск, м. Радошковичи)³². Следует отметить, что представители оккупационных властей напрямую вымогали золото и деньги как у отдельных евреев, так и у еврейских общин. Так, в м. Глубокое во время создания двух гетто условием помещения в первое — рабочее гетто — стало внесение определенной суммы. Люди, которые не смогли ее собрать, даже будучи квалифицированными специалистами, попали во второе гетто³³.

На основании распоряжения рейхскомиссара Украины (в которую по немецкому делению входила южная часть нынеш-

ней Беларуси) от 03.11.1941 все учреждения, предприятия, строительные организации и конторы должны были вносить в кассу окружных комиссариатов или на счет окружных комиссаров 20% от заработной платы евреев. Таким образом, 1/5 часть заработанных евреями денег составляла особый еврейский налог. Согласно тарифным ставкам рабочих женщины получали 80% от заработной платы, соответственно уменьшалась ставка еврейских работниц.

Таблица 3

Тарифные ставки заработной платы для еврейских и нееврейских работников на территории рейхскомиссариата Украины (карбованцы/ч)³⁴

Категория	Ставка для мужчин-неевреев	Ставка для женщин-неевреек	Ставка для мужчин-евреев	Ставка для женщин-евреек
Практикант	0,60	0,48	0,48	0,38
Необученный работник	1	0,80	0,80	0,64
Обученный работник	1,20	0,96	0,96	0,76
Квалифицированный работник	1,70	1,36	1,36	1,08
Десятник	2	1,60	1,60	1,28
Мастер	2,50	2	2	1,60

Двадцатипроцентные отчисления от заработной платы евреев существенно пополняли окружные и городские бюджеты³⁵. Кроме специального 20%-ного еврейские рабочие и служащие облагались общими налогами. Подоходный налог взимался с учетом состава семьи работника³⁶. Общий налог на охрану здоровья взимался в размере 5% от полной ставки работника³⁷.

В округе “Белосток” система еврейского налогообложения, определенная постановлением президента Восточной Пруссии от 18.09.1941³⁸ была значительно жестче. Фактически еврейские работники получали 38% заработанных денег (50% вычетов из зарплаты составлял особый еврейский налог, 12% взимались с евреев, как и с остальных немемецких работников, и составляли подоходный налог и удержания на социальные нужды). Женщины получали 75% от заработной платы мужчин³⁹.

В г. Гродно вышеназванная система была введена в действие в октябре 1941 г. На совещании районных комиссаров Гродненского округа 6 ноября 1941 г. обсуждался вопрос о вариантах расчета с еврейскими рабочими, в том числе предложение передавать положенные к выдаче 38% зарплаты евреев в еврейский совет, который “должен был заботиться об их содержании”⁴⁰. Существование подобной системы постоянно создавало конфликтные ситуации в связи с несвоевременным перечислением денег на счет юденрата или невыплаты зарплаты юденратом еврейским рабочим⁴¹.

Еще одним способом ограбления еврейского населения являлось взимание подушного сбора. Согласно циркуляру генерального комиссара округа “Волынь-Подолія” от 21.10.1941 подушный сбор с евреев определялся в размере 10 руб. “с головы”. В компетенции окружных комиссаров находилось решение вопроса об изменении размера сбора. Так, 7 января 1942 г. окружной комиссар г. Пинска увеличил размер подушного налога до 15 руб., но в апреле 1942 г. было объявлено, что поголовный сбор будет производиться в прежних размерах⁴². На примере г. Пинска очевидно, что основная часть налогов и сборов в городах и местечках возлагалась на еврейское население. Так, на 1 апреля 1942 г. за счет удержания с евреев 20% от заработной платы в казну пинского окружного комиссариата поступило 456.481 руб. (за 1 месяц) и 995.945 руб. подушного еврейского налога (за 3 месяца). Всего с начала 1942 г. в казну поступило налогов и сборов на сумму 4.682.129 руб. Таким образом, специальные еврейские налоги и сборы составляли 31% всех налогов. С учетом того, что евреи составляли около 60% населения города и выплачивали все остальные виды обязательных (общих) для всех жителей оккупированных областей налогов, основная нагрузка по содержанию чиновничьего аппарата и хозяйственных структур легла на плечи еврейского населения⁴³.

Конфискации. Методом грабежа еврейского имущества были конфискации, первая волна которых приходится на начальный период оккупации. В первые месяцы санкционированные изъятия еврейской собственности производились в основном военными комендатурами, вермахтом и айзтацгруппами. Ассортимент вещей, собираемых в ходе конфискации, был самым разнообразным. Еврейское население г. Браслава только за период со 2 июля по 19 ноября 1941 г. предоставило проходящим немецким частям, полиции, гражданскому управлению, местной комендатуре, частям СС и германским офицерам 10 лошадей, 5 телег, 45 коров, 85 куриц, 15 велосипедов, 45 ра-

диоприемников, 310 мужских и женских шуб, большое количество постельных принадлежностей и предметов домашнего обихода⁴⁴. Еврейская община м. Друя передала в распоряжение солдатских казарм, проходящих частей вермахта, летчиков, дислоцировавшихся в г. Браславе, охранных подразделений 520 единиц различных предметов домашнего обихода, одежды и мебели⁴⁵.

Новая волна конфискации была связана с отказом от проведения фиксированных изъятий ценностей. Назначение контрибуций утрачивало свою эффективность. Целью конфискации являлось окончательное разграбление еврейской собственности. Уже в директиве от 13 августа 1941 г. рейхскомиссар “Остланда” Лозе определил порядок проведения конфискации еврейского имущества. Согласно этому приказу конфискации могли быть общими (касающимися всего еврейского населения и определенных видов имущества) или выборочными. В директиве был приведен перечень вещей, подлежащих полной конфискации в первую очередь: местные денежные знаки, иностранная валюта, ценные бумаги, золотые и серебряные монеты, слитки, ювелирные изделия, драгоценные камни. При этом был определен размер еврейского имущества, не подлежавшего конфискации: предметы домашнего обихода для удовлетворения минимальных потребностей (мебель, одежда, постельное белье и т. д.), а также сумма денег из расчета 0,2 р/м (2 руб.) на каждого члена семьи в день на месяц вперед⁴⁶. Постановлением от 13 октября 1941 г. рейхскомиссар “Остланда” Лозе внес коррективы: не подлежали конфискации у еврейского населения наличные деньги, банковские, сберегательные и ценные документы стоимостью до 100 р/м⁴⁷. 14 октября 1942 г. он снял всякие ограничения для проведения конфискации еврейского имущества⁴⁸.

Как правило, об общих конфискациих ценного еврейского имущества объявлялось после проведения денежных и золотых контрибуций. Так, после взыскания денежной контрибуции с еврейского населения Браславского и Глубокского округов в октябре 1941 г. оккупационными властями был издан приказ о немедленной сдаче евреями всей валюты, ценных бумаг (акций, денежных расписок, векселей, сберегательных книжек), серебряных и золотых изделий, а также монет, драгоценных камней, выделанных и невыделанных кож и шкур⁴⁹. В г. Пинске также после сбора контрибуции, во время которой еврейское население должно было сдать 20 кг золота, было объявлено о конфискации драгоценных металлов⁵⁰. Такая же ситуация сложилась практически во всех местах проживания еврейского

населения. В некоторых районах последовательность была обратной: сначала объявлялось о конфискации ценностей, а затем налагались контрибуции⁵¹.

Конфискации носили целевой характер и были направлены на изъятие у еврейского населения мехов, добротных носильных вещей, тканей, ковров, электроприборов, фотоаппаратов, велосипедов, пишущих машинок и других вещей⁵². В Гродненском округе подобные кампании проводились летом и осенью 1942 г. (на 26 августа 1942 г. гетто м. Лунна сдало 109 меховых изделий⁵³, в двух гродненских гетто было собрано 164 бытовых электроприбора, 5 граммофонов и большое количество граммофонных пластинок)⁵⁴. В округе “Белосток” от конфискации ценного имущества освобождались супруги-евреи, живущие в смешанных браках и имеющие детей, которые не считались евреями, а также все ремесленники и врачи, для которых электрические приборы и велосипеды являлись необходимым средством или условием работы для выполнения заказов вермахта⁵⁵. Проводились также индивидуальные конфискации имущества состоятельных евреев. В случае обнаружения ценного имущества после проведения конфискаций следовала казна хозяина и его семьи⁵⁶. Одним из объектов конфискации стали еврейские книги – старинные издания Пятикнижия, талмуды и другую религиозную литературу собирали на специальные склады, после чего отправляли в Берлин, в министерство оккупированных восточных территорий⁵⁷.

Следующим этапом в решении вопроса об изъятии еврейского имущества после того, как были исчерпаны ранее применявшиеся средства, стала концентрация еврейского населения и создание гетто. При переселении евреям разрешалось брать с собой строго ограниченное количество вещей. Так, во время переселения в пинское гетто евреи могли взять с собой только 2 пары белья, 2 комплекта одежды (рабочую и выходную) и необходимую кухонную утварь⁵⁸. Сжатые сроки, установленные для переселения – от нескольких часов до нескольких дней, – также имели целью предотвратить возможность со стороны еврейского населения по собственному усмотрению распорядиться собственностью (продать, обменять, отдать на сохранение, спрятать, перевезти в несколько приемов). В брошенных домах оставались практически вся мебель и вещи⁵⁹.

Все недвижимое имущество евреев, расположенное вне гетто, переходило в распоряжение городских, районных и волостных управлений. Специально созданные жилищные комиссии определяли состояние оставленных квартир и домов. Имущество, оставленное хозяевами при переселении во дворах, – дрова, строительные материалы, сено и пр., – централизо-

ванно собиралось и также поступало в распоряжение местной администрации.

Освобожденное еврейское имущество подлежало распределению между различными структурными подразделениями оккупационных властей и местным населением. Удовлетворялись заявки организаций, учреждений и частных лиц на те или иные предметы, оставленные во дворах и домах, а также прошения местных жителей о разрешении занять еврейские дома и квартиры⁶⁰.

Еще одним источником изъятия еврейского имущества в период существования гетто стали расстрелы бежавших оттуда евреев. В Гродненском округе это явление приобрело значительные масштабы. Все имущество, обнаруженное при обыске у убитых, подлежало учету и реализации. В январе 1943 г. при расстреле трех беглых евреев жандармский пост д. Грандичи конфисковал 900 марок⁶¹. После задержания и расстрела 18-23 февраля 1943 г. группы беглых евреев жандармскими постами местечек Скиделя и Жидомли были переданы в районную жандармерию 1965,42 р/м, оставленные там для оплаты вознаграждения отличившимся полицейским, а также 15 бумажных долларов, которые были сданы в кредитную кассу г. Гродно⁶². В марте 1943 г. жандармские посты мм. Скидель и Озёры перечислили на спецсчет “еврейское имущество” 2480,20 р/м⁶³. На жандармских постах в мм. Сопоцкино, Жидомля, Гожа с 23 марта по 3 апреля 1943 г. у задержанных евреев было конфисковано ценных вещей на 4874,12 р/м; 17 апреля 1943 г. жандармские посты д. Коптевки, м. Вертилишки и г. Гродно доложили об изъятии у расстрелянных евреев имущества на сумму 7424,53 р/м; 27 апреля 1943 г. из мм. Жидомля и Вертилишки поступило 1412 р/м и 3 золотых предмета; с 25 апреля по 19 мая 1943 г. из мм. Вертилишки, Бершты и Жидомля — 808, 32 р/м⁶⁴.

Процедура конфискации еврейского имущества была завершена в ходе проведения “окончательного решения еврейского вопроса”. При проведении акций физического уничтожения еврейского населения предусматривался ряд мер, обеспечивавших максимальное изъятие ценных вещей.

Перед расстрелом людям приказывали раздеться и сдать драгоценности, кроме того, известны случаи личного досмотра⁶⁵.

Производился осмотр и сбор изделий из благородных металлов с трупов. В 1944 г., когда проводились раскопки массовых захоронений и сжигание трупов расстрелянных для сокрытия следов преступления, нацисты занимались сбором золотых коронок и зубов.

Одежда убитых складировалась, позже в ходе ее сортировки выявлялись спрятанные драгоценности и деньги⁶⁶.

Территории гетто прочесывались в поисках ценных вещей, проводились целенаправленные обыски в квартирах наиболее состоятельных евреев.

После проведения акций уничтожения евреев издавались приказы, адресованные местному населению, о возвращении еврейского имущества⁶⁷.

Судьба награбленного еврейского имущества была определена указом рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга от 7 сентября 1942 г. “Об учете и реализации еврейского, советского государственного и бесхозного имущества”, адресованным рейхскомиссарам “Остланда” и “Украины”⁶⁸. Согласно этому распоряжению еврейское имущество делилось на три категории.

1. Драгоценности из благородных металлов, предметы искусства и роскоши (картины, ювелирные изделия и др.). Эти вещи подлежали продаже через центральное управление по реализации благородных металлов при городском ломбарде в Берлине. В германскую кредитную кассу в г. Риге для отправки в Берлин поступали многочисленные посылки с еврейским золотом из Беларуси. Так, из Глубокского округа после проведенных акций уничтожения еврейского населения в Докшицах, Лужках, Плиссе, Миорах, Браสลаве, Друе, Шарковщине, Глубоком 2 июля 1942 г. было отправлено 4,267 кг различных золотых изделий и 3840 золотых монет общим весом 3,446 кг⁶⁹.

2. Предметы мебели и другая обстановка квартир, столовое, постельное и кухонное белье, другие предметы домашнего обихода. При условии их пригодности они предназначались для удовлетворения потребностей учреждений рейхскомиссариатов (для обстановки служебных помещений и квартир), а также обустройства больниц, госпиталей, детских домов, столовых, служб пожарной охраны, полицейских участков и т. д. Техническое оборудование и инструменты, оставшиеся в ремесленных мастерских, передавались соответствующим хозяйственным службам⁷⁰.

3. Носильные вещи: одежда, белье, обувь. Эта категория имущества подлежала продаже по соответствующим ценам.

Обнаруженное в гетто продовольствие подлежало немедленной реализации местными властями⁷¹.

Практиковалась также и раздача еврейского имущества (в основном одежды) определенному кругу лиц. В первую очередь снабжались полицейские, старосты и другие служащие, пострадавшие от действий партизан. Подобные раздачи имели место в г. Клецке Барановичского округа, г. Пинске, г. Бресте и т. д.⁷². Значительная часть еврейского “наследства” в Барановичском, Пинском, Брестском и других округах была передана нацио-

нальным комитетам самопомощи (белорусским, украинским, русским) и предназначалась для раздачи малоимущему населению⁷³. Прежде всего удовлетворялись заявки на оказание материальной помощи следующим категориям граждан: многодетным семьям, нетрудоспособным лицам, потерпевшим от действий партизан, беженцам из восточных областей, погорельцам⁷⁴. Часть одежды и белья после соответствующей обработки (стирки и починки) передавалась руководителям предприятий для выдачи рабочим в качестве оплаты за труд⁷⁵.

Реализация еврейского имущества главным образом производилась через созданные на территориях бывших гетто магазины, аукционы. В окружных центрах открывались специализированные магазины по продаже некоторых видов товаров (посуды, мебели, одежды и т. д.). В округе “Белосток” была разработана более жесткая система регламентации продажи еврейских вещей. Чтобы не допустить скупку вещей спекулянтами, покупатель обязан был предъявить справку с места работы. Вводились отдельные дни и часы для продажи немцам и местным жителям⁷⁶.

Суммы, вырученные от продажи еврейского имущества, весьма существенно пополняли казну рейха. Так, из Глубокского округа с 4 июля по 3 сентября 1942 г. на счет Германской кредитной кассы в г. Минске было перечислено 358032,35 р/м, полученных от реализации еврейских вещей⁷⁷ из м. Новая Мьпшь – 4452 р/м⁷⁸. Доход от продажи еврейского имущества в Глубокском округе на 18 мая 1943 г. составил 64720 р/м, в м. Лунна Гродненского округа на 23 января 1943 г. – 76309,75 р/м⁷⁹. Перечисления значительных сумм, вырученных от продажи еврейского имущества, были регулярными.

Таблица 4

Средства, перечисленные в окружную кассу г. Гродно, от реализации еврейского имущества⁸⁰

Название населенного пункта	Сумма, р/м	Дата перечисления денег
Лунна	105294	24.06.43
Скидель	23159	22.01; 25.02; 04.03; 15.03.43
Поречье	10624	11.02; 03.03.43
Сопоткино	172	05.02.43
Каменка	3545	29.01.43
Гольцка	782	25.01.43
Озёры	50173	15.01; 16.02; 24.03.43
Острино	31070	02.04.43

Сдача в аренду бывшей земельной собственности евреев (огородов, садов) также приносила властям прибыль⁸¹.

Освобожденные дома гетто стали резервным источником для выделения квартир служащим органов управления, полиции, военных подразделений, а также лицам, нуждавшимся в жилье⁸². Следует, правда, отметить, что значительная часть еврейских домов не была пригодна для заселения. Так, по данным оккупационных властей, из 340 бывших еврейских строений в г. Браславе 112 находились в аварийном состоянии и подлежали сносу⁸³. Аналогичной была картина и в других населенных пунктах⁸⁴.

Заключение. Нацистская политика ограбления еврейского населения преследовала следующие цели.

1. Пополнение казны рейха за счет контрибуций золота и денежных, конфискаций, продажи еврейского имущества.

2. Денежные штрафы и дискриминационное налогообложение евреев служили также важным источником пополнения бюджетов органов управления на оккупированных территориях. Кроме того, одним из источников удовлетворения хозяйственных потребностей оккупационных властей являлось еврейское имущество.

3. С помощью продажи и раздачи еврейского имущества частично решались вопросы снабжения населения оккупированных территорий предметами первой необходимости (прежде всего одеждой, обувью), которые к 1943–1944 гг. являлись остродефицитными товарами. В этот же период усилился поток беженцев из прифронтовых областей, поставивший перед властями проблему их размещения. Одним из средств решения этой проблемы стало предоставление нуждающимся жилищного фонда, оставшегося после уничтожения еврейского населения.

Таким образом, еврейские общины представляли для оккупационных властей своего рода огромный резервуар, из которого по мере необходимости можно было изымать нужное имущество и средства. Созданная нацистами система контрибуций, конфискаций, налогообложения и штрафов имела целью ограбление еврейского населения и лишение его средств существования. Это направление политики геноцида стало составляющей частью «окончательного решения еврейского вопроса».

---

¹ Государственный архив Витебской области (далее ГАВО), ф. 2848, оп. 1, д. 3, л. 61, 62; д. 6, л. 66; *Datner S.* Eksterminacja ludnosci zydzowskiej wokregu bialo-

stockim // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce*. № 60. 1966. S. 20; *Zbikowski A. Lokalne pogromy żydów w czerwcu i lipcu 1941 roku na wschodnich Rubieżach II Rzeczypospolitej // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce*. 1992. № 2-3 (162, 163). S. 3-18.

² Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944): Сб. док. и материалов / Ред. И. Арад. Иерусалим, 1992. С. 146.

³ Государственный архив Брестской области (далее ГАБО), ф. 2135, оп. 2, д. 790, л. 40; д. 824, л. 3, 7, 21.

⁴ Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО), ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 169.

⁵ ГАБО, ф. 684, оп. 1, д. 4, л. 4.

⁶ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 365, л. 2.

⁷ Уничтожение евреев СССР... С. 48.

⁸ ГАБО, ф. 2848, оп. 1, д. 49, л. 57.

⁹ Там же, д. 51, л. 7; ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 4, л. 1, 3.

¹⁰ ГАБО, ф. 2848, оп. 1, д. 80, л. 3.

¹¹ Таблица составлена по: ГАБО, ф. 2848, оп. 1, д. 289, л. 6-6 об.

¹² ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 124, л. 1-43.

¹³ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 3065, л. 25, 29.

¹⁴ Черная книга. Сб./Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. Запорожье, 1991. Ч. 1. С. 185.

¹⁵ *Alpert N. The Destruction of Slonim Jewry: The Story of the Jews of Slonim during the Holocaust*. N.Y., 1989. P. 56.

¹⁶ “Нацистское золото” из Беларуси. Док. и материалы / Сост. В.И.Адамушко, Г.Д. Княтько и др. Минск, 1998. С. 188.

¹⁷ *Datner S.* Op.cit. P.394.

¹⁸ Черная книга... Ч. 1. С. 41.

¹⁹ ГАБО, ф. 514, оп. 1, д. 112, л. 22, 23, 25.

²⁰ *Boneh N. (Mular). The Holocaust and the Revolt. Offprint from the Book “Pinsk”*. Vol. 1. Part. 2. Tel-Aviv, 1977. P. 191.

²¹ ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 124, л. 53.

²² Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 750, оп. 1, д. 114, л. 56, 58; ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 4410, л. 47.

²³ *Bialostoccy Żydzi: W 2 T. Białystok*. 1993. T. 1. S.109, 110.

²⁴ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 141, л. 32.

²⁵ ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 133, л. 48.

²⁶ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 2441, л. 69.

²⁷ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 166.

²⁸ Таблица составлена по: ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 131-133.

²⁹ ГАБО, ф. 2120, оп. 1, д. 337, л. 1-9.

³⁰ Там же, ф. 2135, оп. 2, д. 124, л. 51.

³¹ Там же, ф. 2120, оп. 1, д. 422, л. 6.

³² *Boneh N. (Mular)*. Op.cit. P. 108, 109; НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 949, л. 218-221.

³³ Черная книга... Ч. 1. С. 171.

³⁴ Таблица составлена по: ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 11, л. 65.

³⁵ ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 2454, л. 4.

³⁶ Там же, д. 2441, л. 79.

³⁷ Там же, д. 11, л. 83.

³⁸ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 346, л. 3.

³⁹ Там же, д. 15, л. 16.

- ⁴⁰ Там же, л. 20.
⁴¹ Там же, д. 346, л. 41.
⁴² ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 136, л. 10.
⁴³ Там же, д. 926, л. 12, 15, 18, 19.
⁴⁴ ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 76, л. 48, 49.
⁴⁵ Там же, д. 55, л. 14; ГАБО, ф. 7581, оп. 1, д. 27, л. 12, 13.
⁴⁶ Уничтожение евреев СССР... С. 48.
⁴⁷ "Нацистское золото" из Беларуси... С. 30, 31.
⁴⁸ Там же. С. 128, 129.
⁴⁹ ГАВО, ф. 2849, оп. 1, д. 21, л. 2.
⁵⁰ *Voneh N. (Mular)*. Op. cit. p. 104, 108, 109.
⁵¹ "Нацистское золото" из Беларуси... С. 68.
⁵² ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 23, 24; д. 121, л. 152.
⁵³ Там же, д. 121, л. 157.
⁵⁴ Там же, д. 150, л. 69.
⁵⁵ ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 80, л. 23, 24; д. 250, л. 7.
⁵⁶ *Voneh N. (Mular)*. Op. cit. P. 104, 109.
⁵⁷ НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 975, л. 46-55.
⁵⁸ *Розенблат Е., Еленская И.* Пинские евреи. 1939-1944 гг. Брест, 1997. С. 228.
⁵⁹ ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 824, 825.
⁶⁰ Там же, д. 431, л. 178, 179, 194; д. 779, л. 25-35; ф. 685, оп. 1, д. 36, л. 76; ф. 2733, оп. 1, д. 36, л. 4, 15.
⁶¹ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 271, л. 8.
⁶² Там же, д. 54, л. 41.
⁶³ Там же, д. 335, л. 35.
⁶⁴ "Нацистское золото" из Беларуси... С. 169, 172, 175, 180.
⁶⁵ Уничтожение евреев СССР... С. 198-201.
⁶⁶ *Розенблат Е., Еленская И.* Указ. соч. С. 164.
⁶⁷ ГАВО, ф. 28487, оп. 1, д. 117, л. 69.
⁶⁸ "Нацистское золото" из Беларуси... С. 114-116.
⁶⁹ Там же. С. 76, 77, 80, 82.
⁷⁰ Там же. С. 166; Государственный архив Минской области (далее ГАМО), ф. 1039, оп. 1, д. 27, л. 42.
⁷¹ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 121, л. 38.
⁷² ГАМО, ф. 1538, оп. 1, д. 18, л. 39.
⁷³ Яленская І. Э. Арганізацыі самадапамогі на тэрыторыі Брэстчыны (1941-1944) // *Весці Акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук.* 1998. № 1. С. 71.
⁷⁴ ГАБО, ф. 199, оп. 1, д. 3, л. 5, 6; д. 24, л. 2; ГАМО, ф. 1538, оп. 1, д. 18, л. 39, 40.
⁷⁵ ГАГО, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 211, 211 об.
⁷⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 18, 20, 127, 130.
⁷⁷ "Нацистское золото" из Беларуси... С. 85, 86, 108.
⁷⁸ ГАБО, ф. 685, оп. 1, д. 36, л. 103.
⁷⁹ НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1598, л. 41; ГАГО, ф. 1, оп. 1, 335, л. 7.
⁸⁰ Таблица составлена по: ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 335, л. 64, 70, 73, 78, 81, 83, 85.
⁸¹ ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 4, л. 12-16; д. 5, л. 17-19.
⁸² Там же, ф. 2135, оп. 1, д. 875, л. 4-149; ГАМО, ф. 1039, оп. 1, 27, л. 55; ф. 4232, оп. 1, д. 29, л. 158, 159.
⁸³ ГАВО, ф. 2848, оп. 1, д. 117, л. 76а.
⁸⁴ ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 789, л. 1-3; д. 744, л. 42-45; д. 790, л. 56.

Ольга Белова

“ЖИДОВСКАЯ ЗОЗУЛЯ” И “ЕВРЕЙСКАЯ КУРИЦА” В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОЛЕШУКОВ

Эти колоритные имена — “жидовская зозуля” и “еврейская курица” — носят в полесских диалектах представители птичьего мира — удо́д (*Urupa erops*) и куро́патка (*Perdix perdix*). Народным легендам об этих птицах, объясняющим их связь с евреями, а также связанным с удо́дом и куро́паткой (именно как с “еврейскими” птицами) приметам и поверьям посвящена данная публикация.

В традиционной народной культуре образ этнически или профессионально “чужого” может быть описан при помощи стандартной схемы. В этой схеме выделяется ряд ключевых позиций, по которым “опознается” чужой среди своих: внешность, запах (устойчивое представление о специфическом запахе иноверцев распространено у славян по отношению к евреям, туркам); сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству, чаще вредоносному); “неправильное”, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное “чужими” и, следовательно, неправильными, греховными, демоническими ритуалами и обычаями). Образ “чужого” находит свое место и в фольклорной картине мира, сочетаясь с представлениями об особом “чужом” пространстве (часто осмысляемом как антимир), где существуют свои особые природные объекты, мыслимые и называемые “чужими” (светила, растения, животные).

В лексическом фонде всех славянских языков присутствуют названия, определяющие некоторые явления природного мира как “еврейские”: это названия несъедобных растений (ядовитых грибов): малопол. *żydyparszywe*, *żydawcy*, словац. *červený žyd*, *żydowska*

Ольга Владиславовна Белова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке Research Support Scheme of the Open Society Foundation, grant N 196/1999 (Ethnocultural and Ethnoconfessional Stereotypes in the Folk Culture of the Slavs).

brada и т.п.; названия насекомых: укр. *жидочок* ‘таракан’; пол. *żydek* ‘стрекоза’ и т.п.; названия аномальных природных явлений: дождь при солнце — “жидовский дождь” (полес.). В традиционном сознании все эти маркированные природные объекты чаще всего осмысляются как принадлежащие “чужому” запредельному миру, граничащему с миром людей (ср. представление украинцев Подолии о том, что края земли не может достигнуть ни один живой человек; это под силу только купцам-евреям)¹. Соответственно, в фольклорном сознании эти объекты оказываются мифологически окрашенными.

В восточнославянской народной культуре (а также в массовом городском сознании, наследовавшем в данном случае вполне фольклорный набор стереотипов) традиционно “еврейскими” птицами считаются воробьи. Наименование воробьев “жидами”, “жидками” характерно не только для украинского и белорусского языков, но и для целого ряда русских диалектов (например, новгородского, тамбовского, уральского — район Екатеринбурга — говоров)², распространенных на территориях, где исторически славянское население до недавнего времени (до отмены черты оседлости) не соприкасалось с евреями. Нам уже приходилось рассматривать фольклорные сюжеты, связывающие евреев и воробьев и объясняющие их “родство”³. Не менее показательной в плане интересующих нас этнокультурных стереотипов представляется фольклорно-мифологическая “биография” удода и куропатки, которые в народных верованиях славян также оказываются причислены к сфере “чужого”, “инородческого”.

По данным Полесских этнолингвистических экспедиций (записи хранятся в Полесском архиве Института славяноведения РАН — далее ПА), среди птиц, которые считаются “еврейскими” и связаны с представлениями о евреях, наиболее популярным является удода. Обширный полевой материал показывает, что эта птица может быть описана по той же схеме, что и фольклорный образ “еврея” (выделяются те же маркирующие признаки), так как в народных представлениях она непосредственно связана с особенностями быта евреев (по поверьям западных украинцев и поляков, “в удоде живет душа еврея”, удода — “еврейский божок”)⁴.

Представления об удоде как “инородческой” птице в украинском и белорусском Полесье, а также в соседнем регионе — польском Подлясье — проявляются в названиях типа *жидівська зозуля*, *еўрэйская зозуля*, *жыдоўска зазуля*, *вубуд жидовски*, *żydowska żazula* и т.п. (ср. в южнославянской традиции представления об

удоде как о “цыганской” птице — болг. *циганско петле*)⁵. Таким образом, согласно народным представлениям, удода — это кукушка (“зозуля”), но необычная, “чужая”, “еврейская”, отличающаяся от “настоящей” кукушки и голосом, и внешним видом, и поведением (точно так же, как отличается еврей от любого местного, “тутейшего” жителя): “Вудуд по-нашэму — то то жидиўски вудуд. А казалы зрѣду, шо то жидиўска зозуля. Наша зозуля — то то зозуля, а вудуд — то жидиўский <...> То за того вудуда той росказував жьд, шо, кажэ, ваша зозулька — ця рабая, а наша зозуля — наш вудуд. То жьдиўска. Наша зозулька куэ, а той нэ” (Мельники Ргн. В., ПА 2000, зап. О. Белова). Отметим попутно, что удода может представляться и “социально чужой” — “солдатской” птицей (житомир.; архив Института антропологии и этнологии РАН, собр. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, д. 49, л. 15; Вышевичи Рад. Ж., ПА 1981, зап. А. Топорков).

Отличительная внешняя особенность удода — хохолок на голове — также связывается (и довольно курьезно) в народных легендах с евреями: один удода позаимствовал у другого хохолок и отказался отдавать; не помогли и просьбы евреев, которые пытались соблазнить похитителя орехами и конфетами: “Один е удодик с чубашечкой, а друкый нэ мае. Он позычиў у друкого чубашэчку да й нэ оддаў. Попросиў удодик на одын вэчор чубашэчку, а вин её оддаў. А тот ему дитки глядеў за то. Ёго дитки були, вин и кажэ: «Поглянь мои дитки» (вин куда-то схотёў, шо вин схотёў гулят куда-то). А друкый чубашэчку ему й нэ оддаў. И вот вин его ўжэ просит: «Удоду, братику, отдай мою чубашэчку. Я ж на дубе сидеў, твои дитки глядеў». А вин ему кажэ: «Вот-вот да нэ дам». И нэ оддаў ему чубашэчку. Жьды ходили следом, да оны надают ему орехов да цукерок, шоб вин оддаў, а вин: «Вот-вот да нэ дам»” (Вышевичи Рад. Ж., ПА 1981, зап. Л. Ивлева).

“Еврейскую” принадлежность удода объясняют тем, что эту птицу когда-то евреи привезли из других стран (пол., белосток.)⁶. Приведем для сравнения западноукраинский анекдот о том, что евреи стали считать удода “своим”, когда убедились, что удода умеет отличать евреев от христиан. Однажды шел еврей по лесу, услышал крик удода “вудвуд, вудвуд” и решил, что удода обращается к нему: “Юд-юд, юд-юд”. Он удивился, откуда птица знает его национальность, и решил, что это, должно быть, еврейская птица. Он был также приятно удивлен, что кукушка (*зозуля руска*) знала, кто он такой, и, не в пример удоду, вежливо обратилась к нему, прокуковав: “Пане купец, пане купец”.

Эту историю еврей поведал потом людям в корчме, которые и назвали удода *вудвуд* (*водвуд*) *жидовски*⁷. “Жидовской зозулей” удода называют также и потому, что он упоминается в Библии среди тех птиц, которых Бог запретил есть евреям: “А вони, значыть, свинины не йилы, йим не росполагало, не разрешиў Бог. Он сказаў, значыть: «Тое жывотное, шо не жуе жуйкы», – жвакўе, от, прымерно, вивця, корова – вона жывэ жуйку; даже на́вить и птицу, ў Библии написано, шо удода нэ йисты; ўсяку птицу йисты, а удода нэ йисты. От ёго и назвалы – жьдиўска зозуля” (Речица Ргн. В., ПА 2000, зап. О. Белова; ср. Втор. 14:18).

Считается, что удод носит имя Япуп или Юда. “Жьдуўску зозулю звалы Япуп, бо яна куе путь-путь” (Парохонск Пин. Б., ПА 1990); “Жьдивска зазуля, бо вин юдач, крычить бы Юда – у-у-у-у, дэй зовуть Юдою” (Бездеж Дрг. Б., ПА 1988).

Диалектное название удода – *вудуд* – осмысливается как звукоподражательное. Именно своим странным криком и отличается удод (“жидовская зозуля”) от “нашей зозули” (обыкновенной кукушки): “Жьдиўска зозуля – вудуд. [Кричит:] «Вуд-вуд-вуд!». А наша кажэ: «Ку-ку», – куэ” (Комарово Ргн. В., ПА 2000, зап. О. Белова).

“Речевое поведение” удода как “еврейской птицы” маркировано: в его крике слышится слово “еврей” (“юд-юд” – львов.)⁸ или слово “что?” на идише (“вус-вус”, “вут-вут”): «Уткач. Жьдывська зозуля. [Кричит:] «Вус! Вус! Вус!» «Вус» – по-жьдывськи «шчо». «Вус, вус, – кажэ, – вус?»» (Олтуш Млр. Б., ПА 1985, зап. А. Гура); “Удод, жьдоўская зазуля. Удод кажэ: «Вут-вут-вут-вут»” (Рясно Ем. Ж., ПА 1981, зап. А. Топорков); “Вут-вут-вут! Так и жьды балакают. То жьдоўска зозуля куе” (Курчица Н.-В. Ж., ПА 1981, зап. О. Белова).

Вообще же удод как бы говорит на чужом языке, непонятном окружающим: “Жьдоўска зозуля. А гэргэчэт, як жьды: «Гуд-гуд-гуд, гуд-гуд-гуд». А наша зозуля: «Ку-ку, ку-ку»” (Лисягичи Пин. Б., ПА 1981, зап. Е. Владимирова); “Жьдоўска зозуля, она не кўкае, як кукушка. [Называют ее так, потому что] еврэй гóвораць не как мы, и мы их не розумем” (Хоромск Стл. Б., ПА 1984); “Удод – гэта жьдоўска зозуля, зозуля куе, а гэны гльгёча. Ён пяэ «гуд-гуд-гуд», як еврэй, а наша зовзулька куэ” (Жабчицы Пин. Б., ПА 1990); “Жьдовська зазуля гудготыть, так як жьды гóвораць” (Белосток.)⁹; “Жьдоўская зозуля. Она так хукае, як жьды” (Барбаров Мз. Г., ПА 1983, зап. Е. Крапивская); “Удуд, то жьдоўска зозуля. «Удуд-ду-дуд», – як жьды гóвораць, то кажуть, што жьдоўска” (Радчицк Стл. Б., ПА 1984, зап. А. Плотни-

кова); “Еврэйска зозуля. Наша: “Ку-ку”! А она: “Кр-р-р-!” – швэркае чортова еврэйка” (Курчица Н.-В. Ж., ПА 1981, зап. О. Белова).

Итак, удод неблагозвучно “гудготыть”, “швэркае”, “хукае”, “глыгече”, “гэргэчэт, як жьды” в противоположность “нашей” кукушке, которая поет “гарно”, “красиво”: “Одуд, жидоўска зозуля. Кричить: «Одуд, одуд»! А зозуля гарно: «Ку-ку, ку-ку»” (Рясно Ем. Ж., ПА 1981, зап. М. Павлова); “Жьдиўска зозуля. Наша зозуля куде хорошенько, красиво так. А ён? Чорт его знае, як...” (Комарово Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова); “Еврэйска зозуля. Наша зозуля своих дитей не вóдыть, а поеть так хорошэнько – ку-ку! А еврэйска хрупúче говóрыть” (Речица Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова).

Подчеркивается также интонационное своеобразие голоса удода: на вопрос, чем обычная кукушка отличается от “жидовской”, в польском Подлясье отвечали: “Жьдоўска зозуля – то «ку-ку, ку-ку, ку-ку» [произносится очень быстро], а наша то «ку-ку... ку-ку» [медленно]” (белосток.)¹⁰.

Из-за сильного дурного запаха удода считается нечистой птицей: “Одуд паскудит у своем гнезде, и воняет смэрдячий гóдуд” (Курчица Н.-В. Ж., ПА 1981); “Уткач. [Он] вонячий. [Говорят:] «Ой, воняеш, як той ўткач»” (Олтуш Млр. Б., ПА 1985, зап. А. Гура); “Вўткач. Жьдовска зозуля (еврэйска зозуля). Воню-у-учая – свэт нэ видел!” (Олтуш Млр. Б., ПА 1985, зап. А. Гура); “Вўдуд. [Кричит:] «Уд-уд-уд! Вуд-вуд-вуд-вуд!» Вўдуд смэрдючьй. [Человеку, от которого исходит неприятный запах, говорят:] «Смэрдиш, як вўдуд». Вот як птэнца малэнького возмэш, вин воняе; тылько возмэш, а вин сц-ц! – и сэрнэ зразу. Цэ жьдиўска зозуля” (Речица Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова). Согласно восточнополесской легенде когда-то удода был царем птиц, даже орел ему подчинялся. Тогда ему захотелось стать птичьим богом. В наказание за дерзость Бог наказал удода: “Будь ты смэрдючьым удодам и ляти и крычи: «Худа тут!». И яму прызвишчэ такэ дали: смэрдючьй удода” (Хоробичи Гор. Ч., ПА 1980, зап. А. Гура; аналогичный сюжет был зафиксирован в Овручском у. Волинской губ.)¹¹.

Запах удода соотносится с запахом, который якобы присущ самим евреям: “Удод – еврэйска зозуля. Воняе, таму еврэйска” (Жабчицы Пин. Б., ПА 1990); “Ўдод, жьдивска ўдод. Вона как-то смэрдыть. Гавóрать, шо вона евреем смэрдыть” (Ласицк Пин. Б., ПА 1984); “От удода исходит такой же неприятный запах, как и от евреев, которые едят много лука” (Речица Ртн. В.)¹².

Запах удода может сравниться с запахом, который якобы идет от одежды евреев: “У нас называют жыдиўска зозуля. Это еврейска по-русски. [Почему так называют?] Говораць, шо запах есть, шо вона... жыдамы смэрдыць. [Какой запах?] От одежды запах. И можно сразу отличить [еврея от нееврея]. Запах такэй... ну, як у скотыны запах есть” (Речица Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова); “Жыдоўска зозуля куропаточка это и есь, то шо кричит «ўут! ўут!» <...> Вона воняе тэба холера, ну жыт воняе тожэ, потому у них такая одёжа есь, она воняе тожэ” (Муховец Бр. Б., ПА 1982, зап. М. Серебряная). В связи с последним примером отметим, что куропатка, с которой сравнивается и даже отождествляется удод, в соседнем, волынском Полесье считается “еврейской курицей”¹³.

От других птиц удод отличается своеобразным “антиповедением”. Он не улетает на зиму в *вырий* (мифическая страна, где зимуют птицы и змеи): на Волыни удод и кукушка различаются тем, что “жыдивська зозуля – тая ны ходыць в вырий, а нашая ходять” (Березичи Люб. В.)¹⁴. В отличие от прочих птиц, согласно народным верованиям на Брестщине, “жидивськи зовзюли пид водой зроблють хату и живутъ” (Ласицк Пин. Бр., ПА 1984; ср. традиционное представление о том, что ласточки зимуют под водой, сцепившись лапками в длинные гирлянды; это верование бытовало и среди евреев в Польше: “Ласточки зимуют под водой, лежат там «шнуром», а перед Пасхой вылетают и возвращаются в свои гнезда”¹⁵). Удод живет по своему “еврейскому” календарю, потому прилетает из теплых стран не вместе с другими птицами и петь начинает раньше: “[Называют его также] жыдоўска зозуля. Он раньшэ прылетает на нэдиль дви, чем зозуля. И жыдовськи празьныкы тож раньшэ, жыдовска Паска – ну, нэ дэль на две” (Олтуш Млр. Б., ПА 1985, зап. А. Гура); “Вудуд. У нас кажуть, шо жыдиўска зозуля. «Вут-вут-вут», – так кажэ. Наша познийше куэ, а вона раньше. То говорять, шо жидиўска зозуля, бо вудуд раньше за тое [голос подает]. А наша зрóду куэ после Паски на восемнацатой нэдили” (Речица Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова); “Жыдоўска зозуля – она перва по вэсьне ўдкае. Жыдоўська зоўзуля пэрва закуе, а нашая ўторая. А лўччэй услышать свою, як жыдоўськую” (Ковнятин Пин. Бр., ПА 1981, зап. А. Гура); “Жыдиўска зозуля, вона ранейше куэ. Наша зозуля, ек кўкае, ўжэ то и, кажэ, можно чавьюх (щавель. – О.Б.) рваты. А вона [удод] ранейшэ покўкае нэвить того” (Речица Ртн. В., ПА 2000, зап. О. Белова).

Согласно народным приметам крик "еврейской зозули" предвещает холодный, плохой год. "Жидоўская зозуля <...> як похукае, холодно будэ" (Барбаров Мз. Г., ПА 1983, зап. Е. Крапивская); "Вутва [так как кричит «вут-вут-вут»] — жидивска зозуля. Если яна раней нашай зозули закувала, на плахи год" (Сварынь Дрг. Бр., ПА 1988, зап. В. Ванин).

В народных легендах Черниговской губернии угод своим криком предаёт Христа. Когда евреи замучили Христа, он воскрес, и они погнались за ним. Птицы видели Христа, и соловей спрятал его под крылья, а евреям отвечал: "Утик, утик, утик! Догоняй, догоняй, догоняй! Скорей, скорей, скорей!" Воробей же кричал: "Жив, жив, жив!", а угод указал, что Христос спрятался под крыльями у соловья: "Вон-вон-вон". Христос сделал воробья ненасытным, удода смердючим, а соловья восхвалил, поэтому его все любят и слушают¹⁶. Согласно другому варианту угод криком "вот-вот" указывает разбойникам, где спрятался Христос¹⁷. Подобные легенды до сих пор бытуют в карпатской традиции. Так, в селе Брод Иршавского района Закарпатской области в 1988 г. была записана следующая краткая легенда. "Попикач [угод]. Вин согреший. Вин, коли Христа ловили, а вин кричаў: «Тут-тут-тут». А Христос казаў: «Будеш смердючий, як пес»" (зап. Е. Быкова).

Куропатка — "еврейская курица" — связана в фольклоре Полесья с одной этиологической легендой, отражающей библейский сюжет. Это рассказ о странствиях еврейского народа в пустыне, о посланных евреям Богом манне и перепелах: "Як Мойсей еврэй вывóдив з Египта, [им нечего было есть]. Голодные евреи кричали: «Нам мясо трэба!» Тогда так Бох зробив, шо налэтили коропатвы и пэрэпёлы [и люди стали есть этих птиц]. И оттого вона называйицца еврэйска курыця. [Поэтому евреи охотно покупают на базаре этих птиц и употребляют их в пищу]" (Уховецк Ков. В., ПА 1979, зап. А. Гура). Ср. запрет для евреев употреблять в пищу птицу, зарезанную без соблюдения ритуальных правил (в данном случае — убитую охотником или продаваемую на базаре).

Согласно описаниям еврейской Пасхи, увиденной глазами соседки-полешучки, "вони карапáтку йили, бо йих Моисей, як вывóдий, то вони тылько живилиса карапáткамы. Воны сорок дэнь булы ў пустыни! — от, як йих вывóдий Моисей. То воны сорок дэнь жили карапáткамы и плисни тэи — таки во — лэпéшки лэпили. Вот воны, як Велыкдэнь, то тó вжэ Паска ў йих така була. Бо воны тылко мацу ту пэклы — звáлы маца. Еко ў пустыни — от вони пэклы на сòнэчку, пэклы воны тую мацу, тонюсэньки... То воны вжэ, як Велыкдэнь, то вжэ вони хлиба не едэть, не

йилы, на́выки прыймалы хлеб из столы (совсем убиралы хлеб из дома. — *О.Б.*). А вжэ мы подбэга́емо дытьми и крычимо: «Маца пуд стил, а хлеб на стил!» — бо вжэ зналы, шо воны хлеб гэты прыймалы, бо то вжэ Велькдэнь. Я знаю, бо ба́бу нам роска́зываета — дид [у евреев] старый́ буў. А мы кажэмо, чо́го ж то у вас — хлеб хова́ете? Кажэ: «Бо мы тылькó тым живилиса — карапа́ткамы, при Мойсе́йове, и тэю мацо́ю, на со́нэчку па́кли...» Сорóк дэнь булы ў пустыни, ек преводы́ў йих Моисей чэ́рэз мо́рэ» (Мельники Ргн. В., ПА 2000, зап. О. Белова).

В приведенных текстах, рассказывающих о пристрастии евреев к куропаткам, содержится своеобразная “этиология обычая” — объяснение (через обращение к библейскому контексту) некоторых деталей “чужого” образа жизни или “чужого” праздничного ритуала. Однако этот же сюжет может содержать и объяснения “характерных” (с точки зрения носителей местной традиции) черт евреев, например, исходящего от них запаха: “Як колысь еўрэи булы, познавалы [их] по запаху. Жыд смэрдыть. То познавалы йих по тому, шо смэрдыть. Як Моисей выводіў еўрэи з Египта, воны сталы роптаты на Моисея [потому что хотели есть]. Биг им посылаў манну (поэ́тому и го́вораць, наша мо́литва: «Хлеб наш насущный дай нам днесь») и птицы карапатки, але сказаў: «Йиште, а ў запас не берыть». Але воны пожадничалы, набрали ў запас, и воно пэрэночовало, и уже не можно было йисти, бо смердело. И од йих запаха́ло так, шо вид них чути. Ў запас стали браць, а нельзя! От ужэ я говорю, шо воны сталы бра́ты ў запас, но пэрэночувалы, и нэ можно ўжэ кушаць былó. Ўжэ воно́ смэрдыло. То тако и го́вораць, шо жыдум чу́ти” (т.е. евреем пахнет. — *О.Б.*). (Речица Ргн. В., ПА 2000, зап. О. Белова). В качестве параллели к этому колоритному рассказу можно привести легенду из Галиции, объясняющую, почему евреи оказались отмеченными паршой (в наказание за жадность и неподобающее поведение в пустыне)¹⁸.

Куропатки, связываемые с евреями на основании библейской истории (ср. Исход, гл. 16), превращаются в фольклорном сознании в своеобразный знак, свидетельствующий о судьбе целого народа; в волынском Полесье было записано такое предсказание: “Колысь жид казав: ек нэ будэ карапатвов, то й жыдыв нэ будэ” (Речица Ргн. В., ПА 1979, зап. А. Гура). В Малопольше (на территории бывшей Червонной Руси) это же поверье связывается с якобы имевшим место предсказанием, которое один “ста-

рый мудрый еврей” вычитал в Талмуде накануне трагедии Освенцима: “У них были их книги, и там было написано, что когда сгинут куропатки — будет беда для евреев; если начнут исчезать зайцы — будет мор на поляков. В 1942 году была такая суровая зима, что все куропатки погибли, и евреи сами мне говорили, что это их конец”¹⁹.

Подытоживая данные полесских экспедиций относительно удода и куропатки, можно сделать вывод, что представления и поверья об этих “еврейских” птицах в фольклорной традиции полешуков строятся на наборе стереотипов, приложимых непосредственно к их этнокультурным соседям — евреям, и на сюжетах “народной Библии”, объясняющих те или иные особенности “чужих” этносов.

Список сокращений

- Б. — Брестская обл.
 Бр. — Брестский р-н
 Дрг. — Дрогичинский р-н
 Млр. — Малоритский р-н
 Пин. — Пинский р-н
 Стл. — Столинский р-н
- Г. — Гомельская обл.
 Мз. — Мозырский р-н
- В. — Вольнская обл.
 Ков. — Ковельский р-н
 Люб. — Любешовский р-н
 Ргн. — Ратновский р-н
- Ж. — Житомирская обл.
 Ем. — Емильчинский р-н
 Н.-В. — Новоград-Волынский р-н
 Рад. — Радомышльский р-н
- Ч. — Черниговская обл.
 Гор. — Городнянский р-н

¹ См.: Чубинский П. Мудрість віків. Київ, 1995. Кн. 1. С. 42.

² См., например: Словарь русских народных говоров. Вып. 9 (Ерепена — Заглазеться). Л., 1972. С. 168, 169.

³ См.: Белова О. Евреи и нечистая сила // Трахтенберг Д. Дьявол и евреи. М.; Иерусалим, 1998 (5758). С. 267.

- ⁴ *Клинггер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909-1911. С. 294; *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzine przyrody // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1881. Т. 5. S. 126.
- ⁵ *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1975. Ч. 1. С. 115.
- ⁶ *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 600.
- ⁷ *Гура А.В.* Указ соч. С. 600, 601; *Gustawicz B.* Op. cit. S. 126.
- ⁸ *Gustawicz B.* Op. cit. S. 126.
- ⁹ *Гура А.В.* Указ соч. С. 600.
- ¹⁰ Там же. С. 601.
- ¹¹ См.: *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. С. 321.
- ¹² *Гура А.В.* Указ соч. С. 600.
- ¹³ Там же. С. 718.
- ¹⁴ Там же. С. 601.
- ¹⁵ См.: *Lilientalowa R.* Wierzenia, przesady i praktyki ludu żydowskiego // *Wisła.* Warszawa, 1905. Т. 19. S. 166.
- ¹⁶ См.: *Заглада Н.* Побут селянської дитини. Матеріали до монографії с. Старосілля // Матеріали до етнології. І. Київ, 1929. С. 144, 145.
- ¹⁷ Там же. С. 145.
- ¹⁸ *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 1 // *Етнографічний збірник.* Львів, 1902. Т. 12. С. 33.
- ¹⁹ См.: *Cała A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992. S. 92.

Лариса Фиалкова, Мария Еленевская

СВОИ И ЧУЖИЕ: “РУССКИЕ” В ИЗРАИЛЕ (метаморфозы иммигрантского сознания)

Последняя волна иммиграции из бывшего Советского Союза явилась значительным событием для Государства Израиль и стала объектом исследования для специалистов в разных областях: демографов, социологов, психологов, лингвистов и антропологов. Появились работы, рассматривающие вопросы образования общины и форм ее функционирования (Л. Дымерская-Цигельман, Э. Лешем и М. Лиссак)¹, проблемы личностной и групповой самоидентификации (В. Ротенберг, Р. Изикович, Ф. Марковиц)²; модели аккультурации (Н. Зильберг)³ и роль языка в этих процессах (Э. Бен-Рафаэль и др.; М. Еленевская; Р. Кремер и др.; Л. Фиалкова)⁴. Вместе с тем практически отсутствуют исследования по фольклору “большой волны”⁵, несмотря на то что проблема “фольклор и эмиграция” теоретически разработана на разнообразном материале (Л. Дег, Р. Дорсон, Б. Киршенблатт-Гимблетт, Г. Смидченс и др.)⁶. В частности, израильские фольклористы накопили большой опыт в изучении фольклора репатриантов, прибывших ранее из других стран, например, из Польши, Марокко, Йемена и т.д. (Х. Бар-Ицхак, Д. Ной и др.)⁷.

Современная фольклористика изучает не только традиционные жанры фольклора – сказки, легенды, баллады и т.д., но и личные рассказы, рассматриваемые как самостоятельный жанр (Г. Баузингер, С. Сталь)⁸, одним из подвидов которого являются рассказы об эмиграции (А. Элбаз)⁹. Анализу образа чужака в иммигрантских рассказах и посвящена данная статья.

Лариса Фиалкова – доктор философии, Хайфский университет, кафедра сравнительного литературоведения; Мария Еленевская – доктор философии, Технион, кафедра гуманитарных наук.

Авторы выражают благодарность Техниону – Израильскому институту технологии и Хайфскому университету за выделение им гранта для совместной работы над проектом: “Фольклор иммигрантов в свете культурных изменений и эволюции идентификации (на материале личных рассказов иммигрантов из бывшего СССР)”.

Рассматриваемые в статье свидетельства, с одной стороны, индивидуальны, поскольку основаны на личном опыте рассказчика или его окружения, а с другой — содержат общие элементы, так как личный опыт субъективно интерпретируется на основе ценностей, убеждений и представлений, характерных для определенных социальных и культурных групп. Повествование часто ведется от первого лица, при этом рассказчик нередко является героем или свидетелем событий. Важной особенностью личного рассказа является оценочный компонент, выраженный эксплицитно и/или имплицитно¹⁰. Рассматриваемые свидетельства отражают особенности личного и коллективного сознания, их анализ представляет интерес не только для фольклористов, но и для психологов, педагогов и социологов.

Проблема “другого” издавна изучается философами в контексте процесса самоидентификации личности, что связано с осознанием сходства и различий между собой, своей группой и другими группами; человек словно примеряет разные личины, часто выбирая близкое и знакомое и отвергая далекое и непонятное (С. Риггинс, Н. Ретцель)¹¹. Вместе с тем в далекое и чужеродном таится обаяние новизны и экзотики.

Диалектика своего и чужого отражается, в частности, в возникновении и поддержании стереотипов, изучаемых на примере фольклора разных народов (О. Белова, А. Цала)¹². В июне 2000 г. в Бар-Иланском университете (Израиль) состоялась конференция фольклористов на тему: “Образ другого в фольклоре и еврейское самосознание”. Философские аспекты проблемы были рассмотрены в докладе А. Офира: “Я и все другие”.

Материалом для нашего исследования стали беседы с 65 иммигрантами из разных регионов бывшего СССР (приблизительно 35 часов магнитофонной записи¹³). Все информанты иммигрировали в 90-е гг., 10 из них живут в Израиле менее трех лет. Поскольку тема иммиграции для наших собеседников еще не стала фактом прошлого и связана с глубокими эмоциональными переживаниями, почти все они пожелали остаться анонимными. Уважая их волю, мы используем вымышленные имена.

Отправной точкой наших бесед была просьба рассказать личную историю эмиграции. Не все собеседники оказались одинаково хорошими рассказчиками, не все привыкли выражать свой опыт вербально, поэтому в некоторых случаях доминирует диалогическая структура, в которую вкраплены рассказы об особо значимых для рассказчика событиях, а в других — преобладает монолог, в котором история эмиграции представляет собой це-

почку относительно автономных рассказов. В отличие от социологических, строго структурированных интервью беседы фольклористов ориентированы на интимность общения и предоставляют рассказчику максимальную свободу как в выборе подтемы, так и в форме ее выражения. Отсюда тематическое разнообразие и многоаспектность собранного материала. Вместе с тем все рассказы касаются проблемы столкновения "своего" и "чужого" как центрального вопроса эмиграции. В отличие от Р. Изикович и Ф. Маркович, также изучавших личные рассказы иммигрантов 90-х гг., мы для данной статьи сознательно отбирали примеры, в которых отношение к "чужаку" не формулируется в оценочных высказываниях, а проявляется в рассказах о конкретных ситуациях на сюжетном и/или языковом уровнях. Подчеркнем неполное совпадение прямых и косвенных оценок: в декларативных суждениях информанты часто стремятся удовлетворить субъективно понятые ими ожидания интервьюера, а в рассказах о конкретных ситуациях невольно выражают свою истинную позицию. Характерно, что терпимое отношение к конкретным людям нередко соседствует с неприятием "другого" как группы, и наоборот.

Понимание нашими информантами "своего" и "чужого" различно в до- и послеэмиграционный период. В стране исхода, несмотря на почти полную ассимиляцию, евреи оставались чужаками. И в основе этого были не образ жизни, религия или язык, а национальная принадлежность, понимаемая биологически и зафиксированная в документах. Нередкими были попытки сокрытия еврейства, особенно, хотя и не исключительно, при смешанных браках. Как отмечает Л. Дымерская-Цигельман, ссылаясь на результаты этносоциологических исследований, 90-95% детей от смешанных браков не регистрировались как евреи¹⁴. Однако и эта мера не всегда надежно защищала от дискриминации — еврейские антропологические черты легко узнаваемы антисемитами.

Именно национальная, этническая принадлежность лежала в основе государственного и бытового антисемитизма. Для самих же евреев этническая принадлежность к еврейству дополнялась общностью судьбы и коллективной памятью. Эта память поддерживалась осколками традиций, например, покупкой мацы в Песах, и фольклором: песнями на идише (значимыми не только для носителей языка), притчами, анекдотами и, конечно же, личными рассказами о погромах, фашистских зверствах, сталинских антиеврейских акциях — "деле врачей" и преследованиях "безродных космополитов". По неписаному закону, слушателями этих историй могли быть только "свои": либо сами евреи, либо те, в

чьей благожелательности можно было не сомневаться. Способность вместе вспоминать, негодовать и смеяться была отличительной чертой группы.

В послеэмиграционный период понятие чужака для выходцев из бывшего СССР модифицировалось. В него вошли арабы, а также евреи, выходцы из других, прежде всего восточных, стран. Да и бывшие соотечественники, определяемые израильским обществом как единая “русская” группа, в коллективном сознании неожиданно распались на выходцев из разных республик и регионов.

Александр З., 27 лет

Мы приехали в абсолютно пустую квартиру. И надо было где-то доставать мебель. Нам дали какой-то адрес по поводу, что ль, не знаю, ну кто-то там умер и не оставил наследников, я не знаю. Была на другом конце Гиватайма квартира, наполненная всякой мебелью, старой. Мы сначала ее стали таскать через весь Гиватайм с Толей на спинах. Гиватайм – не то чтобы очень большой город, но какой-то перепадистый. Перепадистый, да. И благополучный. Нам стало очень тяжело, и нам как-то наша знакомая, которая оказалась страшно опытным человеком и всячески это демонстрировала, какая она тут опытная в Израиле, сказала: “Вот наймите моего знакомого узбека! У того узбека есть машина, и он вам задешево поможет”. Мы с этого узбека пытались, конечно, дознаться, сколько это будет стоить. Он, как человек восточный, говорил: “Сколко не жалко, столко дадите – свои люди”. Мы не были свои люди, нам было жалко. Мы спросили эту знакомую, страховую агентшу, которая его посоветовала. Русские, они ведь такие, любят показать, как они задешево все умеют. Она сказала: “Десять шекелей ему хватит”. Этот узбек, он где-то час-полтора возился, паковал нашу мебель, потом он ее долго по этому Гиватайму... нет, в два захода, по-моему, он ее возил. За один раз она у него не уместилась. Где-то часа два ушло на эту операцию по перевозке. В общем, в итоге, после этого Толя ему 10 шекелей дает. Он посмотрел. Он был потрясен в лучших чувствах. Он, видимо, понял, что здесь не Узбекистан, в первый раз, и люди какие-то странные натуры, не широкие. Он сказал, что так – нет! Толя ему дал еще 10 и спросил: “Хватит?” Он сказал: “Нет”. В 30 он обошелся, но ушел глубоко оскорбленный.

Обратим внимание на несколько аспектов. Очевидно, что все участники повествования – русскоязычные, но рассказчик не воспринимает их как членов своей группы. От “знакомой” он дистанцируется временем пребывания в Израиле, а от грузчика тем, что он “восточный человек”, узбек, хотя нет никакой га-

рантии, что грузчик действительно был узбеком, а не бухарским или горским евреем. Характерно, что слово "еврей" в рассказе не фигурирует вообще. Отрицательное отношение к "чужакам" не высказывается в прямых оценках, а выражается языковыми средствами. Оба они остаются анонимными и обозначаются в тексте по профессии и национальности. Суффикс *ш* придает слову *агентша* пренебрежительный оттенок. Многократное повторение указательных местоимений — не только свидетельство низкой языковой культуры рассказчика, но и ассоциируется с указыванием пальцем, что не соответствует нормам русской культуры. Слово сочетание *страшно опытная* откровенно иронично. Сомнению подвергается и ценность опыта, и право поучать. Презрение к "узбеку" выражается другими языковыми средствами. Прежде всего, это попытка имитировать акцент, коверкающий его речь. Во-вторых, это подбор лексики при описании эмоций — подчеркнутый пафос контрастирует с обыденностью ситуации. В эпизоде с грузчиком столкновение экономических интересов подменяется культурными различиями.

В следующем примере культурная общность участников эпизода приходит в конфликт с шовинистским отношением к другому народу.

Зина Б., 53 года

Однажды мне было очень, очень **стыдно**. Я вам сейчас расскажу этот случай, если Стояла я в очереди в *Битухах Леуми* (отдел социального страхования. — Л.Ф., М.Е.). Впереди меня стояла женщина, позади стоял мужчина, и мы все очень активно общались на русском языке. Выяснилось, что мы все коллеги. Женщина, которая стояла впереди, учитель русского языка; я — учитель и журналист, а мужчина, который стоял позади, он немножко говорил с акцентом, я не поняла, с каким, мне показалось, что это акцент кавказский, и (пауза) и я ошиблась. Он оказался тоже журналистом и учился в Ленинграде... И у нас нашлось с ним общего много очень, мы активно и интересно беседовали, пока не вышел вопрос... (Пауза.) Не так я высказалась. Пока не коснулись арабского вопроса. И когда стоящая впереди меня **интеллигентная** женщина сказала:

— Лучший араб — это мертвый араб.

А стоящий позади мужчина сказал:

— А что же я вам плохого сделал? Я ведь араб.

Мне было **так стыдно** за эту женщину, что мне пришлось перед ним извиняться и объяснять ему, что не все так думают: "Поверьте вы мне, что вот я думаю совершенно по-другому".

Надо отметить, что Зина колебалась, рассказывать ли эту историю. Она боялась осуждения со стороны интервьюера за доброжелательность к арабам. В ее представлении именно враждебность является легитимной. В начале рассказа Зина объединяет всех участников эпизода в единую группу. Основания для этого она видит в общем языке и подразумеваемой общности страны исхода. В дополнение к этому подчеркнута общность профессий, интересов и имплицитно социального статуса — все участники получали пособие, а следовательно, не работали. На фоне этого сходства единственным элементом противопоставления, предвещающим конфликт, является легкий акцент мужчины. Перелом наступает при смене темы разговора, и группа раскалывается. Попутно отметим, что экстремистская фраза восходит к словам американского генерала Филиппа Г. Шеридана, произнесенная по отношению к индейцам и неоднократно перефразированная шовинистами разного толка. Рассказчица резко отмежевывается от соплеменницы. Зина не только шокирована ее позицией, но особенно тем, что выражает ее человек, показавшийся поначалу интеллигентным. Как известно, само понятие интеллигентности предполагает терпимость. Совершенно очевидно, что женщина, произнесшая расистский лозунг, ожидала поддержки слушателей, так как считала такую позицию “идеологически выдержанной”.

Сходные ожидания были и у Симоны К., которая открыто выступает за сегрегацию. По ее мнению, город Акко, в котором она живет, был бы гораздо привлекательней, если бы евреи и арабы не общались вообще и жили в разных районах (аналогичную позицию отражают и интервью с жителями Нацерет-Илит, жалующимися на пугающую их “арабизацию нашего города”). Свое негативное отношение Симона объясняет как реакцию на враждебность со стороны арабов, хотя, как видно из приведенного ниже рассказа, ее установки в значительной мере базируются на стереотипах.

Симона К., 23 года

Вот был день поминовения, и мы ехали в такси. Была сирена, 11 часов дня. И какой-то араб продолжал идти по улице. Все встали, мы вышли из такси, стояли, а он продолжал идти по обочине. То есть возненавидела активно, то есть мне в тот момент захотелось отпрыгнуть и дать по башке просто этому сволочи, гаду, потому что я лично знаю тех людей, которые погибли.

Интервьюер: А вы уверены, что он араб? (Длительная пауза.) Может быть, он не араб? (Пауза.) Откуда у вас уверенность? Я много раз видела людей, которые выглядели как арабы, а они оказывались русскими или из Азербайджана. Откуда у вас такая уверенность, что он араб?

Симона: Я не знаю, опять же, видите, что это подсознательно.

Из израильских газет известно, что были случаи игнорирования израильскими арабами минуты молчания в день поминовения погибших воинов, а следовательно, восприятие Симоной этого эпизода не было случайным. Вместе с тем поведение незнакомца становится для рассказчицы единственным критерием для определения его этнической принадлежности и политических взглядов. Вопрос интервьюера вызвал растерянность, проявившуюся как на вербальном, так и на невербальном уровне. Показательна стилистическая и эмоциональная маркированность данного рассказа. Грамотная речь Симоны нарушается, литературная лексика сменяется сниженной вплоть до упрощения просторечия (*дать по башке*) и оскорбительных характеристик (*гад, сволочь*). Глаголы *отпрыгнуть*, *возненавидеть* указывают на интенсивность и агрессивность эмоций. Привычно опасаясь стать жертвой насилия, Симона сама готова к нападению.

Проблема "врага" – это крайний случай восприятия "другого". Тем не менее в подавляющем большинстве интервью проявляется резкая дихотомизация общества: *мы и они, евреи и арабы, русские и израильтяне, русские и марокканцы, русские и эфиопы* – вот основные противопоставления, обнаруженные в собранном материале.

Роза Ч., 27 лет

У меня нет друзей-израильтян. Но это не связано с тем, что я как бы хочу общаться с русскими, просто (пауза) я с ними не сталкиваюсь. Если бы я столкнулась и у меня действительно завязались бы интересные отношения, у меня нет никаких проблем. Со мной училась девочка. Она из Бразилии, и мы как-то нашли общий язык, общий еврейский язык, потому что другого у нас не было. Вот на протяжении трех лет мы общались на иврите. Это было как бы с точки зрения развития иврита неплохо для нас обеих. И (пауза) хотя ментальность немного отличается, но ее ментальность ближе к нашей, российской нежели...

Интервьюер: Как вы ментальность определяете?

Роза: Ну, я не знаю. Отношение к жизни, наверное. Какое-то восприятие, то есть (пауза). Вы знаете, мы, наверное, сошлись с ней в такой женской точке – это одежда. Я обратила на нее внимание на первом курсе. Я подумала, что эта девочка, она сидела одна, я думала: “Она, наверное, не израильтянка. И она не арабка, потому что она светленькая”. Абсолютно светленькая такая, потому что арабы, особенно арабы-христиане... они одеваются... Вот на них посмотришь, как будто сошел с обложки какого-то модного журнала. Вот. Я на нее посмотрела: думаю, наверное, нет. Она стала говорить с каким-то акцентом, я не могу понять, какой.

Интервьюер: Не с русским?

Роза: Не с русским, но и не с арабским, и не с английским. Думаю, что это за зверь такой неизвестной породы, и с чем его едят? Потом мы с ней разговорились, и оказалось, что она из Бразилии. Бабушка у нее из Белоруссии, читала лекции по музыке в Москве где-то в 90-х годах (Роза явно ошиблась в датах. – Л.Ф., М.Е.). Свободно говорит по-русски.

Интервьюер: А она русского не знает?

Роза: Она русского не знает, нет. Мы все время смеялись: “Тебе за 3 года общения...” Она все время с нами сидела, там было несколько человек, русских. “Вообще позор! Ты должна уже свободно говорить на русском языке”.

Теперь, вот, опять, наверное, о стереотипах. У нас был предмет по педагогике, ну, довольно-таки скучный, как вся филологическая наука. И преподаватель говорил: АНИ МЕДАБЕР БЕСЕДЕР? АНИ МЕДАБЕР БЕСЕДЕР? (Я понятно говорю? Я понятно говорю?)¹⁵ Причем, это было (пауза), мое мнение субъективно (пауза), он хотел нас немножко унижить. Там были еще аспекты некоторые. И (пауза) АТЕМ АЛИЯ МЕРУССИЯ (Вы ведь иммигранты из России). И показывает на нас всех, и на эту девочку из Бразилии тоже. В общем, на нее все время (пауза). Мы говорили:

– Мы тебя компрометируем, из-за нас ты как бы вот страдаешь.

– ТОВ. АТЕМ АЛИЯ МЕРУССИЯ (Ну, вы ведь иммигранты из России).

И потом это пошло на другие курсы. Она все время с нами сидит, вот она страдала.

Интервьюер: Мне недавно рассказали о том, что дети из марокканской еврейской семьи, которые в доме говорят на французском языке, в школе стали говорить между собой по-французски, и над ними стали издеваться, что они говорят по-русски.

Роза: У нее была подобная ситуация. Она с мужем стояли в банке. Оба блондины. Они стояли в банке и разговаривали на португальском. <...> Они стоят, разговаривают между собой. Вдруг поворачивается какая-то бабушка, божий одуванчик, и говорит:

— МИЯД ТАФСИКУ ЛЕДАБЕР РУСИТ! МА ЗЕ, ЗЕ — БУША! ИМ АТЕМ ЛО ТАФСИКУ ЛЕДАБЕР РУСИТ, АТЭМ ЛЕОЛАМ ЛО ТЫДУ ЛЕДАБЕР ИВРИТ! (А ну-ка немедленно перестаньте говорить по-русски! Что это такое? Это же позор! Если не перестанете говорить по-русски, ни за что не научитесь говорить на иврите!).

И она начала возмущаться, что это такая ХУЦПА (наглость) вообще говорить по-русски в общественном месте. Жуткое дело. Говорит:

— Я, может быть, рада прекратить говорить по-русски, но не могу — я его не знаю! (*Смеется.*)

Эта говорит:

— Роза, ты представляешь, это же так неинтеллигентно! Мы с мужем... Пускай я не понимаю, там, по-французски, но я, говорит, ЛЕФАХОТ (по крайней мере), могу ЛЕЗАХОТ (различить)! Что же такое русский и что такое французский, даже если ничего не понимаю! Это же, говорит, **кошмар!** Это — **хосер тарбут!** (бескультуре).

При всей терпимости, явственно прослеживающейся в интервью, Роза тем не менее не воспринимает людей в отрыве от групповой принадлежности. Как и в данном рассказе, вводя новый персонаж она всегда маркирует его этническую принадлежность. Характерно, что общество для нее делится не на евреев и арабов, но на израильтян и арабов, таким образом, израильское гражданство последних в расчет не принимается. Отметим, что в тексте этого часового интервью русскоговорящие выделены в отдельную группу и ни разу не отождествляются с израильтянами. Аналогично этому не включается в группу израильтян и иммигрантка из Бразилии, несмотря на то что единственным средством общения девушек является “еврейский язык”. Критериями групповой идентификации являются внешность, акцент в иврите, а не сам язык, а также стиль одежды. Эмигрировавшая из Белоруссии Роза отмечает “белорусские” корни своей новой знакомой. Подразумевается, что небезразлично это и для сокурсницы, включившейся несмотря на незнание русского именно в группу русскоязычных студентов. Она становится настолько “своей”, что незнание ею русского рассматривается как несоответствие и яв-

ляется предметом шуток. Обратим внимание еще на одну деталь, повторяющуюся и в других интервью со студентами: на занятиях они держатся группками по языку – ивриту, арабскому, русскому. Как ясно из Розиных слов о “компромате” и “страданиях”, в сознании студентов эти группы иерархически неоднородны. Как и многие информанты ее возраста, Роза говорит об отсутствии у нее говорящих на иврите друзей. Парадоксально, что в качестве одной из причин этого она видит отсутствие ситуации, способствующей общению, несмотря на то что уже четыре года Роза учится в израильском университете. Вторая причина, также часто называемая информантами, это разница в ментальности. (Это понятие усвоено большинством иммигрантов в Израиле, а не привезено с собой.) Несмотря на то что Роза родом из Белоруссии, свою ментальность она определяет как российскую.

Эпизод в банке также представляет собой типовую ситуацию. Как показывает наш материал, непонятный язык стал в Израиле синонимом русского так же, как в России петровских времен синонимом любого иностранного языка был немецкий (название языка этимологически восходит к понятию *немой*).¹⁶ В анализируемом рассказе женщина, пытавшаяся приобщить иммигрантов к ивриту, лишь способствовала укреплению иммигрантской солидарности и дала повод для закрепления стереотипного противопоставления *нас, иммигрантов – им, израильтянам*. Обе девушки, говорящие на русском и португальском, почувствовали себя дискриминируемым языковым меньшинством. Как и во многих других интервью, раздражение является реакцией на поучения старожил.

Впрочем, поучают друг друга и сами иммигранты, порой навязывая собственные предрассудки другим.

Тамара Д., 11 лет

Это было, когда мне и моей подружке Юле, это о ней будет история, нам было тогда лет шесть, около семи, там где-то так. И мы пошли в парк возле нашего дома. Погуляли, никого не трогали, сидели на качелях, смеялись, сидим – веселимся. Напротив сидит какая-то толстая женщина, пристает, ну, такая, со всеми ссорится. У нее внучка в парке была лет... годика два было, три. Она, значит, смотрит на Юлю и говорит мне:

– Чего ты с этой марокканкой дружишь?!

Юлька опешила и на чистом русском языке у нее спрашивает:

- Извините, что вы от меня хотите?
  - Девочка! Ты не марокканка?!
  - Нет, я приехала из Ленинграда.
  - Врешь! Не может быть такое... такая темная.
- Всё (пауза). Ну, мы поднялись и ушли.

В данном рассказе место “другого” хотя и вакантно, но знаково маркировано. Незнакомка пыталась осуществить социальный контроль и оградить белокожую, а значит, “русскую” девочку от дурного влияния. Несмотря на вежливый ответ ребенка и русскую речь женщина не готова признать Юлю членом своей группы. Упоминание о Ленинграде, имеющем в иммигрантской среде особо высокий статус, лишь усиливает недоверие. Идентификации этнической принадлежности, основывавшейся исключительно на оттенке кожи, сопутствовал стереотипный набор поведенческих характеристик. Как показывают многие интервью, к евреям, выходцам из Марокко и их потомкам, относятся настороженно и недоброжелательно. Заметим, что отношение к представителям других восточных общин более спокойно.

Восприятие “другого” и интерпретация его поведения во многом зависят от предыдущего опыта. Новые ситуации и реалии легче интерпретировать в рамках знакомых культурных кодов. Так, например, выросшая в Ташкенте Екатерина Р. воспринимает арабов-мусульман как узбеков, знакомых ей с детства.

Екатерина Р., 24 года

Я с ними не общалась (с арабами–христианами. – *Л.Ф., М.Е.*).

Вот с мусульманами – да. То есть у них те же праздники, те же законы, те же отношения. Это что-то (пауза), это родное, я на этом выросла, то есть я это знаю. Ну, я свободно с ними общалась. То есть я могла прийти в кондитерскую, где я работала, там работали, действительно, арабы-мусульмане. То есть “здрасьте – здрасьте”. Пока мы подружились, прошла неделя. А уже на вторую неделю я заходила в кондитерскую, – мне первым делом говорили:

– Катенька, доброе утро!

То есть они уже старались выучить русский язык, они старались со мной говорить на русском. Ну, они, как обычно, они хватают на лету. Вот, и они всегда мне говорили:

– БОКЕР ТОВ (Доброе утро).

То есть, если я поднималась, они мне уже улыбались. То есть день у меня начинался с того, что я улыбалась. Если я

улыбаюсь, даже у меня плохое настроение, хорошее, болею я – не болею, ну, если я зашла, мне **все** обернулись и посмотрели, и сказали:

– Доброе угро.

Мне это приятно. Меня ставят равной. Я не просто девочка. Я имею в виду отношение этих людей, мусульманское. Если я захожу, у меня сразу кофе стояло на столе. Я не просила, мне это делали. Просто ставили:

– Катя, доброе угро, тебе кофе.

Я выходила. Я, когда уже видела, что у меня стоит кофе, я выходила, говорила: “Спасибо”. Я знала, кто это делал. Мне нравилось с ними работать, с ними легко. С ними – главное найти общий язык. Если ты его не нашел – все. Ты будешь первым врагом. Как бы ты ни хотел потом с ними примириться – ничего. Вот, если ты с ним в дружеских отношениях, даже если ты поругался, в дружеских отношениях ты можешь не бояться, что он тебе причинит вред или что-то сделает. Потому что он воспримет и все равно будет в нормальных отношениях. Надо подождать. А если сразу в натянутых отношениях, то лучше там не работать, это опасно.

В отличие от многих выходцев из европейских регионов бывшего СССР, предпочитающих арабов-христиан мусульманам, Екатерина подчеркивает свою близость с последними. Из полуторачасового интервью нам известно, что в Ташкенте быт ее семьи был организован под сильным влиянием мусульманского узбекского окружения. Строгое разделение мужских и женских ролей, почтение к старшим, скромный стиль в одежде, осторожность в отношениях с посторонними – таковы модели поведения, усвоенные Екатериной с детства. Отсюда умение маневрировать и легкость в общении с арабами-мусульманами. Принимая социальную дифференциацию полов, одну из важнейших особенностей мусульманской культуры, Екатерина вместе с тем стремится к равенству и умеет по достоинству оценить значимость и знаковость оказываемого ей расположения. Скорее всего женщина из средней полосы России не придавала бы такого значения заботливо поданной ей чашке кофе. Екатерина чутко реагирует на нюансы общения, будь то взгляд или улыбка. Не менее важны для нее и попытки установить с ней контакт на родном языке. Отметим, что при воспроизведении приветствия Екатерина по привычке сбивается на иврит. Как вербальные, так и невербальные средства общения имеют важное значение для определения ею ситуации.

Несмотря на явные симпатии к мусульманам Екатерина не отождествляет себя с ними, о чем, в частности, свидетельствует многократный повтор местоимения *они*. “Родные” и понятные мусульмане – и узбеки, и арабы – тем не менее остаются “другими”: Екатерина не забывает о потенциальной опасности, которую может повлечь за собой умышленное или неумышленное нарушение кодов.

Отметим, что в ряде рассказов повторяется один и тот же мотив: улыбка служит индикатором открытости и дружелюбия.

Григорий Г., 31 год

Израиль – это как зеркало: какое лицо ему состроишь, гримасу такую и увидишь в ответ.

Вот, если, это самое, кривишься ему, такую же рожу скривленную и увидишь в ответ. А если улыбаешься, такую же улыбку увидишь в ответ.

Источником этого высказывания Григорий называет одну из передач израильского телевидения. В других интервью эта мысль в разном лексико-грамматическом выражении представляется как результат собственных размышлений. В некоторых случаях говорится об открытости в межличностных отношениях, в других – в отношениях с обществом в целом, но лишь в рассказе Екатерины улыбка объединяет евреев и арабов.

Заключение

До эмиграции у советских евреев была относительно стабильная самоидентификация. Они были интегрированы в общество экономически, профессионально, как носители языка (русского и/или языка своего региона) и доминантной культуры. Отторжение евреев основывалось не на религии или обычаях, а главным образом по национальному признаку. Отторгаемые системой люди ощущали групповую солидарность. Именно национальная, этническая принадлежность, а не религия или общность культурных традиций является для многих основанием для эмиграции в Израиль. Необходимый для иммиграции этот критерий не является достаточным для интеграции в общество. Укоренившаяся в коллективном сознании дихотомия “еврей–нееврей” сменилась пестрой мозаикой групп разнообразных “чужих”. Отождествление себя с той или иной группой зависит от ситуации: мы

– “русские” (по языку и стране исхода); мы – ашкеназийцы (общность судьбы с европейским еврейством); мы – израильтяне (в контексте отношений с арабами). Обнаружение в Израиле многообразных антропологических типов, языков, обычаев и традиций нередко вызывает у иммигрантов растерянность, так как не соответствует существовавшему в СССР представлению о евреях.

Попытка освоения новой действительности с помощью привычных кодов, как следует из проанализированных нами примеров, ненадежна¹. Непонимание “другого” рождает неуверенность, страх и даже агрессию. Все это как в зеркале отражается в рассказах иммигрантов. Вместе с тем все информанты, независимо от степени интегрированности в израильское общество, осознают непреложный факт: жизнь в Израиле означает общность судьбы. Может быть, следующим этапом станет понимание того, что “они” похожи на “нас” гораздо больше, чем видится в начале нелегкого иммигрантского пути.

¹ *Dymerskaya-Tsigelman L.* Jews from the Former USSR in Israel and CIS / The Jews of the Soviet Union in Transition. Jerusalem, 2000. N 4(19). P. 17-49; *Leshem E., Lissak M.* Development and Consolidation of the Russian Community in Israel. // *Roots and Routes: Ethnicity and Migration in Global Perspective.* Jerusalem, 1999. P. 135-171.

² *Rotenberg V.* On the Self-Definition of Jews from the Former Soviet Union Now Living in Israel // The Jews of the Soviet Union in Transition. Jerusalem, 2000. N 4(19). P. 213-220; *Markowitz F.* Cultural Change, Border Crossings and Identity Shopping: Jewish Teenagers from the CIS Assess their Future in Israel // *Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement.* London, 1997. P.344-363; *Aizikovich R.* “ze ma she anahnu zerikhim mi-bet ha-sefer” – noar ole me-hever hamim al hitnasuto ha-tihonit be-israel. (“Это то, что нам надо от школы” – подростки-репатрианты из стран СНГ о своем школьном опыте в Израиле) // *Panim ha-mishtakfot be-mar'a: tarbuyot be-israel be-shenot ha-tishim.* (Лицо, отраженное в зеркале: культура Израиля в девяностые годы). Тель-Авив, 1996.

³ *Zilberg N.* The Russian Jewish Intelligentsia in Israel: The Search for New Models of Integration // The Jews of the Soviet Union in Transition. Jerusalem, 2000. N 4(19). P.196-212.

⁴ *Yelenevskaya M.* Humor and Immigration: A Case Study of a Russian-language Newspaper in Israel. Paper Presented at the International Sociolinguistics Conference. University of Haifa, 1998; *Kraemer R.* et al. A Study of Jewish Adolescent Russian Immigrants to Israel: Language and Identity // *International Journal of the Sociology of Language.* 1995. N 116. P. 153-159; *Ben-Rafael E.* et al. Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel // *Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement.* London, 1997. P. 364-388; *Фиалкова Л.* Русский язык в изра-

ильской торговле: Язык иммигрантов в зеркале социолингвистики // Русистика сегодня. 1999. № 1-2. С. 80-89.

⁵ Косвенное отношение к фольклору репатриантов имеет статья Н. Зильберг: *Zilberg N.* In-Group Humor of Immigrants from the former Soviet Union to Israel // *Israel Social science research*. 1995. № 10(1). P. 1-22.

⁶ *Degh L.* Two Letters from Home // *Journal of American Folklore*. 1978. Vol. 91. P. 808-822; *Degh L.* Dial a Story, Dial an Audience: Two Rural Women Narrators in Urban Settings // *Women's Folklore, Women's Culture*. Philadelphia, 1985. P. 3-26; *Dorson R.* Immigrant Folklore // *American Folklore*. Chicago; London, 1964. P. 135-165; *Kirshenblatt-Gimblett B.* Cultural Shock and Narrative Creativity // *Folklore in the Modern World*. Hague; Paris, 1978. P. 109-122; *Kirshenblatt-Gimblett B.* Studying Immigrant and Ethnic Folklore // *Handbook of American Folklore*. Bloomington, 1983. P. 39-47; *Smidchens G.* Ethnic and Immigrant Folklore // *The Emergence of Folklore in Everyday Life: A Fieldguide and Sourcebook*. Bloomington, 1990. P. 133-144.

⁷ *Bar-Itzhak H.* Les Juifs Polonais face au "Monstre" Israelien: Recits d'aliya en Israel // *Cahiers de literature Orale*. 1998. Vol. 44. P. 191-206; *Noy D.* Sipure ha-aliya shel yehude maroco. (Рассказы о репатриации евреев из Марокко) // *Sefer Zeev Vilnai*. Иерусалим, 1984. Т. 1. С. 408-410; *Noy D.* Ha-dereh ha-pelit le-erez-Israel be-agadot am shel yehude teman. (Чудесный путь в Землю Израиля в легендах йеменских евреев) // *Sei yona. yehude timan be -israel*. 1983. С. 17-26.

⁸ *Bausinger H.* The Structure of Everyday Narration // *Folklore Forum*. 1987. Vol. 20, N 1-2. P. 9-37; *Stahl S.* Literary Folkloristics and the Personal Narrative. Bloomington, 1989.

⁹ *Elbaz A.* L'autobiographie orale d'immigrants comme genre folklorique: Definition et structure // *Fabula*. 1987. Vol. 28, N 3(4). P. 279-292.

¹⁰ *Эксплицитный* – полно и ясно выраженный; *имплицитный* – подразумеваемый, немаркированный.

¹¹ *Rathzel N.* Images of Heimat and "Auslander" // *Negotiating Identities: Essays on Immigration and Culture in Present-day Europe*. Amsterdam; Atlanta. 1995. P. 45-70; *Riggins S.* The Rhetoric of Othering // *The Language and Politics of Exclusion: Others in the Discourse*. London; New Delhi, 1997. P. 1-30.

¹² *Белова О.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // *Славяноведение*. 1997. № 1. С. 25-32; *Cala A.* The Image of the Jew in Polish Folk Culture. Jerusalem, 1995.

¹³ Искренне благодарим студенток Хайфского университета С. Беренштейн, Х. Шмульян и М. Эль-Каям, предоставивших нам восемь записанных ими интервью.

¹⁴ *Dymerskaya-Tsigelman L.* Op. cit. P. 39.

¹⁵ Интервью цитируются без редакторской правки. Интонационно выделенные фрагменты набраны полужирным шрифтом, а многоточие в скобках обозначает нецитируемый фрагмент интервью.

¹⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 62.

¹⁷ Подобное несоответствие возникает и в тех случаях, когда исследователи применяют комплекс параметров, разработанный для изучения одной культуры и социальной системы для описания другой. Так, например, в статье Э. Бен-Рафаэль и др. приводятся результаты опроса иммигрантов – выход-

цев из бывшего СССР, построенного по моделям, релевантным не для данной категории, а для коренного населения Израиля. Например, при определении уровня образования учитывается количество лет обучения: до 12, 13 лет и более. При этом игнорируется тот факт, что средняя школа в СССР никогда не была 12-летней. Религиозность опрошенных детально градуируется: очень религиозный, религиозный, соблюдающий традиции и нерелигиозный, что соответствует структуре израильского общества. Можно предположить, что, отвечая на этот вопрос, информанты интерпретировали его субъективно, каждый в силу своего предыдущего опыта, далекого от характерных для Израиля норм иудаизма и т.д. См.: *Ben-Rafae E. et al. Op. cit. P. 368.*

ТАРГУМ. ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Исраэль Бартадь

ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ВЫДУМКА ИЛИ АКСИОМА?

“Национализм порождает нации, а не наоборот. Правда, национализм использует для своих целей наличие множества культур, существовавших в прошлом и ставших достоянием истории, но эти культуры служат объектом селекции и почти всегда изменяются им до неузнаваемости. Можно возвращать к жизни мертвые языки, изобретать традиции и восстанавливать вымышленную былую славу, но этот аспект творческого, богатого на выдумки национального энтузиазма, выдающего никогда не существовавшее за действительное, не должен привести нас к ошибочному выводу, будто национализм есть не что иное, как идеологическая выдумка – случайная и искусственная. [...] Служащие интересам национализма разрозненные культурные фрагменты зачастую являются произвольным историческим вымыслом. Любые другие фрагменты и части могли бы послужить на благо национализма с таким же успехом. Но из этого ни в коем случае не следует, что сам принцип национализма – в противоположность его конкретным воплощениям – является случайным и условным”¹.

На пороге третьего тысячелетия современное еврейское национальное движение служит объектом пристального интереса историков, социологов и политологов. Масштабные исторические изменения, произошедшие с еврейским народом в новое время, преобразовали историческую перспективу и изменили акценты в понимании его прошлого. От Французской революции и до распада Со-

---

Исраэль Бартадь – профессор Еврейского университета в Иерусалиме, кафедра еврейской истории, главный редактор журнала “Вестник Еврейского университета”.

ветского Союза прошло два столетия, в течение которых коренным образом изменился характер еврейского народа. Еще в конце XVIII в. подавляющее большинство мирового еврейства находилось в пре-современном состоянии, представляя собой диаспору имевших особый юридический статус этно-религиозных общин – носителей присущей только им культуры и говорящих на только им понятных языках. Однако в течение лишь нескольких десятилетий традиционные рамки, позволявшие веками сохранять привычное положение вещей, оказались разрушенными. Пре-современная автономия, в условиях которой существовала еврейская корпорация, исчезла, не оставив следов; из бесправных подданных абсолютистских государств евреи вначале превратились в равноправных граждан, а затем вновь потеряли свое гражданство; новые культуры пришли на смену старым, а вместо древних языков общения распространились другие языки; массовая эмиграция из “старого света” и ужасающий по своим демографическим и географическим масштабам геноцид почти полностью изменили действительность и породили новые еврейские общества на тех землях, где евреи никогда прежде не селились. Нет ничего удивительного в том, что явления, процессы и перемены, всего лишь несколько десятилетий назад считавшиеся в историографии контурными линиями еврейской истории, утратили свою значимость в глазах историков, принадлежащих к поколению, выросшему после Катастрофы. Центральные темы исторических сочинений адептов “Науки о еврействе” и их последователей в Центральной и Восточной Европе были вытеснены на периферию научных исследований. Идея “прогресса” в наше время уже не определяет повестку дня исследователя. Просвещение, борьба за эмансипацию евреев, а позднее – расцвет культурного и общественного радикализма в среде восточно-европейского еврейства обрели совершенно иное значение с точки зрения исследователя истории евреев после 1945 года. Во многих случаях на смену идеалам либерализма и социалистической утопии в мышлении историков пришел национализм. Национальная идеология стала восприниматься многими еврейскими интеллектуалами как возможная точка опоры для широкомасштабной ревизии понимания еврейского прошлого. Разочарование, вызванное крушением оптимистических чаяний сторонников Просвещения и провалом, который потерпела эмансипация в своих попытках решить проблему взаимоотношения евреев с современным государством, ставшую судьбоносной в годы Катастрофы, сделало национализм – по крайней мере, на небольшой пери-

од времени – самым предпочтительным толкователем развития современной истории. “В противоположность универсальным идеологиям, опровергнутым войной и ее последствиями, национально-партикулярная сионистская идеология смогла доказать свою действительность и правоту именно после войны”², – писал исследователь еврейской национальной мысли, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Эли Швайд, пытаясь объяснить то, что он считал временной победой сионистской идеологии в сознании израильского общества. Однако, с другой стороны, национальные течения (сионизм был лишь одним из них!), развернувшиеся с такой мощью в среде евреев Восточной Европы, утратили ту одномерную воодушевленность, которая характеризовала их до середины двадцатого столетия. Развитие крупных, преуспевающих еврейских общин на Западе бросило дерзкий вызов исключительности национального толкования развития еврейской истории в современный период. Частичная победа сионистского видения будущего, апогеем которой стало основание еврейского государства в 1948 году, обрела впечатляющее теоретическое обоснование в работах историка Бен-Циона Динура (Динабурга, 1884-1973)³. Вместе с Ицхаком Бером (1888-1980) Динур явился отцом-основателем “Иерусалимской школы” еврейской историографии. В течение десятилетий они оба формировали преподавание еврейской истории в Еврейском университете, оказывая чрезвычайно глубокое влияние на проводимые в Израиле исторические изыскания – по крайней мере до семидесятых годов двадцатого века. В соответствии с исторической методологией Динура история еврейского народа разделяется на три этапа: 1) народ Израиля в своей стране (от библейского периода и до завоевания Эрец Исраэль арабами); 2) народ Израиля в изгнании (от арабского вторжения и до 1881 г., когда после погромов в России началась национальная иммиграция нового типа в Эрец Исраэль); 3) народ Израиля в своей стране (еврейство новой формации как основная ось еврейской истории в современный период)⁴. Образование государства Израиль рассматривалось Динуром как своего рода замыкание охватившего тысячелетия круга; причем две основные точки – начало и конец – этой отныне замкнутой линии были неразрывно связаны с исторической Землей Предков. Теория Динура пользовалась в Израиле беспрецедентным влиянием, особенно если учесть, что в тот период кафедра истории еврейского народа в Еврейском университете являлась в Израиле единственной, где можно было изучать эту область знаний. И все же на третьем десятилетии существования

государства Израиль основные принципы исторического учения “Иерусалимской школы” стали подвергаться усиленной критике. На академическую сцену вышло новое поколение историков, период расцвета которого в Израиле начался в семидесятые годы. Это было поколение, уже в значительной мере оторвавшееся от наследия национальной романтики, которое принесли с собой из царской России и второго германского рейха основатели “Иерусалимской школы”. Внутреннее “национальное” объяснение хода еврейской истории больше не удовлетворяло этих историков, стремившихся понять расцвет еврейского национального движения с помощью других контекстов. Они не отвергали еврейскую национальную идеологию, но при этом отмечали ее многообразие и утверждали, что она питалась из различных источников⁵. В определенном смысле эти историки тяготели к более локальному видению еврейского национализма, что являлось свидетельством превращения новой израильской реальности в точку отсчета – взамен опыта галута, сформировавшего сознание их предшественников. Так, например, доминирующей темой в исследовании еврейского национализма стал сионистский проект заселения Эрец-Исраэль во всех его экономических, социальных, политических и военных аспектах. С этим изменением исторической перспективы совместились неудовлетворенность “внутренними” объяснениями подъема еврейского национального движения. И вот – по прошествии более чем двух тысяч лет после утраты хасмонейской Иудеей своей независимости и более чем полвека спустя с основания еврейского государства в Эрец-Исраэль – историки снова пытаются выявить истоки современного еврейского национализма. На этот раз выбранная ими перспектива коренным образом отличается от той, с которой рассматривали историю евреев Генрих Грец, Семен Дубнов или Меир Балабан. Значительная часть еврейского народа сегодня живет в своем национальном государстве. “Территория”, которой так недоставало еврейскому национальному движению на начальном этапе его существования, сегодня воссоединена с “народом”. Еврейский национализм сегодня во многом является национализмом государственным. Еврейская культура во всем своем богатстве и многообразии стала культурой государства. Государственные и военные реалии настоящего драматическим образом влияют на восприятие еврейского прошлого: израильско-палестинский конфликт, масштабы и накал которого никто не мог предугадать, сегодня накладывает отпечаток на интерпретацию событий и процессов, с ним совершенно не связанных.

Изучение национальных движений претерпело за последние десятилетия ряд важных изменений. Относительно недавно начавшимся процессом является исследование еврейского национально-го движения в перспективе новых теорий. Исследователи еврейского национального движения, принадлежавшие к предыдущим поколениям, отвергали возможность применения к “их” движению “привнесенных извне” (то есть не принимавших в расчет уникальность еврейского феномена) хода мысли и методов. Более того, подходы, предполагавшие, что национализм является “придуманым” явлением, воспринимались – и поныне воспринимаются – некоторыми историками, отождествляющими себя с объектом исследования, как “антинациональные”. Представляется очевидным, что историку трудно видеть себя как часть какого бы то ни было национального движения, одновременно признавая “выдуманность” его основ или различая в своем национализме манипулятивные составляющие.

Восприятие сионизма как явления в ряду прочих еврейских национальных движений нового времени также сопряжено с немалыми трудностями. Секторальный характер, отличавший еврейскую политику в новое время, до сих пор препятствует тому, чтобы приверженцы определенной идеологии признали, что они имеют со своими политическими противниками общие черты. Так, к примеру, историкам, склонявшимся к какому-либо из многочисленных политических направлений сионистского движения, было не легко смириться с фактом, что между их движением и несионистскими течениями (автономизмом и территориализмом) существует сильное сходство. Более того, многолетние политические дискуссии были перенесены непосредственно в область исследований. Вследствие этого оказались размытыми национальные основы конкурировавших с сионизмом движений, в то время как противоречия между ними, наоборот, были выведены на первый план. В работах, написанных за последние тридцать лет, исследователи в большой степени сумели освободиться от пут партийной принадлежности. Так, например, Йонатан Френкель продемонстрировал, что на заре еврейского национального движения, в период начала деятельности в Российской империи движения “Ховевей Цион”, между общественным и национальным радикализмом существовала глубокая связь⁶; Александр Гутерман отметил тенденции к сохранению еврейской самоидентификации, проявлявшиеся в “ассимиляционистской” еврейской прессе в Польше после восстания 1863 года⁷; а Мордехай Альтшулер указал на национальные основы в деятельности евсекции в Советском Союзе

двадцатых годов⁸. Дихотомическое представление о полном взаимном отчуждении и враждебности между сионистами и их противниками, долгое время характеризовавшее работы историков сионизма, также утратило свою силу. На возможное сближение политических противников указал Йонатан Френкель, заключив, что «в целом можно сказать, что историк должен опасаться анализировать взаимоотношения между сионизмом и левым антиссионистским движением исключительно в терминах дихотомии, рассматривая их как два враждебных друг другу лагеря, чьи пути пересекаются лишь на поле брани. Нельзя игнорировать тот факт, что с течением времени между этими полюсами образовался своеобразный континуум: границы лагерей стерлись и между ними возникло своего рода демилитаризованное пространство»⁹.

Почти абсолютная политизация, вплоть до последнего поколения являвшаяся одним из отличительных признаков сионистской историографии, уже в начале восьмидесятых годов породила контрреакцию со стороны группы, членов которой принято называть «новыми историками». Если историки, принадлежавшие к традиционной сионистской школе, были склонны в своей работе исходить из «сионистского» нарратива, то их критики из числа «новых историков» стремились освободить исследование современного еврейского национализма от его уз. Может показаться, что с научной и профессиональной точки зрения ничто не может быть полезнее освобождения исследования от политики. Однако вскоре выяснилось, что в своих работах новая группа лишь заменила один нарратив другим. Выражаясь словами профессора Тель-Авивского университета, историка Аниты Шапира, «израильская историография последних тридцати лет прилагала усилия, чтобы освободиться от идеологических подходов к историческому анализу: академическая историография расцвела под знаком освобождения от груза агиографии и политизации, характерных для исторической литературы тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. Стремление найти подход, свободный от идеологии, предполагало, что историческое исследование отныне должно основываться на принципах документирования и анализа источников, как это принято в отношении других периодов и территорий, на профессиональном владении методологией, на критическом подходе, на здоровом и освежающем скептицизме и на убеждении, что все должно быть открыто взгляду и что события, как отражают их источники, должны быть представлены со всей возможной академической прямоотой – без политических помех. Ни один здравомысля-

щий историк не полагал, что следует придти к изучению абсолютной истины. Признание того факта, что историк воспитан в конкретных рамках времени и места и приносит на свой рабочий стол все предубеждения, заложенные в нем образованием, было общепринятым. [...] Сейчас тенденция изменилась: некоторые «ревизионисты» стремятся снова представить легитимной политизацию научных исследований. Для оправдания подобного развития событий была использована вульгарная версия постмодернизма: нет объективной реальности, существует лишь ее образ в глазах наблюдателя. Поэтому нельзя вести речь об абсолютных фактах, и тем более – об исторической правде. [...] Задачей данной точки зрения было подготовить почву для возвращения идеологии в историографию: у каждого историка есть политические предпочтения, скрытые или видные глазу, поэтому идеологический подход к анализу исторического материала представляется легитимным. Согласно этой версии, история суть нарратив, то есть рассказ, который придумали историки, исходя из своих идеологических запросов. Отсюда следует вывод, что ни один рассказ не является более достоверным, чем другой, и каждый подобный рассказ предназначен для осуществления политических целей, стоящих перед его автором или же перед заинтересованной группой, которую он представляет¹⁰. На первый взгляд, возможность исследования “новыми историками” еврейского национально-го движения зависит от того, насколько современные научные подходы приложимы к специфическому еврейскому случаю. Многие из этих историков склонны акцентировать различия между своей научной работой и исследованиями в духе традиционной “сионистской школы”. Как метко определил социолог Ури Рам, “история, писавшаяся до настоящего времени в Израиле, была не историей еврейского национализма, а еврейской национальной историей. Еврейский национализм не подвергался проверке историческими исследованиями, но служил их платформой”¹¹. Однако, по правде говоря, то, что объявляется совершаемой на научной основе ревизией и исправлением методологических искажений, в действительности является собой очевидную попытку замены одной (национальной) идеологии другой, противоположной ей. Продолжив чтение цитированной выше статьи Рама, можно составить четкое представление об идеологических воззрениях ее автора и узнать, какова политическая платформа у предлагаемого им альтернативного исследования: “повестка дня, которую новые историки (Эврон, Питерберг, Паппе, Киммерлинг, Рам, Моррис)¹² предлагают сегодня израильской исто-

риографии, свидетельствует о возникновении в Израиле альтернативного исторического сознания, служащего одним из признаков перехода (возможного, но не обязательного) от национального общества к обществу гражданскому¹³. Иными словами, субъективная политическая платформа приобретает статус объективной научной истины. Критики “новых историков” не раз указывали на это существенное противоречие и определяли их ревизионистскую деятельность как подрыв легитимности сионизма под прикрытием исторических исследований. Так, к примеру, профессор Тель-Авивского университета Яков Шавит пишет, что “причины критики, которой подвергается «сионистская историография», лежат не столько в желании исправить национальный угол зрения в историографии, сколько в тенденции сомневаться в самой легитимности еврейского национализма и в правильности признания его действительно существующим, а не сфабрикованным историческим феноменом. Для этого применяются теории, видящие в национализме современное историческое явление, представляющее из себя ни что иное, как удачную манипуляцию определенных групп, которые сумели создать «воображаемые общины», «изобрести традицию», сформировать структуры власти, и таким образом создать и распространить коллективное сознание и исторический нарратив¹⁴. Против политических тенденций, явных или скрытых, характеризующих работы “новых историков”, выдвигаются обвинения нескольких видов: 1) подтасовка фактов, селективный подход к источникам; 2) прикрытия субъективных воззрений авторов маской выбранного ими методологического или теоретического подхода, а также с помощью приложения обобщенных моделей к частному еврейскому случаю; 3) подчинение еврейской истории теме еврейско-арабского конфликта; 4) концентрация на небольших отрезках истории еврейского народа в новое время, сопровождающаяся вырыванием этих отрезков из общего контекста. Типичным примером споров подобного рода стала дискуссия о том, является ли заселение евреями Эрец-Исраэль “колониальной кампанией”. Против аргументов, приводимых Барухом Киммерлингом, Гершоном Шафиром и Иланом Паппе¹⁵, высказывается утверждение, что речь идет не о “колониализме”, а о “колонизации”. Данное утверждение базируется на историко-географическом анализе еврейского поселенческого движения в Эрец-Исраэль: “историко-географическое исследование, основанное на общепризнанных фактах, относящихся к началу сионистского движения, а также на анализе различных видов поселенческой деятельно-

сти, может привести только к опровержению концепции, согласно которой сионизм является одним из проявлений колониализма. Не следует рассматривать заселение евреями Эрец-Исраэль на его начальном этапе как колониальную кампанию¹⁶. Сбалансированный подход, в рамках которого начальные этапы сионистского проекта заселения Эрец-Исраэль служат объектом применения современной методологии и обсуждения в сравнительной перспективе, отвергает утверждения “новых историков” как преувеличенные и политизированные. Дерек Йонатан Пенслар пишет в предисловии к исследованию, посвященному еврейскому общественному планированию в Эрец Исраэль в конце оттоманского периода: “Новая история зачастую имеет политическую окраску. Учитывая, что в современной израильской политической культуре израильско-арабский конфликт играет центральную роль, историк стоит перед соблазном сконцентрировать свои усилия на изучении его причин и путей развития. Отсюда остается лишь один шаг до интерпретации истории *ишува* сквозь призму взаимоотношений между евреями и палестинскими арабами. И действительно, это – самое провокативное направление в современных исследованиях, посвященных первым десятилетиям создания нового ишува”¹⁷.

Последние пятнадцать лет ознаменовались интенсивной академической деятельностью в сфере исследований истории сионистского движения. В университетах и научных институтах проводились многочисленные конференции; увидело свет немало сборников статей и лекций¹⁸. Работы, отобранные, чтобы создать представление о ситуации, сложившейся в исследовании истории еврейского национального движения, были написаны специально для этих конференций и включены в последовавшие за ними сборники статей. Все они стали результатом научной деятельности историков, принадлежащих к “магистральному течению” израильской историографии. Иными словами, ни одна из этих работ не вышла из под пера “новых историков” правой или левой ориентации. Общим знаменателем данных статей служит то, что они не являются антиссионистскими или антиизраильскими и не берут на вооружение постмодернистский дискурс. Вместе с тем, в каждой из этих работ заметно присутствие основ исторического ревизионизма. Их авторы применяют к еврейскому национализму те же критерии, что и к феномену национализма в целом; они отмечают черты сходства между “их” движением и движениями, параллельными с точки зрения пространства и времени; они отдают себе отчет в субъективности самовосприятия адептов нацио-

нальных движений и ставят под сомнение тот историографический подход, с помощью которого национальное движение интерпретировало свою собственную историю. В статье сотрудника Тель-Авивского университета Матитьягу Минца исследуется место еврейского национализма в этнической мозаике многонациональных империй Восточной Европы¹⁹. “Автономизм” - политическая теория, которой придерживались многие фракции еврейского национального движения Восточной Европы, – развивался благодаря стремлению представителей еврейского меньшинства сочетать сохранение целостности империи с получением этим меньшинством персональных политических прав. Однако то, что представлялось еврейским политическим партиям как решение проблемы всех этнических групп в многонациональном государстве, отнюдь не отвечало стремлениям представителей других наций. Народы, на чьих территориях проживали евреи, видели в них представителей имперской власти и отталкивали их от себя. Минц объясняет формирование еврейского национализма в период между двумя мировыми войнами именно как прямой результат отрицания идеи персональной политической автономии поляками, украинцами и другими нациями, населявшими Российскую и Австро-Венгерскую империи. На первый взгляд, статья возвращает читателя к устаревшим теориям национализма, обладавшим большим влиянием в первые десятилетия двадцатого века. Однако, учитывая исторический период, в который эта статья была опубликована в Израиле, и ее научный контекст, можно утверждать, что она в значительной степени является новаторской. Минц “возвращает” дискуссию о корнях еврейского национализма в общий контекст. Он исследует специфический еврейский феномен как часть общей системы этнических групп, переживавших процесс модернизации и развивавших свою политическую самоидентификацию. В своей статье “Еврейский национализм как национализм этнический”²⁰ Гидеон Шимони рассматривает применимость некоторых новых теорий происхождения национальных движений и их связи с процессами модернизации к развитию современного еврейского национализма (Эрнст Гелнер, Эли Кедури и Бенедикт Андерсон). Он приходит к выводу, что для случая еврейского национализма релевантно объяснение, данное Энтони Д. Смитом²¹. Смит указывает на существование предшествовавшей национализму базисной категории, которую он именует “ethnie”. Согласно его определению к данной пре-современной категории относится “человеческая популяция, обозначенная именем и обладающая мифом об общем происхож-

дени, общей исторической памятью, элементами общей культуры, связывающая себя с определенной территорией и обладающая чувством солидарности"²². По Шимони, еврейский национализм развился из пре-современной этнической самоидентификации в ходе адаптации евреев к процессам модернизации в Европе. Подобно Гидеону Шимони, Даниэль Гутвайн, преподающий современную еврейскую историю в Хайфском университете, также изучает возможность объяснения феномена зарождения еврейского национального движения с помощью новых теорий, применяющихся в исследовании национализма. В своей статье "Еврейская дипломатия в девятнадцатом веке: зарождение еврейского национализма?"²³ он указывает на два основных термина, необходимых для понимания развития национального движения и принятых адептами всех новых теорий в данной области: *политизация и модернизация*. Новая еврейская дипломатия, в девятнадцатом веке пришедшая на смену традиционному лоббированию, привела к политизации еврейской солидарности. Несмотря на то что новая дипломатия, осуществлявшаяся еврейскими финансовыми магнатами, служила средством продвижения их интересов и отнюдь не была обусловлена соображениями альтруизма, она стала одним из основных этапов развития еврейского национализма. Гутвайн указывает на "парадокс", в рамках которого являвшаяся прерогативой еврейской плутократии дипломатия опиралась на эмансипацию и усиливавшуюся вовлеченность представителей различных слоев еврейского населения в общественную жизнь. Однако, несмотря на это противоречие, казалось бы, существовавшее между еврейской солидарностью и идеями эмансипации, с помощью новой дипломатии был проложен путь к современному еврейскому национализму. Йонатан Френкель, посвятивший подробное исследование историографической перемене, ознаменовавшей изучение истории еврейского народа в современный период, видит в обнаружении связи между служащей предметом интересов Гутвайна еврейской дипломатией и формированием современного еврейского национального сознания яркое проявление исторического ревизионизма²⁴. Шалом Рацаби переносит нас из Восточной Европы к сионистскому движению в Европе центральной. В своей статье "Романтический национализм как источник политической умеренности"²⁵ он демонстрирует, каким образом именно немецкая национальная романтика легла в основу формирования минималистского еврейского национализма, подчеркивавшего религиозные и культурные аспекты еврейской самоидентификации и противостоявшие

го агрессивным политическим амбициям. Рацаби прослеживает влияние разнообразных проявлений Volk на национальные концепции Мартина Бубера и Гершома Шолема. Эти еврейские интеллектуалы были открыты атмосфере “конца века”, политической культуре, понятиям и ценностям, наполнявшим пространство немецкой культуры, и, руководствуясь ими, занимались поиском основ еврейской самоидентификации в истории, языке и наследии своего народа. Эти идеи не были чужды также национально настроенным интеллектуалам Восточной Европы, и в первую очередь – Ахад Ха-Аму и Хаиму Нахману Бялику. В политической реальности еврейского *ишува* времен мандата восходящий к романтизму “культурный национализм” противопоставлялся “real politic” сионистского руководства. Причиной подобного противопоставления служило то, что “культурный национализм” отвергал использование силы для достижения политических целей. В статье Исраэля Барталя “Казак и бедуин: новый мир национальных образов” рассматривается характерное проявление формирования новой национальной культуры, развившейся как “контрреакция” на *галутный* опыт евреев Восточной Европы. Автор показывает, что новый еврейский национализм действительно во многом опирался на вымышленные феномены, но этот вымысел возникал естественным образом, а не создавался с помощью манипуляций. Автор исследует роль образа казака в сознании еврейских поселенцев-воинов. Этот образ не имел никакой идеологической или политической предыстории и никогда не служил предметом теоретического обсуждения на партийном или институциональном уровне. И все же этот новый культурный вымысел повлиял на мышление и поведение многих еврейских иммигрантов, прибывших в начале XX в. в Эрец Исраэль из Российской империи. Статья была включена в трехтомный сборник, посвященный “второй алии” (1904-1914)²⁶.

Исследование еврейского национализма, проводившееся в государстве Израиль в последние десятилетия, уже достигло того научного этапа, на котором представители ставшей результатом исторического процесса нации могут рассматривать прошлое с позиций критики. Израильские историки, чьи статьи будут опубликованы в этом и следующем выпусках нашего журнала, применяют критический подход к различным идеологическим, общественным, политическим и экономическим аспектам истории сионизма. В своей работе они испытывают влияние исторических перемен, произошедших с еврейским народом во второй половине двадцатого века, и

применяют к объекту своих изысканий современные теории национальных движений. Политические изменения и новые идейные веяния, переживаемые изучаемым ими обществом, определяют задаваемые ими вопросы и побуждают их исследовать доселе считавшиеся второстепенными аспекты. Им приходится противостоять взаимоисключающим тенденциям, ставящим под сомнение легитимность проводимых ими изысканий: с одной стороны, от этих ученых требуют перестать идентифицировать себя с объектом их исследования и привести свою научную работу в соответствие с антисионистским дискурсом; с другой стороны, их обвиняют в том, что, взяв на вооружение критический научный подход к изучению национализма, они тем самым приемлют враждебный дискурс противников сионизма... Предотвращение усиленной политизации области исторических исследований составляет на сегодняшний день неотъемлемую часть тихой, но исключительно важной борьбы, ведущейся в израильской академической среде вокруг роли научных критериев в исследовании истории нации.

---

¹ *Gelner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.

² *Schweid E.* Me-ever la-kol. Moderniyut, zionut, yahadut (Помимо прочего. Современность, сионизм, еврейство) // *Zionut: pulmus ben zemanenu. Gishot mehqariyot ve-ideologiyot.* 1996 (Сионизм: современный дискурс. Научные и идеологические подходы). Сле-Бокер, 1996. С. 107.

³ Профессор Еврейского университета, историк Шмуэль Эттингер (1919-1989) охарактеризовал своего учителя Бен-Циона Динура следующим образом: “Один из виднейших создателей израильской исторической школы, выдающийся эрудит, писатель высочайшего уровня, знаменитый педагог – вся его долгая жизнь была посвящена идее возрождения еврейского народа и его возвращения в Эрец Исраэль” (*Ettinger S.* Ben Ziyon Dinur, ha-ish u-foalo ha-histori (Бен-Цион Динур, человек и его историческая деятельность) // *Dinur B.* Dorot ve-reshumot, mehqarim ve-iyunim ba-historiografia ha-israelit, be-vaoyoteya u-be-toldoteya (Поколения и хроники: исследования и размышления в области израильской историографии, ее проблем и путей развития). Иерусалим, 1978. С. 7.

⁴ Теоретические обоснования исповедуемого Динуром историко-национального подхода можно найти в сборнике его статей: “Поколения и хроники” (см. прим. 3). О глубоком влиянии, которое Динур оказал на израильские исторические исследования, см.: *Barnai Y.* Historiografiya ve-leumiyyut, megamot be-heqer erez-israel ve-yishuva ha-yehudi (634-1881) (Историография и национализм: направления в изучении Эрец-Исраэль и ее еврейского населения (634-1881). Иерусалим, 1996.

⁵ *Bartal I.* Am ve-arez be-reshit ha-elef ha-shlishi, siqum beinaim (“Народ” и “страна” в начале третьего тысячелетия: промежуточные итоги) // *Katedra.* 2001. № 100. С. 1-5.

⁶ *Frankel J.* Shorshe ha-sozializm ha-yehudi (1882-1890): me-amoniyyut (narodnichestvo) yehudit le-kosmopolitiyyut? (Корни еврейского социализма (1882-1890): от еврейского народничества к космополитизму?) // *Divre ha-qongres ha-olami ha-shmini le-madae ha-yahadut* (1981) (Материалы восьмого всемирного конгресса по иудаике (1981). Иерусалим, 1984. С. 21-33. См. также: *Bartal I.* Ben haskala radiqalit le-sozializm yehudi (Между радикальным Просвещением и еврейским социализмом) // Там же. С. 13-20.

⁷ *Guterman I.* Zemihat ha-zeramim ha-hadashim ba-hevra ha-yehudit be-polin qe-fi she hi hishtaqa be-kitve ha-et ha-yehudim (be-polanit, be-yidish u-be-ivrit) ben ha-shanim 1861-1881 (Формирование новых течений в еврейском обществе Польши в зеркале еврейских журналов (на польском, идише и иврите) в 1861-1881 гг.) Докторская диссертация, Еврейский университет в Иерусалиме, 1983; см. также *Guterman I.* Yahasam shel mitbolelei varsha - dorot rishonim ve-aharonim (1820-1918) le-hamarat ha-dat (Отношение первых и последних поколений ассимилированных варшавских евреев (1820-1918) к смене религии) // *Galed*. 1991. №12. С. 57-78.

⁸ *Altshuler M.* Ha-yevsekzia bi-vrit ha-moazot (Евсекция в Советском Союзе, 1918-1930). Тель-Авив, 1981.

⁹ *Frankel J.* Hitnagdut ha-sozializm la-ziyyonut be-peispeqtiya historit (Сопротивление социализма сионизму в исторической перспективе) // *Ha-ziyyonut u-mitnagdeia ba-am ha-yehudi* (Сионизм и его противники среди еврейского народа). Иерусалим, 1990. С. 156.

¹⁰ *Shapira A.* Politika ve-zikaron koleqti. Ha-vikuah odot "ha-historionim ha-hadashim (Политика и коллективная память: дискуссия о "новых историках") // *Ben hazon le revizia: mea shenot historiografia ziiyonit* (Между идеалом и ревизией: сто лет сионистской историографии). Иерусалим, 1997. С. 384, 385. В приведенной цитате Шапира высказывалась в отношении левого лагеря "новых историков". Анализ похожего подхода в их ультраправом лагере см. в ст.: *Bartral I.* Ma notag min ha-baza? Hibur post-moderni neged ha-post- ziiyonut (Что осталось от луковицы? Постмодернистское сочинение против постсионизма) // *Katedra*. 2001. № 99. С. 143-150.

¹¹ *Ram U.* Ha-yamim ha-hem ve-ha-zeman ha-ze: ha-historiografiya ha-ziyyonit ve-hamzaat ha-narativ ha-leumi ha-yehudi; *Ben-Ziyyon Dinur u-zemano* (Былые дни и наше время: сионистская историография и изобретение еврейского национального нарратива; Бен-Цион Динур и его время) // *Ziyyonut: pulmus ben zemanenu*. С. 152.

¹² Здесь автор перечисляет ряд работ, опубликованных с конца восьмидесятых до середины девяностых годов и представляющих новые тенденции в исторических исследованиях. Бросается в глаза тот факт, что, за исключением Бени Морриса, среди вышеупомянутых авторов нет исследователей, занимающихся историей сионизма!

¹³ Там же.

¹⁴ *Shavit Y.* Leumiyyut, Historiografiya ve-revizia historit (Национализм, историография и историческая ревизия) // *Ziyyonut: pulmus ben zemanenu*. С. 274.

¹⁵ *Kimmerling B.* Zionism and Territory: The Socio-Territorial Dimensions of Zionist Politics. Berkeley, 1983; *Shafir G.* Land, Labor and the Origins of the Israeli Palestinian Conflict, 1882-1914. Cambridge, 1989; *Pappe I.* Ha-ziyyonut be-mivhan ha-teoriyyot shel ha-leumiyyut (Сионизм через призму теорий национализма) // *Ziyyonut: pulmus ben zemanenu*. С. 223-263. В этой статье Паппе утверждает, что

в контексте прочих национальных движений сионизм уникален “смесью колониализма и национализма” (там же. С. 253).

¹⁶ *Aaronsohn R.* Ha-hityashvut be-erez-israel mifal qolonialisti? Ha-historionim ha-hadashim mul ha-geografia ha-historit (Заселение Эрец-Исраэль – колониальная кампания? “Новые историки” и историческая география) // *Ziyonut: pulmus ben zamanenu.* С. 340-354. Ааронсон также прибегает к другому, характерному для современного израильского дискурса утверждению: “Новые историки” по сути утилизируют устаревшие антисионистские аргументы – “трудно не заметить, что достижением этих критиков является утилизация устаревших постулатов советской и арабской пропаганды, представляющей сионизм в качестве колониального движения” (там же. С. 353).

¹⁷ *Penslar D.* Tikhnun ha-utopia ha-zionit: izuv ha-hityashvut ha-yehudit be-erez-israel, 1870-1918 (Планирование сионистской утопии: формирование еврейского заселения Эрец-Исраэль, 1870-1918). Иерусалим; Сде-Бокер, 2001; английская версия книги увидела свет около десяти лет назад: *Penslar D.J.* Zionism and Technocracy: The Engineering of Jewish Settlement in Palestine, 1870-1918. Bloomington; Indianapolis, 1991.

¹⁸ Отмечу самые значительные из этих коференций, результатом которых стало издание сборников статей на иврите и английском: “Национальная солидарность и спасение преследуемых евреев в новое время” (Беэр-Шева, 1986) [*Solidariyut yehudit leumit ba-et ha-hadasha* (Еврейская национальная солидарность в новое время). Иерусалим; Сде-Бокер, 1988; “Сионизм и его оппоненты в еврейском мире” (Иерусалим 1987) [Сионизм и его противники среди еврейского народа. Иерусалим, 1990]; “Сионизм и религия” (Университет Брандейс, Уоллсэм, США) [*Zionism and Religion.* Hanover; L., 1998]; “Между идеалом и ревизией” (Иерусалим; Хайфа, 1994) [Между идеалом и ревизией: Сто лет сионистской историографии. Иерусалим, 1997]; “Эпоха сионизма” (Бостон; Иерусалим, 1996-1997) [*Idan ha-ziyonut* (Эпоха сионизма). Иерусалим, 2000]; “Вернул ли сионизм евреев в историю?” (Иерусалим, 1997) [*Ha-ziyonut ve-ha-hazara la-historiya.* Naarakha me-hadash (Сионизм и возвращение в историю. Ревизия сложившихся представлений). Иерусалим, 1999].

¹⁹ Сравните с попыткой дать феномену еврейского национализма еще более всеобъемлющее объяснение в контексте этнической ситуации в Восточной Европе, в рамках которого рассматриваются еврейские пре-национальные корпорации восемнадцатого века: *Bartal I.* Mi-korporazia le-uma: yehudim kemiyut etni be-mizrah eigora (От корпорации к нации: евреи как этническое меньшинство в Восточной Европе) // *Volkov S.* Miutim, zarim ve-shonim, qevuzot shulaim ba-historia (Меньшинства, инородцы и иные – периферийные группы в истории) Иерусалим, 2000. С. 37-49.

²⁰ В данной статье в сжатой форме представлен основной тезис последней книги известного исследователя сионизма профессора Еврейского университета в Иерусалиме Гидеона Шимони: *Shimoni G.* The Zionist Ideology. Hanover, 1995.

²¹ Теория Смита наиболее полно отражена в его книгах: *Smith A.D.* Theories of Nationalism. L., 1983; *Smith A.D.* The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986.

²² Цит. по: *Shimoni G.* Ha-leumiut ha-yehudit ke-leumiyyut etnit (Еврейский национализм, как национализм этнический) // *Leumiyyut ve-politika yehudit:perspektivot mishtanot* (Национализм и еврейская политика: изменяющиеся перспективы). Иерусалим; Бостон, 1996. С. 84.

²³ Там же. С. 159-176.

²⁴ *Frankel J.* Hitbolelut ve-hisardut be-qerev yehudei eiropa ba-mea ha-19: liqrat historiografia hadasha? (Ассимиляция и выживание среди европейских евреев в XIX веке: к новой историографии?) // Там же. С. 51-55. Френкель приводит работы Михаэля Греца, Йосефа Салмона, Эли Ледерхендлера и Израэля Барталья в качестве примеров возражения против “дихотомического” подхода, характеризовавшего сионистскую историографию до 70-х гг. XX в. В рамках этого традиционного подхода проводилось четкое различие между консервативными и разрушительными тенденциями в еврейском обществе. Согласно этому подходу, стремящаяся к эмансипации еврейская плутократия принадлежала к ассимиляционистскому полюсу, несмотря на то что в ее деятельности присутствовали слабые симптомы заново пробуждавшегося группового сознания. Предыдущая версия статьи Френкеля увидела свет в 1992 году: *Assimilation and Community. The Jews in Nineteenth-Century Europe.* Cambridge, 1992. P. 1-37.

²⁵ *Razhabi S.* Ha-leumiyut ha-romantit ke-maqor hashraa le-metinit politit (Романтический национализм как источник политической умеренности) // *Tarbut demokratit* (Демократическая культура). 2000. № 2. С. 137-167.

²⁶ *Ha-aliya ha-shniya: meqarim, meqorot, ishim* (Вторая алия: исследования, источники, люди). Иерусалим, 1997. Т. 1-3.

Перевели с иврита А.ЭПШТЕЙН и Н.ХЕЙМЕЦ

Даниэль Гутвайн

ЕВРЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В XIX ВЕКЕ – ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА?

Еврейская дипломатия: явление и его последствия

Всееврейская дипломатия – явление, обозначающее политическую помощь, которую общины эмансипированного Запада оказывали евреям в странах Восточной Европы и Средиземноморья, – развивалась как основное направление еврейской общественной деятельности, начиная с середины XIX в.¹ Эта деятельность была направлена на улучшение положения евреев в указанных странах, главным образом в том, что касалось их личной безопасности и юридического статуса. Ее средствами были как прямые контакты с местными властями, так и обращения к правительствам западных стран для того, чтобы те употребили свое влияние для достижения выше-названных целей². Определение этой дипломатии как “всееврейской” подчеркивает лежавшую в ее основе межобщинную солидарность, а также скоординированность деятельности как частных лиц, так и еврейских организаций Запада, в которой принимали участие и представители местного еврейства. Еврейская дипломатия заняла центральное место в еврейской общественной деятельности за предельно короткий срок – об этом свидетельствует скорость, с которой стала мифологической личностью ее символизировавшая, Моше Монтефиоре³. Еврейская дипломатия стала центральным фактором в еврейской жизни в то время, когда происходила политизация еврейской солидарности, усилившаяся во второй половине XIX в. и послужившая катализатором формирования новых форм политической деятельности еврейского народа.

Несмотря на то что декларируемые цели еврейской дипломатии лежали в области еврейской “внешней политики”, на рубеже XIX и XX вв. она стала решающим фактором и во “внутренней политике” западных общин. Забота о юридических и политических правах евреев “неблагополучных” стран воспринималась не только как дополнение к идеологии эмансипации, являвшейся своего рода “символом

Даниэль Гутвайн — доктор философии, Хайфский университет, кафедра еврейской истории.

веры” и основой самосознания евреев Запада, но и как расширение ее первоначальных рамок. С этой точки зрения еврейская дипломатия служила ускорителем – а порой даже генератором - переопределения еврейской самоидентификации, происходившего в западных странах⁴. Влияние еврейской дипломатии проявилось и в самоуправлении еврейских общин. Еврейская дипломатия в то время направлялась финансовыми магнатами еврейского происхождения, такими как Ротшильды, Варбурги, Шиффы и другие, напрямую либо же посредством институтов и общинных организаций. Экономическая сфера являлась, пожалуй, одним из главных направлений еврейской дипломатии. Могущество еврейских банкиров служило одним из средств давления для улучшения положения евреев в странах Восточной Европы и Средиземноморья. Это давление осуществлялось посредством либо обещаний финансовой помощи их правительствам, либо угроз ее прекращения⁵. Таким образом, экономическое могущество и высокий политический статус наделили финансовых магнатов монополией в области управления еврейской дипломатией. Следствием этой монополии стало то, что чем более важное место в жизни еврейских общин Запада занимала помощь еврейству “неблагополучных” стран, тем острее эти общины осознавали свою зависимость от финансовой элиты. В то время как общественная и политическая демократизация продолжала разрушать основы легитимации власти аристократии в обществе в целом, осознание этой зависимости превратило еврейскую дипломатию в *raison d’être* плутократического характера власти в еврейских общинах Запада и в важный фактор, способствующий его сохранению.

Однако в той же степени, в которой еврейская дипломатия способствовала сохранению плутократического характера власти в общинах, она содействовала и его ослаблению. Одной из главных задач еврейской дипломатии было создание на Западе благоприятного общественного мнения в отношении помощи евреям “неблагополучных” стран и давления на правительства этих государств. Необходимость общественной поддержки еврейской дипломатии привела к основанию организаций и институтов, в деятельности которых принимали участие – правда, под управлением плутократии – представители еврейского среднего класса. Подобные организации стали своего рода руслом, по которому еврейский средний класс вышел на стезю политической деятельности. Таким образом, как ни парадоксально, еврейская дипломатия стала средством демократизации еврейской политической жизни. И действительно, различные течения в национальном движении – в особенности, сионизм – объявили демократизацию еврейской дипломатии одной из своих задач

и в определенной степени сумели отобрать у финансовых магнатов управление ею. И все же до первой мировой войны и даже позднее плутократия несмотря на продолжавшееся падение своего статуса удерживала в своих руках контроль над еврейской дипломатией. Для этого она выработала сложную систему отношений сотрудничества и борьбы с различными структурами еврейского национального движения.

Первые проявления еврейской дипломатии, как сферы всееврейской политической деятельности, относятся к середине XIX в. Еще на Венском конгрессе (1815) каждая германская община посредством традиционного лоббирования вела отдельные переговоры о своем статусе и правах, что отражало отсутствие в тот период политических условий и общественного сознания, которые в дальнейшем сделали возможным формирование еврейской дипломатии. Началом еврейской дипломатии принято считать скоординированную реакцию руководств французской и английской общин – во главе с семействами Ротшильдов в обеих странах – на Дамасское дело (1840)⁶. С 1860-х годов еврейская дипломатия набирала силу, и главными ее достижениями в тот период стали основание в Париже Всемирного еврейского союза (*Alliance Israelite Universelle*) (1860), послужившего – в области внутриобщинной деятельности – моделью для подобных организаций в Англии, Германии и Австрии, а также – в области еврейской “внешней политики” – Берлинский конгресс (1878), на котором эмансипация евреев была признана обязывающим принципом международных отношений. Своего пика еврейская дипломатия достигла на рубеже XIX и XX вв. Антиеврейская политика в Восточной Европе, рост антисемитских настроений на Западе и опасение, что эти настроения усилятся вследствие массовой иммиграции с Востока, поставили еврейский мир перед лицом единых проблем и превратили улучшение положения еврейства Восточной Европы в насущную необходимость для евреев Запады. В Версальском конгрессе (1919) уже принимало участие объединенное еврейское международное представительство, в своей деятельности использовавшее принципы еврейской дипломатии для достижения национально-политических целей. В Версале еврейская дипломатия добилась наиболее впечатляющего успеха: был принят “пункт национальных меньшинств”, который должен был гарантировать права национального меньшинства в сферах религии, образования и общественной жизни еврейскому населению Восточной Европы.

С хронологической точки зрения эпоха еврейской дипломатии совпадает с протонациональным периодом и с началом еврейского

национального движения. Сходство в целях и методах деятельности, а также близость и даже совпадение по времени заставляют сформулировать вопрос, попытке ответа на который и посвящена данная статья: можно ли рассматривать еврейскую дипломатию как предвестницу, прародительницу или даже начальный этап еврейского национализма. Эта проблема – подобно вопросу о месте протоявлений, предыстории и различных “предвестников” в ходе развития политических и идеологических движений в целом⁷ – представляется чрезвычайно важной для исследования еврейского национализма и сионизма, в особенности в свете того факта, что дискуссия о причинах возникновения сионизма сопровождается непрерывными спорами о том, в какой степени он является современным явлением или же существует издавна⁸.

Рассматривая еврейскую дипломатию в перспективе ее связи с еврейским национализмом, можно заметить таящееся в ней существенное противоречие. На практике она служила осью разветвленной дипломатической и организационной деятельности, превратившей “еврейскую солидарность” из религиозного понятия в политическую действительность, выражавшуюся отчасти в деятельности различных институтов – деятельности, дальнейшее развитие которой можно проследить в еврейском национальном движении. Однако с когнитивной точки зрения еврейская дипломатия не выходила за рамки идеалов эмансипации, заключавшихся в культурной, общественной и политической интеграции евреев в среде окружающих их народов. В ее основе лежало требование наделения евреев равными с остальным населением юридическими и гражданскими правами в государствах, которые еще не сделали этого. Более того, по своей сути солидарность, находившая выражение в еврейской дипломатии, была негативной: она декларировала задачу улучшения положения “братьев по вере” в странах Восточной Европы и Средиземноморья как средство для снятия “еврейского вопроса” с повестки дня на международной арене. Она стремилась сократить, если не остановить полностью, эмиграцию восточноевропейских евреев на Запад из опасения, что заметное присутствие этой самобытной и самоизолирующейся группы создаст впечатление, что все еврейство представляет собой чужеродную формацию, нанесет вред образу “интегрирующегося еврея”, ударит по достижениям эмансипации и спровоцирует рост антисемитизма. Это противоречие нашло свое выражение в сознании и поступках столпов еврейской дипломатии – еврейских финансовых магнатов. С одной стороны, они заложили основы еврейской дипломатии как новой эпохи в деятельности общины и как выражения еврейской политической солидарности.

ти, а с другой – действовали прежде всего как патриоты, учитывая внешнеполитические интересы своих стран⁹. Такой образ деятельности решал идеологическую проблему “двойной лояльности”, тень которой непрерывно витала над еврейской дипломатией, и легитимизировал последнюю в рамках идей эмансипации. И все же стремление к сочетанию всееврейской солидарности с патриотизмом в отношении национальных государств подчеркивало противоречие, характеризовавшее еврейскую дипломатию: она стала основанием новой, политической эпохи еврейской солидарности, устремлением которой, как ни парадоксально, было ускорение процесса интеграции евреев в национальном большинстве. Разрешение этого парадокса, способствующего затуманиванию связи между еврейской дипломатией и еврейским национализмом, кроется в одной из существенных характеристик национализма в целом: национализм является одновременно порождением и важным фактором политизации обществ, в которых он проявляется.

Национализм, политизация и модернизация

Повторяющиеся в различных исследованиях попытки создания теории национализма сопровождаются глубокими разногласиями, вызванными невозможностью дать единое объяснение целому спектру его исторических проявлений. Более того, исследование национализма лежит в области, в которой стираются границы между идеологическими убеждениями, политическими интересами и теоретическими расхождениями, что проявляется в проблемах, с которыми, как правило, сопряжены попытки объективного описания и анализа этого явления. И все же несмотря на отсутствие общепринятой теории национализма в два последних десятилетия в исследованиях определились контуры, в которых проходит вышеназванный спор. В этом контексте существует широкий консенсус, все же оставляющий место для различных акцентов и подходов, в отношении центральной роли, которую играют в понимании динамики национализма два понятия: политизация и модернизация. На основе этого консенсуса можно определить национализм как идеологию политической солидарности, образующуюся в процессе политизации предшествующих ей типов солидарности – этнической, религиозной, локальной, сословной и т.д. Политизация проявляется как в задачах, которые ставят перед собой национальные движения, таких как освобождение от ига чужеродного правления, объединение нации и основание государства, – так и в средствах, которыми они пользуются для достижения этих целей, к примеру – организация движений и партий, ос-

нование государственных институтов, создание военной силы в различных ее проявлениях или же формирование общественного мнения как внутри национального образования, так и за его пределами, с помощью средств массовой информации. Политизация развивалась в рамках процесса модернизации традиционных обществ и была тесно связана с расцветом современной государственности и рыночного общества, сопровождающимся упадком феодально-корпоративного строя и угасанием характерного для него типа солидарности¹⁰.

Сложности, с которыми сопряжена теоретическая дискуссия на тему национализма, усиливаются еще больше, когда идет речь об исследовании еврейского национального движения. В основе споров лежит теоретическая проблема, проявляющаяся также и в исследованиях других аспектов еврейской истории: является ли еврейский национализм *sui generis* или же к нему применимы методы и понятия, с помощью которых принято исследовать любые другие национальные движения? Более того, дискуссия по вопросу о соотношении этнических, традиционных и современных составляющих национализма, – вопросу, являющемуся одним из основных в изучении национальных движений, становится еще более запутанной, когда в ней затрагивается еврейский национализм. Причиной тому служит как сложность и многоплановость его исторических проявлений – таких как соотношение между политическим и религиозным в еврейской жизни, идея богоизбранности, мессианская вера, природа общинного уклада и межобщинных связей, – так и не лишённые политического звучания идеологические пристрастия, с которыми сопряжено изучение еврейского национализма. И опять, наряду со спорами по вопросу о возрасте еврейского национального движения и его уникальности, нельзя не отметить согласия исследователей в том, что расцвет еврейского национализма был одним из проявлений модернизации еврейского общества, сопровождающейся упадком традиционной общины и способствующей политизации предшествующей религиозно-общинной солидарности¹¹.

Политизация еврейского общества была процессом распада “святой общины” и реконструкции еврейской солидарности на базе новых общественных структур, черпавших свою легитимацию в идеологиях и системах ценностей, которые находились вне рамок еврейской традиции. При этом направления деятельности данных структур лежали в общеполитической сфере¹². Влияние политизации наблюдалось, помимо прочего, в кардинальных переменах в мировоззрении представителей еврейского общества, в особенности его среднего класса, в том, что касалось их принадлежности к общине,

с одной стороны, и к обществу в целом – с другой. Эти перемены проявились в двух процессах, которые происходили параллельно и, на первый взгляд, исключали друг друга. С одной стороны, принадлежность к общине уже не являлась фактором, определяющим условия существования ее членов – процесс, достигший своего пика в эпоху эмансипации, когда евреи стали (по крайней мере, в теории) частью политической системы формирующихся национальных государств. С другой стороны, на фоне продолжавшегося неприятия евреев обществом, нашедшего свое политическое выражение в росте современного антисемитизма, политизация еврейской самоидентификации стала проявлением того, что евреи начали видеть в общине не только структуру, предназначенную для удовлетворения их религиозных и культурных потребностей, но и инструмент, посредством которого они могли осуществить свои общественные и даже политические интересы, не связанные с их еврейством. Эта тенденция особенно ярко проявилась среди представителей еврейского среднего класса, которые, переняв систему символов и ценностей, свойственную буржуазии, ощущали кризис самоидентификации, так как общественное отторжение евреев не позволяло им жить в соответствии с этими ценностями в нееврейской среде¹³. В новом, политико-организационном контексте представители еврейской буржуазии находили в общине хотя бы частичное решение вышеупомянутого кризиса. Таким образом, политизация еврейского самосознания стала выражением как идеала интеграции евреев в обществе большинства, так и формирования нового типа принадлежности к еврейскому коллективу. При этом парадоксальная связь между двумя этими процессами заключалась в трудностях, с которыми был сопряжен каждый из них.

Экономическая элита общины была одной из первых социальных групп, которая прошла процесс политизации своего еврейского самосознания. Еврейские финансовые магнаты постепенно становились частью наиболее влиятельных кругов в странах Запада и в соответствии с принципом плутократии, характеризовавшим социальное устройство общин, являлись также общинными руководителями. В качестве представителей правящего класса в странах Запада еврейские финансовые магнаты принимали активное участие в борьбе за право влиять на формирование в этих государствах правительственной политики в различных сферах. При этом подобно своим нееврейским коллегам они руководствовались своими экономическими и политическими интересами. Этот процесс оказал влияние также и на происходящее внутри еврейских общин. С усилением интеграции еврейской экономической элиты в политические сис-

темы западных стран она начала переосмысливать проводимую ею внутриобщинную политику в свете своих интересов, лежащих вне рамок общины. Более того, для осуществления своих экономических и политико-экономических интересов она стала пользоваться обладаемой ею в общине властью – процесс, постепенно приведший к политизации еврейского самосознания¹⁴. Таким образом, еврейская дипломатия стала одним из ранних и наиболее комплексных проявлений процесса политизации еврейского самосознания финансовой элиты.

Еврейская дипломатия: экономический и политический контексты

Еврейская дипломатия – характерный продукт эпохи империализма и общественно-экономической модернизации в странах европейской периферии (Восточной Европы, Османской империи и Северной Африки), сопровождавшей развитие рыночной экономики. Важным аспектом этого процесса стало усиление экономической зависимости периферийных государств от Запада, который в то же время укреплял свое влияние в этих странах. Эта зависимость нашла свое выражение в целом ряде явлений – от оккупации и колонизации до разных уровней экономического империализма, таких как колонизация Алжира, насаждение различных типов протектората, осуществлявшегося французами в Марокко и Тунисе, а британцами – в Египте, режим капитуляций и деятельность “долговой комиссии” в Османской империи, а также финансовая зависимость России от правительств и бирж Запада. Модернизация различных сфер жизни в странах периферии значительно повлияла также на проживавших в них евреев (они составляли в этот период подавляющее большинство мирового еврейства), которые в силу своих занятий в большей степени, чем другие, ощутили переход на рыночную экономику. Перемены, которые принесла с собой модернизация, стали фактором, приведшим к беспрецедентному ухудшению условий жизни евреев в периферийных государствах, в особенности в Восточной Европе, а также к превращению этих государств в “неблагополучные страны”. Таким образом, модернизация периферийных государств тоже может считаться фактором, приведшим к возникновению еврейской дипломатии: она породила проблему, для разрешения которой сформировалась еврейская дипломатия, и в то же время создала инструментарий, с помощью которого можно было осуществлять ее задачи.

Ухудшение условий жизни евреев стало следствием функционирования в периферийных государствах политического механиз-

ма, приведенного в действие процессом модернизации. Этот процесс, проявившийся в той или иной форме в Османской империи и в Северной Африке¹⁵, наиболее яркое и отчетливое выражение нашел в царской России¹⁶. Россия оказалась в центре внимания еврейской дипломатии, поскольку именно там наблюдались наиболее острые проявления “еврейского вопроса”. Общественные и структурные изменения, ставшие результатом перехода на рыночную экономику, породили в России целый спектр реакций, варьирувавшихся от полного неприятия до безраздельного одобрения, приведя к возникновению конфликтующих друг с другом направлений политической мысли. Эти направления отражали политические и экономические интересы различных кругов российского общества, борющихся за право влиять на формирование экономической и общественной политики. В этой борьбе были представлены различные силы – и те, кто приветствовал экономическую и политическую модернизацию и желал ее ускорения (в основном это были купцы и предприниматели), и те, кто хотел замедлить процесс модернизации и заморозить его достижения (главным образом, консервативные и аграрные круги). Разногласия по вопросу о темпе и формах модернизации отразились также в непоследовательности, характеризовавшей политику самодержавия в отношении евреев. Как ярко выраженный торговый элемент евреи могли бы немало способствовать переходу традиционного российского хозяйства на рыночные рельсы. Этот факт стал причиной корреляции между проповедуемой различными школами политической мысли в России политикой в отношении евреев и предлагаемой ими экономической и общественной политикой. Обобщая можно утверждать, что сторонники модернизации высказывались в поддержку проведения в отношении евреев политики либерализации, с тем чтобы дать им возможность внести свой вклад в этот процесс. В свою очередь, противники модернизации ратовали за ограничение экономических и юридических свобод евреев. В результате, евреи в России – а также и в других периферийных странах – оказались в эпицентре политической борьбы, что повлекло за собой ухудшение условий их жизни.

Модернизация периферийных стран, превратившая их в “неблагополучные страны” в соответствии с существовавшими в эпоху империализма правилами игры, сформировала также политические и экономические интересы, которые легли в основу еврейской дипломатии. Данные интересы были порождением деловой сферы, в которой специализировалась еврейская экономическая элита. Этой сферой являлось международное финансирование, в особенности та его область, что была тесно связана с политикой. Сюда относи-

лись выдача ссуд государствам, финансирование правительственных проектов, получение концессий и т.д.¹⁷. Условием экономической модернизации периферийных стран был импорт знаний и денежных средств с Запада¹⁸. Эта зависимость наиболее ясно проявлялась в финансовой сфере. Периферийные страны стали многообещающим полем деятельности для местных и иностранных финансистов, среди которых выделялась еврейская экономическая элита, в силу своей специализации принимавшая активное участие в создании финансовых связей между Западом и периферией. По мере того как усиливалась вовлеченность еврейских финансистов в экономику периферийных стран, росла их заинтересованность проводимой там экономической и общественной политике. Они стремились повлиять на формирование этой политики так, чтобы она отвечала их интересам¹⁹.

Связь между развернувшейся в периферийных государствах борьбой вокруг модернизации и их превращением в “неблагополучные страны” сделала еврейскую дипломатию инструментом, с помощью которого еврейская экономическая элита Запада могла вмешиваться в проводимую в этих государствах экономическую и общественную политику. Примером деятельности подобного рода может служить использование еврейскими финансистами рычагов еврейской дипломатии, для того чтобы оказать влияние на исход борьбы между сторонниками и противниками модернизации – борьбы, не утихавшей в России с середины XIX в.²⁰. Инструментом, к которому часто прибегали еврейские финансисты, были повторяющиеся предупреждения, что, если в России не будет изменена политика в отношении евреев, они приложат все усилия, чтобы сорвать попытки этой страны получить займы на Западе, – даже если это нанесет ущерб принадлежавшим этим финансистам компаниям. Сила этих предупреждений была также и в том, что в высших эшелонах власти царской России они воспринимались как подтверждение распространенного убеждения в экономическом и политическом могуществе “еврейского капитала”. Кроме того, играла свою роль и высокая корреляция между политикой в отношении евреев, проводимой различными враждующими группировками в кругах власти, и между проводимой ими же общественной и экономической политикой. Сторонники модернизации осознавали первостепенную важность связей с Западом для развития России и потому выражали несогласие с политикой “государственного антисемитизма”, опасаясь, что подобная политика нанесет вред образу России как устойчивого государства и тем самым отпугнет западных инвесторов. Консерваторы,

в свою очередь, видели в западном капитале фактор, способный подорвать традиционные устои российского общества, и посему считали антиеврейскую политику легитимным средством борьбы с модернизацией.

Для того чтобы прояснить связь между еврейской дипломатией и политизацией еврейской солидарности, следует обратить внимание на тот немаловажный факт, что, прибегая к угрозам задействовать мощь еврейского капитала, еврейские финансисты делали это избирательно, то есть не автоматически и не в каждом случае, когда евреям наносился серьезный физический или административный ущерб. Как можно выяснить, изучая обстоятельства, в которых высказывались угрозы применения экономических санкций, еврейские финансисты тщательнейшим образом взвешивали их возможные внутрироссийские последствия. Они принимали в расчет, какие политические силы могут выиграть или, наоборот, пострадать в случае высказывания подобных угроз, не говоря уже об их осуществлении, и прибегали к этому средству только, если таким образом можно было оказать поддержку тем силам, которые казались более выгодными как с общей политико-экономической точки зрения, так и в том, что касалось евреев. Более того, в угрозах экономических санкций и в их применении крылась реальная опасность “эффекта бумеранга”. Санкции были призваны помочь сторонникам умеренной линии в отношении евреев, но поскольку их осуществление подразумевало вмешательство в российскую внутреннюю политику, они могли вызвать обратную реакцию и послужить противникам модернизации доказательством необходимости сократить зависимость от Запада, что ставило под удар будущие экономические связи.

Заинтересованность еврейских финансовых магнатов в экономических и политических процессах, происходивших в странах периферии, являлась следствием не только их непосредственных деловых интересов, но и самого факта их принадлежности к европейскому правящему классу. По мере того как в течение XIX в. интеграция мирового рынка усиливала разделение труда и взаимозависимость между индустриальными и развивающимися хозяйствами, роль периферийных стран в экономических и стратегических планах Запада росла. Все более интенсивное вмешательство во внутреннюю политику этих стран Запад оправдывал, среди прочего, защитой религиозных и национальных меньшинств. Подобная тактика – в последующем широко используемая еврейской дипломатией – ярко проявилась при использовании так называемого восточного вопроса для непрекращающегося вмешательства во внутренние дела Османской империи, что оправдывалось заботой о правах про-

живавших в Турции христиан и служило инструментом для навязывания ей различных политических соглашений. В такой аргументации можно усмотреть благовидное прикрытие истинных экономических и политических интересов, однако само использование подобных доводов стало возможным лишь вследствие изменений в коде международных отношений, впервые проявившихся на Венском конгрессе. Именно в тот период сформировалась система политических отношений, в рамках которой могущественные державы могли вмешиваться во внутренние дела европейских государств в целях обеспечения политической стабильности на континенте. Таким образом было положено начало эпохи “ограниченного суверенитета”. Несмотря на то что в начале право вмешательства было призвано главным образом обеспечить “легитимность” различных европейских правителей в духе принципов “Священного союза”, в течение века оно распространилось на дополнительные области, такие как права международной торговли или права меньшинств, а в эпоху империализма произошла его территориальная экспансия за пределы Европы.

Именно это право, обретшее официальный статус с созданием Красного креста и принятием Гаагских соглашений и достигшее своего наиболее полного воплощения в Конвенции содружества наций, обеспечило идеологические и политические предпосылки как для вмешательства могущественных держав во внутренние дела Османской империи для защиты проживавшего в ней христианского меньшинства, так и для функционирования еврейской дипломатии. Право вмешательства и защиты меньшинств стало значимым фактором в международных отношениях, представляя собой сочетание державных интересов с приданием универсального статуса идее прав человека, порожденной эмансипацией и либерализмом. Это сочетание отражало усиливавшуюся интеграцию мировой экономики и атомизацию общества, происходившие параллельно с углублением и расширением рыночной экономики. Таким образом, можно сделать вывод, что подобно тому, как эмансипация была не чем иным, как реализацией принципа прав человека в отношении евреев, так и еврейская дипломатия представляла собой распространение принципа защиты прав меньшинств на еврейские общины восточноевропейских и средиземноморских стран. Связь с гуманистическими принципами, становившимися все более признанными на Западе, в немалой мере способствовала превращению еврейской дипломатии в составляющую идеологии эмансипации, а также наделила ее легитимацией и политическим статусом в глазах нееврейского общества. Будучи представителями правящего класса и руководите-

лями общины, еврейские финансовые магнаты получили на Западе общественное признание как заботящиеся о проживавших в периферийных странах “братьях по вере”, а также как лица, способные повлиять на проводимую в отношении этих стран политику. Более того, поскольку аргументация соблюдения державных интересов защитой моральных и религиозных принципов доказала свою эффективность в политике империализма, в особенности как средство апелляции к общественному мнению, стало возможным превратить бедственное положение евреев периферийных стран в политический фактор, и это придало еврейской дипломатии и тем, кто ее проводил, значимость, выходящую за рамки еврейского контекста.

В том, что касалось политики в отношении периферийных стран, а также других политических вопросов, западный правящий класс – не исключая еврейских финансовых магнатов – был расколот на враждующие направления и фракции, которые боролись за осуществление взаимоисключающих государственных задач²¹. Демократизация политической жизни, усилившаяся в странах Запада во второй половине XIX в., сделала общественное мнение – а также средства его формирования, такие, как пресса, важнейшими факторами, которые необходимо было принимать в расчет в этой борьбе. Поэтому в области внешней политики, как и в других областях, лица и институты, формировавшие политику, стали влиять на общественное мнение для того, чтобы подготавливать или, наоборот, срывать различные события государственного значения, такие как подписание союзных договоров и соглашений, выдача займов и т.д.²². В новых правилах игры на политической арене контроль над еврейской дипломатией приобрел оперативное значение. “Еврейская проблема” постоянно давала о себе знать в периферийных странах. Этот факт наделил общинное руководство, иными словами – еврейских финансовых магнатов, возможностью решать, когда поднимать общественное мнение против преследований евреев, превращая эти преследования в фактор, способный повлиять на отношения Запада с “неблагополучными странами”, а когда воздержаться от этого. Подобным образом можно было использовать – или не использовать – нанесение вреда евреям в качестве объяснения задержки или отмены займа, организации демонстраций, петиций, парламентских запросов и статей в прессе, призванных привести заинтересованные стороны в замешательство, усложнить отношения между ними и помешать тем или иным дипломатическим шагам²³. И действительно, различные политические институты на Западе поддерживали тесный контакт с еврейским руководством, стремясь скоординировать с ним свою реакцию на преследования евреев так, чтобы эта реак-

ция отвечала их интересам и помогала им в достижении целей государственного значения²⁴. Следует подчеркнуть, что сама по себе еврейская дипломатия обладала весьма ограниченным влиянием. Анализируя, каким образом государственные деятели и еврейские финансовые магнаты пользовались еврейской дипломатией, можно сделать вывод, что фактором, наделившим ее могуществом, была борьба, происходившая внутри правящих классов по вопросам политики в отношении периферии. Именно эти вопросы подняли значение еврейской дипломатии и превратили эту деятельность в политическое достояние в руках контролирующей ее общинной plutократии.

Еврейская дипломатия как выражение политизации еврейской солидарности

Подобно тому, как демократизация общеполитической деятельности и раскол в правящих классах превратили еврейскую дипломатию в полновесный политический фактор, так и раскол в рядах общинного правящего класса сделал еврейскую дипломатию катализатором изменений правил игры в общинной политике и ее демократизации. Финансовые магнаты, в руках которых находилась еврейская дипломатия, не были объединены. Они имели противоречащие деловые и политические интересы и, будучи частью правящего класса в различных странах, принадлежали к враждующим школам политической мысли и фракциям²⁵, которые, среди прочего, вели спор о политике в отношении периферийных стран. Еврейская дипломатия, ее цели и средства быстро стали камнем преткновения для финансовых магнатов, чьи споры по этому поводу зачастую переходили в стадию внутриобщинной борьбы. В результате финансовая элита пыталась манипулировать еврейской дипломатией, руководствуясь при этом своими партикулярными интересами.

Финансовые магнаты начали рассматривать еврейскую дипломатию в качестве средства для достижения своих целей, находившихся вне рамок общинной жизни. Похожая динамика была характерна и для других сфер их общинной деятельности, таких как образование, социальная поддержка и т.д. Иными словами, с точки зрения еврейской экономической элиты общинная политика перестала быть исключительно еврейской сферой деятельности, при том что «еврейский» компонент снова стал неотъемлемой частью «общей» политики. Таким образом, формирование общинной политики в целом и еврейской дипломатии в частности превратилось в арену политической борьбы между еврейскими финансовыми магнатами, стре-

мящимися использовать эту политику как средство для достижения своих зачастую противоречащих друг другу целей. Более того, если ранее, будучи руководителями общины, финансовые магнаты пользовались своим экономическим и политическим могуществом для решения насущных общинных проблем, то теперь они использовали свою власть для продвижения собственных экономических интересов. Когда община превратилась в арену претворения в жизнь внеобщинных интересов финансовых магнатов, руководство ею приобрело в их глазах новое, политическое значение, что незамедлительно нашло свое выражение в разгоревшейся среди плутократии борьбе за право руководить общиной и влиять на проводимую ее институтами политику. Смесь “еврейского” и “общего” породила глубокие изменения в идеологии еврейского правящего класса, став причиной смещения акцента с традиционных устоявшихся ценностей этно-религиозной солидарности, отличавшейся корпоративностью и *noblesse oblige*, на подход, в рамках которого “еврейское” рассматривалось в перспективе “общих” экономических и политических интересов. Таким образом, изменение в идеологии общинной плутократии привело к политизации ее еврейской самоидентификации.

Парадокс еврейской солидарности, проявлявшейся во внутриобщинном противоборстве, которое отражало лежавшие вне рамок общины конфликты, способен пролить свет не только на ее политизацию, но и на то, каким образом она превратила общину в арену деятельности, привлекавшую еврейскую экономическую элиту как раз тогда, когда множество факторов способствовало снижению значения еврейских институтов в глазах еврейской общественности. Потеря общиной своей объединяющей, побеждающей внутренние противоречия функции и ее превращение в арену борьбы еврейских финансовых магнатов, ратовавших за соблюдение собственных деловых и политических интересов, не свидетельствовали о снижении ее статуса. Наоборот, данный процесс отражал тот факт, что в глазах своих членов община превратилась в потенциальную арену осуществления их внешних интересов, что, в конечном счете, лишь усилило их связь с ней и обострило чувство ответственности за происшедшее в ее рамках. Когда община стала восприниматься как средство для осуществления разнообразных, зачастую не связанных с ней интересов, возможность контроля над ней стала привлекательной для финансовых магнатов, являясь движущей силой в их борьбе друг с другом за власть. Из этого следует, что старания экономической элиты в сфере еврейской дипломатии – на организационном, политическом и финансовом уровнях – не только диктовались соображениями филантропии, питаемой чувствами религиозного и этни-

ческого братства, но и служили средством продвижения их внеобщинных интересов. Одного лишь этого сочетания было достаточно, чтобы началась политизация еврейской солидарности и было обеспечено ее приспособление к меняющимся условиям жизни евреев.

Именно “парадокс политизации” позволяет рассматривать еврейскую дипломатию как один из первых этапов развития еврейского национального движения. Этот парадокс позволяет понять, каким образом два облика еврейской дипломатии – межобщинная солидарность, с одной стороны, и внутриобщинная борьба за право определять пути ее осуществления – с другой, перестали противоречить друг другу, превратившись в дополнявшие друг друга элементы одного процесса. Еврейский национализм – как и любое другое национальное движение – не только не отрицает наличие у различных представителей нации партикулярных, зачастую противоречащих друг другу целей и задач, но и создает принципиально новые рамки для их выражения и борьбы за их достижение. Иными словами, еврейский национализм не противоречил классовым, экономическим и политическим интересам еврейской элиты, а развивался параллельно стремлению к их осуществлению. Не очевидно, что еврейское национальное движение сформировалось как средство для достижения общих для всего еврейства целей, но оно определило в еврейской среде новую повестку дня и создало новую область общественной деятельности, приемлемую для различных слоев населения. Иначе говоря, еврейский национализм развивался на пересечении различных векторов, отражавших противоречащие друг другу интересы различных составляющих еврейского общества в области религии, культуры, общественной жизни, политики и экономики. Еврейскую общину того периода можно охарактеризовать как коалицию множества зачастую конфликтующих групп, внутри которой шла открытая борьба интересов за суть и масштаб того общего знаменателя, что определит границы общественного согласия. Реальное значение еврейской солидарности, которую демонстрировали еврейские финансовые магнаты посредством еврейской дипломатии, заключается в том, что, управляя общиной, финансовая элита видела в ней не только рамки для удовлетворения насущных потребностей еврейства, но и, главным образом, арену борьбы за осуществление внеобщинных интересов.

Однако тот факт, что еврейская дипломатия была средством реализации внеобщинных интересов и предметом внутриобщинных споров, не мог заглушить национальные составляющие еврейской солидарности; наоборот, этот, на первый взгляд, парадоксальный аспект обеспечил ее превращение в фактор политизации прежней

общинно-религиозной солидарности и, таким образом, определил ее роль в становлении еврейского национального движения. Более того, усиление внутриобщинных противоречий не только не свидетельствовало об упадке еврейской солидарности, но и, напротив, являлось катализатором ее политизации и превращения в фактор национального самосознания. Можно даже утверждать, что в тех случаях, когда община не становилась средством осуществления экономических и политических интересов финансовых магнатов, плутократия теряла интерес к руководству ею; это выражалось в угасании еврейской солидарности и постепенном самоустранении финансовой элиты от участия в жизни общины²⁶.

Еврейская дипломатия способствовала политизации самосознания и других слоев общины. Судьба угнетенных еврейских общин и старания, направленные на оказание им помощи, вызывали повышенный интерес среди евреев Запада. Свидетельством тому может служить стремительное развитие еврейской прессы – процесс, ставший одновременно средством и выражением политизации еврейского самосознания читателей, – которая широко освещала вопросы еврейской дипломатии²⁷. Заинтересованность судьбой угнетенных еврейских общин породила целый спектр действий – от сбора пожертвований до подписывания петиций и участия в демонстрациях протеста. Различные слои еврейского населения, среди которых выделялся средний класс, видели в подобной деятельности адекватное выражение переменам, происходившим в их еврейской самоидентификации, а также демонстрировали своетребование участия в управлении общиной²⁸. Еврейская плутократия приветствовала интерес, проявляемый общинами к еврейской дипломатии. Это обеспечивало плутократии тылы и способствовало превращению еврейской дипломатии в средство для укрепления ее власти над общиной. Иными словами, при содействии плутократии развивалась общественная и организационная деятельность представителей среднего класса, которые знакомились с основами политической практики и переживали постепенную политизацию своего самосознания. Как отражение борьбы интересов в среде плутократии между представителями средних классов также разгорелись споры о целях и средствах еврейской политики в целом и еврейской дипломатии в частности. Эти споры ускорили политизацию еврейского общества и способствовали созданию организаций и даже партий, в дальнейшем отличавшихся ярко выраженной национальной платформой.

На линии развития “внешней политики” как выражения еврейской солидарности еврейская дипломатия находится между традици-

онным лоббированием и современным национализмом. У еврейской дипломатии и лоббирования существует много общих черт, но главная из них заключается в том, что их субъектом являлась общинная плутократия. Однако у них есть и принципиальное различие: лоббирование опиралось исключительно на традиционное общество и его институты²⁹; еврейская дипломатия, в свою очередь, формировалась как часть процесса модернизации еврейского общества (и, главным образом, его политизации) происходившего параллельно распаду и трансформации еврейской корпорации (традиционной общины), а также созданию еврейских политических институтов. Таким образом, лоббирование и еврейская дипломатия схожи в субъекте деятельности, но различны в том, что касается общественных, политических и экономических условий, образующих исторический контекст их функционирования. Обратную вышеописанной картину представляет собой связь между еврейской дипломатией и еврейским национализмом. Оба этих явления имели место в практически тождественных исторических условиях. Кроме того, они в определенной степени совпадали хронологически. Основное различие между еврейской дипломатией и еврейским национализмом касается именно их субъекта: в то время как субъектом еврейской дипломатии являлись еврейские финансовые магнаты, национализм инициировал политизацию различных слоев еврейского населения и превратил их в свой субъект. Национальная деятельность определяла себя в терминах интересов представителей этих слоев, зачастую противопоставляя их интересам плутократии. В рамках “парадокса политизации” даже такое противопоставление способствовало усилению политической солидарности, лежащей в основе национального самосознания.

---

* Первая публикация: *Leumiyyut ve-politiqa yehudit. Perspeqvivot hadashot* (Национализм и еврейская политика: новые перспективы). Иерусалим - Бостон, 1997. С. 159–176.

¹ *Vital D. Leumiyyut muvnet: irgun politi u-feula politit* (Структурный национализм: политическая организация и политическая деятельность) // *Temurot ba-historiya ha-yehudit he-hadasha* (Перемены в новой еврейской истории: сборник статей в дар Шмуэлю Этгингеру). Иерусалим, 1988. С. 71–87; *Truan A. Irgun hazalata shel ha-yehudim ba-tequfa ha-modernit* (Организация спасения евреев в современный период) // *Solidariyyut yehudit leumit be-et he-hadasha* (Еврейская национальная солидарность в новое время). Сде-Бокер, 1989. С. 3–18.

² О еврейской дипломатии см. написанное ее создателем Люсьеном Вольфом, считавшимся англо-еврейским “министром иностранных дел”, и Нарсисом Левеном, президентом Всемирного еврейского союза (*Alliance Israelite Universelle*): *Wolf L. Notes on the Diplomatic History of the Jewish Question*. L.,

1919; *Leven N.* Hamishim shenot historiya (Пятьдесят лет истории). Иерусалим, 1919. Пути еврейской дипломатии и ограничивавшие ее факторы представлены в биографии Вольфа: *Levene M.* War, Jews and the New Europe: The Diplomacy of Lucien Wolf, 1914–1919. Oxford, 1992. О филантропических аспектах еврейской дипломатии см.: *Kelner Y.* Filantropiya ve-tihnun hevrat ba-hevra ha-yehudit, 1842–1882 (Филантропия и общественное планирование в еврейском обществе, 1842–1882): Докл. дисс. Еврейский ун-т в Иерусалиме, 1973.

³ О мифе Монтефиоре см.: *Lehrer M., Salinger P.* The Testimonials and the Legend // *Lipman S., Lipman V.D.* The Century of Moses Montefiore. Oxford, 1985. P. 349–361. А также: *Samet M.* Moshe Montefiori ha-ish ve-ha-agada (Моше Монтефиоре – человек и легенда). Иерусалим, 1989. Особенно с. 193–195.

⁴ См.: *Graetz M.* Ha-pereferiya hayta le-merkaz: praqim le-be-toldot yahadut zorfat ba-mea ha-19 (Периферия стала центром: главы истории еврейства Франции в XIX в.). Иерусалим, 1983. С. 75–104, 281–328; *Leven* (см. прим. 2). С. 1–12.

⁵ Об использовании финансового могущества см., например: *Minz M.* Nesigat ha-rotshildim mi-milve april 1891 le-rusiya min ha-hebet ha-yehudi (Еврейский взгляд на отказ Ротшильдов от предоставления ссуды России в апреле 1891 г.) // *Zion*, 1989. № 54. С. 401–436; *Feldman A.* Bet Rotshild be-zorfat u-milve april 1891 le-rusiya (Ротшильды во Франции и ссуда России в апреле 1891 г.) // *Zion*. 1991. № 56. С. 137–172; *Gutwein D.* Yaqov Shif u-mimun milhemet rusiya-urapan: rereq be-toldot ha-diplomatiya ha-yehudit (Яков Шифф и финансирование русско-японской войны: глава в истории еврейской дипломатии) // *Zion*. 1989. № 54. С. 321–350; *Best G.D.* To Free a People: American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1890–1914. Westport, Conn., 1982; *Aronsfeld C.C.* Jewish Bankers and the Tsar // *Jewish Social Studies*. 1973. № 35. P. 87–103; *Davis R.* The English Rothschilds. L., 1983. P. 229–235.

⁶ Имеется в виду обвинение евреев Дамаска в ритуальном убийстве настоятеля местного монастыря капуцинов, на основании которого на дамаскую общину обрушились жестокие репрессии. Эти события всколыхнули еврейское общественное мнение в Европе и подтолкнули видных еврейских лидеров к активной дипломатической деятельности в защиту жертв дамасского навета.

⁷ См.: *Katz Y.* Le-virug ha-musag mevasre ha-zionut (К прояснению понятия “Вестники Сиона”) // *Katz Y.* Leumiyyut yehudit. Иерусалим, 1979. С. 263–284; *Katz Y.* Mevasre ha-shinui (Вестники перемен) // *Katz Y.* Ha-yeziya min ha-geto (Выход из гетто). Тель-Авив, 1985. С. 34–46.

⁸ См.: *Херцберге А.* Сионизм в контексте истории. Иерусалим, 1992. Т. 1. С. 17–67; *Katz Y.* Leumiyyut yehudit masot u-mihqarim (Еврейское национальное движение: эссе и исследования). Иерусалим, 1979. С. 15–35; *Ettinger S.* Yihuda shel ha-tenua ha-leumit ha-yehudit (Особенности еврейского национального движения) // *Ideologia u-mediniyyut zionit* (Идеология и сионистская политика). Иерусалим, 1968. С. 9–20.

⁹ См., например: *Feldman A.* Peraot 1905 ba-peilut ha-diplomatit ha-britit (Погромы 1905 года и британская дипломатическая деятельность) // *He-avar*. 1977. №22. С. 59–83; *Rinot M.* Nevrat ha-ezra le-yehudei gegmaniya bizira u-ve-maavaq (Общество помощи евреям Германии – его создание и борьба). Иерусалим, 1972. С. 32–42; *Elati N.* Be-zel ha-mahpeha: Toledot ha-yehudim be-zorfat, 1789–1989 (В тени революции: история евреев Франции, 1789–1989). Иерусалим, 1990. С. 42–73.

¹⁰ Общую дискуссию по вопросам национализма см.: *Talmon Y.* *Ahdut ha-leom ve-ahava mahrehanit* (Единство нации и революционное братство) // *Ahdut be-yihud* (Единство и уникальность) Иерусалим; Тель-Авив, 1965. С. 11–58; *Akzin B.* *Leumim u-medinat* (Нации и государства). Тель-Авив, 1980. С. 9–34; *Kedourie E.* *Nationalism*. L., 1985. P. 9–19; *Kohn H.* *Nationalism: Its Meaning and History*. Princeton, 1965. P. 9–73. О взаимосвязи между расцветом национализма и модернизацией см.: *Deutsch K.* *Nationalism and Social Communication*. Cambridge (Mass.), 1966; *Weber E.* *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, 1976; *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983; *Horch M.* *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985; *Smith A.* *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986; *Hobsbawm E.* *Nations and Nationalism since 1870: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990; *Anderson B.* *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1990.

¹¹ См. прим. 7, а также: *Halpern B.* *The Idea of the Jewish State*. Cambridge (Mass.), 1969. P. 131–176; *Goldscheider C., Zukerman A.S.* *The Transformation of the Jews*. Chicago, 1984. P. 1–135; *Biale D.* *Power and Powerlessness in Jewish History*. N. Y., 1986. P. 34–144; *Graetz M.* *Jewry in the Modern Period: The Role of the “Rising Class” in the Politicization of Jews in Europe // Assimilation and Community: The Jews in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, 1992. P. 156–176.

¹² Политизация проявлялась также в идеологиях, которыми руководствовались различные еврейские организации в XIX в., такие как Всемирный еврейский союз или *Centralverein deutscher Staatsbuerger juedischen Glaubens* (C.V. – Центральный союз германских граждан иудейского вероисповедания). О Всемирном еврейском союзе см.: *Грец М.* Периферия стала центром (прим. 4). С. 209–328; о C.V. см.: *Reinharz J.* *Fatherland or Promised Land: The Dilemma of the German Jew, 1893–1914*. Ann Arbor, 1975. P. 37–89.

¹³ См., например: *Kohen Albet P.* *Etniyut ve-solidariyut yehudit be-zorfat shel ha-mea ha-19* (Этничность и еврейская солидарность во Франции XIX в.) // *Еврейская национальная солидарность в новое время*. См. прим. 1. С. 47–73; *Mosse W.E.* *The German Jewish Economic Elite, 1820–1935: A Socio-Cultural Profile*. Oxford, 1989. P. 37–92; *Endelman T.M.* *Radical Assimilation in English Jewish History, 1656–1945*. Bloomington; Indianapolis, 1990. P. 73–113.

¹⁴ Развитие этой идеи см.: *Gutwein D.* *The Divided Elite: Economics, Politics and Anglo-Jewry, 1882–1917*. Leiden, 1992. P. 145–306.

¹⁵ *Toledot ha-yehudim be-erzot islam* (История евреев в странах ислама). Иерусалим, 1986. Т. 2. С. 183–287, 301–317, 333–343, 363–380, 411–420.

¹⁶ О политике, проводимой в отношении евреев царскими властями см.: *Gutwein D.* *Russian “official antisemitism” Reconsidered: Socio-Economic Aspects of Tsarist Jewish Policy, 1881–1905 // The International Review of Social History*. 1994. № 39. P. 197–221; *Aronson M.* *Troubled Waters: The Origin of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburg, 1990; *Klier J.D., Lambroza S.* *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, 1992. P. 3–289; *Rogger H.* *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. Berkeley; L. A., 1986. P. 1–187.

¹⁷ Дискуссию о политико-финансовой тактике еврейских банкиров см.: *Graetz M.* *Temurot be-ziqat ha-gomlin ben ha-ilit ha-kalkalit ha-yehudit le-ven hashlitim be-marav egora* (Изменения во взаимодействии между еврейской экономической элитой и главами западноевропейских государств) // *Meqarim be-toledot am-israel ve-erez israel* (Исследования по истории еврейского народа

и Эрец Исраэль). Хайфа, 1975. Т. 3. С. 191–251; *Arendt H. Privileged Jews // JSS. 1946. № 8. P. 3–30.* Эта тактика, которой пользовались многие еврейские финансисты, достигла вершины совершенства в деятельности дома Ротшильдов. См., например: *Corti E. The Reign of the House of Rotschild. L., 1928; Chernow R. The Warburgs. N. Y., 1993; Vagt A.V. M.M. Warburg & Co.: Ein Bankhaus in der Deutschen Weltpolitik, 1905–1913 // Vierteljahrsschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. 1958. № 45. P. 289–338. Grunwald K. Winsdor-Cassel, the Last Court Jew: Prolegomena to a Biography of Sir Ernst Cassel // Leo Baek Institute Yearbook. 1969. №14. P. 119–161.*

¹⁸ См., например: *Landes D.S. Bankers and Pashas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt. Cambridge. (Mass.), 1958; Cameron R. E. France and the Economic Development of Europe, 1800–1914. Princeton, 1961; Baster A. S. J. The Imperial Banks. N. Y., 1977.* Об иностранном капитале в России см.: *McKay J.P. Pioneers for Profit. Chicago, 1970; Thalheim K.C. Russia's Economic Development // Russia Enters the Twentieth Century, 1894–1917. L., 1971. P. 85–110; Von Laue Th. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. N. Y., 1969. P. 180–187.*

¹⁹ О соотношении “еврейских” и “экономических” соображений в деятельности еврейской экономической элиты в России см.: *Мицн* (прим. 5), *Фельдман* (прим. 5), *Гутвайн* (прим. 5), *Аронсфельд* (прим. 5); *Graetz M. Yozma yehudit bimei ha-mahpeha ha-taasiyatit ha-sheniya: kenisat ha-rotshildim le-taasiyat ha-neft ha-rusit* (Еврейская инициатива в период второй индустриальной революции: вход Ротшильдов в российскую нефтепромышленность) // *Zion. 1985. № 50. С. 355–378; Gutwein D. The Politics of Jewish Solidarity: Anglo-Jewish Diplomacy and the Moscow Expulsion of April, 1891 // Jewish History. 1991. № 5. P. 23–45; Szajkowski Z. Paul Nathan, Lucien Wolf, Jacob N. Schiff and the Jewish Revolutionary Movement in Eastern Europe // JSS. 1967. № 29. P. 3–26.*

²⁰ См., например: *Гутвайн.* Государственный антисемитизм в России (прим. 15); *Гутвайн.* Еврейская солидарность (прим. 19); *Мицн.* Отказ Ротшильдов (прим. 5); *Фельдман.* Ротшильды во Франции (прим. 5).

²¹ См., например: Спор между Гладстоном и Дизраэли по поводу “болгарского вопроса” – конфликта между турками и христианами в Болгарии, отражавший кардинальное несходство мнений в том, что касалось политики в отношении Османской империи: *Teilor A. Ha-maavaq al ha-shilton be-egora* (Борьба за власть в Европе). Тель-Авив, 1985. С. 238–272; *Knupland P. Gladstone's Foreign Policy. L., 1970. P. 131–160.*

²² Выражением признания роли общественного мнения в контексте обсуждаемых в данной статье вопросов могут служить усилия, прилагавшиеся на рубеже веков Россией, с тем чтобы, подкупая французских журналистов, повлиять на прессу этой страны и таким образом обеспечить дружественную по отношению к себе атмосферу. Такая атмосфера, по замыслу российских влиятельных лиц, должна была благоприятствовать состоянию российских займов на парижской бирже. См.: *Mehlinger H.D., Thomson J.M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. L., 1972. P. 232, 233.*

²³ Так, к примеру, с помощью своих публицистических выступлений Люсьен Вольф превратил преследования евреев в России в орудие борьбы с намечавшимся англо-русским союзом. См.: *Beloff M. Lucien Wolf and the Anglo-Russian Entente, 1907–1914. L., 1951; Левен* (прим. 2). С. 31, 32.

²⁴ В этом контексте можно рассматривать, например, контакты Теодора Рузвельта и его министра иностранных дел Хейя с Яковом Шиффом и Оска-

ром Штраусом по вопросу о характере американской реакции на кишиневский погром и на беспорядки, которыми сопровождалась революция 1905 г., а также контакты, имевшие место между лордом Ротшильдом и британским министром иностранных дел Лансдауном в ответ на погромы 1905 г.; см.: *Gutwein D.* Ha-ilit ha-kalkalit ha-yehudit be-ma'arav u-sheilat yehudei rusiya be-tekufat milhemet rusiya u'aran (Западная еврейская экономическая элита и вопрос о российском еврействе в период русско-японской войны): Диплом. работа на соискание степени магистра. Хайфский ун-т, 1982. С. 237–252.

²⁵ Развитие этой идеи в контексте англо-еврейской экономической элиты см.: *Гутвайн* (прим. 14). С. 51–144.

²⁶ См., например: *Rubinstein W.D.* Jews among Top British Wealth Holders, 1857–1969 // *JSS.* 1972. № 34. P. 73–84, ср.: *Endelman.* Radical Assimilation in English Jewish History. Bloomington, Indianapolis, 1990. P. 73–143.

²⁷ *Mevurah B.* Iqvoteya shel alilat damesq be-hitpathuta shel ha-itonut ha-yehudit be-shanim 1840–1846 (Следы “дамасского навета” в еврейской прессе 1840–1846 годов) // *Zion.* 1958–1959. № 23–24. С. 46–65, а также: *Gutwein D.* “Traditional and Modern Communication: The Jewish Context // *Communication in the Jewish Diaspora: the Pre-Modern World.* Leiden, 1996. P. 409–426.

²⁸ Одним из первых и наиболее ярких проявлений этого процесса служит создание Всемирного еврейского союза в связи с делом Мортары. См.: *Грец.* Периферия стала центром (прим. 4). С. 281–322.

²⁹ О лоббировании см.: *Stern S.* The Court Jew. Philadelphia, 1950. P. 177–207; *Mevurah B.* Ha-shtadlanut be-eropa le-meni'at gerusham shel yehudei bohemiya ve-mogavia (Лоббирование в европейских странах с целью предотвратить изгнание евреев из Богемии и Моравии, 1744–1745 гг.) // *Zion.* 1963. № 28. С. 125–164.

Перевели с иврита А.ЭПШТЕЙН и Н.ХЕЙМЕЦ

Матитиягу Минц

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ И ДРУГИХ МЕНЬШИНСТВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В своей статье “Об истории российского еврейства и проблемах его исследования” ныне покойный профессор Бен-Цион Динур отмечал, что важность изучения российского еврейства заключается не только в исследовании его как самостоятельного явления, но и в распознании в нем некой системы, заключающей в себе модели, необходимые для формирования еврейской историографии в целом¹.

Важность этой статьи обуславливается не только тем, что было в ней сказано, но и тем, о чем в ней умалчивается. В сущности, косвенным образом статья бросала вызов принятому в историографии современному еврейству акцентированию внимания на изучении судьбы евреев Центральной и Западной Европы. Бытовало мнение, что идеологические предпочтения, а также типы социального и культурного поведения, сформировавшиеся среди евреев Центральной и Западной Европы, и динамика, с которой они развивались, типичны для процессов общественного и национального развития европейского еврейства в целом и евреев Восточной Европы в частности.

Динур перечислил четыре характерных черты восточноевропейского еврейства: во-первых, оно превосходило еврейское население всех остальных стран по своей численности; во-вторых, оно было наиболее компактным, то есть отличалось самой высокой плотностью населения; в-третьих, оно отличалось наиболее устоявшимся стилем жизни; в-четвертых, его мировоззрение и жизненный уклад уходили корнями в многовековое наследие еврейской культуры.

По мнению Динура, эти факторы сформировали облик восточноевропейского еврейства и наложили отпечаток на его взаимоотношения с внешним миром. Для этого облика были характерны следующие черты: во-первых, на фоне других народов евреи представля-

---

Матитиягу Минц — профессор, Тель-Авивский университет, кафедра еврейской истории.

ли собой ярко выраженную национальную сущность; во-вторых, история восточноевропейского еврейства характеризовалась непрерывающейся напряженностью в отношениях с другими народами; в-третьих, с течением времени евреи Восточной Европы все активнее боролись за свои права и уделяли все больше внимания самозащите².

Динур также предложил – и это предложение приближает нас к теме данной статьи – исследовать сценарии развития и существования государства и общества с учетом их национальных различий и степенью их модернизации³. Таким образом, он, несомненно, затронул один из кардинальных вопросов, лежащих в основе сосуществования евреев и других народов, населявших еврейскую черту оседлости.

Два последних десятилетия XIX в. и начало XX в. стали свидетелями экономического подъема евреев и усиления их вовлеченности в политику. Речь идет прежде всего о политической борьбе евреев в местах их компактного проживания в Восточной Европе, в частности в царской России и в Габсбургской империи. С самого начала эта вовлеченность была противоречивой. С одной стороны, она не должна была выходить за рамки имперской политики интеграции народов, а с другой – отвечать партикуляристским интересам национальных меньшинств.

В этой связи необходимо отметить, что, говоря о российском еврействе накануне первой мировой войны, мы, таким образом, принимаем определение, которое в полной мере отвечало политическим интересам империй, но – и это самое главное – совершенно не отражало реальное положение вещей.

Выражаясь еще резче – российское еврейство, как единое целое, существовало только в фантазиях еврейских общественных деятелей Петербурга и Одессы, как сионистов, так и несионистов. Эти деятели были инициаторами нескольких общественных проектов, как, например, создания обществ социальной помощи и обществ поощрения просвещения, целью которых являлось наполнение термина “российское еврейство” реальным содержанием⁴. Однако на самом деле, российское еврейство не существовало как единое целое. Украинские, белорусские, литовские, польские и бессарабские евреи были отдельными общинами, а не расплывчатым географическим или региональным понятием, как их представляют некоторые современные историки. Причиной этому можно считать тот факт, что Украина, Литва, Польша и Молдавия были национальными областями, подверженными усиливающемуся процессу национализации. И это ставило евреев перед мучительным выбором, который и явля-

ется темой данной статьи. Следует добавить, что российская имперская власть была склонна недооценивать значение процессов формирования национальной самоидентификации меньшинств, и еврейская русская интеллигенция также придерживалась подобных взглядов.

Итак, среди населения черты оседлости русские представляли собой незначительное, хотя и агрессивное меньшинство, пользовавшееся поддержкой могущественного имперского государства. Большинство же составляли украинцы, белорусы, поляки и молдаване. Иными словами, на рубеже веков черта оседлости была зоной проживания наиболее значимых (а точнее, самых беспокойных с точки зрения государства) национальных меньшинств империи. Именно в окружении этих народов и довелось жить евреям.

Российские власти, формально не признававшие существования этой национальной мозаики, в своем сопротивлении ей опирались на концепцию панславизма, а с евреями поступали циничным и издевательским образом, то отталкивая их, то покровительствуя им. Евреи были обделены юридическим статусом, но власти включали их в число русских, когда надо было увеличить численность русского населения, живущего на этих территориях. В соответствии с официальной версией евреи не являлись нацией, у них не было собственного языка, а тот якобы “жаргон”, на котором они говорили, должен был быть вытеснен русским языком. Другими словами, когда это было необходимо, евреи считались “будущими” или “потенциальными” русскими.

Таким образом, евреи были зажаты между “учтывим предложением” самоидентифицироваться с единым российским государством и необходимостью не игнорировать местные национальные движения. По сути, вне зависимости от того, насколько правильно евреи понимали свои интересы, они поддерживали идею территориальной целостности России, видя в ней пристанище для своего народа, а также формальные рамки, обеспечивавшие его демографическую значимость (в начале века в черте оседлости проживало от пяти до шести миллионов евреев). Евреи, в особенности наиболее обеспеченные предприниматели, считали благом существование единой экономической системы большого государства в эпоху продолжавшейся индустриализации и модернизации. В этих процессах они играли немаловажную роль, и неудивительно, что еврейская экономическая и общественная элита, включая лидеров всех еврейских партий, разделяла интересы русских во всем, что касалось сохранения целостности государства. Так как естественным образом голос элиты всегда слышен лучше, чем голос рядовых граждан – в

частности, ее точка зрения подробно освещалась в прессе, популярной в этих кругах и пользовавшейся их щедрой материальной поддержкой, – эти воззрения получили широкую огласку, и стали восприниматься как присущие всем евреям⁵. Российские власти успешно использовали растерянность евреев, вызванную неустойчивостью их социально-экономического и юридического положения. В этой связи разжигание антисемитских настроений стало картой в макиавеллевской игре, являвшейся частью противостояния, навязанного имперской власти национальными меньшинствами.

Эта двойственная ситуация усугублялась явлением, о котором не раз шла речь в идеологической литературе того времени, а именно – глубиной смешения национальной проблемы и проблемы социальной. Большинство украинцев, литовцев и белорусов проживало в деревнях, и для них модернизация была сопряжена с целым рядом трудных и болезненных последствий. К примеру, украинцы, а также русские, развили в себе идейное отчуждение от города и свойственной ему экономической системы и исходя из соображений идеологического удобства были склонны идентифицировать город с евреями. Не без влияния народнических идеологий город стал ассоциироваться с продажным капитализмом, в то время как деревня наделялась “революционными”, исцеляющими качествами. Борьба против евреев представлялась как война с капитализмом и, таким образом, как изначально революционная и благая деятельность⁶.

Изучая данные переписи населения за 1897 г. – самой достоверной переписи царского времени, дающей наилучшее представление об обсуждаемом периоде, – мы получим более подробное представление о демографических аспектах проблемы. Представленные статистические данные включали информацию о численности национального большинства и национальных меньшинств, игнорируя данные об удельном весе городских и сельских жителей. Например, очевидно, что с количественной точки зрения украинцы являлись большинством на Украине, составляя 71,6% населения, а белорусы – в Белоруссии, составляя примерно 70% ее жителей. Но при этом в городах украинцы составляли лишь 27% жителей, а белорусы – только 13%. То, что украинцы и белорусы проживали преимущественно в деревнях, стало причиной их политической и экономической слабости и заброшенности. В то же время евреи – незначительное меньшинство с количественной точки зрения, составлявшее только 9,1% населения Украины и 14,1% жителей Литвы и Белоруссии, – проживавшие преимущественно в городах, обладали неоспоримым влиянием, которое стремительно росло.

Таблица 1

**Национальный состав регионов черты оседлости, в %
(по данным переписи населения 1897 г.⁷)**

Регион \ Народ	Ев-реи	По-ляки	Укра-инцы	Рус-ские	Бело-русы	Лито-вцы	Дру-гие	Всего
Литва и Белоруссия	14,1	5,6	3,6	5,8	54,1	12,9	3,9	100
в т.ч. в городах	52,0	12,8	0,5	18,2	11,8	1,7	3,0	100
Польша	13,5	71,9	3,5	2,9	0,3	3,2	4,7	100
в т.ч. в городах	35,4	48,8	1,3	8,0	-	0,3	6,2	100
Украина	9,1	1,7	71,6	11,4	0,7	-	5,5	100
в т.ч. в городах	30,0	3,3	27,0	33,5	-	-	6,2	100
Бесарабия	11,8	-	19,6	8,2	-	-	60,4	100
в т.ч. в городах	37,2	-	15,8	24,5	-	-	22,5	100
Во всех регионах	11,4	18,1	38,0	8,0	13,3	3,8	7,4	-
в т.ч. в городах	36,2	20,4	12,9	21,6	2,2	0,4	6,3	-

Несмотря на свой невысокий темп процессы индустриализации и модернизации повышали значение городских населенных пунктов в новом хозяйственном устройстве. Города превратились в центры промышленности и торговли, а городки – в сосредоточие магазинов и мастерских, которые предоставляли торговые и ремесленные услуги населению окрестных деревень. Эти события превратили еврейское население в несравненно более динамичный фактор, более заметный и более состоятельный. Но главное – более компактный, более сплоченный и более влиятельный, чем окрестные деревенские общины. Из соображений идеологии – как сионистской, так и социалистической – историки были склонны не замечать этот факт, ограничиваясь утверждением, что евреи, рассеявшиеся в мире гоев, были в нем малочисленным и притесняемым меньшинством. Между тем, анализируя факты, нельзя не признать, что компактное проживание евреев в городах обеспечило им обладание значительно большей силой и, в конечном итоге, политическим влиянием. Все это было несравнимо с положением украинских, белорусских и польских крестьян, рассеянных на огромных территориях и замкнувшихся в своих наделах. Выражаясь более прямолинейно, еврейское население было не в пример более компактным, концентри-

рованным и осознающим свою обособленность, чем окружавшая его стихия крестьянских масс. Еврейское городское население Украины к западу от Днепра или даже Белоруссии или Польши было более целеустремленным, сформировавшимся как отдельная группа и осознающим себя как единое целое, чем заселявшие данные регионы разобщенные деревенские жители, движимые исключительно частными интересами.

На этом фоне становится легче понять двойственность, проявляемую в отношении евреев как русскими, так и представителями других народов. Как уже утверждалось, русские были склонны "присоединять" евреев к своей нации, чтобы таким образом увеличить удельный вес русских в общей численности населения приграничных районов. Вернувшись к данным переписи населения 1897 г., демонстрирующим распределение городских жителей по национальностям (см. табл. 1), можно наглядно показать, какую пользу были способны принести подобные статистические манипуляции. Стоило приплюсовать еврейских жителей к русским, и русское население становилось большинством в городах черты оседлости, составляя 63,5% на Украине и 70,2% в Литве и Белоруссии, что сводило на нет шансы коренного населения возглавить соответствующие органы власти. Подобно тому как соблюдение своих естественных экономических интересов, как уже упоминалось выше, предписывало евреям приверженность единству империи, оно изначально делало их более восприимчивыми к русским политическим веяниям – в первую очередь, либеральным, – а также к аккультурации в русском обществе. Термин "аккультурация" – а не "ассимиляция" – употреблен здесь не случайно, ведь, с точки зрения идеологии, национальное самосознание евреев росло, и их общественные движения становились все более привержены идее персональной национальной автономии.

В противоположность русским властям украинская, белорусская и литовская интеллигенция были крайне заинтересованы в сохранении евреями своего национального самоопределения, усвоив подобные воззрения не столько из любви к евреям, сколько из-за неприятия русских. Действительно, в исторической перспективе именно эти народы первыми признали еврейское национальное движение как в России, так и за рубежом. Они приветствовали сохранение евреями особого, присущего только им образа жизни, а также поощряли развитие еврейского национального языка, каким бы он ни был, и усиление еврейского национального самосознания. Кроме того, эти народы поддерживали идеи и проекты, направленные на создание еврейской персональной национальной автономии вне

зависимости от того, будет ли она формально признана конституционным законом будущего демократического государства, или же ее существование обеспечит ряд юридических положений, не имеющих определенного конституционного статуса. К примеру, отголоски идеи придания автономного статуса еврейским общественным движениям можно встретить еще в сочинениях Михаила Драгоманова, опубликованных во второй половине XIX в., в которых он предлагал организовать рабочее движение как федерацию, состоящую из независимых секций, одна из которых будет еврейской. По замыслу Драгоманова, российское государство должно было представлять собой федерацию автономных народов, а еврейским городам следовало придать статус национальных автономий. Придерживаясь подобного подхода украинское социалистическое движение не требовало от евреев стать частью их партии. Оно предпочитало, чтобы по соседству существовало еврейское социалистическое движение, и чем успешнее будет его деятельность, тем меньше евреев будет стремиться войти в русские политические организации⁸.

Следует отметить, что подход поляков сильно отличался от вышеописанного. Многие поляки проживали в городах и были вовлечены в развитие индустрии и коммерции. Идеология "органической деятельности", ставшая широко популярной после провала восстания 1863 г., способствовала интенсификации этой вовлеченности. К тому же присутствие русских в польских городах почти не ощущалось. Таким образом, в своих политических планах и маневрах, включая парламентскую тактику, поляки не нуждались в разыгрывании "еврейской карты" против русских. Более того, поляки стремились построить национальное польское государство и не желали признавать, что в случае, если их мечты осуществляются, их великая "историческая" Польша все равно будет государством многонациональным, таким же как царская Россия. В этом настрое следует искать причины категорического нежелания поляков считать евреев национальной группой, а также той крайней враждебности, с которой поляки встречали любую политическую инициативу евреев, направленную на защиту своего статуса и на обеспечение возможности существовать как признанное национальное меньшинство. Демографический расцвет, переживаемый евреями, компактность их проживания и усиление их влияния травмировали и тревожили поляков. Это привело к тому, что интересы евреев самым жестоким образом перестали учитываться в политических проектах, а идеи бойкота еврейских предприятий и даже эвакуации евреев из Польши прочно утвердились в польском общественном сознании⁹.

Нельзя не признать, что само существование больших империй предполагало наличие в них скрытых факторов, усиливавших интеграционистские тенденции. Во-первых, таким фактором являлось постоянно происходившее в России смешение населения. Смешение стало естественным следствием модернизации и непрекращающейся миграции жителей в поисках заработка. В результате населявшие Россию народы, сохраняя связь со своими историческими местами проживания, становились экстерриториальными. Следует отметить, что под влиянием этого процесса время от времени начинало казаться, что положение евреев не отличается от положения других народов. Такое восприятие способствовало формированию подхода решения национального вопроса в духе, приемлемом для евреев. Во-вторых, смешение превратило русский язык в основное средство коммуникации и способствовало ускорению аккультурации национальных меньшинств, в чем были заинтересованы и имперская власть, и все русское население. Находящиеся под властью псевдокосмополитических идей приверженцы аккультурации видели в ней исторический объективный процесс сродни смешению культур или исчезновению “неудавшихся” культур перед лицом культур “достойных”. В-третьих, свою роль сыграла общая, я бы сказал – идеологическая тенденция воспринимать процессы индустриализации и модернизации как чрезвычайно стремительные и неуклонно противостоящие всем местным и партикуляристским интересам. Свой вклад внесла и утопическая социалистическая идеология, создав почву для нигилистических, ассимиляционных веяний и усилив космополитические воззрения среди еврейской интеллигенции.

Русское правительство также не сидело сложа руки. Напротив, оно предприняло целый ряд действий, направленных на интенсификацию интеграционных процессов. В частности, в города, расположенные в районах проживания меньшинств, было направлено большое количество русских чиновников. Поощрялось переселение русских крестьян на Украину и в Среднюю Азию, а украинских крестьян – на просторы Сибири. При этом делалось все возможное, чтобы происходившие изменения стали необратимыми¹⁰.

* * *

Наряду с идеей создания национального очага в Палестине, захватившей политическое воображение еврейского национального движения, в еврейской политике прочно утвердилась идея организации национальной жизни в диаспоре в рамках персональной наци-

ональной автономии. Расцвет этой идеи, а также вера в возможность ее политического воплощения в жизнь стали функцией как политнической мозаики многонациональных государств, так и необходимости дать политическое определение особому положению евреев в вышеописанном треугольнике противоречий: между евреями и доминирующей нацией, с одной стороны, и евреями и меньшинствами, населявшими черту оседлости, – с другой.

Идеология, исповедуемая Дубновым, а также его исторический подход стали интегральной частью этих интеллектуальных усилий. Как известно, Дубнов утверждал, что, несмотря на рассеяние по странам диаспоры, еврейский народ продолжает функционировать как автономная целостная сущность, и, таким образом, история евреев диаспоры в большой степени представляет собой историю их автономных институтов. Из этого следует, что, воюя за эмансипацию и поддерживая отмену автономно функционировавшей системы еврейских общественных институтов, евреи Франции подняли руку на одну из основ еврейской жизни в диаспоре на протяжении веков. Их действия не только шли в разрез с объективными интересами еврейской нации – здесь Дубнов имел в виду жизненные интересы как еврейской, так и любой другой нации, – но и, и это главное, способствовали усилению противоречий между евреями и другими народами. Ведь сущность любой нации не формируется лишь на третьем, наиболее продвинутом, этапе развития, когда нация представляет собой духовно-культурную общность¹¹. Приверженность наций своему достоянию отличает их и на каждом из предшествующих этапов. Из этого следует, что не только евреи в бытность свою неделимой самостоятельной сущностью не могут и не хотят растворяться в окружающих их народах, но и сами эти народы не желают растворять в себе чуждые им элементы. Противостояние веяниям аккультурации – с чьей бы стороны оно ни исходило, и евреи здесь не исключение, – резонно и естественно, так как представляет собой легитимную позицию группы населения, отличающейся от остальных по своей сути, в отношении чужеродных элементов, стремящихся смешаться с ней и тем самым нанести урон ее обособленности. Таким образом, и антисемитизм, и желание евреев добиться национальной автономии являются естественными проявлениями национальной сущности – и нееврейской, и еврейской. По мнению Дубнова, эмансипационные лозунги Просвещения стали антитезой еврейской истории. Они были спонтанной оплошностью в истории еврейского народа, который должен естественным образом вернуться

к прежней системе автономного устройства своих институтов¹². Иными словами, евреи стремятся сохранить свою национальную сущность в рамках персональной национальной автономии. Каждый еврей, где бы он не жил, – а по мнению Дубнова, выбор места жительства должен быть свободным волеизъявлением, – имеет право на автономную систему, защищенную законом, и обязан бороться за существование подобной системы всеми доступными ему политическими методами.

С точки зрения Дубнова, рассеяние народов или, выражаясь его языком, превращение народов из территориально-государственного единства в единство духовно-культурное – это явление природы, процесс, который невозможно отменить или повернуть вспять. Отсюда – неприятие Дубновым сионизма; и отсюда – неприемлемость утверждения, что на каждой территории есть место только для одного народа. Территории не являются национальным достоянием, им и не следует становиться таковым. Каждая территория должна быть и станет плюралистической мозаикой. Дубнов был романтиком, и можно было бы ожидать, что он будет высказываться в ключе, предполагающем интегральную связь между странами и народами. Дубнов же относился к типу романтиков, мечтавших о единой, объединенной Европе, которая бы вобрала в себя важнейшие достижения всей современной цивилизации. С его точки зрения, Европа – океан, только с виду представляющийся огромным однородным скоплением воды. Подобно тому, как океан суть не что иное, как комбинация водных потоков, так и Европа представляет собой оркестр, одной из составляющих которого являются евреи. Они часть мировой партитуры и все же – отдельный уникальный звук. Тот, кто стремится нанести ущерб уникальности других партитур, совершает неразумное и бессмысленное деяние. Он искажает их элементарную сущность и порождает ненависть к ней. Политический вывод: евреи нуждаются в автономии и имеют на нее право. Из этого следует, что где бы они не жили, евреи должны превратиться в группу, имеющую политический вес и сражающуюся за свою политическую национальную свободу.

Таким образом, стремление евреев средневековья обеспечить себе самоуправление, признанное государственным законом, – на корпоративных началах, как было принято в юридической системе того времени, – представляется логичным и определявшимся нуждами национальной сущности, а не склонностью к лоббированию или ущербностью, которые так любили осуждать приверженцы эман-

сипации. Достижения эмансипации, а также мнимые достижения в странах просвещенного абсолютизма шли во вред еврейской национальной уникальности и порождали естественное и оправданное сопротивление. По мнению Дубнова, российским евреям ни в коем случае не следовало быть пассивной массой, ожидающей милости от царя, который пожалует их эмансипацией. Им следовало стать группой, открыто и творчески демонстрирующей свою природную сущность и жизненные принципы; группой, призванной бороться за превращение России в демократическое государство, которое обеспечит соблюдение национальных прав живущих в ней народов и персональную автономию. Из этого никоим образом не следует, что Россия, не дай Бог, должна распасться. Дубнов также не рекомендовал провозглашение независимой Украины. По его мнению, украинцев должна быть территориальная автономия в месте их наиболее компактного проживания, и персональная автономия – в районах их рассеяния¹³. Идея еврейской автономии предполагает, в сущности, возможность организации еврейской жизни в рамках пусть ограниченного, но самоуправления. Как было показано, Дубнов воздерживался от употребления термина “персональная национальная автономия”, а его формулировки касательно подробностей устройства автономии были не слишком конкретными. Гораздо более определенно высказывались “возрожденцы”; заложившие основы “еврейской социалистической рабочей партии” и известные в еврейских политических кругах как “сеймисты”, видевшие рецепт создания еврейской автономии в основании еврейского законодательного органа.

* * *

В контексте настоящей статьи необходимо внимательно проанализировать динамику взаимоотношений между евреями и теми нациями, в национально-территориальных образованиях которых им довелось жить. Еще до революции 1905 г. и во время нее еврейская политическая мысль признавала право территориальных меньшинств, проживавших в Российской империи, на создание региональных автономий, хотя и придерживалась особой концепции их устройства. Еврейские партии, и не только Бунд, предпочитали концепцию, распространенную в среде австрийских социал-демократов, то есть концепцию, предполагавшую наделение представителей каждого народа автономией на персональном уровне. Проанализировав данные воззрения, а также возможности их практического осуществления в России, можно обнаружить, что они являли собой попытку навязать

населявшим ее народам такое же решение их проблем, какое рассматривалось в отношении самих евреев. Подобное решение должно было свести на нет уникальность евреев как экстерриториальной нации и освободить их от дилемм, вызванных необходимостью формально руководствоваться как законодательством российского государства, так и нормативными актами, действовавшими применительно к населявшим его меньшинствам.

Подобный подход проявился в программе, принятой Сионистской организацией в ноябре 1906 г. на съезде в Гельсингфорсе и впоследствии – на петроградском съезде в 1917 г., в которой, наряду с признанием прав национальных меньшинств на территориальную автономию, утверждалось, что юридический статус евреев на данных территориях не будет зависеть от региональных, то есть – национальных, законодательств. Таким образом, предполагалось, что региональная автономия национальных меньшинств будет сведена к автономии персональной. Ведь если бы евреи были выведены из-под юрисдикции региональной автономии, следовало применить тот же подход в отношении других меньшинств. В итоге украинская региональная автономия была бы релевантной лишь для украинцев, литовская – для литовцев и так далее, сводясь таким образом исключительно к персональной автономии¹⁴. Еврейская политика оказалась поставленной перед испытанием действительностью после Февральской революции 1917 г., когда стало очевидно, что национальный вопрос будет играть одну из главных ролей в грядущих демократических переменах в России¹⁵. Народом, начавшим стремительно продвигать свои национальные интересы, стали украинцы¹⁶. Поначалу украинские сионисты с ликованием отнеслись к тому, что Украине наконец-то будет предоставлена истинная независимость¹⁷. Однако скоро радость омрачилась сомнениями. Сионистская организация России и ее украинское отделение, а также остальные еврейские партии с опаской и неприятием наблюдали за политическим формированием украинской нации, не скрывавшей своего стремления к достижению суверенитета Украины в рамках ослабленной Российской конфедерации или за ее пределами.

Еще в мае того же года украинцы потребовали основания самоуправления на территории Украины. Отказ Временного правительства вступать в переговоры с украинцами и полное игнорирование их требований дали толчок волнам протеста и бунта, прокатившимся по Украине. Однако поражение русской армии в весеннем наступлении на немцев побудило Временное правительство смягчить свои

позиции с целью заручиться поддержкой украинцев. Для этих целей в Киев была направлена представительная делегация, которую возглавлял Керенский, бывший тогда военным и морским министром. Делегация начала переговоры с представителями украинского руководства по вопросу утверждения украинского регионального самоуправления, которое распространялось бы на районы концентрированного проживания украинцев¹⁸. К тому же делегация Временного правительства потребовала, чтобы украинские власти представляли все население Украины, а не только его этническое большинство. Это требование было принято украинской стороной, и в июле начались переговоры между ней и представителями других национальных меньшинств по вопросу о расширении общественной основы самоуправления. Присоединение представителей меньшинств к украинской Раде не представляло сложности. Принцип пропорциональности был быстро принят, однако важнейшая дилемма возникла в структуре исполнительной власти¹⁹.

Временное правительство потребовало включить четырех представителей меньшинств в правительство из девяти человек. Александр Керенский и другие члены делегации, в том числе Михаил Терещенко, Иракий Церетели и Николай Некрасов, предпочли видеть четырех "надежных" русских или даже представителей других меньшинств, лишь бы они поддерживали точку зрения Временного правительства о дальнейшем пребывании Украины в составе российского государства. Украинцы же предпочитали, чтобы среди этих представителей было как можно больше евреев. Более того, сказав "четыре представителя меньшинств", российское правительство имело в виду назначить просто четырех неукраинцев; оно не стремилось сформировать власть, адекватно представляющую интересы всех граждан Украины, — прежде всего потому, что у подобного урегулирования были бы далеко идущие конституционные последствия. Как известно, Временное правительство принципиально отказывалось от принятия судьбоносных решений, требующих юридического обсуждения, оставляя их на усмотрение Учредительного собрания, после того как оно соберется. И само предоставление автономии Украине противоречило этой тенденции, а потому дискуссия об удовлетворении требований украинцев выявила серьезные разногласия во Временном правительстве. Большинство из тех, кто поддержал это урегулирование, видели в нем необходимость, которой невозможно противостоять²⁰. У украинцев было два варианта кооптации представителей меньшинств в органы региональной вла-

сти: или назначать на руководящие должности наиболее способных кандидатов, или придерживаться принципа представительства национальных меньшинств. Если предпочтение отдать принципу представительства, возникает вопрос о том, кто именно уполномочен выбирать представителей тех или иных групп. Было решено пойти обоими путями. Меньшинства, польское а затем и еврейское (с русским меньшинством на тот момент переговоры вообще не велись), хотели иметь национальных представителей. История закулисных контактов не была исследована историками; более того, до сих пор неизвестно, сохранились ли документы об этих контактах. В прессе того периода запечатлен тот факт, что с поляками велись переговоры об их представительстве, и это же требование переняли евреи. В переговорах участвовали все еврейские рабочие партии, включая Бунд²¹. Подробности о ходе переговоров и путях принятия решений, равно как и аргументы сторон и их закулисные консультации, нам неизвестны – обо всем этом остается только догадываться. В соответствии с текстом соглашения, кроме четырех членов украинского правительства, представляющих национальные меньшинства, создавалась специальная коллегия по делам национальных меньшинств. Во главе этой коллегии должен был стоять украинец как секретарь по делам национальностей. Коллегия также должна была включать секретарей, занимающихся проблемами других меньшинств – евреев, поляков и русских. Члены коллегии присутствовали на заседаниях правительства и считались его членами. Они имели право решающего голоса во всем, что касалось их народов, но право окончательного решения оставалось у правительства в целом. Иными словами, украинцы предложили расширить состав украинского правительства с девяти до “девять плюс трое”: девять полноправных членов правительства и еще трое – с ограниченными функциями. Каждый из этих трех членов правительства должен быть ответственным за свой национальный сектор, обладая значительными правами во всем, что касается организации общинной жизни представляемого им народа в соответствии с моделями самоуправления, оговоренными законом. Украинцы признали требование евреев получить автономию – требование, выдвигавшееся евреями в течение многих лет и до той поры не получавшее поддержки и легализации. Более того, немедленно началось формирование модели автономии. Инициатором и катализатором процессов формирования автономии явился секретарь правительства по еврейским делам доктор Моше Зильберфарб, глава партии “объединенцев”²². Секретарю

по еврейским делам было позволено создать отдельное ведомство, имевшее право руководить организацией общин, системой образования и различными культурными обществами, а также представлять евреев во всех политических делах. Как уже было отмечено выше, в соответствии с договором, достигнутым с Временным правительством, украинцы не имели права создавать правительство численностью более девяти человек, однако они обошли это ограничение, создав коллегию по делам меньшинств. Но и из двенадцати членов правительства Украины только пятеро были украинцами. То есть украинцы зашли намного дальше требований Временного правительства и создали благожелательные отношения с меньшинствами, проживавшими на их территории.

Чем было вызвано подобное великодушие украинцев? Я считаю, что они осознанно искали компромисс с национальными меньшинствами и, в первую очередь, с евреями. Они предполагали, что, предоставляя персональную автономию евреям, они совершают принципиальный и долгосрочный прорыв. С их помощью евреи превращаются в нацию, обладающую международной юридической легитимацией. Они надеялись, что евреи, в свою очередь, поддержат украинцев в борьбе за территориальную автономию. Иными словами, евреи поддерживают территориальную автономию Украины, а украинцы дают им автономию персональную. Именно поэтому в глазах украинцев представляющий евреев член правительства был больше, чем просто представителем евреев. Представитель евреев являлся членом правительства, он должен был поддерживать его основную платформу, касающуюся национальных требований самих украинцев, видеть себя не только выразителем чаяний евреев, но и членом правительства как такового, руководствующимся общими интересами большинства и чаяниями украинцев. Кроме того, еврейская поддержка была необходима как противовес влиянию живших на Украине русских, а также из-за определенного международного влияния евреев. Более того, было важно, что именно Украина была первой в области автономного урегулирования, что прокладывало путь к изменению международного статуса евреев и способствовало легитимации их прав как нации.

Украинцы поставили еврейские партии в затруднительное положение. От евреев требовались обязательства поддерживать украинское самоуправление, судьба которого более не ограничивалась решениями Всероссийского учредительного собрания, а была результатом того, что может быть определено как спонтанная демократия.

Евреям также было предложено последовать по стопам украинцев, добиваясь постепенного продвижения на пути борьбы за расширение собственных национальных прав путем утверждения реальных фактов методом революционной демократии. С этой точки зрения важным представляется выступление Бера Борохова на первом заседании Еврейского национального совета, которое состоялось 1 октября 1917 г. Он превознес путь украинцев к завоеванию национальных прав и рекомендовал евреям полностью перенять его. Еврейские социалистические партии, несмотря на некоторые колебания, в основном касающиеся согласия украинцев на сохранение единства с Россией, приняли условия урегулирования с украинцами. Вместе с тем сионисты категорически отвергли это урегулирование. Они считали, что еврейская демократия не может существовать иначе, как во всероссийских парламентских рамках, и что региональные законодательства не должны иметь влияние на статус евреев²³. Таким образом, сионисты отказались заключать какие-либо соглашения на региональном уровне до того, как будет достигнута договоренность на уровне всероссийском. Они решили не заключать с украинцами договор, из которого бы следовало, что евреи безоговорочно поддерживают их национальные требования. Сионисты придерживались мнения, что евреи должны занимать нейтральную позицию по отношению как к украинцам, так и к русским, и отстаивать исключительно собственные интересы. Однако, когда автономия уже была достигнута, сионисты не предложили ее отменить. Они предъявили требование, в соответствии с которым ее лидер не может быть членом кабинета министров, обязанностью которого является претворение в жизнь политической программы правительства, а должен быть исключительно уполномоченным посланцем еврейских учреждений. Сионисты сопротивлялись соглашению с украинцами об автономии несмотря на то, что украинцы всячески шли им навстречу и были готовы заключить соглашение именно с ними²⁴. Украинцы предполагали, что сионисты не только представляют большинство еврейского населения самой Украины, но и пользуются определенным влиянием в международной политике. Им было ясно, что через Бунд они не смогут установить контакты ни с Англией, ни с Францией. Сионисты не давали положительного ответа, так как у сионистского движения была ярко выраженная ориентация на сохранение великой и неделимой России. Еврейские социалистические партии также не испытывали особого восторга по поводу сложившейся модели урегулирования, однако они понимали, что нельзя

одновременно требовать автономии для евреев, лишая подобной автономии украинцев.

Борьба литовского еврейства за свою автономию с 1917 г. отчасти напоминает борьбу за свою автономию самих литовцев. Вместе с тем следует отметить, что литовские евреи в меньшей мере являлись сторонниками неделимой России, а сионистская организация играла решающую роль в развитии контактов и самих переговорах²⁵. Похожая тенденция сформировалась и в Белоруссии, не успев, однако, привести к существенным изменениям. Белорусское национальное движение, окончательно сформировавшееся в результате демократических преобразований, также стремилось к урегулированию с евреями. Обсуждалась идея превращения Белоруссии в общее государство евреев и белоруссов. Формирование двунационального еврейско-белорусского государства должно было противостоять политической активности русских и поляков, не признававших национальной идентичности белоруссов. Это осознавали во всех патриотических белорусских кругах, и это также понимала белорусская коммунистическая партия, сформировавшаяся после ухода немецких войск из Белоруссии. Последняя поддерживала еврейскую автономию и даже существование отдельной еврейской компартии.

Как стало известно из недавно открытых архивов (в которых я работал в Москве), советская власть в начале своего пути также рассматривала возможность создания в Белоруссии общего еврейско-белорусского государства, в котором оба народа будут осуществлять свои стремления к национальной и политической независимости²⁶. Очевидно, что советская власть, с одной стороны, признала устремления белоруссов, а с другой стороны, стремилась решить еврейский вопрос посредством превращения евреев в равноправного партнера в социалистической республике. Иными словами, речь велась не о предоставлении культурной или персональной автономии для лиц, принадлежащих к еврейскому народу, а о признании этого народа равноправным участником в строительстве суверенного государства. Инициаторы этого плана видели всю проблематичность абсорбции в Белоруссии еврейских иммигрантов, которые бы стекались туда с территории Украины после волны погромов и кризиса в отношениях между евреями и украинцами. Они также предвидели трудности в случае, если евреи предпочтут жить в собственной республике и будут ожидать от нее решения различных, и в первую очередь экономических проблем, с которыми они

сталкивались в те годы. К тому же казалось весьма вероятным, что евреи будут ожидать, что их новая республика предоставит им возможность решить проблему “лишенцев”, которой евреи так тяготились при новой власти. Однако Белоруссия считалась бедной и отсталой страной, не способной удовлетворить нужду еврейской общности в новой родине, в убежище и в решении экономических и политических нужд, порожденных временем. Кстати, именно на основе этого плана родилась идея компактного расселения евреев на определенной территории в другом месте на просторах СССР, идея, базировавшаяся на тенденции к аграризации, но практически прешествующая ей.

Мы не осветим проблему полностью, если не добавим к нашему исследованию обсуждение данной проблемы в Польше. Как отмечалось выше, в отличие от остальных областей, находящихся в пределах черты оседлости, Польша не стала объектом иммиграции и оседания русских поселенцев. Перепись 1897 г. свидетельствует о том, что русские составляли лишь 2,9% населения в Польше. Подавляющее их большинство проживали в городах (8%) и являлись государственными служащими. Это соотношение не изменилось и в более поздний период, вплоть до окончания российской власти в Польше в 1915 г., и оно не могло угрожать доминантному положению польского населения.

Однако поляки чувствовали угрозу со стороны евреев. Как и вся Российская империя, Польша была подвержена динамике, характерной для стремительного промышленного и финансового развития. Польские губернии являлись одними из самых развитых во всей Российской империи. Евреи с энтузиазмом влились в этот промышленный бум. Более того, Польша казалась лакомым кусочком евреям из Белоруссии и Литвы, областей относительно отсталых, и они массами хотели в нее переселиться²⁷. Так зародилась проблема “литваков”, пробудившая как неудовольствие и отчужденность польского еврейства, так и резкую вражду со стороны собственно польского населения. И все же перед лицом набравшего силу и размах процесса модернизации враждебность отошла на второй план. Польские города, ставшие очагом финансового и промышленного развития, были населены большей частью евреями. Не только маленькие городки, но и такие города, как Лодзь, Белосток, Люблин, Бендин, Сосонович, Радом, Кильца и другие, являлись фактически еврейскими городами, темп жизни в которых определялся еврейской деятельностью и инициативой. Не пренебрегая значимостью

польского населения, проживавшего в этих городах, следует все же отметить, что ритм городской и деловой жизни в них диктовался преимущественно евреями.

Таблица 2

Евреи в городах Царства Польского²⁸

Губернии	1865		1893		1897		1909		1913	
	Всего, тыс.	%								
Юго-запад	363,6	39,9	642,8	39,7	735,1	38,4	995,3	37,3	1129,6	36,9
Не включая Варшаву и Лодзь	278,6	44,4	437,0	45,1	427,8	42,3	625,4	41,3	707,1	40,3
Северо-восток	293,1	57,4	415,9	55,0	372,3	51,7	529,0	53,9	566,4	54,0

Только законодательные ухищрения, как, например, “Закон избрания представителей в городские советы”, поданный на рассмотрение IV Государственной Думы в мае 1910 г., вместе с произвольным административным разделением на области, позволяли игнорировать количественное преобладание еврейского населения. Подобное разделение было принято в период между двумя мировыми войнами, для этого к городам присоединяли близлежащие сельские районы, и таким образом относительное превосходство евреев статистически нивелировалось. Без сомнения, польское население также испытывало влияние индустриализации, и процент горожан среди поляков постоянно рос. Это стало более явным между мировыми войнами, когда все ресурсы независимой Польши были направлены на достижение этой цели. Однако нельзя утверждать, что в результате этого процесса евреи были вытеснены из рамок модернизации. Относительное сокращение числа евреев среди городского населения явилось, в первую очередь, результатом изменений в темпах рождаемости и в приросте населения. Травля евреев и их вытеснение с политической арены в период между двумя войнами, конечно, углубили пропасть между евреями и их польским окружением, но не заставили евреев выпустить из рук ключевые позиции, связанные с экономическим развитием страны. Мне представляется, что евреи более всего страдали не от разорения, а от политической и этнической конфронтации между ними и поляками.

Важнейшим столкновением, имевшим огромный резонанс, в котором ярко обозначились, с одной стороны, новая еврейская политическая мощь, а с другой – удивление, “святое” негодование и презрение, выражаемое поляками, произошло вокруг избрания Аугюша Ягалло (1873–1947) депутатом IV Думы от Варшавского округа. Польское политическое общественное мнение не было готово ни принять, ни удовлетворять политические требования евреев. Ярким примером этого служит предложение польских партий в Варшавском округе выставить на выборы в IV Думу кандидата от национал-демократической партии, открыто выражавшего враждебное отношение к евреям. Требование евреев заменить его на кандидата, занимающего более приемлемую позицию по отношению к ним, было отвергнуто грубо и унизительно. Это поведение и аргументы поляков обнажили “благородное” негодование, обиду и крайнюю их враждебность к самому праву евреев на организованную борьбу за свои национальные и политические права. Когда же евреи в ответ безоговорочно поддержали кандидатов от социалистической партии, ненависть поляков к евреям усилилась еще больше²⁹.

Противостояние обострилось в период первой мировой войны. В августе 1915 г. была завершена оккупация Польши немецкими армиями, и оккупационные власти были вынуждены пойти на диалог с польским населением для согласования вопроса о новых структурах власти. Одним из основных стремлений германского правительства было желание превратить Польшу в государство-буфер, во всем подчиняющееся диктату Германии и ее интересам³⁰.

Вместе с тем идея государства-буфера присутствовала также, правда в измененной форме, на переговорах, которые велись между еврейским сионистским руководством в Германии и между чиновниками германского военного министерства и министерства иностранных дел. Начало этим переговорам положил меморандум Макса Буденхаймера, переданный немецкому министерству иностранных дел еще в августе 1914 г. от имени так называемого Комитета по освобождению российского еврейства³¹. Инициатива создания этого комитета исходила от руководителей сионистской организации Германии. Целью комитета являлось содействие в процессе мирных переговоров созданию многонационального и федеративного государства-буфера между Россией и Германией³². Составители меморандума ратовали за создание подобного государства на всей территории еврейской черты оседлости Российской империи. Это государство должно было отобрать у России западные территории,

населенные национальными меньшинствами, и объединить их в многонациональное государство, в котором будет естественно сохраняться демографическое равновесие между украинцами, белорусами, литовцами и латышами, с одной стороны, и между поляками – с другой. Евреи же могли стать противовесом и решающим фактором, гарантирующим позицию Германии как покровителя нового государства³³. Планировалось, что евреи получат государственный статус наравне со всеми другими нациями. Их национальная общность, ее формы и полномочия могли бы быть определены как персональная автономия, защищенная в законодательстве многонационального государства. Другими словами, основные национальные права евреев в федеративном государстве не являлись бы функцией автономного законодательства различных народов, составляющих федерацию, и не зависели бы от них. Так, к примеру, польские или украинские сеймы или парламенты не могли бы получить права юрисдикции над евреями, кроме общегражданских законов, распространяющихся на всех жителей государства. Из этого следовало, что исключалась сама возможность ведения отдельных переговоров о статусе и правах с евреями, населявшими различные регионы. Иными словами, подразумевалось, что на всей территории федерального государства у евреев будет единый статус, регулируемый их собственными национальными институтами, который не будет зависеть от законодательства того или иного национального региона. Излишне добавлять, что лишь таким образом евреи могли сохранять свой демографический вес и силу как уравнивающий элемент в федеративной структуре³⁴.

Очень быстро выяснилось, что усилия участников переговоров со стороны Сионистской организации Германии были напрасны. Представители немецких министерств, которые вели диалог с еврейскими лидерами, не рассматривали их всерьез, особенно после того как им стало ясно, что идея сионистов отвергается всеми народами данного района. Федеративное решение отвечало лишь еврейским интересам, и оно выглядело в глазах остальных народов попыткой подчинить пламенное стремление жителей региона к независимости еврейским интересам и их понятию о свободе. Более того, Германия в собственных интересах предпочла создать несколько слабых государств-буферов, которые враждовали между собой из-за территориальных, этнических и исторических претензий, которые делали их еще более зависимыми от Германии. Названные территории были полностью завоеваны лишь в 1918 г., в совсем другой политической

ситуации, когда Германия уже вела переговоры о Брест-Литовском соглашении. События на местах требовали достижения договоренности с каждой этнической и территориальной группой в отдельности.

Продолжительные контакты между польским политическим руководством и немецкими оккупационными властями привели к формулированию различных положений, продвинувших польское самоуправление и определявших полномочия польских учреждений по отношению ко всем жителям Польши. Конечно, германские власти, считаясь с давлением различных организаций, в том числе и “Восточного комитета”, пытались время от времени разыграть “еврейскую карту”, делая это не всегда искренне и честно, чтобы уменьшить таким образом возможность маневрирования поляков и ограничить, насколько это возможно, их претензии. Немцы были готовы поощрять в процессе переговоров обсуждение предоставления хотя бы частичной автономии (культурной и религиозной) еврейскому населению Польши. Кроме того, у этой проблемы немедленно появился международный аспект в системе немецкой пропаганды. Эта тема превратилась, и это неудивительно, в “крик души” многих мировых еврейских организаций и, в первую очередь, еврейского общественного мнения в США, которое все более и более сплачивалось вокруг Американского еврейского конгресса³⁵. Эти организации также содействовали пропаганде и старались обеспечить поддержку общественного мнения идее предоставления прав национального меньшинства евреям в новых государствах, которые должны были возникнуть в Восточной Европе.

Эти обстоятельства лишь усилили вражду между поляками и евреями. Поляки демонстрировали категоричное и чванливое несогласие во всем, что касалось признания прав евреев на представительство как национального меньшинства, и они стремились как можно больше ограничить эти права. Для этого им иногда было удобно ссылаться на прецедент еврейской эмансипации в Западной Европе и предлагать модель сосуществования поляков и евреев, базирующуюся на полной ассимиляции еврейской нации в польской среде. По этой причине они не желали содействовать созданию еврейской системы образования и после того, как под давлением немцев они были вынуждены смириться с ее созданием, делали все что возможно, чтобы сократить ее до минимума. Параллельно они продолжали представлять евреев как врага польской независимости, как чужих, развращающих Польшу, и как заговорщиков, пытающихся

своим влиянием на международной арене ограничить польскую независимость настолько это возможно. Результатом подобного отношения был бойкот евреев и стремление к их изгнанию с польской земли. Выдвигался также лицемерный аргумент о еврейской неблагодарности за то, что они были гостеприимно приняты польским народом и якобы³⁶ вместо благодарности замыслили зло возрождающейся польской независимости. Напряженная обстановка и страх за жизнь польских евреев побудили Макса Буденхаймера обнаружить свой план создания федеративного государства-буфера. Он считал, что только в рамках этого государства может быть найдено необходимое решение проблемы польского еврейства в отличие от того, что ожидает евреев в независимой Польше³⁷. Как известно, лидеры сионистской организации Германии, немало ободряемые немецким министерством иностранных дел, пытались ввести эту тему в повестку дня мирной конференции в Брест-Литовске, чтобы гарантировать соблюдение базисных прав меньшинств для евреев в рамках новых государств, легитимность которых немцы собирались подтвердить во время переговоров³⁸.

Итак, независимая Польша в период между двумя мировыми войнами не дала евреям возможность жить в покое и в обстановке терпимости. С первых шагов на исторической арене она действовала с позиции силы. Она заимствовала у русских погромную идеологию и притесняла евреев юридически, экономически и физически. Она отвергала грубо и оскорбительно любую попытку мирового сообщества обеспечить права евреев как национального меньшинства. Такая судьба постигла, к примеру, попытку Ицхака Гринбойма, предпринятую совместно с лидерами других национальных меньшинств Польши. Они хотели заставить польское руководство признать Польшу многонациональным государством и предоставить национальные права различным меньшинствам, включая и евреев. Несмотря на то что еврейские политики Польши смогли мобилизовать впечатляющую поддержку общества, пропасть ненависти между евреями и поляками лишь росла³⁹. Договоренность (Ugoda), достигнутая в 1925 г., обеспечила затишье лишь до смерти Пилсудского. Силы, пришедшие к власти в Польше после его смерти, вели государство к бойкоту и эвакуации евреев. Эта политика была реализована нацистской Германией при поддержке и одобрении большинства общественного мнения в Польше⁴⁰.

Я приведу слова Юлиана Тувима, еврея и величайшего польского поэта, которые он написал в 1944 г. в ответ на Катастрофу польского еврейства.

“...те, кто раздувал у нас в Польше пожар антисемитизма, и те, кто его не тушил, и те, кто не знал или не желал знать, что не было пути к «культурному или гуманитарному решению еврейской проблемы», как ее представляли в Польше. Толпа не понимает теорий и не признает половинчатых средств. В 1940 или, в крайнем случае, в 1941 г. у нас были бы созданы гетто руками польских последователей Гитлера, господами Белецкими, Димидовичами, Березовскими, Болеславами, Фиасецкими, которые подготавливали почву для фашизма с немного согласия властей. Война им помешала. «Еврейский вопрос» решил за них Гитлер. Мне прекрасно известно из достоверных источников, что эти польские фашисты очень признательны Гитлеру за очищение Польши от евреев (*odzyszczenie*). Духовный лидер этих негодяев сделал за них «грязную работу». Иначе, если бы они пришли к власти самостоятельно в 1940 г., им бы пришлось делать эту работу самим. Именно пришлось бы. Потому что это немилосердный закон травли другого народа”⁴¹.

В заключение следует отметить, что политическая борьба за права евреев как национального меньшинства имела место во многих этнически неоднородных государствах Восточной Европы. В рассматриваемый нами период в этих государствах были сосредоточены примерно 65% всех евреев. С качественной точки зрения это была общественность, которая фактически диктовала идеологии, параметры политического поведения и еврейские национальные требования. В этой борьбе изначально были заложены контroversальные элементы, и ее достижения могли существовать только в идеальных условиях, если многонациональные государства пройдут процессы демократизации, но продолжают существовать как государства, а меньшинства будут готовы довольствоваться тем, что я назвал “еврейским решением”, другими словами, национальной и, главным образом, персональной автономией. Такой баланс является с начала и до конца утопией. Меньшинства не желали довольствоваться территориальной автономией или урегулированием, не обещающим широкий потенциал независимости. Само собой разумеется, что они требовали от живущих среди них евреев солидарности с ними, а в результате добивались раскола и ослабления силы евреев, источником которой являлась их демографическая мощь. Политическая ориентация евреев на перспективу большого государства или попытка оставаться нейтральными приводили лишь к обострению их отношений с другими меньшинствами и к обвинениям в косвенном содействии интересам большинства в большом государ-

стве. Итак, можно предположить, что еврейская национальная борьба больше повредила, чем помогла. Однако, даже если практические достижения не соответствовали ожиданиям, сам факт участия в этой борьбе явился важным уроком еврейской солидарности и ценным фактором для консолидации политического и национального еврейского сознания, которое, без сомнения, содействовало историческому процессу достижения еврейской независимости на Земле Израиля.

---

* Впервые статья была опубликована на иврите в сборнике *Leumiut ve-politika yehudit. Perspeqvivot hadashot* (Национализм и еврейская политика: новые перспективы). Иерусалим – Бостон, 1997. С. 201-223.

¹ *Zion*. 1957. № 22. С. 93-118.

² Там же. С. 93 и далее.

³ Там же. С. 96.

⁴ Об этом подробнее см.: *Lederhendler E. The Road to Modern Jewish Politics, Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia*. N.Y., 1989.

⁵ *Lederhendler E. Hitpathut politit ve-yahadut rusiya ba-mea ha-19* (Политическое развитие и русское еврейство в девятнадцатом веке) // *Shvut*. 1990. № 14. С. 39 и далее. См. также: *Stuzky Y. Ha-itonut ha-yehudit-rusit ba-mea ha-19* (Еврейская русская пресса в девятнадцатом веке). Иерусалим, 1970. С. 13-36.

⁶ *Mishqinsky M. "Igud ha-poalim ha-derom-rusi" ve-ha-pogrom be-kiev bishnat 1881* ("Южно-русский союз рабочих" и киевский погром 1881 г.) // *Shvut*. 1973. № 1. С. 62-73; *Mishqinsky M. Ha-sozializm ha-ukraini be-reshito be-yahaso le-veayot yehudiyot* (Украинский социализм на начальном этапе: отношение к еврейскому вопросу) // *Shvut*. 1985. № 11. С. 53-60.

⁷ Молдаване, латыши и немцы входят в число "других"; приводимая таблица извлечена из книги Яакова Лещинского "Dos yidishe folk in zifem" (Еврейский народ в цифрах. Берлин, 1922. С. 55). Данные, приводимые в таблице касательно русских жителей, выглядят сильно преувеличенными. Во время переписи населения от респондентов требовалось указать не национальность, а вероисповедание. Таким образом все, считавшиеся православными, автоматически зачислялись в "русские". В это число вошли и те, кто в прошлом принадлежал к униатской церкви, но впоследствии перешел в православие. На территории Польши таковыми являлись не русские, а украинцы. В 1897 г. в польских городах проживало примерно 3% русских, а их доля в населении черты оседлости составляла 9,4%.

⁸ Аарон Либерман положил эту идею в основу своей концепции в том, что касалось организации еврейского рабочего движения. См.: *Mishqinsky M. "Li-demuto ha-historit shel A.S.Liberman u-khtavav be-'Vperyod"* (Об исторической фигуре А.Ш.Либермана и его публицистике в "Вперед") // Предисловие к сб. под ред. М.Мишинского *S.Liberman u-khtavav be-'Vpereioid* (А.Ш. Либерман и его публицистика в «Вперед») (1875-1876). Тель-Авив, 1977. С. 9-56; *Janowsky O. The Jews and Minority Rights*. N.Y., 1933. P. 52; *Бернштейн Э.* Воспоминания о Михаиле Драгоманове и Сергее Подолинском // *Летопись революции*. 1923. Кн. 1. С. 58-65.

⁹ *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym. Warszawa, 1920. С. 232-241 (глава, посвященная еврейскому вопросу); монография: *Eisenbach A.* Emancypacja Żydów na ziemiach polskich 1785-1870 na tle europejskim. Warszawa, 1988. Иной подход представлен в: *Kelles-Krauz K.* W kwestji narodowości żydowskiej // *Naród i Historia: Wybor pism.* Warszawa, 1989. S. 308-333.

¹⁰ Интересно, что правительства Советского Союза проводили аналогичную политику, и это стало одной из главных причин будоражащих постсоветское пространство этнических конфликтов.

¹¹ Дубнов различал три этапа в объективном развитии наций. Начальный – биологическо-племенной этап, или, по выражению самого Дубнова, этап формирования “национального типа”. Второй этап является территориально-политическим. Третий, развитой, этап можно назвать культурно-историческим, или духовным. См.: *Дубнов С.М.* Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907. С. 1 (первое письмо).

¹² Там же. Четвертое письмо.

¹³ По мнению Дубнова, народы, имеющие свою территорию, должны иметь региональную парламентскую автономию, в то время как не имеющим свою территорию меньшинствам должна быть предоставлена автономия культурно-общинная.

¹⁴ Информацию о гельсингфорских решениях и их обсуждение см.: *Rafaeli-Zenzjper A.* Veidot aziyot shel zionei rusya (Съезды российских сионистов) // *Qazir, qovez le-dorot ha-tenua ha-zionit be-rusya* (Кацир: Сборник по истории сионистского движения в России). Тель-Авив, 1964. Т. 1. С. 99; Тель-Авив, 1970. Т.2. С. 287. См. также: *Maor Y.* Ha-tenua ha-ziyonit be-rusya (Сионистское движение в России). Иерусалим, 1974. С. 446 и далее; *Minz M.* Li-vehinat ha-yahasim ben ha-histadrut ha-zionit le-ven ha-tenua ha-leumit ha-ukrainit be-1917 (Об исследовании взаимоотношений между сионистской организацией и украинским национальным движением в 1917 г.) // *Shvut.* 1985. № 11. С. 44-52.

¹⁵ Несмотря на то что большевики пытались приуменьшить важность этого вопроса, ожесточенность споров в самой большевистской партии о праве народов на самоопределение свидетельствует о серьезности дилеммы. См.: *Ненароков А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917-1924. М., 1991. Гл. 2. Дополнительная публикация об июньском тайном совещании центрального комитета РКП см.: *Тайны национальной политики ЦК РКП, 1923.* М., 1992.

¹⁶ См.: *Minz M.* Zemanim hadashim, zemirot hadashot (Новые времена, новые веяния). Тель-Авив, 1988. С. 356-383; *Goldelman S.I.* Jewish National Autonomy in Ukraine, 1917-1920. Chicago, 1968.

¹⁷ *Dinur B.-Z.* Ve-yame milhama u-mahpekha, zikhronot ve-reshumot miderekh hayim (В дни войны и революции. Воспоминания и записки. 1924-1931). Иерусалим, 1960. С. 208 и далее.

¹⁸ Имеется в виду малая Украина, в противоположность большой Украине, где проживало большое количество русских, что ставило под сомнение способность украинских властей укрепиться в этом регионе. На эту тему см.: *Минц М.* Указ. соч. С. 365 и далее; *Cheriqover A.* Yehudim be-yitot mahpekha (Евреи во время революции). Тель-Авив, 1957.

¹⁹ Минц М. Указ. соч.

²⁰ *Minz M.* Iyunim bi-devar ha-mazkirut le-inyanim benumatiim ba-mazkirut ha-klalit ha-ukrainit be-1917 (Заметки о секретариате по межнациональным делам при правительстве Украины в 1917 г.) // Shvut. 1981. № 8. С. 77 и далее.

²¹ *Минц М.* Указ. соч. С. 376.

²² Имеется в виду объединение Еврейской социалистической рабочей партии (сеймовцы) с Еврейской сионистско-социалистической рабочей партией (территориалисты), произошедшее в апреле 1917 г.

²³ Протоколы Еврейского национального совета (Архив Чериковера в Институте ИВО. Нью-Йорк). Копии микрофильмов находятся в библиотеке Института исследования диаспоры Тель-Авивского университета.

²⁴ Необходимо отметить, что украинцы не назначили одного секретаря по делам меньшинств, так как сохраняли эту должность для сионистов.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Balshan Z.* Maavaqam shel yehude lita al zehuyotem ha-leumiyyot 1917-1918 (Борьба литовских евреев за свои национальные права, 1917-1918) // Shvut. 1984. № 10. С. 62-82; 1985. № 11. С. 27-43.

²⁶ Докладная записка Аврахама Брагина, ноябрь 1923, § 9 (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7541, д. 17, ст.3).

²⁷ Так же обстояло дело и на Украине, ибо ее промышленное развитие привлекало евреев из вышеупомянутых областей.

²⁸ Источник: *Nietyksza M.* Rozwój miast i aglomeracji; miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim, 1865-1914. Warszawa, 1986. S. 207. Юго-западными названы все области, находящиеся к югу и западу от Вислы. Северо-восточными названы области, находящиеся на правом берегу. Для лучшего понимания проблемы необходимо рассмотреть национальную и религиозную структуру городов и городских поселений, с. 195-224.

²⁹ См.: *Shazki Y.* Yidishe politik in polin (Еврейская политика в Польше) *Algemeine enziklopedie* // N.Y. 1942. С. 198; *Greenbaum Y.* Ha-gorem ha-antishemi (Фактор антисемитизма) // *Enziklopedia shel galuyot.* Tel Aviv, 1953. Vol.1. С. 93 и далее; *Nezer S.* Maavag yehude polin al zehuyotem ha-ezrahiyyot ve-ha-leumiyyot (Борьба польских евреев за свои национальные и гражданские права). Тель-Авив, 1980. С. 35 и далее.

³⁰ Подробнее об этом, а также об отношениях между поляками, немцами и евреями см.: *Zechlin E.* Deutsche Politik und die Juden im ersten Weltkrieg. Göttingen, 1969. S. 144-237.

³¹ Там же. С. 118.

³² В узкий исполнительный комитет на десятом Сионистском конгрессе были избраны д-р Отто Варбург из Германии, д-р Артур Хентке из Германии, который был в то время главой Сионистской организации Германии, д-р Шмарияху Левин из Австрии и д-р Авидгор Якобсон и Нахум Соколов из России. На одиннадцатом Сионистском конгрессе (1913) к комитету присоединился д-р Ехиэль Членов. Инициатива создания комитета принадлежала Варбургу и Хентке. Нахум Соколов параллельно с работой в комитете также являлся редактором газеты "Кол ха-Мевасер", которая по мере продвижения немецких армий распространялась среди евреев, проживавших на завоеванных территориях. Позже комитет был переименован в Комитет для Востока (Komitee für den Osten). См.: *Zechlin E.* Deutsche Politik und die Juden im ersten Weltkrieg. S. 132.

³³ *Szajkowski Z.* The Komitee für den Osten and Zionism // Herzl Yearbook. New York, 1971. P. 199-270. См. также: *Budenhaimer M.Y.* Darki le-ziyon, zikhronot yehudi germani (Мой путь в Сион. Записки немецкого еврея). Иерусалим, 1953. С. 159 и далее.

³⁴ Интересно отметить, что именно в соответствии с этой линией действовала Сионистская федерация в России, формулируя программу автономии для российского еврейства. Эта формулировка была повторена на седьмом съезде Сионистской организации в мае 1917 г. См.: *Минц М.* Отношения между Сионистской федерацией и украинским национальным движением в 1917 г. // Швут. 1985. № 11. С. 44-52 (на иврите).

³⁵ Об этом сплочении и его связи с конфронтацией между идеей автономии и идеей еврейской республики см.: *Минц М.* Указ. соч. С. 253-282.

³⁶ Эта версия прекрасно служила польской пропаганде, которая была склонна видеть в евреях чужеродный элемент – как будто можно говорить о чужеродности этнического элемента, который в массовом порядке проживает на определенной территории более 500 лет! Эта версия совпадала также с религиозным подходом, который видел в диаспоре наказание за грех, наказание, которое прекратится, если Господу будет угодно спасти народ Израиля на его исторической родине.

³⁷ *Zechlin E.* Deutsche Politik und die Juden im ersten Weltkrieg. Göttingen, 1969. S. 196.

³⁸ *Minz M.* Hishtadlut yehudit le-hishtatfut be-masa u-matan le-shalom be-brest-litovsk be-yanuar 1918 (Еврейские попытки участвовать в мирных переговорах в Брест-Литовске в январе 1918 г.) // Shvut. 1977. № 5. С. 21-37.

³⁹ *Landa M.* Miut leumi lohem. Maavaq yehude polin 1918-1928 (Сражающееся национальное меньшинство. Борьба польских евреев в 1918-1928 гг.). Иерусалим, 1986.

⁴⁰ Более подробно на эту тему см.: *Melzer A.* Maavaq medini be-malkodet, yehudei polin (Политическая борьба в западне: Польские евреи, 1935-1939). Тель-Авив, 1982.

⁴¹ По рукописи, сохранившейся в архиве Шнайдермана. Выражаю сердечную благодарность Эмануэлю Мельцеру, обратившему мое внимание на слова Ю. Тувима.

Перевели с иврита А. ЭПШТЕЙН и Н. ХЕЙМЕЦ

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

ОТКРОВЕНИЕ АВРААМА

Откровение Авраама (далее - ОА) один из памятников древнееврейской литературы, сохранившихся исключительно в церковно-славянском переводе. Восточнославянские списки ОА, датируемые XIV-XVII вв., восходят к южнославянскому переводу с греческого, выполненному, по-видимому, в Болгарии в X-XI вв. (см. Lunt 1985). При этом, благодаря буквалистической традиции переводов сакральных текстов, языковые особенности предполагаемого семитского (еврейского или, менее вероятно, арамейского) оригинала сохранились и на славянском этапе передачи ОА. Очевидный иудаистический характер содержания ОА позволяет предположить, что оно было воспринято христианской традицией не позднее первых веков новой эры. Упоминание в раннехристианских источниках сочинений со сходными названиями также может служить основанием для определения *terminus ad quem*. Некоторые элементы содержания книги позволяют установить *terminus a quo* оригинала относительно первых попыток введения императорского культа в Иерусалиме при Гаем Калигуле (см. Kulik 1999:ch.1) либо, что кажется нам менее вероятным, относительно разрушения Второго Храма (Vox 1918:XIV-XV; ср. Kulik 1997 и Kulik 2000:ch.27).

Особое значение ОА связано с тем, что оно является наиболее ранним из известных нам постбиблейских сочинений, посвященных **מעשה מרכבה**, и, по-видимому, древнейшим свидетельством зарождения как еврейской, так и христианской мистических традиций. Памятник представляет особый интерес для исследования интеллектуальной истории начала эры и обильно цитируется в исследованиях еврейской литературы периода Второго Храма и раннего христианства. Однако на судьбу изучения ОА не мог не повлиять тот факт, что большинство исследователей, работавших в указанных областях знакомилась с ним по несовершенным и устаревшим переводам, предшествовавшим полноценному текстологическому анализу ОА. Благодаря относительно недавней публикации критических изданий ОА - Philonenko-Sayar, Philonenko (1981) и Rubinkiewicz (1987), - мы вступаем в новый этап исследования этого памятника.

Исключительно темный текст ОА может быть интерпретирован только на основе восстановления элементов текста его греческого Vorlage и семитского оригинала при тщательном учете параллельных традиций, имеющих те же источники, что и ОА. Предлагаемый читателю перевод содержит элементы такого рода реконструкции. Настоя-

щий перевод отражает результаты моего исследования *The Apocalypse of Abraham: Towards the Lost Original* (Kulik 2000), где и приводятся подробные обоснования интерпретационных инноваций. Здесь же я ограничиваюсь лишь краткими примечаниями к переводу (носящими, как правило, характер дополняющий к уже существующим комментариям) и самыми необходимыми пояснениями реалий. При переводе учитывались чтения различных списков ОА, однако в силу ограниченного объема данной публикации мне пришлось отказаться от комментирования текстуального выбора, который в каждом конкретном случае тесно связан с другими видами анализа, в том числе и с ретроверсией. По жанру публикация такого типа (включающая только перевод с элементами реконструкции, краткие предисловие и комментарии, а также библиографию публикаций, переводов и исследований) близка многочисленным антологиям так называемой “межзаветной” литературы на европейских языках. Можно рассматривать этот перевод как этап в подготовке первого издания такого рода на русском языке, которое должно появиться в ближайшие годы*.

При переводе я пытался совместить стремление к созданию легко воспринимаемого текста с некоторым буквализмом и иногда использованием архаических языковых средств. Это было обусловлено желанием сохранить ценность перевода как средства интерпретации, а также традицией переводов еврейско-греческих сакральных текстов. Некоторые темные места были намеренно оставлены не вполне проясненными и в переводе. Эти случаи, как правило, прокомментированы. Еврейские и арамейские имена, уникальные для ОА или же очень редкие (как Азazel или Иаоел), приводятся с учетом звучания их реконструированных семитских форм. Прочие же имена, хорошо знакомые читателю по Синодальному переводу Библии, приведены согласно традиционной греко-славянской транслитерации. Курсивом (также в соответствии с традицией Синодального перевода) выделены элементы текста, внесенные переводчиком для облегчения восприятия и поддержания связности повествования.

ОСНОВНЫЕ РУКОПИСИ

А — Волокаламская толковая паляя. М., РГБ, Московская Духовная академия, 172/549, XV в., 85-101; изд. Тихонравов 1863:33-53.

В — Синодальная толковая паляя. М., ГИМ, 869 (Син. 211), XVI в., 76-90; факсимильное изд. Rubinkiewicz 1984:227-255.

С — Толковая паляя из собрания Московской Духовной академии. М., РГБ, 173.111, № 136, XVI в., 18-43.

---

* Это издание запланировано совместной издательской программой Центра развития иудаики на русском языке Еврейского университета в Иерусалиме и издательства “Гешарим”.

Д — Историческая паляя из собрания Тихонравова. М., РГБ, 299, № 704, XVI в., 70-79.

Н. М., РГБ, 242, № 100, XVI в., 145-175.

І — Толковая паляя из собрания Румянцева. М., РГБ, 256, № 361, XVI в., 94-114.

К — Соловецкая паляя. СПб., ПБ., Казанская Духовная академия. 431, XVI-XVII в., 79-95; изд. Порфирьев 1877:111-130.

О — Толковая паляя из собрания Вяземского. СПб., ПБ, 190, XVII в., 257-305.

С — Сильвестровский сборник. М., ЦГАДА, Синодальная Типография 53, XIV в., 164-183; изд. Тихонравов 1863:54-78; факсимильное изд. ОЛДП 99,2, СПб., 1891.

У — Толковая иллюстрированная паляя из собрания Уварова. М., ГИМ. Собрание Уварова, 85, XVI в., 297-313.

ИЗДАНИЯ

Philonenko-Sayar B., Philonenko M. L'Apocalypse d'Abraham (= Semitica 31). P., 1981.

Rubinkiewicz. R. L'Apocalypse d'Abraham. Lublin, 1987.

ПЕРЕВОДЫ

Немецкие

Bonwetsch D.N. Die Apocalypse Abrahams. Leipzig, 1897.

Riessler P. Apocalypse Abrahams // Altjüdisches Schrifttum ausserhalb der Bibel. Augsburg, 1928. S. 13-39.

Английские

Box H., Landsman J.I. The Apocalypse of Abraham. 1918.

Lunt H., Rubinkiewicz R. The Apocalypse of Abraham. Translated by R. Rubinkiewicz. Revised and noted by H.G.Lunt // The Old Testament Pseudepigrapha. N.Y., 1983. Vol. 2. P. 689-705.

Французские

Philonenko-Sayar, Philonenko 1981 (см. *Издания*).

Rubinkiewicz 1987 (см. *Издания*).

ИССЛЕДОВАНИЯ*

Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевскаго музеума. СПб., 1842. С. 728-734.

Добржанский Ф. Описание рукописей виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. С. 150, 151.

Истрин В.М. Замечания о составе Толковой паляи // ИОРЯС 65, № 6. СПб., 1898. Т. 1. С. 15-26; Т. 2. С. 189-200.

* Включая публикации отдельных списков памятника.

Конев Б. Опис на рукописите и старопечатните книги на Народ Библиотека в София. София, 1910. Т. 1. № 443, 326.

Кулик А. К датировке Откровения Авраама // In Memoriam: Памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 189-195.

Лавров П.А. Апокрифические тексты. СПб., 1899. С. 70-72.

Леонид, архимандрит (*Л.А. Кавелин*). Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1894. Т. 3, 9.

Описания рукописей синодального собрания. М., 1973. Ч. 2. С. 33.

Откровение Авраама // ОЛДП 99, 2. СПб., 1891.

Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. (Труд учеников Н. Тихонравова). М., 1892. Т. 1. С. 123-126.

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС 17. СПб., 1877. С. 111-130, 247-256.

Пыпин А.Н. Ложные и отреченные книги русской старины // *Кущелев-Безбородко Г.А.* Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 24-26.

Строев П. Рукописи славянския и российскийския принадлежащая... И.Н. Царскому. М., 1848. № 286.

Срезневский И.И. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860. С. XX-XXI.

Срезневский И.И. Книги откровения Авраме // ИОРЯС 10. СПб., 1861-1863. С. 648-665.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X-XI веков). СПб., 1882. С. 199.

Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 1. С. 32-77.

Толковая палея 1477 // ОЛДП 93. СПб., 1892. С. 70-73.

Франко И. Крехівська Палея // Франко И. Пам'яткі українсько-руської мови і літератури 1. Львів, 1896. С. 80-85.

Яцимирский А.И. Библиографический обзор апокрифов в южно-славянской и русской письменности (Списки памятников). Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921.

Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur. Freiburg im Breisgau, 1914. S. 1706.

Bertholet A. Apokryphen und Pseudepigraphen // Budde K. Geschichte der althebraischen Literatur. Leipzig, 1906. S. 377.

Bousset W. Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter. Berlin, 1906. S. 25.

Charlesworth J.H. The Pseudepigrapha and Modern Research. Missoula (Mont.), 1976. P. 68, 69.

Delling G. Bibliographie zur jüdischen und intertestamentarischen Literatur 1900-1970. Berlin, 1975. S. 163, 164.

Denis A.-M. Introduction aux pseudépigraphes grecs de l'Ancien Testament. Leyde, 1970. P. 37, 38.

Diapardze D. Medieval Slavic Manuscripts. A Bibliography of Printed Catalogues. Cambridge (Mass.), 1957. Pl. 2.

Felten J. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Regensburg, 1925. S. 614.

- Geoltrain P.* L'Apocalypse d'Abraham. Strassburg Ph. D., 1960. [N.Y.].
- Ginzberg L.* Abraham, Apocalypse of // The Jewish Encyclopedia. N.Y., 1906. Vol. 1. P. 91, 92.
- Goodenough E.R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. 1958. Vol. 8. P. 44, 199, 204-207, 213.
- Hall G.H.* The Christian Interpolation in the Apocalypse of Abraham // JBL 107/1. 1988. P. 107-112.
- Jagić V.* Prilizi k historiji knizevnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Zagreb, 1868. C. 19-21.
- James M. R.* The Lost Apocrypha of the Old Testament. Their Titles and Fragments. Londres, 1920/1936. P. 16, 17.
- Kulik A.* The Apocalypse of Abraham: Towards the Lost Original. Jerusalem Ph. D., 2000.
- Lagrange M.J.* Notes sur le Messianisme au Temmps de Jesus. P. 511-514 // Revue Biblique 2. 1905. P. 481-514.
- Levi I.* Revue bibliographique // REJ 36. 1898. P. 125.
- Licht J.* Abraham, Apocalypse of // Encyclopedia Judaica. Jerusalem, 1971. Vol. 2. P. 125-127.
- Lods A.* Historie de la littérature hébraïque et juive. Des origines á la ruine de l'Etat juif (135 apré J.-C.). P. 1950. P. 944-946.
- Lunt H. G.* On the Language of the Slavonic Apocalypse of Abraham // Slavica Hierosolymitana 7. 1985. P. 55-62.
- Meyer R.* Abraham-Apocalypse // Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1957-1965 (3rd ed.). Vol. 1. S. 65.
- Muller L., Betz O.* Apokalypse Abrahams // Jüdische Schriften aus hellenistisch-romischer Zeit. Gütersloh., 1973. Vol. 5.
- Pennington A.* The Apocalypse of Abraham // The Apocryphal Old Testament. Oxford, 1985. P. 363-392.
- Rowley H.H.* The Relevance of Apocalyptic. A Study of Jewish and Christian Apocalypses from Daniel to the Revelation. Londres, 1947 (2nd ed., 1st ed. - 1944). P. 113, 114.
- Rubinkiewicz R.* L'inno del'Apocalipsse di Abrahamo (cap.XVII).Rome, 1972.
- Rubinkiewicz R.* Apokalipsa Abraham // Ruch Biblijny i Liturgiczny 27. 1974. S. 230-237.
- Rubinkiewicz R.* La vision de l'histoire dans l'Apocalypse d'Abraham // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt II. 19, 1, Berlin, 1979. S. 137-151.
- Rubinkiewicz R.* Les Semitismes dans L'Apocalypse d'Abraham // Folia Orientalia 21. 1980. P. 141-148.
- Rubinstein A.* Hebraisms in the Slavonic Apocalypse of Abraham // JJS 4. 1953. P. 108-115.
- Rubinstein A.* Hebraisms in the Slavonic Apocalypse of Abraham // JJS 5. 1954. P. 132-135.
- Rubinstein A.* A Problematic Passage in the Apocalypse of Abraham // JJS 8. 1957. P. 45-50.
- Scholem G.G.* Major Trends in Jewish Mysticism. N.Y., 1946 (1st ed. - 1941). P. 43, 52, 61, 68f, 72, 356, 363.
- Shürer E.* Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesus Christi.

Leipzig, 1898. В.3. S.250-252. (The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ. Edinburgh, 1973. P. 288-291.)

Stone M. Apocalyptic Literature. P. 415-418 // Jewish Writings of the Second Temple Period. Assen-Philadelphia, 1984. P. 383-442.

Turdeanu E. L'Apocalypse d'Abraham en slave // JSJ 3. 1972. P. 153-180 (repr.: *Turdeanu E.* Apocryphes slaves et roumains de l'Ancien Testament. Leiden, 1981. P. 173-200).

Wasserstrom S.M. Jewish Pseudepigrapha and Qisas al-Anbiya // Judaism and Islam: Boundaries, Communications and Interaction. Essays in Honor of William M. Brinner (Eds. B.H.Hary, J.L.Hayes, E.Astren). Brill, 2000. P. 237-253.

Weinel H. Die Spätere christliche Apokalyptik // Festschrift für Herman Hunkel. Göttingen, 1923. S. 169.

Weizman S. The Song of Abraham // Hebrew Union College Annual 65. 1994. P. 21-33.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРЕДЫСТОРИЯ

1. Авраам служит идолам

Падение Мар-Уматы 1

Падение пяти идолов 2

2. Авраам размышляет об идолопоклонстве

Идолы созданы людьми 3:1-4

Идолы беспомощны 3:5-7

Идолы бесполезны 3:8

3. Авраам проповедует монотеизм

Авраам беседует с Фаррой 4

Испытание Бар-Эшаты 5

Иерархия богов 6

Иерархия стихий и светил 7:1-10

Монотеистический вывод 7:10-12

Наказание Фарры 8

II. ОТКРОВЕНИЕ

1. Жертвоприношение (*berit ben ha-betarim*)

Предписание о жертве 9

Явление Иаоела 10-11

Путешествие к Синаю 12

Искушение Азазела 13-14

2. Вознесение

Вознесение 15-16

Песнь Авраама 17

Божественный престол 18

Силы небесные 19

Обетование потомства 20:1-6

Вопрос о причине зла в мире 20:7

Ответ: зло в человеке

Тварный мир; избранный народ и народы Азазела; праведники и грешники	21-22
Первые люди и Азazel	23:1-11
<i>Вопрос о причине зла в человеке</i>	
<i>Ответ: свобода воли</i>	
Грехи народов	24
Грехи Израиля	25
Свобода воли и предопределение	26
<i>Судьба Израиля</i>	
Разрушение Храма	27
Сроки изгнания	28-29:3
Мессия и лже-мессия	29:4-14
Суд и избавление	29:14-21
Наказание народов и собрание Израиля	30-32

ПЕРЕВОД

КНИГА ОТКРОВЕНИЯ АВРААМА СЫНА ФАРРЫ СЫНА НАХОРА СЫНА СЕРУХА СЫНА РАГАВА СЫНА АРФАКСАДА СЫНА СИМА СЫНА НОЯ СЫНА ЛАМЕХА СЫНА МАФУСАЛА СЫНА ЕНОХА СЫНА ИАРЕДА

[1. ПРЕДЫСТОРИЯ]

1. В тот день, когда я истреблял¹ богов моего отца Фарры и моего брата Нахора, желая узнать, кто *из них* на самом деле сильный бог, в то время, когда выпал мой жребий, и я, Аврам, завершил жертвоприношения моего отца Фарры — богам его деревянным и каменным, золотым и серебряным, медным и железным, — тогда войдя в их храм для совершения службы, я обнаружил, что изваянный из камня бог по имени Мар-Умата² упал к ногам железного бога Нахона³. И когда я увидел его, встревожилось сердце мое. Я подумал, что не смогу сам вернуть его на место, ведь он был тяжел, *будучи сделан* из большого камня⁴. И я пошел и рассказал *об этом* моему отцу. И он вошел со мной *в храм*, и едва мы сдвинули *этого бога*, чтобы вернуть его на место, как голова его отвалилась, оставшись у меня в руках. Когда отец увидел, что голова Мар-Уматы отвалилась, он сказал мне: “Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Принеси мне из дому топор и резец⁵”. Я принес, и он высек другого Мар-Умату, без головы, из другого камня, [поставил на него] отва-

лившуюся голову *первого* Мар-Уматы, а то, что осталось от *первого* Мар-Уматы, разбил.

2. И еще он сделал пятерых других богов и отдал их мне, повелев продать их на дороге, ведущей в город. Я оседлал отцовского осла, положил на него богов и вышел на большую дорогу. И вот, купцы с равнин Арамейских⁶ идут с верблюдами в Египет закупать на Ниле зерно⁷. Я поздоровался с ними, они ответили мне, и мы вступили в беседу. Но *тут* один из верблюдов закричал, осел испугался, побежал и сбросил богов. Трое богов разбились, а двое остались целы. И когда арамейцы увидели, что у меня были боги, они сказали мне: “Почему же ты не сказал нам, что у тебя были боги? Мы бы купили их до того, как осел услышал крик верблюда, и тебе не было бы ущерба! Дай же нам теперь оставшихся богов, а мы дадим тебе хорошую цену”. Я обдумал это, и они заплатили *также* и цену разбитых богов за тех, что остались; потому что я очень скорбел о том, что огорчу своего отца⁸. А обломки⁹ разбитых богов я бросил в реку Гур¹⁰, что была там. Они потонули в бездне, и их не стало.

3. Когда я еще шел по дороге, встревожилось сердце мое, и мой разум пришел в движение. И я сказал про себя: “Что пользы¹¹ моему отцу в том, что он делает? Не тот ли бог богов его, чьим ваянием, резьбой и умением они созданы? Более подобало бы им поклоняться моему отцу, будучи его изделием! Какая *может быть* поддержка¹² моему отцу от его изделий? Вот, Мар-Умата упал и не может подняться в собственном храме. Также и я не смог сдвинуть его один, пока не пришел отец и мы вдвоем не поставили его. А поскольку и вдвоем мы не могли *сделать это как следует*, у него отвалилась голова, и отец положил ее на другой камень, на другого бога, которого он сделал без головы. А что же с пятью другими богами, сброшенными с осла, которые не смогли ни себя спасти, ни причинить вреда осла за то, что разбил их, ни поднять свои обломки из реки?”. И я сказал про себя¹³: “Если это так, как же сможет Мар-Умата, бог отца моего, сделанный из одного камня и с головой из другого камня, спасти человека или услышать его молитву и вознаградить его?”.

4. Так размышляя, я вернулся в отцовский дом, напоил осла и положил ему сена. *Затем* вынул *вырученные* деньги и отдал их отцу моему Фарре. Увидев их, он обрадовался и сказал: “Будь благословен ты, Аврам, богами моими за то, что ты принес пла-

ту за богов¹⁴, и я не трудился зря!”. А я отвечал ему; “Послушай, отец мой Фарра, пусть благословляются боги тобою, потому что ты их бог, ведь ты их создал, и *еще* потому, что их благословение — гибель, а их сила — ничто. Те, кто сами себе не помогли, как помогут тебе или благословят меня? Это я был для тебя добрым богом этой прибыльной сделки¹⁵, потому что с помощью собственного разума я принес тебе деньги за разбитых *богов*”. И когда он услышал это, очень разгневался на меня за то, что я говорил жестокие слова о его богах.

5. Я же, упредив¹⁶ гнев отца, вышел. И как только я вышел, он позвал меня, говоря: “Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Пойди собери обрезки дерева, из которого я делал еловых богов перед твоим приходом, и приготовь мне обед!”. И вот, собирая деревянные обрезки, я нашел маленького бога, который лежал среди обрубков дерева¹⁷ слева от меня. На лбу у него было написано: “Бог Бар-Эшата”¹⁸. И найдя его, я сдержался и не рассказал отцу о том, что нашел в щепках бога Бар-Эшату. Я положил щепки в очаг, чтобы приготовить отцу обед. И выходя спросить об обеде, я приставил Бар-Эшату к очагу, наказав ему: “Бар-Эшата! Смотри, чтобы огонь не угас, пока я не вернусь. Если же будет угасать, подуй на него, чтобы он разгорелся!”. Я зажег огонь и вышел. А вернувшись, обнаружил, что Бар-Эшата упал навзничь: ноги его объаты огнем и жарко горят. Я засмеялся про себя и сказал: “Воистину, Бар-Эшата, умеешь ты разжигать огонь и варить обед!”. И пока я говорил про себя, он постепенно сгорел и превратился в пепел. Я отнес обед отцу, и он ел, и я дал ему вино с молоком, и он пил. И он насытился, и благословил своего бога Мар-Умату. И я сказал ему: “Отец мой Фарра, не благословляй своего бога Мар-Умату и не восхваляй его! Хвали лучше своего бога Бар-Эшату, ведь он, любя тебя, бросился в огонь, чтобы сварилась твоя пища”. И он сказал мне: “Где он теперь?” — “Сгорел в огне и превратился в прах”. И он сказал: “Велика сила Бар-Эшаты! Сделаю другого сегодня, чтобы он приготовил мою пищу завтра”.

6. Услышав такие речи отца моего, я, Аврам, засмеялся про себя и застонал в горечи и гнече души своей, и сказал: “Как может быть помощником моего отца изделие его, созданные им истуканы? Следует ли ему подчинять тело душе своей, душу — духу, а дух — безумию и невежеству?”. И я сказал: “Следует ли терпеть зло? Подвергну опасности жизнь¹⁹, но открою ему свои

подлинные мысли!” И отвечая ему, я сказал: “Отец Фарра! Ты ведешь себя неразумно, хваля любого из этих богов. *Ведь* вот боги брата моего Нахора, стоящие в священном храме, почтеннее твоих *богов*. Вот Зух²⁰, бог брата моего Нахора, почтеннее Мар-Уматы, твоего бога, потому что Зух сделан из купленного у людей золота. И если он обветшает с годами, то будет отлит заново. А Мар-Умату, если изменится или разобьется, не переделать, потому что он камень! А что же Иоавон²¹, подчиненный другому богу и стоящий рядом с Зухом? Ведь он почтеннее бога Бар-Эшаты, сделанного из дерева, *потому что* он выкован из серебра. Сделанный искуснее²² он был продан людьми, чтобы быть выставленным на показ. Твой же бог Бар-Эшата до того, как был сделан, коренился в земле, был большим и прекрасным, с кроной и цветами и *всяческими* украшениями²³. Ты же срубил его топором, и твоим искусством был создан бог. И вот усохла и погибла свежесть его. С высоты пал он на землю, от величия пришел он к ничтожности. Сам он сгорел в огне, стал пеплом и более не существует. А ты говоришь: «Сделаю другого сегодня, чтобы он приготовил мою пищу завтра». Но ведь в нем не осталось силы, он погиб!

7. Вот, что я говорю: огонь важнее *других* творений, потому что даже непокорные ему повинуются, и он глумится над быстро гибнущими в пламени его. Но не его назову богом, потому что он покоряется воде. Вода — важнее, потому что она одолевает огонь и питает землю. Но и ее не назову богом, потому что и она подчиняется, направляемая землей. Лучше назову землю важнейшей, потому что она побеждает природу воды и ее обилие. Но и ее не назову богом, потому что и она иссушается солнцем и обрабатывается человеком. Солнце назову более важным, чем земля, потому что лучами своими оно освещает вселенную и различные небеса²⁴. Но и его не сделаю богом, потому что ход его омрачается ночью и облаками. Также ни луну и ни звезды не призову в боги, потому что и они меркнут в свой час. Слушай, Фарра, отец мой, я взыскую пред тобою Бога — сотворившего всех богов, о которых мы печемся. Кто он и каков он, окрасивший небеса и позолотивший солнце, тот, кто дал свет Луне и с нею звездам, осушил землю посреди великих вод, тебя самого поместил среди вещей²⁵, а теперь меня взыскал в смятении моих мыслей? Явит ли он нам себя? *Это* — Бог!”.

8. И вот что случилось, когда я говорил с Фаррой, моим отцом, во дворе его дома. Глас Сильного пал с небес в огненном потоке, говоря и призывая: “Аврам, Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Бога богов и Творца по мудрости сердца своего ты ищешь. Это я. Отойди от Фарры, отца своего, и от дома, чтобы ты не был убит за грехи дома отца твоего!”. И я вышел. И не успел я выйти за ворота, как прогремел гром и огонь сжег до земли и его, и дом его и все, что было в доме, на сорок локтей.

[II. ОТКРОВЕНИЕ

1. Жертвоприношение]

9. Тогда вновь послышался голос, сказавший мне дважды: “Аврам, Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Это я. Не бойся! Потому что я — Превечный и Сильный Бог, изначально сотворивший мировые светила²⁶. Я — твой защитник и помощник. Пойди, возьми для меня трехлетних теллицу, козу и овна, горлицу и голубя. И принеси мне чистую жертву, и в этой жертвенной службе я положу для тебя века²⁷ и сообщу тебе тайное и великое, и увидишь то, чего ты не видел, за то, что ты полубил взыскивать меня, и я назвал тебя моим возлюбленным. Но *прежде* сорок дней воздерживайся от всякой пищи, приготовленной на огне, от вина и от умащения. И тогда принеси мне жертву, которую я тебе заповедал, на месте, которое я тебе укажу на высокой горе. И там словом своим я покажу тебе века: сотворения и укрепления, создания и обновления²⁸. И я сообщу тебе, что станется с совершающими дурное и праведное в роде человеческом”.

10. Когда я услышал голос, возвещающий мне такие слова, я огляделся вокруг. И вот, *кругом* не было ни дыхания человеческого. И ужаснулся дух мой, и душа моя покинула меня. Я был словно камень и упал ничком на землю, потому что уже не было у меня сил, чтобы стоять на земле. И еще лежа лицом к земле, я услышал голос, говорящий: “Иди, Иаоел²⁹, одноименный моему непроизносимому имени. Освяти этого мужа и укрепи его от страха!”. И пришел ангел, которого он послал ко мне в человеческом облике, взял меня за правую руку, поставил на ноги и сказал: “Встань, Аврам, друг Бога, возлюбившего тебя! Пусть не охватывает тебя страх человеческий. Ибо вот, я послан к тебе, чтобы укрепить тебя и благословить именем возлюбившего тебя Бога, Творца небесных и земных *созданий*. Не бойся и поспеши к нему! Я — Иаоел, названный *так* тем, кто приводит в трепет³⁰ тех, что

со мной на тверди седьмой сферы. Я — сила из среды Неизреченного³¹, сочетавшего во мне свои имена. По велению его я назначен примирять споры между Животными³², принадлежащими Херувимам. И в середине человеческой ночи, в седьмом часу³³, я обучаю Песни тех, кто носит его. Мне назначено владеть Левиафаном, потому что мне подвластны нападение и угроза пресмыкающихся. Мне повелено освобождать из Ада и мне повелено обратить в тлен поклоняющихся мертвецам. Мне повелено сжечь дом твоего отца вместе с ним, потому что он почитал мертвых. Я послан к тебе теперь, чтобы благословить тебя и землю, которую приготовил тебе Превечный, к которому ты воззвал. И ради тебя я установил путь земли³⁴. Встань, Аврам, иди без страха! Радуйся и веселись! И я с тобой, потому что славная доля уготована тебе Превечным. Иди, соверши заповеданное тебе жертвоприношение! Ибо вот, я назначен быть с тобой и с народом, которому уготовлено *произойти* от тебя. И со мной ангел Михаил³⁵ благословит тебя навечно. Не бойся, иди!”

11. Встав, я увидел того, кто взял меня за руку и поставил меня на ноги. Его тело, подобное телу грифона, было как сапфир, а *человеческое* лицо было подобно хризолиту, волосы на голове его как снег, а тиара на голове его подобна радуге в облаках. Ткани одежд его — пурпур, и золотой жезл в правой руке его. И он сказал мне: “Аврам!”. И я сказал; “Вот раб твой!”. И он сказал: “Пусть не пугает тебя мой облик, и речь моя пусть не тревожит душу твою! Иди со мной, и я пойду с тобой до жертвоприношения видимый, а после него вовеки невидимый. Не бойся, иди!”.

12. И мы шли, лишь мы вдвоем, сорок дней и ночей. И я не ел хлеба и не пил воды, потому что пищей моей было видеть ангела, бывшего со мной, а питьем моим была его беседа со мной. И я пришел к славным горам Бога, к Хореву. И я сказал ангелу: “Певец Превечного, вот нет со мной жертвы, и места для жертвоприношения на горе, и я не знаю, как же совершу его?”. И он сказал: “Оглянись!”. И я оглянулся, и вот идут за нами все, что заповеданы к жертве: и телица, и коза, и овен, и горлица, и голубь. И сказал мне ангел: “Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал мне: “Заколи всех этих *животных* и раздели, разложив их половины одну напротив другой. А птиц не разделяй. И обе *половины* отдай двум мужам, которых покажу тебе стоящими рядом с тобой. Потому что они и есть жертвенник на горе, для того чтобы

приносить жертвы Превечному. А горлицу и голубя дай мне, и я поднимусь на птичьих крыльях, чтобы показать тебе, *что есть* на небе и на земле: море и бездны, и преисподни, и сад Эдем, и его реки, и полноту населенной земли, и *то, что* вокруг нее. Ты увидишь все!”.

13. И я сделал все, как повелел мне ангел, и отдал *другим* ангелам, пришедшим к нам, разделенные части животных. А птиц взял *этот* ангел. И когда я поджидал *время* вечернего жертвоприношения, нечистая птица слетела на тела *животных*, и я прогнал ее. И заговорила со мной нечистая птица, и сказала: “Что тебе, Аврам, на священных высотах, где ни едят, ни пьют, и где нет пищи для человека? Ведь все это пожрется огнем и сожжет тебя. Оставь мужа, который с тобой, и беги, потому что когда взойдешь на высоту, тебя погубят”. И когда я увидел говорящую птицу, я сказал ангелу: “Что это, господин мой?”. И он сказал: “Это несправедность, это Азazel³⁶”. И сказал ему: “Не гоже тебе, Азazel, потому что доля Аврама на небесах, а твоя — на земле. Потому что ты избрал ее и полюбил обитель скверны своей. Поэтому Превечный Сильный Владыка сделал тебя жителем земли. Из-за тебя *существует* злой дух лжи, и из-за тебя — гнев и напасти на поколения несправедных людей. Потому что не допустил Превечный Сильный праведным быть телом в твоей власти, для того чтобы укрепилась ими праведная жизнь и гибель несправедности. Слушай, Советник, ты будешь посрамлен мной, потому что не всех праведников дано тебе испытывать. Отойди от этого человека! Ты не сможешь соблазнить его, потому что он враг тебе и тем, кто следует за тобой, и любит то, что ты пожелаешь. Вот одеяние, которое на небесах раньше было твоим, отложено для него, а тлен, который был в нем, перейдет на тебя”.

14. И сказал мне ангел: “Аврам!”. И я сказал: “Вот я, раб твой!”. И он сказал: “Знай отныне, что избрал тебя Превечный, которого ты полюбил. Не бойся и одолей оскорбляющего истину так, как я повелю тебе. Иначе я не смогу посрамить того, кто распространяет на земле тайны *небес*, и кто стоваривался против Сильного. Скажи ему: «Да станешь ты головней печи земной! Иди, Азazel, в непроходимые земли! Власть твоя — над теми, кто с тобой, над людьми, рождающимися со звездами и облаками, доля которых — ты и которые через твое бытие существуют. А праведность — враг твой. Потому исчезни от меня через собственную гибель!»”. И я сказал слова, которым он научил меня.

И он сказал мне: “Авраам!”. И я сказал: “Вот я, раб твой!”. И сказал мне ангел: “Не отвечай ему!”. И *Азazel* опять заговорил со мной. И сказал ангел: “Когда он опять заговорит с тобой, не отвечай ему, а то коснется тебя воля его, потому что дал ему Бог власть над отвечающими ему”. И я сделал все, что повелел мне ангел, и, когда *Азazel* заговорил со мной о том, чтобы я сошел с горы, я не отвечал ему.

[2. Вознесение]

15. И когда солнце заходило, и вот, дым как из печи, и ангелы, у которых были разделенные жертвы, поднялись от верха дымящей печи. А меня взял ангел правой рукой своей и посадил на правое крыло голубя, а сам сел на левое крыло горлицы, ведь они не были ни заколоты, ни разделены. И он вознес меня на край огненного пламени. И мы поднялись, подобно сильному ветру, на небо, установленное на небесных твердях³⁷. И я видел на небе³⁸, на высоте, на которую мы поднялись, сильный свет, который нельзя описать. И в свете том горит огонь и есть множество *сущест*в в облике человеческом. Все они изменяют вид и форму, бегут и преображаются, и кланяются, и восклицают на языке, слов которого я не знал.

16. И я сказал ангелу: “Куда же ты привел меня? Ведь я уже не могу видеть, потому что ослаб, и душа моя покидает меня”. И он сказал мне: “Будь со мной, не бойся! А тот, кого ты увидишь, как он идет к нам в громком звуке освящения³⁹, это Превечный, возлюбивший тебя. Самого же его ты не увидишь. Пусть не слабеет дух твой, потому что я с тобой и поддерживаю тебя”.

17. И он еще говорил, и вот, огонь надвигается на нас со всех сторон. И голос был в огне как голос многих вод, как голос моря в бурлении его. И стал на колени ангел, который был со мной, и поклонился. И я хотел пасть ниц на землю, но высокое место, на котором я стоял, то поднималось, то падало вниз. И он сказал: “Поклонись только, Аврам, и произнеси песнь, которой я тебя научил!”. Потому что не было земли, чтобы пасть на нее. И я лишь поклонился, и произнес песнь, которой он научил меня. И он сказал: “Произноси не прерываясь!”. И я, и он сам произнесли песнь: “Превечный, сильный, святой, Эл⁴⁰, единовластный Бог, сам собою рожденный, нетленный, бесскверный, нерожденный, беспорочный, бессмертный, сам себя сотворивший,

сам с собой совещающийся, без матери, без отца, без семьи, высокий, огненный, человеколюбивый, щедрый, дарящий, ревнующий меня, терпеливый, всемилостивый, Эли {что значит — мой Бог}⁴¹, вечный, сильный, святой Саваоф, преславный Эл, Эл, Эл, Иаоел. Тебя возлюбила душа моя, хранитель, вечный, огнесиятельный, громогласный, светоподобный, многоокий; принимающий молитвы почитающих тебя и отвращающийся от молитв тех, кто осаждаст тебя осадой проступков своих; освобождающий⁴² живущих среди нечестивых и смешанных с неправедными населенного мира в тленной жизни; обновляющий жизнь праведных. Еще до наступления утра зажигаешь ты свет свой над творением своим, чтобы привести день на землю. А в небесных жилищах твоих — изобилие другого света от невыразимого сияния свечения лица твоего. Прими молитву мою, а также и жертву, которую ты сам принес себе через меня, взыскующего тебя! Прими меня благосклонно, и покажи мне, и научи меня, и поведай рабу своему, как ты обещал мне!”.

18. Пока я произносил песнь, край огня, который был на небесной тверди, поднялся выше, и я услышал голос, подобный бурлению моря, и он не прекращался из-за огня. И когда огонь поднимался, взлетая высь, я видел под ним огненный трон и многоглазые колеса⁴³, произносящие песнь. А под троном поют четверо огненных Животных. Выглядят они одинаково: у каждого четыре лица, и лица их подобны льву, человеку, быку и орлу. Четыре головы на теле их, так что у четырех Животных — шестнадцать лиц. И у каждого шесть крыльев: *по два* от плеч, от боков и от бедер. Теми крыльями, что от плечей, они закрывали лица, теми, что от бедер, закрывали ноги, а с *помощью* средних *крыльев*, простирая их прямо, летали. А когда заканчивали пение, то смотрели друг на друга и грозили один другому. И вот, когда сопровождавший меня ангел увидел, как они грозили, он покинул меня и поспешил к ним и отвернул лица Животных друг от друга, чтобы они не видели перед собой угрожающих лиц друг друга. И он обучал их песне мира, песне о том, что все принадлежит Превечному. Когда я стоял и наблюдал, я увидел *движущуюся* за Животными колесницу с огненными колесами. В каждом колесе было множество глаз, а над колесами был трон, который я уже видел. И он был покрыт огнем, и огонь обступал его со всех сторон. И неопикуемый свет окружал огненных людей. И я слышал звук *их песни* освящения, как голос одного человека.

19. И я услышал голос из огня, говорящий: “Аврам, Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Посмотри на небеса, что под твердью, на которую ты приведен, и уразумей, что ни на одном из небес нет никого, кроме того, кого ты искал и кто возлюбил тебя”. И пока он говорил, раскрылись подо мной небеса. И на седьмой тверди, над⁴⁴ которой я стоял, я увидел распростертые огонь и свет, и росу, и множество ангелов и силу невидимой славы⁴⁵ от Животных, которых я видел выше. И больше никого я там не видел. И я посмотрел с высоты, на которой я стоял, на шестое небо. И я увидел там множество бесплотных духовных ангелов, выполняющих повеления огненных ангелов с восьмой тверди, на высотах⁴⁶ которой я стоял. И вот, не было и на этом небе какой-либо иной силы другого вида кроме духовных ангелов, и они — *та же* сила, что я видел на седьмой тверди. И он [= голос] повелел шестому небу сместиться. И я увидел там, на пятой тверди, силы звездные и повеления, которые им заповедано отдавать⁴⁷, и послушные им земные стихии.

20. И сказал мне Превечный Сильный: “Аврам!”. И я сказал: “Вот я!”. И он сказал: “Погляди сверху на звезды, что под тобой, сосчитай их и скажи мне число их!”. И я сказал: “Разве смогу я? Ведь я *всего лишь* человек!”. И он сказал мне: “Подобно числу звезд и множеству их, сделаю я семя твое собранием народов и народом, отделенным для меня в жребии моем с Азазелом”. И я сказал: “Превечный Сильный! Позволь рабу твоему говорить пред тобой, и да не разгорится гнев твой на избранника твоего! Вот, прежде чем ты вознес меня, оскорблял меня Азазел. Почему же тогда, если нет его *здесь* пред тобой, ты сосуществуешь⁴⁸ с ним?”.

21. И он сказал мне: “Посмотри себе под ноги на небесную твердь и познай изначально стенающее⁴⁹ творение. На этом небе — творение и то, что в нем, и жизнь, уготовленная ему”. И я смотрел на твердь, что под ногами, и видел подобие неба⁵⁰ и то, что в нем. И там *была* земля и плоды ее, и движущиеся *существа* ее, и одушевленные *существа* ее, и множество людей ее, и неправедность одушевленных *существ* ее, и их оправдания, и начинания дел их; и бездна, и муки ее, и пропасти ее, и гибель в них. Я видел там море и острова его, и зверей его, и рыб его, и Левиафана, и владения его, и лежбище его, и язвы его, и населенный мир, лежащий на нем, и колебания его, и разрушение населенного мира из-за него. Я видел там реки и высоты их, и

круги их. И я видел там сад Эдем и плоды его, источник и реку, исходящую из него, и его растительность, и праведников. И я видел в нем пищу их и покой. И я видел там множество людей, мужчин, женщин и детей. Половина их *была* на правой стороне видения, а половина — на левой.

22. И я сказал: “Превечный Сильный! Что это за изображение творения?”. И он сказал, мне: “Это моя воля на существующее *лишь* в замысле *моем*⁵¹. И это было угодно мне. И тогда я повелел им словом моим, и они стали существовать. И как я предназначил быть, так было изображено здесь заранее, и возникло предо мной прежде сотворения, как ты видишь”. И я сказал: “Владыка Сильный и Превечный! Кто эти люди на разных сторонах видения?”. И он сказал мне: “Те, что на левой стороне, это множество издавна существующих племен, и после тебя им определено: одним — суд и правосудие, а другим — месть и гибель до конца веков. А те, что на правой стороне видения, это народ, отделенный для меня от тех народов, что с Азазелом. Это те, кому определено родиться от тебя и называться моим народом.

23. Посмотри еще в видении, кто соблазнил Еву и каков плод дерева, и узнай, что и как будет с семенем твоим среди народов в последние дни века. А что не сможешь понять, я объясню тебе удобное мне, и скажу тебе сокрытое в сердце своем”. И я смотрел на видение, и глаза мои устремились в сторону сада Эдем. И я видел там мужа, очень большого в высоту и мощного в ширину, беспримерного обликом, который сплелся с женой своей, и та была сопоставима с мужем обликом и размером. И они стояли под одним из деревьев Эдема. И плод того дерева был подобен виноградной грозди. И за деревом стоял *некто*, подобный змею формой *тела*, но имеющий, как человек, руки и ноги, и *еще* крылья на плечах: шесть справа и шесть слева. И он держал в руке гроздь с дерева и кормил тех обоих, которых я видел сплетающимися. И я сказал: “Кто эти сплетающиеся, и кто этот между ними, и что это за плод они едят, о Сильный Превечный?”. И он сказал: “Это разум⁵² человеческий — Адам, а это вожеление⁵³ их на земле — Ева. А тот, что между ними, это несправедность гибельных дел их — сам Азazel”. И я сказал: “Превечный Сильный, зачем же ты дал ему такую власть — губить род человеческий в делах его на земле?”. И он сказал мне: “Слушай Аврам! *Только* над теми, кто желает зла, — поскольку я возненавидел творящих его, — над теми я дал ему власть и спо-

способность быть любимым ими”. И я отвечал и сказал: “Превечный Сильный, почему пожелал ты, чтобы зло было угодно сердцу человека? Ведь ты гневаешься на то, что сам пожелал, на тех, кто по твоему замыслу совершает недоброе?”.

24. И он сказал мне: “Таково будущее⁵⁴ племен народа, отделенного после тебя и ради тебя от рода твоего, и как ты увидишь в видении, предназначенное им. И я скажу тебе, что и как будет в последние дни. Смотри же на видение!”. И я смотрел и видел там то, что было в мире до меня. Я видел подобие Адама и с ним Еву, и с ними злого Врага, и из-за Врага незаконно поступающего Каина, и убитого Авеля, и гибель, причиненную ему незаконником. Я видел там прелюбодеяние, и желающих его, и скверну его, и ревность их, и огонь тления их в безднах земли. Я видел там воровство и тех, кто стремится к нему, и суд воздаяния им, правосудие Великого Суда. Я видел там двух мужей простоволосых друг напротив друга и срам их, и страсть⁵⁵ их друг к другу, и воздаяние их. Я видел там желание и в руке его начало всякого беззакония.

25. Я видел там подобие идола ревности, как бы изделие мастера⁵⁶, как делал отец мой, и тело его из литой меди, а перед ним человек, поклоняющийся ему. И перед ним жертвенник, и на нем закалывают юношей перед идолом. И я сказал ему: “Что это за идол, и что это за жертвенник, и кто жертва, и кто приносит жертву, и что это за прекрасный храм, который я вижу, искусство и красота твоей подпрестольной славы?”. И он сказал: “Слушай, Аврам, храм и жертвенник, и прекрасные *вещи*, которые ты видел, это образ⁵⁷ освящения имени славы моей. Туда обратится⁵⁸ всякая молитва мужа и собрание царей и пророков, и то жертвоприношение, что я повелю совершать мне будущему народу моему из рода твоего. А истукан, которого ты видел, это гнев мой, которым прогневит меня происходящий от тебя народ мой. А муж закалывающий — это тот, кто прогневит меня. Жертва же — убийство тех, кто для меня свидетельство последнего суда в конце⁵⁹ мира”.

26. И я сказал: “Превечный Сильный! Зачем ты предназначил такое? Забери же назад эти свидетельства!”. И он сказал мне: “Слушай, Аврам! Пойми то, что я скажу, и отвечай мне на то, о чем я тебя спрошу! Почему отец твой Фарра не послушался тебя и не оставил идольского бесовства, пока не погиб вместе со

всем своим домом?”. И я сказал: “Превечный Сильный! Воистину потому, что он не захотел слушать меня, ведь и я не следовал делам его”. И он сказал: “Слушай, Аврам, как воля отца твоего у него, как твоя воля у тебя, так и замысел моей воли у меня, и он неизбежно осуществляется в грядущие дни, которых не узнаешь заранее, ни того, что в них. А *ты* своими глазами увидишь, что будет с твоим потомством. Смотри на видение!”

27. И я смотрел и видел, и вот, поколебалось видение, и с левой его стороны отошли люди народов и брали в плен тех, что на правой стороне: мужчин, женщин и детей. И одних закалывали, а других держали у себя. И вот, я увидел, как к ним пришли⁶⁰ четыре сонма⁶¹, и они подожгли храм и забрали⁶² его священные принадлежности. И я сказал: “Превечный Сильный! Вот, тех людей, что ты принял от меня, захватывает множество народов, и одних убивают, а других держат *в своей стране* как чужеземцев⁶³. И храм сожгли огнем, и его прекрасную утварь расхищают и разоряют. Превечный Сильный! Если это так, зачем ты огорчаешь сердце мое, и для чего это так будет?”. И он сказал мне: “Слушай, Аврам, то, что ты видел, произойдет из-за потомства твоего, которое будет гневить меня из-за истукана и убийства, которых ты видел на изображении в храме ревности. И как ты видел, так и будет”⁶⁴. И я сказал: “Превечный Сильный! Пусть минуют злые дела неправедности! Лучше осуществи в них заповеди! Ведь ты можешь сделать и более этих праведных дел!”. И он сказал мне: “Пусть лучше сначала придет праведное время с благочестием царей. И я праведно присужу им тех, кого заранее создал, чтобы с тех пор править ими. И от них же выйдут мужи, которые будут беспокоить их, как я сообщил тебе, и ты видел”^{64a}.

28. И я отвечал и сказал: “Сильный, освящаемый силой своей! Будь милостив к просьбе моей! Ведь по этой причине ты сообщил мне и показал мне, когда вознес меня на высоту свою. По этой же причине сообщи возлюбленному своему то, что я спрашиваю: долго ли будет с ними то, что я видел?”. И он показал мне множество народа своего и сказал: “По этой же причине мой гнев на них сойдет четырьмя сонмами, которые ты видел, и в них будет воздаяние от меня за дела их. В четвертом же сонме сто лет и один час века. Сто лет он будет во зле среди народов, а час — в милости их и согласии⁶⁵, подобно тому, как среди народов”.

29. И я сказал: “Превечный Сильный! Сколько длится «час века»?”. И он сказал: “Двенадцать периодов установил я этому неправедному веку править народами и потомством твоим. И то, что ты видел, будет до конца времен. Сосчитай и узнаешь. Смотри на видение!”. И я смотрел и видел мужа, выходящего с левой стороны, от народов. И вышли из страны народов множество людей — мужчины, женщины и дети, и кланялись ему. И пока я смотрел, вышли те, что на правой стороне, и некоторые стыдили мужа того, некоторые били *его*, а некоторые кланялись ему. И я видел, что, когда они стали кланяться ему, пришел Азазел и поклонился, и, поцеловав лицо его, повернулся, и стал за ним. И я сказал: “Превечный Сильный! Кто этот муж, которого стыдят и бьют и которому поклоняются народы вместе с Азазелом?”. И он отвечал и сказал: “Слушай, Аврам! Муж, которого ты видел, как его стыдят и бьют, а потом кланяются ему, это своеволие⁶⁶, от народов *пришедшее* к народу, который произойдет от тебя, в последние дни, в двенадцатый час неправедного века. В двенадцатый же период конца века моего я поставлю мужа от семени твоего, которое ты видел. Этого признают все из народа моего. А словами того, кто якобы призван мной, пренебрегут в мыслях своих⁶⁷. А тех, что ты видел выходящих с левой стороны и кланяющихся ему, это *значит, что* многие из народов будут полагаться на него. А из тех, что ты видел с правой стороны из семени твоего, некоторые стыдят *его* и бьют, а некоторые кланяются ему — это *значит, что* многие из них соблазнятся им. Он же искусит⁶⁸ кланявшихся ему из потомства твоего в конце двенадцатого часа по истечении неправедного века. Еще не начнет подниматься праведный век, как придет суд мой на преступные народы через отделенный для меня народ из семени твоего. В тот день наведу на всю тварь земли десять казней злом, болезнью и горьким стоном душ их, которые наведу на роды живущих на ней (= земле) людей за то, что гnevят меня, и за растление дел их, которыми гnevят меня. И тогда будут оставлены *только* праведные мужи из семени твоего, хранимы мной по числу их⁶⁹, мужи стремящиеся в славе имени моего к предуготованному им месту, которое ты видел опустошенным в видении. И они будут жить там, питаясь жертвами и приношениями праведными и истинными в праведном веке. И они будут вечно радоваться обо мне и погубят губивших их, и посрамят оскорблявших их, и будут плевать в лицо тем, кто посрамлен мной, когда те увидят меня радующимся с народом моим и принимающим тех, кто возвращается ко мне. Увидь, Аврам, то, что ты видел, и услышь то, что

ты слышал, и познай то, что ты узнал! Иди к жребию своему, и я буду с тобой вовеки!”.

30. И пока он еще говорил, я уже оказался на земле и сказал: “Превечный Сильный! Уже я не среди славы *твоей* и уже я не на высоте, а то, что хотела душа моя познать, в сердце своем я не понимаю”. И он сказал мне: “Я скажу тебе пожелания сердца твоего, ведь ты хотел увидеть десять казней, которые я уготовил народам и *которые* я предуготовил к истечению на земле двенадцатого часа. Слушай! Как скажу тебе, так и будет. Первое несчастье — от великого насилия⁷⁰, второе — горение городов в огне, третье — мор скота, четвертое — голод в их странах, пятое — гибель от землетрясения и меча во владениях их⁷¹, шестое — град и множество снега, седьмое — дикие звери станут могилами их, восьмое — голод и мор станут гибелью их, девятое — наказание мечом и бегство в печали, десятое — разрушительные грозы, громы и землетрясения.

31. Тогда я протрублю с неба и пошлю своего избранника, дав ему одну меру всей моей силы. И он созовет посрамленный народ мой от *других* народов. И я сожгу огнем тех, кто хулил его, властвуя над ним в *этом* веке, и предам поносящих меня посрамлению грядущего века. Ведь я предназначил их в пищу адскому огню и к непрестанному парению в пространстве подземных бездн, *чтобы быть* наполнением утробы червей. Увидят их праведники, избравшие волю мою и соблюдавшие заповеди мои, и будут радоваться гибели покинутых. А те, кто следовал идолам и убийствам своим, будут тлеть в утробе Злого, в чреве Азазела, палимые огнем языка его. Потому что я ждал, чтобы они пришли ко мне, а они не пожелали и прославили Чужого и присоединились к тому, кому не были предназначены, а побеждающего Владыку оставили.

32. Поэтому, слушай, Аврам, и смотри! Вот, седьмое поколение твое будет с тобой, и *потом* уйдет в чужую землю, и поработят его и будут угнетать в течение одного часа несправедного века. А народу, которому они будут служить, я буду судьей”.

---

¹ Слав. *настръзаюци/настръзаюци* здесь интерпретировано как калька греч. ἐλπίκῃρω. Возможны также значения “вырезал, изготовлял” от греч. ἐλίξῃω. Менее вероятно — “охранял”.

² Став. транслитерация *Марумафа/Марумафъ/Маруматъ* (греч. *Μαρουμαφ (т(α?) восходит, предположительно, к араб. “владыка народа”).

³ Слав. *Нахонь*, возможно, от евр. נָחֹן “прочно стоящий, устойчивый”.

⁴ Или “тяжелее большого камня” (евр. כבד מאבן גדול).

⁵ В слав. тексте *измалъ/измало* (греч. * ἱζμαλ- ?) — транслитерация мишнагитского מלח (М. Таубе, см.: [Lunt 1985:59]).

⁶ Слав. *отъ Фанданы Сурьския*, евр./арам. אַם דָּב [Порфирьев 1877:113].

⁷ Слав. *куповать оттуда кокониль отъ Нила*; гапакс *кокониль* может быть транслитерацией греч. κοκκωνειλου (scriptum continua от κοκκων Νειλου “нильское зерно” или “нильский пурпур”).

⁸ Или “как рассказать об этом отцу”. Слав. *како принесу куплю отцу моему* может восходить как к греч. ιδιομε παρεχειν πραγμα τι “причинить неприятность, озаботить”, так и к евр. להביא דבר אל “сообщать”.

⁹ Согласно юж.-сл. *трохы* в рук. В; а1.: *трехъ*.

¹⁰ Неясно: греч. * Γουρ- может транслитерировать как евр./арам. גור, так и גר. Последний мог бы быть результатом хорошо засвидетельствованного уже в период Мишны различения *к* и *у* и восходить к גר “Уру [Халдейскому]”, названию родины Авраама (Быг. 11:28 et pass.).

¹¹ Слав. *лихоть* восходит здесь, вероятно, к греч. περισσεια, евр. לַחֲוֹץ, בצע; стих, таким образом, цитирует Еккл. 1,3.

¹² Слав. *изъѣдъ*, здесь неясно, возможно, от греч. διατροφή.

¹³ Слав. *къ срьдцу моему*; эквиваленты евр. идиомы אל לב לאמר (Быг. 8:21 et pass.). В отличие от לב לאמר не засвидетельствованы ни в арамейских Таргумах, ни в Септуагинте.

¹⁴ Слав. *принесе цѣну (цѣны SU) бѣвъ*. Возможно, также “ты почтил моих богов”, ср. греч. τιῆν φερεῖν “почитать” и τιῆν φεῶν “почтение к богам” (возможны и оба значения одновременно, ср. апокрифическое ев. Петра 3).

¹⁵ Слав. *азъ тебе блгѣ бых бѣ (S в а 1) обряци (обрящъ B) сеи (се B)*. По большинству рукописей: “Я был для тебя полезен в этой прибыльной сделке [букв. “находке”]”.

¹⁶ Слав. *премысливъ* (греч. καταπραγματεύω ?); возможны также значения “заметить” (греч. ἐπι κατανοέω) или “обмануть” (греч. κατασοφίζομαι, евр. הִתְחַבֵּן).

¹⁷ Слав. *ослонь* “жердь” согласно русским диалектным данным. Ср. также др.-рус. *ослопъ* “дубина, палка” (если предположить графическое чередование *н/п*) и пол. *osłona* “покрытие”.

¹⁸ Слав. *Варисатъ* от араб. (א)תשק ב “огненный” [Ginzberg, 1906].

¹⁹ Слав. *да вергу умъ свои (на чистоту)* от евр. וְגַבְרֵי שָׁמַיִם (ср.: Суд. 9, 17).

²⁰ Слав. *Зоухе/Зоухъ*. Возможно, от семитских корней זָה “гордиться”, זָהוּת “высота, мощь”. Сходные греч. формы имен богов и “магических слов” Ζεωχ, Ζουχ, Ζουκι, Ζουχηλ, Ζουχε засвидетельствованы в греч. магических папирусах (см. прим. 21).

²¹ Слав. *Иоавонъ*. В магических папирусах обнаружены формы Ιαω, Ιαβω, Ιαβου, Ιαου, употребляемые иногда рядом с формой Ζουχε (см.: [Preizendanz K. Parugi Graecae Magicae. Leipzig; Berlin, 1928-1941. В.1. S. 132]).

²² Букв. “будучи более соразмерным”. Слав. *сѣпримиръние есть*, по-видимому, от формы *сѣпримирѣнге (греч. σμμετροτέρος).

²³ Слав. *похвалами* (греч. χάρις).

²⁴ Или “воздухи” (слав. *аеры*).

²⁵ Или “среди ангелов”: слав. *въ глѣх ← въ аглѣх (?)*.

²⁶ Или “который творил до *создания* вечного [или “мирового”] света”.

- ²⁷ Менее вероятно: “жизнь”.
- ²⁸ Или “построения и укрепления, возведения и обновления [Храма]”.
- ²⁹ Евр. מַלְאָכִים , сочетание теофорных элементов; в ранней еврейской мистике — имя главы ангелов “Метатрона”, встречается также в славянской версии *Жития Адама и Евы*.
- ³⁰ Или “сотрясает”.
- ³¹ По большинству рукописей — “изрекомого”, возможно, от евр. שָׁמַע обозначения полной формы божественного имени.
- ³² Вид ангелов (евр. מַלְאָכִים).
- ³³ Согласно двенадцатичасовой структуре дня и ночи.
- ³⁴ Возможно, “мораль” от евр. לִמּוּד [Lunt 1985:58].
- ³⁵ Согласно многим агадическим источникам Михаил — ангел-хранитель Израиля.
- ³⁶ Слав. *Азасиль*, евр. אֲזַזִּיל . В других источниках — демон пустыни (Лев. 16) и глава падших ангелов (1 Ен. 8 *et pass.*)
- ³⁷ Как “твердь” или “небо”, здесь и далее мы контекстуально переводим слав. *простертие и протяжение*.
- ³⁸ Здесь слав. *аерь*, также “воздух”.
- ³⁹ Имеется в виду традиционная литургическая формула “освящения Имени” (*кедуша/трисагион/sanctos*).
- ⁴⁰ Евр. “Бог”.
- ⁴¹ Вероятно, глосса.
- ⁴² Или “отделяющий” (евр. מַבְדִּיל).
- ⁴³ Колеса “божественной колесницы” из видения Иезекииля (Иез.1, 18; 10, 12), ср. ниже.
- ⁴⁴ Менее вероятно “на”.
- ⁴⁵ Или: “множество невидимого славословия”.
- ⁴⁶ Слав. *повѣшенья* (греч. $\text{\u0395\u03c7\u03b1\u03c1\u03bc\u03b1}$, $\text{\u0391\u03bd\u03c9\u03c3\u03c4\u03b9\u03c7\u03b7}$, араб. تولي ?).
- ⁴⁷ Или “выполнять”.
- ⁴⁸ Букв. “ты установил себя с ним”.
- ⁴⁹ Или “осененное”.
- ⁵⁰ Или “поднебесье”.
- ⁵¹ Или “мой замысел существующего”.
- ⁵² Слав. *с(ѣ)вьтъ*, греч. $\text{\u03b2\u03bf\u03c5\u03bb\u03b7}$). Менее вероятно, *свѣтъ* “мир”, греч. $\text{\u03ba\u03c3\u03bc\u03cc\u03c3}$, $\text{\u03b1\u03b9\u03c9\u03bd}$.
- ⁵³ Слав. *помышление*, греч. $\text{\u03b5\u03c0\u03c4\u03bf\u03bc\u03b9\u03b1}$.
- ⁵⁴ Неясно. Слав. *близъ*, возможно, от греч. $\text{\u03b5\u031c\u031d\u03c9\u03c3}$, евр. קרוב (?).
- ⁵⁵ Или “вред” (греч. $\text{\u0391\u03b2\u03b8\u03cc\u03c3}$?).
- ⁵⁶ Букв. “столяра”, по-видимому, от греч. $\text{\u03c4\u03b5\u03ba\u03c4\u03c9\u03bd}$, евр. שול .
- ⁵⁷ Или “замысел”, ср. выше.
- ⁵⁸ Или “вселится”.
- ⁵⁹ Букв. “начало”, возможно также “суд” (слав. *зачало*, греч. $\text{\u0391\u03c1\u03c7\u03b7}$).
- ⁶⁰ Или “спустились” (греч. $\text{\u03ba\u03c4\u03b1\u03c4\u03c1\u03b5\u03c7\u03c9}$).
- ⁶¹ Слав. *схода/сходъ* (греч. $\text{\u03c3\u03bd\u03b1\u03b3\u03c9\u03b3\u03b7}$). Возможно, также значение “ангел” (греч. $\text{\u03c0\u03c1\u03b5\u03c1\u03b2\u03cc\u03c2}$).
- ⁶² Или “разграбили” (слав. *разграбити*, греч. $\text{\u0394\u03b9\u0391\u03c1\u03c1\u03ac\u03b2\u03c9}$).
- ⁶³ Слав. *пришьельць*, греч. $\text{\u03c0\u03ac\u03c1\u03bf\u03b9\u03ba\u03cc\u03c3}$, евр. ר .
- ⁶⁴ Отсюда и до конца главы — темное место. Приводится одна из возможных интерпретаций.
- ^{64a} Темное место.

- ⁶⁵ Или “поношении”.
- ⁶⁶ Слав *ослаба*, возможно также “распушенность” (греч *ἀνεσις*), “ослабление” (греч. *ἔκλυσις*) или же “освобождение”, “отдохновение”.
- ⁶⁷ Темное место.
- ⁶⁸ Или нейтральное “испытает”.
- ⁶⁹ Возможно, “в небольшом количестве”.
- ⁷⁰ Или “нужды”.
- ⁷¹ Или “среди их властителей”.

Перевод, предисловие и комментарии А.КУЛИКА

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО МАСКИЛА

Предлагаемая читателю переписка относится к 1834 г. Автором двух из публикуемых писем является Михель Шоломович Гофман. Как видно из первого письма, он около 30 лет работал учителем в Вильне (Вильнюсе) и в Полоцке. Вильна в этот период была одним из крупнейших в Российской империи (за исключением Царства Польского) городом по численности еврейского населения (в 1827 г. здесь проживали 8404 евреев и 10928 христиан мужского пола¹, в 1832 г. — 10 781 евреев-мужчин)². Город находился на дороге из Петербурга в столицу Восточной Пруссии Кенигсберг — важнейший центр германской Хаскалы³. Неудивительно, что в Вильне больше, чем в других городах черты оседлости, чувствовались новые веяния. В 20-е гг. XIX в. в Вильне появились первые труды классиков российской Хаскалы Мордехая Гинцбурга (1795—1846) и Авраама Лебенсона (1794—1878). В январе 1831 г. Шевель Перель открыл в Вильне одну из первых в Российской империи частную школу нового типа для еврейских детей⁴. Здесь же в 1828 г. И.Б. Левинзон⁵ издал книгу “Теуда бе-Израэль”, в которой он призвал еврейских юношей изучать не только Талмуд, но и светские науки, а также заниматься производительным трудом. Несомненно, что среда виленских маскилим⁶ оказала влияние и на М. Гофмана. В его письмах чувствуется знакомство с книгой Левинзона; подобно ему, Гофман предлагает реформировать систему еврейского традиционного образования, рекомендует обучать еврейских детей “..отечественному и иноплеменным языкам... или какому-либо ремеслу...”, выступает против преподавания Талмуда детям и подвергает критике практику ранних браков.

По свидетельству самого Гофмана, он был учителем древнееврейского, русского, польского и немецкого языков. Известно, что в хедерах эти языки не преподавались, а на всей территории Литвы и Белоруссии в тот период была только одна частная еврейская школа — это вышеупомянутая школа Переля (в которой преподавал сам хозяин), и следовательно, можно предположить, что Гофман был домашним учителем в состоятельных семьях. Подавая прошение, Гофман скорее всего преследовал не только общественные, но и личные интересы. Предлагаемые им меры по изменению традиционной системы образования привели бы к большему спросу на учителей светских предметов. Этому способствовали бы, несомненно, и запрет ранних браков, и особенно создание училищ. Личная заинтересованность Гофмана в запрете преподавания Талмуда проглядывает из фразы в его письме: “...Наука Талмудова опасна еще потому, что повелевает не уважать и пренебрегать тех, кои обучают еврейских детей отечественному и иноплеменным языкам...”. В то же время высказываемые Гофманом сожаления о недостаточном изучении еврейскими детьми... Биб-

лии...истории, обязанности друг к другу в общем житии...”, науки и ремесел свидетельствуют о его желании реформировать еврейское общество в духе Хаскалы.

Не совсем ясно, почему Гофман обращается к православному епископу, а не к светским властям Витебской губернии, в которой находился в то время Полоцк. Скорее всего, это связано с карьерными видами в случае успеха его прошения в родной ему Вильне, куда его письмо “епископу Полоцкому и Виленскому” должно было обязательно попасть.

Виленский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков дал прошению Гофмана быстрый ход. По-видимому, он был в курсе, что разработка нового законодательства о евреях близится к концу. Генерал-губернатор не поддержал предлагаемое Гофманом запрещение преподавания Талмуда малолетним детям, но отнюдь не потому, что он был в принципе против предложений Гофмана. Его взгляд на эту проблему хорошо виден из зачеркнутой им части письма к министру внутренних дел от 16 марта 1834 г.: поддерживая идею Гофмана о создании еврейских училищ, он полагает, что “исправление” евреев должно осуществляться не административным путем, а “через просвещение”. Точка зрения Н.А.Догорукова вскоре (в 40-х гг.) временно победила и вошла в историю как эпоха “еврейского казенного просвещения”. Неизвестно, повлияли ли предложения Гофмана на принятие решений о создании еврейских казенных училищ.

*Письмо 1-е**

Подано 3 марта 1834 г.

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Смарагду⁷
епископу Полоцкому и Виленскому и Кавалеру.
Учителя города Вильны, занимающегося ныне
учением израильских детей в городе Полоцке,
Михеля Шолома сына Гофмана

Прошение

Почтительный Отец Отечества Всеавгустейший государь Император [заботясь] о благе и образовании верноподданных, учредил в сих странах Великой России новую Епархию и вверил оную Вашему Преосвященству, как мужу испытанному в приверженности к Престолу и Отечеству премудрости, человеколюбия и прочих добродетелей. Все сии доблести Ваши заставляют меня доложить о нижеследующем.

---

* Текст писем по возможности приближен к современной орфографии.

Преосвященнейший Владыко! В высочайше вверенной вам Епархии находятся еврейны, которых я коротко знаю по занятию моему обучением их детей с лишком уже до 30 лет читать и писать российскому, польскому, немецкому и гебрейскому языкам, каковые языки мне довольно известны, о чём могут удостоверить свидетельства, данные мне от разных кагалов, равно и моём поведении. Еврейны, находящиеся ныне в России, далеко отстоят от праотцов своих, израильтян, кои назывались народом Божиим, и Бог благословлял во всех их предприятиях, о чём они его не просили. Ныне, напротив, видим во всем огорчённого Творца, против нас, потомков древнего Израиля, а это происходит от того единственно, что нынешние еврейны детей своих не обучают достаточно Библии, также истории, обязанности друг к другу в общем житии, но детей от 5-ти лет от утра до поздней ночи начинают обучать Талмуду до 17 и 18-летнего возраста. А сия наука не оставляет совершенно основание еврейской религии и славы Бога, и малолетние, не знающие истинного Талмуда и своего назначения, изучившись ложному Талмуду, безвинно заблуждаются до той степени, что даже забывают, что они не в своём Отечестве ныне находятся, а в иностранной земле, и научают только как жить без трудов, обманывать, займы взятого не отдавать, словом, научаются жить праздно, шататься по свету с обидою ближнего. Выученные таким образом сей науке женят малолетних, а сей вместо занятий уже науками и ремеслом, чем мог бы содержать себя и жену, остается навсегда, по науке Талмуда, праздношатающимся, снискивая для себя, жены и детей пропитание обманом. Наука Талмудова опасна еще потому, что повелевает не уважать и пренебрегать тех, кои обучают еврейских детей отечественному и иноплеменному языкам народов или какому либо ремеслу, равно и тех, кои не обучались Талмуду, и сие дошло до той степени, что ученые по Талмуду стыдятся входить в связь и фамилии с неучившимися Талмуду и занимающимися каким ни есть ремеслом.

Милостивый Архипастырь! По самому человеколюбию взгляните беспристрастно на сей бедственный народ, которого несносное положение происходит не от чего иного, как токмо от науки Талмуда, и потому ещё, что не обучают национальным достаточно и иностранным языкам, также и дальнейшим нужным наукам и рукоделиям.

Владыко! Будьте предстателем у Престола, исходатайствуйте непременно нужное и должное для израильских детей училище наподобие находящихся гимназий в России, для чего установить

нужный комитет, по примеру других наций. Я себя жертвую на сей труд в комитете и для должного порядка имею уже изготовленных четырнадцать пунктов правил, каковые, льщу себя надеждою, что Министерство народного просвещения утвердит и принесёт желаемый успех моим соотчикам израильтянам, который наверно произойдет, когда малолетним до 13-тилетнего возраста будет воспрещено чтение Талмуда и вероятно уменьшится число ложных учителей оного. К приведению столь богоугодного заведения не нужно казенных издержек, ибо расходующиеся деньги на обучение Талмуда достаточны будут на содержание комитета, равно и нужного числа учителей.

Польза из сего происходящая обяжет нас всех — израильтян, жительствующих в России, даже и тех, коим сия отмена окажется странной в своем начале, вечно молить Всевышнего о продолжении жизни Вашего Преосвященства, здоровья, счастья и всех благ, каких только желаете.

Сие прошение писал и сочинял сам проситель
Михель Шоломович Гофман
1834 г., марта, 2го дня⁸

Письмо 2-е

Его Сиятельству
Господину военному губернатору Виленскому и Кавалеру,
князю Николаю Андреевичу Долгорукову⁹

Ваше Сиятельство, милостивый государь.

Честь имею препроводить при сем на благорассмотрение Вашего Сиятельства прошения, поданное мне от еврея Гофмана о воспрещении обучения малолетних евреев Талмуду и об учреждении для них училища, в коем они могли бы изучаться полезным наукам.

С почитанием и совершенною преданностию имею честь быть.
Вашего Сиятельства милостивого государя покорный слуга и богомолец, Смарагд, епископ Полоцкий и Виленский¹⁰.

№653

1 отд. 1 сто(л)

15 марта

№107

8 марта 1834 г.

Письмо 3-е

№ 1386

16 марта 1834 г.

Министру внутренних дел

Преосвященнейший Смарагд, епископ Полоцкий и Виленский, препроводил ко мне просьбу еврея Михеля Шоломовича Гофмана, в которой он объясняет, чем вредно преподавание евреям в младенчестве Талмуда и раннее вступление их в брак, ходатайствует о воспрещении преподавания Талмуда и (об) учреждении по городам особых училищ для воспитания еврейского юношества [на российском языке по правилам для прочих училищ, по общим правилам для других иноверцев в России предписанным].

Письмо Гофмана, препровождая на благоусмотрение Вашего Превосходительства, честь имею присовокупить, что, по мнению моему, гласное и решительное воспрещение евреям обучаться Талмуду вместо ожидаемой пользы в настоящем их положении, возродит ропот и сетования на правительство, ибо они сие могли бы признать за гонение. Что же касается воспрещения вступать в брак до зрелого возраста, я полагал бы возможным распространить на них силу указа правитель(ствующего) сената от 15 августа 1830 г. о браках христиан, возлагая на полицию за точным оною исполнениями иметь наблюдение. Во всяком случае бесполезно было бы учредить особые еврейские училища, вначале в Вильне, а впоследствии и по другим городам и местечкам, где самые их общества [нрзб] сами преподадут, что оных средства и [нрзб] Россия [где еврей признает в том необходимость в училищах сих, чтобы преподавать уроки на российском языке [и обучающие евреи [сами] старались бы усовершенство(ваться) и усовершенствовать в оном воспитанников. Таким образом постепенно войдет между евреями европейское образование и [возрождая между ими охоту [нрзб] их]... со временем можно будет уничтожить науку Талмуда как бесполезную и вредную или [оного даже сама собою оставле(на) даже они сами собой таковую оставляют]¹¹.

Письмо 4-е

Его Сиятельству господину Виленскому
военному губернатору Минскому и Белостокскому
генерал-губернатору, генерал-адъютанту и Кавалеру,
князю Николаю Андреевичу Долгорукову,
Виленского полицмейстера

Рапорт

Еврей Михель Шлимович Гофман пред сим занимался в Вильне обучением еврейских детей, потом назад тому три года, для подобного занятия выехал в город Полоцк, и сколько можно было узнать, тому год в Полоцке женился, от коего брака имеет дочерей, одну в Вильне, в замужестве за Беркою Гордоном, торгующим бутылочным пивом на Немецкой улице в доме Зельмана Пренского, а вторую — за Абрамом Капелюком в Троках. В поведении Михеля Гофмана, особенно ничего дурного не замечено, но до выезда в Полоцк имел ссору с детьми своими, и замечаем в нетрезвости. Ныне же несколько тому времени назад, видели его у старшей дочери в Вильне и у младшей в Троках, — по ревизии записан при Виленском еврейском кагале и по разведыванию должен явиться в кагал для новой ревизской переписи; что же касается до его состояния, по-видимому есть бедное, так что не имеет даже постоянного жилища.

В должности полицмейстера (подпись)

№ 2380. 26 марта 1834 г.¹²

Письмо 5-е

Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел.
Иностранных исповеданий. Отделение ?? . Стол 3. 26 апреля 1834 г.
№ 998. Ответ на №№ 1386 и 1892¹³.

Господину Виленскому военному,
Гродненскому, Белостокскому и Минскому
генерал-губернатору

На отношение Вашего Сиятельства от 16-го марта и 12-го
апреля сего г. за № 1386 и 1892 касательно просьбы еврея Гофма-
на о запрещении преподавания Талмуда и раннего вступления

евреев в брак и о учреждении в городах особых еврейских училищ, имею честь ответить, что я совершенно согласен с Вашим, милостивый государь, мнением, что гласное и решительное воспрещение евреям обучаться Талмуду вместо ожидаемой пользы в настоящем их положении может возродить ропот и неудовольствия, что же касается до запрещения им вступать в брак до зрелого возраста и учреждения еврейских училищ, то о них уже сделаны предложения в начертанном особым Комитетом¹⁴ и внесенном ныне в Государственный Совет проекте Устава о евреях¹⁵. В сем проекте, согласно с общими узаконениями, не допускаются браки между евреями раньше достижения мужчинами 18-ти и женщинами 16-ти лет; относительно же обучения еврейского юношества находятся особые определительные правила, коими дозволяется евреям обучаться во всех казённых и частных христианских училищах и, кроме того, основывать на своем иждивении и собственные училища и пансионы, сообразно с VIII главою Устава гимназий и училищ уездных и приходских 8-го декабря 1828-го года.

Посему не находя со своей стороны возможности сделать какое-либо распоряжение к удовлетворению препровожденной Вашим Сиятельством при вышеозначенном прошении за № 1086 просьбы еврея Гофмана, я считаю долгом при сем оную возвратить.

Министр внутренних дел, статс-секретарь (подпись)¹⁶

В должности директора (подпись)¹⁷

Письмо 6-е

№ 2562

5 мая

Е(го) Пр(еосвященству)
Полоцкому и Вилен(скому) епископу Смарагду

Ваше Преосвященство,

Полученное при почтительнейшем отзыве Вашего Преосвященства от 8 минувшего марта за № 107 прошение от еврея Гофмана о воспрещении обучать евреев с малолетства Талмуду и об учреждении особых для них училищ, препровождено г. министру внутренних дел, который на сие от 26 апреля за № 998 ответству-

ет, что гласное и решительное воспрещение евреям обучаться Талмуду, вместо ожидаемой пользы в настоящем их положении, может возродить ропот и неудовольствие О таком отзыве г. тайного советника Блудова уведомляю вас. Честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенною предонностью В(ашему) Пре(освященству)¹⁸.

Письмо 7-е

Его Сиятельству Виленскому военному губернатору, исправляющему должность генерал-губернатора Гродненского, Минского и Белостокского, господину генерал-лейтенанту и Кавалеру Николаю Андреевичу князю Долгорукову.

Месяца марта, второго дня, сего 1834 года представил Его Преосвященству Архиерею Полоцкой епархии¹⁹ и кавалеру Сма-рагду, что мои соисповедники израильской веры в России воспитывают детей своих без всякого порядка обучая их от первой юности Талмуду, внушающему по большей части худые нравы, гнусоту и вражду к иноверцам, и для того просил его Преосвященство быть предстателем моим у Престола Августейшего нашего Монарха, дабы сказанные в моем предложении пункты удостоены были высочайшего уважения и учрежден был Комитет, который привел к совершению столь [нужных] реформ у здешних евреев. А как его Преосвященство известить меня соизволит, что предложение мое удостоено внимания Вашего Сиятельства, и как посредством Вашим, Сиятельный князь, реформа должна иметь свое совершение, так и прошу Ваше Сиятельство вспомоществовать мое предприятие и снабдить меня паспортом в Санкт-Петербург, если бы в нем нужно было.

Михель Шоломович Гофман

Сентября дня 1834 года. № 2971, 1 отд. 1 стол, 23 сентября²⁰

№ 5544

22 сентября 1834 г.

*Письмо 8-е*Н.А. Долгорукова к...²¹

[По поводу] написанного ко мне прошения от виленского еврея Михеля Шоломовича Гофмана о составлении, по просьбе его Преосвященному Смарагду, Полоцкому и Виленскому епископу поданной, особого комитета для начертания правил к воспитанию еврейского юношества и о прочем, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить просителю, что все представленные им, Гофманом, по сему предмету мысли имеются в виду Правительству и к удовлетворению домогательства его (о) том отозвался г. министр Внутренних дел от 26 апреля, (посему?) не предостойт надобности делать какие-либо распоряжения, о чем 5 мая сего года я уведомил Преосвященного Смарагда.

¹ Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ), ф. 421, оп. 1, д. 102, л. 9.

² ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1832, д. 2394, л. 74.

³ *Хаскала* — движение еврейского просвещения. Возникло во второй половине XVIII в. в Германии.

⁴ ГИАЛ, ф. 567, оп. 2, д. 2730, л. 1–2.

⁵ *Левинзон Ицхак Бер* (1788–1860) — родоначальник *Хаскалы* в России. Большую часть жизни прожил в г. Кременце в Подолии. Основные произведения издал в Вильне.

⁶ *Маскилим* — последователи *Хаскалы*.

⁷ *Смарагд* (*Александр Крыжановский*, 1796–1863) — православный епископ Полоцкий и Виленский в 1833–1837 гг.

⁸ ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1834, д. 548, л. 11.

⁹ *Долгоруков Николай Андреевич*, князь (1792–1847) — Виленский военный губернатор в 1831–1840 гг.

¹⁰ ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1832, д. 2394, л. 1.

¹¹ Там же, л. 2–3. Письма Н.А. Долгорукова сохранились в архиве в трудночитаемых черновиках. Часть текста, вычеркнутая в письмах, приводится в квадратных скобках.

¹² ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1832, д. 2394, л. 5.

¹³ Письмо Н.А. Долгорукова под № 1892 (л. 7) не приводится, так как оно в основном повторяет рапорт Виленского полицмейстера.

¹⁴ “Комитет для устройства евреев” был создан в 1823 г. В его состав входили министры внутренних дел, финансов, юстиции, духовных дел и просвещения.

¹⁵ Имеется в виду “Положение об евреях”, подписанное в апреле 1825 г.

¹⁶ Министром внутренних дел в 1834 г. был Дмитрий Николаевич Блюдов (1785–1864).

¹⁷ ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1832, д. 2394, л. 8–9.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ *Архиерей* – общее название высших иерархов духовенства.

²⁰ ГИАЛ, ф. 378В5, оп. 1832, д. 2394, л. 14.

²¹ Там же, л. 15. Письмо Н.А. Долгорукова направлено одному из нижестоящих чиновников, имя которого в черновике письма разобрать не удалось.

Публикация, предисловие и примечания Г. АГРАНОВСКОГО

ВОЙНА. РОССИЯ. ЕВРЕИ

Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 году

Годы первой мировой войны продемонстрировали, что в стране наступил новый этап отношений между правящими кругами и еврейской общественностью. Первые пытались как бы все оставить по-прежнему, то есть все свои проблемы: некомпетентность в государственных и военных делах, поражения на фронтах, полный развал в экономике и все “возрастающий протест в самых широких кругах общественности — объяснить и оправдать еврейскими происками”. Но ответные действия еврейской общественности неожиданно приобрели иной чем прежде характер. Из робкого и обреченного просителя российское еврейство, под воздействием глобальных экономических, социальных и духовных изменений начала века, превратилось в важный фактор экономической и политической жизни. Эта метаморфоза еврейского вопроса застала врасплох значительную часть гражданской и военной бюрократии. На первом этапе войны массовые выселения евреев из прифронтовой полосы, новые антисемитские законы и погромные кампании в прессе демонстрировали полное нежелание правящих кругов учитывать современные реалии¹. Однако последующие события привели правительство в некоторую растерянность. Выселение полумиллиона человек фактически вынуждало ликвидировать чергу оседлости. Политические противники самодержавия все смелее использовали еврейский вопрос для прямых атак на правительство в стенах Государственной думы и в прессе², а главное же состояло в том, что ведение военных действий требовало все больших финансовых и материальных вливаний со стороны союзников³. Это слабое место было точно определено и эффективно использовано лидерами еврейской общины, сконцентрировавшими свои усилия вокруг евреев-депутатов Думы, и созданного для содействия, а по сути для руководства ими, так называемого Информационного бюро⁴. Они постоянно будировали этот вопрос, поднимая его не только в стенах Думы, но фактически на съездах и заседаниях всех многочисленных тогда общественных организаций, и более того — информируя о состоянии дел мировую общественность — ту самую, от которой зависели новые финансовые займы. Правительство пыталось маневрировать. По еврейскому вопросу, точнее по выбору мер по его решению, в правительстве существовало несколько диаметрально противоположных мнений между сторонниками более прагматичного подхода, готовых пойти на временные уступки, и консерваторами, стремящимися не поступаться принципами, могущими, по их мнению, подточить сами основы государственного устройства⁵. В итоге правительство то ослабляло, то усиливало антиеврейскую политику. Соответствующие службы вели на Западе контр-

пропагандистскую кампанию. Но информационная деятельность еврейских организаций была более эффективной. В адрес лидеров еврейских общин Великобритании, США и Франции поступали многочисленные документальные свидетельства подлинной политики русского правительства, и те, в свою очередь, активно воздействовали на правительства своих стран. В Великобритании документы из России в первую очередь поступали к Люсьену Вольфу — авторитетному общественному деятелю, дипломату и публицисту. Его связь с российским еврейством длилась уже несколько десятилетий. Он неоднократно участвовал во всякого рода кампаниях протеста и считался в Великобритании компетентным специалистом по проблемам внутренней политики России. Ближайшим помощником Л. Вольфа был эмигрант из России Давид Мовшович. В недавнем прошлом участник еврейской общественной жизни в России⁶, теперь он был непосредственным связующим звеном между организацией содействия евреям — депутатам Государственной думы и Люсьеном Вольфом.

Публикуемые документы найдены нами в фонде Л. Вольфа — Д. Мовшовича в YIVO (RG. 348. F. 60) и в фонде И. Чериковера (RG. 87. F. 1061). Это стенографические записи конфиденциальных переговоров между представителями еврейской общечественности и членами правительства. Со стороны правительства в этих встречах участвовали такие ведущие государственные деятели, как И. Л. Горемыкин, С. Д. Сазонов, П. Л. Барк и Н. А. Маклаков. С еврейской стороны это депутаты Думы Н. М. Фридман и М. Е. Бомаш, знаменитый адвокат О. О. Грузенберг и другие. К этой группе документов непосредственно примыкает и сообщение о переговорах между министром финансов России П. Л. Барком и лидерами еврейской общины Великобритании во время его визита в эту страну в октябре 1915 г.

Документы при их обратном переводе с английского языка на русский приводятся в соответствии с современными нормами русского языка и расположены в хронологической последовательности.

---

¹ Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 245—284.

² Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. Пг., 1917; *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства / / Книга о русском еврействе. Нью-Йорк, 1960. Из современных исследований укажем: *Ганелин Р. Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестн. Евр. ун-та в Москве. № 1 (14). 1997; *Ганелин Р. Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915-1916 гг. // Вестн. Евр. ун-та в Москве. № 3 (10). 1995; *Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестн. Евр. ун-та в Москве. № 1 (14). 1997.

³ Тогдашний министр финансов П. Л. Барк в своих мемуарах прямо указывал на это как на источник своего “либерализма” в еврейском вопросе: *Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. Париж: 1965. Т. 162, с. 95—103; Т. 169, с. 81. Он даже вспоминал, как во время доклада царю якобы заявил:

“...нам необходимо сосредоточить все наши силы, чтобы воевать с Германией, и, по моему убеждению, мы не можем и не должны одновременно воевать с Германией и с еврейством. В этом случае мы не можем рассчитывать на победу” (Париж, 1966. Т. 172. С. 93). Как и многие другие его гражданские современники, Барк всю ответственность за антиеврейскую политику тех лет перекалдывал на высшее военное руководство.

⁴ *Дубнов С.М.* Книга жизни. Рига, 1935. Т.2. С. 195—197; *Фрумкин Я.Г.* Указ. соч. С. 50—70.

⁵ Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г. Сост. А.Н.Яхонтов... // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т.18; См: *Ганелин Р.Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России // Вестн. Евр. ун-та в Москве. № 1 (14). 1997.

⁶ *Мовиович Д.* А.И.Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо (1864—1924): Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103—108.

1

12 февраля 1915 года еврейская депутация у И.Л.Горемыкина¹. Депутация состояла из члена Государственной думы Н.М.Фридмана², прис(яжного) пов(еренного) О.О.Грузенберга³ и члена правления Варшавской еврейской общины г. Давидсона⁴.

Н.М.Фридман представляет членов депутации. Горемыкин усаживает и предлагает курить.

Н.М.Фридман: Цель нашего посещения ознакомить высшее правительство с положением еврейского населения в Польше.

И.Л. Горемыкин: Знаю, знаю... печальное положение...

Н.М.Фридман: Да, Ваше Высокопревосходительство, но из последнего заседания Гос. думы я вынес впечатление, что правительство не вполне осведомлено о действительном положении дела.

И.Л.Горемыкин: Как же, я знаю. Происходят погромы, расхищают имущество, выселяют, но что же я могу с ними поделеть.

Н.М.Фридман: Все же я полагаю, что Вы как глава правительства...

И.Л. Горемыкин: Глава правительства... глава Правительства... но что же я могу...

Н.М.Фридман: Вот присяжный поверенный О.О.Грузенберг вернулся недавно с позиций.

О.О.Грузенберг: Разрешите, Ваше Высокопревосходительство, сказать несколько слов. Я вижу, Вы уже осведомлены о положении дел, а потому я могу быть краток. Я ездил от петроградского Еврейского общества с подарками, был в разных местах/и дол-

жен с полной искренностью доложить, что ни со стороны офицеров, ни со стороны солдат, с которыми приходилось встречаться, я не заметил враждебного отношения к евреям, я не слышал никаких против евреев обвинений. Я наблюдал простое сердечное отношение человека к человеку. Я уверен, что злонамеренные элементы местного населения, его отбросы...

И.Л. Горемыкин: Это—поляки...

О.О. Грузенберг: Эти отбросы и организовали погромы... Я располагаю некоторыми точными сведениями. Таких погромов в разных местах Польши было свыше 150. Дело обычно происходило так: немцы, заняв какой-нибудь город или местечко, забирали у местного населения все что можно. Затем приходили наши войска — утомленные, проголодавшиеся... К несчастью, евреи не могут им ничего представить: ничего у самих не осталось. А тут отбросы местного населения нашептывают солдатам: для немцев, небось, у них все было, а вот для вас, видите, ничего нет. Голодный, раздраженный солдат не производит расследования и начинаются эксцессы... Но надо, к сожалению, отметить и другую причину печальных явлений. Я имею в виду выселения. Таких выселений сплошь, по приказу начальства, — и стариков, и женщин, и детей, и здоровых, и больных — насчитывается из 28—30 мест.

И.Л. Горемыкин: Как же... А теперь, я слышал, из Плоцкой губернии всех выселяют...

О.О. Грузенберг: Печальнее всего то, что даже представитель администрации, плоцкий губернатор, отнесшийся благожелательно к евреям, не мог им помочь. На его запрос, не ограничиться ли высылкой лишь сомнительных и, во всяком случае, оставить благонадежных, со стороны военного начальства последовал отказ.

И.Л. Горемыкин: Да, да. Что же делать... Центральное правительство тут не причем... Я имею в виду написать Верховному Главнокомандующему⁵. Я даже думаю, что некоторые исполнители не так исполняют...

О.О. Грузенберг: Не разрешите ли доставить Вам записку, где будут приведены факты?

И.Л. Горемыкин: Да... да записку... это хорошо... нужно... Я ее отошлю туда. Только смотрите, составьте осторожно.

О.О. Грузенберг: Разрешите, Ваше Высокопревосходительство, указать одну область, где Вы можете сделать добро. Мы об этом нигде публично не говорили... Мы знаем, что исключительные

условия переживаемого времени требуют от всех нас не только жертв, но и сдержанности. Перед лицом врага нельзя многого раскрывать, и Вы видели, что наш представитель в Государственной думе сдержал себя и не высказал ничего из того, что евреи переживают... Но Вам ведь можно сказать: что нам делать с десятками тысяч беженцев и изгоняемых. У нас нет средств их содержать; они гибнут... между тем при свободе передвижения они могли бы расселиться, найти работу, устроиться...

И.Л. Горемыкин: Если Вы имеете в виду расселение вне черты оседлости, я не могу... закон. Да, как я слышал, все эти выселившиеся дальше Варшавы не идут, а район черты широк...

О.О. Грузенберг: Но там нет средств, нет возможности им существовать.

И.Л. Горемыкин: Я ничего не могу... Я вот напишу о содействии Енгальчеву⁶ (Варшавский генерал-губернатор).

Давидсон: Позвольте мне, Ваше Высокопревосходительство, добавить. Я родился в Польше. Мне на исходе седьмой десяток. Нас раньше обвиняли в русофильстве, а теперь в германофильстве. Более всего обидно, что нас стараются заклеить предателями...

О.О. Грузенберг: Записку прислать Вам или кому другому?

И.Л. Горемыкин: Да, мне. Я ее от себя перешлю Янушкевичу⁷. Только осторожнее, избегайте, главным образом, личных намеков.

2

Беседа с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым⁸ членов Государственной думы Н.М. Фридмана и М.Е. Бомаша⁹ 23 февраля 1915 года. Петроград.

Н.М. Фридман: Мы пришли рассказать Вам, что не могли рассказать 27 января. Для нас и тогда было ясно, что Вы не осведомлены о положении евреев на театре военных действий, но выступать с фактами и документами в такой день мы тогда считали неудобным. Мы сказали тогда то небольшое, что можно было сказать. В настоящее же время мы считаем своим долгом осведомить Вас по этому вопросу. Я должен сказать: то, что писалось в заграничной печати по этому предмету, к несчастью, в значительной степени соответствует действительности... Там были погромы, грабежи, насилия над личностью, изнасилования жен-

щин, в последнее время к тому прибавились массовые выселения из многих городов и целых районов. Так, в настоящее время происходят выселения из Плоцкой губернии, и все это по распоряжению военных властей.

С.Д.Сазонов: Из Плоцкой губернии... Да, слышал. Их выселяют в Варшаву.

Н.М.Фридман: Нет, они бегут куда глаза глядят.

С.Д.Сазонов: А это где происходит — все остальное?

Н.М.Фридман: Во многих местах Польши. Больше всего в тех местах, в которых побывали немцы. После отступления немцев продуктов и товаров у местных торговцев, обыкновенно, не оставалось вследствие реквизиции, и поэтому, когда являлись наши войска, голодные и измученные солдаты начинали требовать провианта. И когда такового не оказывалось, они начинали громить местное население, оставшееся совершенно беззащитным. Погромы и грабежи производились солдатами и подонками местного населения, которые, пользуясь беззащитным положением евреев, убеждали солдат в том, что для немцев товары были, а русским не дают...

С.Д. Сазонов: Да, это все поляки...

Н.М.Фридман: То беззащитное положение, в которое ставились евреи, и распоряжения о поголовных выселениях всего еврейского населения, внушили местному населению и солдатам уверенность в том, что евреи поставлены вне защиты закона, что по отношению к ним все дозволено, что все поголовно они подозреваются в шпионстве. Такое сознание, конечно, очень усугубляло эксцессы. В какой степени обвинения и кары были огульны, Вы можете убедиться из этого объявления, которое было расклеено по распоряжению военных властей в галицийских городах. (Предъявлен экземпляр сорванного со стены объявления на польском языке с переводом на русский.)

С.Д. Сазонов: Все в один голос говорят, что галицийские евреи относятся к нам очень враждебно, хуже даже галицийских поляков. Они иногда, даже во вред своим интересам, не считаясь со своими выгодами, отказываются продавать нашим солдатам продукты.

Н.М.Фридман: Галицийские евреи — это австрийцы, и они естественно могут относиться к русским солдатам, как австрийцы. Вы же не удивляетесь, когда австрийский немец относится к русским враждебно...

С.Д.Сазонов: Да... но евреи ведь космополиты... и я удивляюсь, как они не переменяли... ведь в Галиции русская армия — это ведь сила, и непрактично, неразумно не считаться с этой силой.

Н.М.Фридман: Нет, австрийские евреи преданы своему отечеству, благодарны своему Императору и имеют, за что быть благодарными. Они пользуются всеми правами, храбро сражаются, и мы за это [их] уважаем. Такие же требования мы ставим самим себе, и такие обязанности мы признаем за собою в России.

С.Д.Сазонов: Ну, храбро ли они сражаются, я не знаю. Но я хочу верить тому, что Вы говорите... А где эти галицийские помещики евреи?

Н.М.Фридман: Они так же бежали во внутрь страны, как и почти все остальное зажиточное еврейское население.

М.Е.Бомаш: В Галиции осталась голь и нищета; ютятся в подвалах, откуда они стесняются выйти даже за помощью, потому что они голы, без одежды, так что, когда мы хотим организовать в Галиции помощь этим беднякам, не к кому было обратиться, некому было доверить за отсутствием людей. Так что некому проявить свою враждебность к русским. К тому же еврейские купцы стараются что-нибудь заработать и невозможно, чтобы они не продавали товаров.

С.Д.Сазонов: Но, по уверению графини Бобринской, в Львове находится свыше 30000 состоятельных евреев, занимающихся торговлей... (Продолжает чтение объявления.) Да, но это касается галицийских евреев. Ведь оно было расклеено в Галиции. Вы мне может быть оставите это?

Н.М.Фридман: Да, да, непременно... А вот из этого объявления видно, что здесь говорится о евреях Галиции, Буковины и Польши... Тут все свалены в одну кучу: свои подданные и враги... Мы все друг за друга отвечаем солидарно. За каждого казненного в пределах Австрии по извету еврея, согласно этому объявлению, подвергаются смертной казни двое евреев, заведомо невинных.

С.Д.Сазонов: Ах, разве это есть... (Читает.) Да, знаете, эти заложники... Я сам против всего этого... Но теперь все эти международные положения так спугались... Заложников берут и немцы...

Н.М.Фридман: Немцы берут заложниками только врагов своих. Своих граждан они заложниками не берут. А между тем, у нас по

распоряжению генерала Рузского¹⁰ это делается не только в Галиции, но и в Царстве Польском. Мы, впрочем, пришли сюда защищать не галицийских евреев, а польских.

С.Д.Сазонов: Так Вы мне оставите это объявление...

Н.М.Фридман: Да, да...

С.Д.Сазонов: А Вы были у других министров.— военного¹¹, Маклакова¹²...

Н.М.Фридман: Нет, у них не были. Мы были у Председателя Совета министров. Представили записку...

М.Е.Бомаш: Мы обращаемся к Вам как к самому гуманному и беспристрастному из членов Совета министров.

Н.М.Фридман: Не представить ли Вам копию докладной записки?

С.Д.Сазонов: Нет, нет. Я справлюсь у Горемыкина об этом... Ах, я ведь только что от Горемыкина... Я узнаю, что он сделал по этому делу (делает движение к телефону, хочет звонить Горемыкину. Фридман его останавливает и говорит, что записка препровождена только сегодня).

Н.М.Фридман: Но мы были у него еще раньше, 12 февраля. Он обещал препроводить записку Янушкевичу и написать Енгальчеву.

С.Д.Сазонов: Как жаль, я только что видел Енгальчева. Я бы с ним переговорил. Но я часто выдаю военных, я буду говорить с ними...

Н.М.Фридман: Этого мало. Мы просили бы Вас обратить внимание Верховного Главнокомандующего.

С.Д.Сазонов: Непременно, непременно... Это я сделаю. У меня там свои представители, в ставке... Князь Кудашев¹³ — беспристрастный человек.

3

Беседа членов Государственной думы М.Е.Бомаша и Н.М.Фридмана с министром финансов П.Л.Барком¹⁴ 14 марта 1915 года.

Мы пришли к Вам не с конкретным ходатайством, а как к члену объединенного правительства. Когда функционирует Государственная дума, мы имеем возможность обращаться к стране и правительству с думской трибуны. Сейчас этой возможности нет, ее не было [и] в те немногие дни, когда функционировала дума.

Мы считали в эти дни неудобным говорить о своих внутренних делах. Теперь мы хотели бы Вас осведомить и наша покорнейшая просьба — нас выслушать. Настоящая война считается освободительной. Она ведется под лозунгом освобождения национальностей. Так понимали все в первые дни, этим объясняется и этот подъем, и единодушие воодушевляло еврейское население. Вскоре, однако, выяснилось, что для еврейского населения эта война скорее истребительная, чем освободительная. Я это говорю с большой горечью, но, к сожалению, это так. В самом начале войны последовал приказ Верховного Главнокомандующего о том, чтобы шадить жизнь и имущество поляков. Эти слова были поняты очень многими — солдатами и местным населением в том смысле, что жизнь и имущество евреев можно и не шадить. Я не хочу сказать, что это входило в расчеты Верховного Главнокомандующего или других властей, но это было так понято.

П.Л. Барк: Да, конечно, это было упущение.

Н.М.Фридман: И вот мы замечаем с самого начала, что почти во всех местах, где проходили русские войска, происходили погромы, грабежи, насилия и убийства. Я под этими убийствами разумею и те казни, которые совершаются без суда и по распоряжению отдельных офицеров, а иногда и самими солдатами. И я убежден, что там погибали люди невинные. И те люди, которые совершали эти злодеяния, естественно должны были искать оправданий и объяснений своим деяниям. Это есть источник навета. Тут, конечно, играли роль и другие обстоятельства, тут имела значение и та благодарная почва, которую навет нашел себе среди местного населения.

П.Л.Барк: Да, это поляки.

Н.М.Фридман: Но, тут, конечно, имел значение и неправильно понятый приказ. Затем пошли исключительные меры по отношению к еврейскому населению. По мере приближения неприятеля евреев стали выселять из районов военных действий; выселяли их из многих городов тысячами. В одной Варшаве их набралось свыше 11 тысяч. А засим последовали и более крутые меры: из среды еврейского населения стали брать заложников, которых сделали ответственными за деяния других. Заведомо невинные люди должны отвечать чаще всего за мнимые преступления других. Берут заложников и немцы, но они берут своих врагов. Многие из этих заложников уже направлены в Полтавскую

губернию. Заложников берут в городских поселениях с населением не свыше тысячи до десяти тысяч — по два, и свыше десяти — по три... (Тут были предъявлены объявления, развешенные по городам Галиции, циркуляр Холмскому полицмейстеру, материалы о выселениях и о заложниках... Министр тут же прочел и просил оставить это ему.)

Н. М. Фридман: Как известно, такого же рода циркуляры имеются у всех губернаторов театра военных действий и даже у Виленского губернатора. Меры принимаются уже не против одних польских евреев. Тут и литовские евреи... Из этих объявлений, расклеенных по городам Галиции, из этих циркуляров, Вы изволите видеть, что обвинение в шпионаже и вражде к России предъявляется огульно, чуть ли не ко всему еврейству. Тут в одну кучу свалены евреи Польши, Галиции и Буковины, свои подданные с подданными воюющих стран. И самые меры принимались без всякого разбора, ко всем, не исключая женщин, стариков и детей. Кускова¹⁵ рассказывала, что, осматривая один приют, в котором находятся беженцы в Варшаве, она наткнулась на еврейку, которая за 4-5 дней до этого родила в дороге, будучи изгнана. Она обласкала эту женщину, и, когда стала уходить, та ее задержала и сказала, что у нее есть к ней просьба: “Разыщите, как-нибудь, моего мужа в Петербурге, и скажите — передайте ему, что я жива”. “Как же я разыщу его?” — “Он ранен и лежит в лазарете”. (Жест возмущения со стороны Барка.)

Н. М. Фридман: Я слышал от местных людей, что таких случаев было много. Когда наши войска проходили через польские города, солдатам-евреям часто приходилось быть свидетелями того, как выселялись их семьи с насиженных мест. (Снова жест возмущения.) Вы подумайте, что творится в душе этих солдат...

М. Е. Бомаш: С этими изгоняемыми обращаются жестоко и сурово: казаки-солдаты бьют их нагайками, издеваются, загоняют в болота...

Н. М. Фридман: А ведь надо признать то обстоятельство, что, кроме Калища, немцы, собственно говоря, никаких насилий не совершали. И невольно напрашивается сравнение отношений врагов и своих...

Н. М. Фридман: И вот, все эти исключительные меры только укрепляют солдат и местное население в их сознании о враждебном отношении евреев. Если против одной группы населения принимаются исключительные меры, то, должно быть, она этого

заслуживает. Если власти относятся к евреям, как к врагам, то, стало быть, с ними можно и поступать, как с врагами. Вот та психология, которая поддерживается всеми этими исключительными мерами. Получается такой круг: настроение вызывает меры, а меры создают настроение. А вот прибавьте еще людей, на которых можно было бы свалить вину... На воре шапка горит... Я уверен, что никакого шпионажа там нет. Если Вы знаете тамошних евреев-хасидов, то Вы поймете, что они и не способны на это. Ведь они, в этом чуждом для них деле, ничего и сообразить толком не могут... (Барк все время сочувственно покачивает головой и жестикулирует.) Это почти все, что мы хотели Вам сообщить.

П.Л.Барк: Я это все уже, отчасти, слышал... Но это все в руках военных властей. Мы даже и вмешаться не можем.

Н.М.Фридман: Но, я думаю, что Вы все-таки многое можете сделать. Вы могли бы обратить внимание Верховного Главнокомандующего, могли бы довести до сведения Государя...

П.Л.Барк: Да, конечно, ...мы все это делаем... Когда мы узнаем факты какие-нибудь, мы доводим до сведения... А я бы Вам все-таки посоветовал обратиться к Председателю Совета Министров.

Н.М.Фридман: Мы уже у него были, подали докладную записку. Он обещал ее передать Верховному Главнокомандующему... А вот есть еще область, где все-таки правительство может очень многое сделать. Вот, все эти беженцы — все они разорены, голодают. Все они нуждаются в помощи. На одних варшавских беженцев приходится тратить до двухсот тысяч в месяц, а средств у них нет. Правительство почти не помогает, только Татьянинский комитет кое-что дает.

П.Л.Барк: Мы денег не жалеем. Мы деньги посылает в Общественный комитет и нужно сообщить Енгалычеву, чтобы он повлиял на Общественный комитет.

Н.М.Фридман: А вот, в Ваших руках еще одна мера, которая и денег стоить не должна: многие из этих беженцев, скученных в Варшаве, могли бы пристроиться, отчасти, при помощи родственников, отчасти, трудом вне черты. Если людям приходится бежать от врага, если их заставляют бежать свои же власти, то им, по крайней мере, следует предоставить бежать туда, где им удобнее и легче устроиться. Надо, по крайней мере, на время войны не применять правил о черте оседлости.

П.Л.Барк: Да, я вполне с Вами согласен, мой голос на Вашей стороне. Верьте, что среди Комитета есть люди, которые это понимают.

Н.М.Фридман: Надеюсь, что Вы этот вопрос возбудите в Совете министров.

П.Л. Барк: Непременно, непременно.

Н.М.Фридман: Наконец, с точки зрения народного здоровья — подумать только о том, что станет весной в тех местах, где эти беженцы так скучены, какие только эпидемии не могут там развиться.

П.Л. Барк: Да, верно, совершенно верно...

Н.М.Фридман: Я уйду от Вас под впечатлением, что Вы сочувствуете бедственному положению евреев. Что Вы возьмете на себя инициативу для облегчения этого положения.

П.Л.Барк: Непременно, непременно...

М.Е.Бомаш: Циркуляры эти издаются сгоряча, и, вероятно, ими руководит рука, враждебная евреям. Но когда они уже изданы, их исполнение переходит в руки гражданских властей. Эти последние исполняют их жестоко и сурово, каждый по-своему. В этом отношении, можно было бы кое-что предпринять для облегчения... Все эти циркуляры вносят экономическое разорение всего населения. Они имеют и плохие моральные последствия: приучают привыкшее к труду население к нищенству и попрошайничеству.

Н.М.Фридман: Позвольте Вас поблагодарить за Ваше доброе отношение.

4

Встреча г.г.Н.М.Фридмана, М.Е.Бомаша и представителей городов Кадома и Кельцы, г.г. Марбера¹⁶ и Бикермана¹⁷ с министром внутренних дел России Н.А.Маклаковым. 19.III.1915 г.

Н.М.Фридман: Мы позволили себе побеспокоить Вас визитом, поскольку считаем необходимым проинформировать Вас о бедах евреев, живущих не только на территориях, охваченных войной, но и во всей Империи. Подобная ситуация вызвана исключительными мерами, принятыми военными властями, и их беспрецедентно суровым отношением к еврейскому населению. С самого начала войны евреи были полностью солидарны со своими русскими соотечественниками в своей готовности оказать отпор врагу. Несмотря на это власти относи-

лись к ним с подозрением и враждебностью, а теперь уже все еврейское население открыто обвиняется в шпионаже. Мы отвергаем подобный ужасный навет. Сперва он распространялся антисемитскими агитаторами, боровшимися с еврейством еще до войны. Теперь же официальные лица взялись распространять это обвинение. Было заявлено, что евреи Галиции, Польши и Буковины — шпионы и что они являются врагами России. В этом вопросе не делается различий между неприятельскими и российскими подданными. Мы представим вам все документы, подтверждающие наши заявления.

Н.А. Маклаков: Извините меня, господа, все эти вопросы находятся в компетенции военных властей. Хотя я и знал все, что вы мне сейчас сообщили, я ничего не могу сделать. Я не могу вмешиваться. Было бы ошибкой с вашей стороны, господа, опубликовать что-либо о ваших визитах к министрам в газетах. Результаты такого поступка окажутся прямо противоположны вашим ожиданиям. Таким образом вы сами себя загоните в ловушку. Один из членов Совета министров уже выразил свое несогласие и заявил, что никогда не связывался с вами. Все напечатанное в газетах немедленно читается в Ставке Главнокомандующего, и если они решат, что министры пообещали что-либо евреям, они смогут сказать: “Вы действуете вразрез с нашими намерениями! Вы так ничего хорошего не добьетесь”. Они готовятся ввести более суровые ограничения... Есть много вещей, о которых я не могу сказать вам, но если вы опубликуете что-нибудь из того, что говорилось или происходило здесь, я опровергну это, и газета будет жесточайше оштрафована.

Н.М. Фридман: Мы ничего не публиковали в газетах, веря в хорошее отношение министров к страдающим евреям, но если Вы считаете, что даже это для Вас неприемлемо, мы будем действовать по Вашему усмотрению и хранить молчание. Если вы хотите, мы не опубликуем ничего о нашем посещении.

Н.А.Маклаков: Наоборот... во-первых, желательно чтобы ваши собраты узнали о том, что вы делаете для них, и, во-вторых, это же неудобно, Вы понимаете, не посещайте меня, повидав уже всех других министров... Связи между военными и гражданскими властями сейчас столь обострились, что нужна величайшая осторожность, чтобы сохранить верную линию руководства.

Н.М.Фридман: Хорошо, позвольте нам перейти к остальным, по-видимому, не столь сложным вопросам. Вы, конечно,

знаете, о взятии заложников в Полтаве и Екатеринославе. Эти невинные люди посажены в тюрьму в ужасных условиях, по сорок человек в камере.

Н.А. Маклаков: Это был не мой приказ...

Н.М. Фридман: Верно, приказ не Ваш, но его исполнение в Ваших руках, так как Вы глава министерства. Не было приказа-но, чтобы они находились именно в тюрьме, и Вы можете содержать их в более приемлемых условиях, например под домашним арестом.

Н.А. Маклаков: Вы правы, в приказе ничего не говорилось о тюрьме явно, но я получил устные инструкции от Ставки. Я не могу ни изменить, ни проигнорировать эти инструкции. Я обязан содержать заложников в тюрьме.

Н.М. Фридман: Я уверен, Вы можете разрешить вопрос об условиях их содержания...

Н.А. Маклаков: Не думайте, господа, что мы ждали ваших запросов и ничего не предпринимали заранее. Поверьте мне, Совет министров предпринимал усилия по этому вопросу и до того, как вы его поставили. Я могу только дать вам один маленький совет. Дайте заложникам самим отправить Великому князю телеграмму, взывая к его великодушию и милосердию. Так как они не совершали преступления и поскольку у Великого князя доброе и благородное сердце, он простит их и отпустит, заменив заключение какой-либо другой формой контроля, необходимой их общине. Я уверен, что его великодушное сердце простит их по поводу Святой Пасхи. Каждый из них должен послать телеграмму отдельно, и не через вас. Это важно, так как Ставка не должна заметить никакой связи между вами и заложниками.

Марбер: Совершенно невозможно последовать вашему совету, Ваше Высокопревосходительство, поскольку никто к заложникам не допускается и не может дать им совет.

Н.А. Маклаков: Какие-нибудь влиятельные местные жители могут Вам помочь. В праздники людям разрешается посещать заключенных.

В конце своего разговора с еврейскими представителями министр сказал: "Каждый день огромное количество женщин, детей и стариков направляются к нам из Галиции. Они переполняют города, население которых и так, без них, крайне уплотнено. У нас для своих-то людей еды не хватает, а они должны еще де-

литься куском хлеба с чужаками. Я об этом уже писал в Ставку. По вопросу заложников Ставка всегда отвечает, что они делают только то, что делают сами немцы”.

Н.М. Фридман: Да, это действительно немецкий метод ведения войны, но немцы берут в заложники только неприятельских подданных, тогда как заложники Великого князя — подданные России.

Н.А. Маклаков: Ну на то она и война, все страдают, даже немецкие колонисты.

Н.М. Фридман: Я до сих пор не слышал, чтобы из немецких колонистов брали заложников. Есть еще один вопрос, который зависит от Вас. Это беженцы. Они спасаются от преследований как вражеских, так и наших войск. Ваш долг дать им возможность отправиться в те места, где они смогут добывать средства на жизнь. Многие из них могут быть поселены у своих родственников.

Н.А. Маклаков: Я не могу менять существующие законы.

Н.М. Фридман: В особых ситуациях всегда требуются особые меры, которые правительство применяет очень часто. Вы можете разрешить беженцам поселяться вне черты оседлости, по крайней мере во время войны.

Н.А. Маклаков: Это невозможно. Если бы я получил такой приказ, я обязан был бы сделать это, но я не могу проявлять инициативу в таких вопросах. Я всего лишь полицейский, и если я не буду действовать по закону, меня спросят после войны: “Полицейский, почему ты ослабил вожжи?” Меня тогда принудят принять к евреям еще более строгие меры. Вы видите, как сложно мое положение.

Н.М. Фридман: Да, но насколько тяжелее наша ситуация?..

Н.А. Маклаков: Я не юдофоб, но я не могу ослабить ограничений, ведь потом пришлось бы вводить новые ограничения, необходимые после отмены старых. А это противно моим убеждениям. В любом случае не могу помочь вам.

Бикерман: Я долго жил в Царстве Польском. Чтобы быть лучше информированным о поведении евреев, Вам следует обратиться к местным высшим властям. Они знают евреев и в мире и в войне, и они скажут Вам правду. Многие высшие лица говорили мне, что без евреев они не остались бы на службе более 24 часов.

Н.А. Маклаков: Вы действительно думаете, что я не знал ничего из того, что Вы мне сейчас рассказали? Я очень хорошо

знал, что ограничения, готовившиеся против евреев в коммерческих обществах Польши и особенно в Варшавской Кредитной компании, базировались на узкоэгоистичных мотивах¹⁸. Я не позволил ввести эти ограничения, но я уверен, что поляки хотят выместить вас, литовских евреев, вон из Польши. Все то, что я сказал Вам, должно оставаться тайной.

Марбер: Ситуация с заложниками очень тяжелая. Есть серьезные основания опасаться заболевания их тифом...

Н.А.Маклаков: Нет! Я знаю местные условия заключения. Вы можете не волноваться.

Резюме встречи министра финансов П.Л.Барка с руководителями еврейской общины Англии. Октябрь 1915 года.

Во время своего визита в Лондон г.Барк, российский министр финансов, подробно обсудил состояние еврейского вопроса в России с ведущими членами англо-еврейской общины. Вышнеградский, сопутствовавший ему, принял участие в некоторых из этих встреч. Еврейскими представителями, с которыми встретились Барк и Вышнеградский¹⁹, были г.г. К.Г.Монтефиоре²⁰ и Д.А.Александр²¹, президенты Еврейского объединенного (международного) комитета, Леопольд де Ротшильд²², вице-президент Лондонского комитета представителей британского еврейства и делегат Объединенного комитета, и Чарльз Ротшильд²³.

Барк был особо заинтересован в том, чтобы убедить еврейских лидеров в том, что уступки их российским единоверцам, недавно сделанные по приказу Совета Министров, составляют существенную часть реформ в еврейском вопросе, направленных на постоянное и постепенное расширение прав. Он не оспорил последовавших возражений против настоящего российского законодательства о евреях, однако заявил, что российское правительство не возьмет на себя полную их отмену, даже если часть таких законов имеют лишь временное действие. Рассматривая уступки в области образования, Барк отметил, что либерализм нынешнего министра народного образования²⁴ гарантирует поддержку и расширение реформ. Затем он указал на несвоевременность и неблагоприятность требований расширения этих уступок и их внесения в действующее законодательство. Он заявил о том, что Совет Министров движим самыми либеральными намерениями, но нет никакой уверенности в поддержке Государствен-

ной думой, особенно крайне правыми и националистами, подобных уступок.

Еврейские представители, уже знакомые с взглядами лидеров еврейской общины Петрограда и с мнением вождей новосозданного блока либералов и умеренных (прогрессивный блок. — *Перев.*)²⁵, имеющего решающее большинство в Думе, нашли, что, к величайшему сожалению, не могут согласиться с г.Барком. Они особо подчеркнули неустойчивость нынешних уступок, столь зависимых от перемены министров и политического курса. Подобные перемены в прошлом вызывались страхом перед последствиями послаблений в еврейском вопросе, о чем свидетельствуют майские законы 1882 года и столыпинские циркуляры 1907 года. Еврейские представители также указали на поверхностность самих уступок, поскольку они оставили всю Российскую Империю, вне городов, закрытой для евреев. Пока лишь незначительно ослаблены ограничения в образовании. Открытие для поселения городов вне черты, осуществленное со значительными и крайне прискорбными исключениями, позволено только из-за огромного наплыва еврейских беженцев из зоны боевых действий. Еврейские представители искренне благодарны за уступки, но не могут не рассматривать их только как временные меры, направленные на улучшение ситуации.

В ходе дальнейших переговоров еврейские представители заявили, что, как и их российские единоверцы, они желают в данный момент всемерно способствовать сохранению единства народов России и сделают все возможное для того, чтобы острые вопросы внутренних реформ, могущие помешать общему отпору врагу, не ставились в повестку дня. Таких взглядов они придерживаются в интересах не только России, но и всех союзников Великобритании. Это мнение полностью разделяется их единоверцами во Франции и Италии. Поэтому с начала войны они воздерживались от любой агитации и тем более деятельности, направленной на эмансипацию российского еврейства, и до окончания войны эта линия не будет изменена.

Соображения, высказанные ими по данному вопросу, однако, не могут приниматься во внимание евреями нейтральных стран и особенно США. Несомненно, что недостаточная благосклонная реакция российского правительства на всемерный патриотизм и жертвенность его еврейских подданных и евреев из союзных держав привела к серьезному недовольству, которое нема-

ло препятствует должному уважению со стороны союзников. Поэтому еврейские представители предложили Барку, чтобы российское правительство рассмотрело возможность некоторых уступок в еврейском вопросе. Они предложили следующую программу, как минимум, способную удовлетворить США и нейтральные государства и доставить реальное удовлетворение евреям Антанты.

1. Дарование правожительства.
2. Снятие всех ограничений в образовании.
3. Уничтожение всех религиозных ограничений в выдаче виз иностранцам.

4. Эти реформы следует зафиксировать в законодательстве Империи, а не проводить путем административных указов.

Еврейские представители отметили, что третий пункт рассчитан специально на удовлетворение американцев²⁶, которые, как известно г. Барку, были крайне оскорблены визовыми ограничениями.

Если же данная программа пока и неисполнима, то выше-названные уступки произведут хорошее впечатление, даже будучи представлены Думе в законодательном порядке. Это, конечно, не удовлетворит все насущные проблемы, но сможет убедить общественность в искреннем желании российского правительства способствовать еврейской эмансипации.

Среди других вопросов, затронутых в ходе переговоров, было массовое изгнание евреев из прифронтовой полосы, осуществляемое под предлогом их “изменнических настроений”. Барк откровенно признал, что совершена ужасная ошибка, и жалобы евреев абсолютно обоснованы. Он возложил всю вину на генерала Янушкевича, бывшего главой Генерального штаба и многозначительно добавил: “Но, как вы знаете, мы послали его на Кавказ”. Будучи крайне заинтересованным в достижении компромисса, министр заверил партнеров по переговорам в понимании их точки зрения и мотивов, которыми те руководствуются. Он также пообещал представить мнение глав еврейской общины Великобритании властям в Петербурге. Посетив затем Париж, Барк обсудил те же проблемы с бароном Эдмоном де Ротшильдом²⁷, выступавшим от имени еврейской общины Франции. Барон полностью солидаризировался с позицией своих британских единоверцев.

---

¹ Горемыкин Иван Логинович (1840—1917) — государственный деятель, министр внутренних дел с 1895 по 1899 г., Председатель Совета Министров в 1906 г. и с 1914 по 1916 г.

² *Фридман Нафталий Маркович* (1863—1925) — юрист, общественный деятель, депутат III и IV Государственных дум.

³ *Грузенберг Оскар Осипович* (1865—1940) — юрист, адвокат, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции.

⁴ *Давидсон Иосиф* (1880—1947) — врач, издатель, еврейский общественный деятель и сионистский лидер в Польше.

⁵ *Николай Николаевич* (младший) (1856—1929) — великий князь, двоюродный дядя Николая II, в 1914—1915 гг. — Верховный Главнокомандующий, с августа 1915г. — наместник на Кавказе и командующий Кавказской армией. С 1919 г. в эмиграции.

⁶ *Егорлычев Павел Николаевич* (1864— ?) — военный и государственный деятель, с 1914 г. — Варшавский генерал-губернатор.

⁷ *Янушкевич Николай Николаевич* (1868—1918) — военный деятель, с января 1914 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего, с августа 1915 г. — главный начальник снабжения Кавказской армии.

⁸ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927) — государственный деятель, министр иностранных дел России с 1910 по 1916 г. Позднее в эмиграции.

⁹ *Бомаш Меер Хаимович* (1861— ?) — врач, общественный деятель, с 1912 г. — депутат Государственной думы.

¹⁰ *Русский Николай Владимирович* (1854—1918) — военный деятель, в годы Первой мировой войны командовал рядом фронтов. Взят в заложники и затем убит большевиками в Пятигорске.

¹¹ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848—1926) — государственный и военный деятель, военный министр с 1909 по июнь 1915г.

¹² *Маклаков Николай Алексеевич* (1871—1918) — государственный деятель, с 1913 по июнь 1915 г. — министр внутренних дел, позднее лидер правого крыла Государственного совета. Расстрелян большевиками.

¹³ *Кудашев Иван Алексеевич* (1860—1933) — дипломат, в 1915 г. — представитель министерства иностранных дел при Ставке Верховного главнокомандующего.

¹⁴ *Барк Петр Львович* (1869—1937) — государственный деятель, министр финансов с 1914 г. С 1918 г. в эмиграции. Финансист.

¹⁵ *Кускова Екатерина Дмитриевна* (1868—1958) — общественный деятель, публицист, издатель. В годы войны активно выступала в защиту еврейского населения. В 1922 г. выслана из Советской России.

¹⁶ *Марбер* — личность не установлена.

¹⁷ *Бикерман* — возможно, Иосиф Менанасьевич (1867—1945) — общественный деятель, в начале века член Еврейской демократической группы. В 20-е гг. эмигрировал в Германию.

¹⁸ Имеется в виду развернувшаяся в Польше накануне войны антисемитская кампания бойкота еврейских предприятий.

¹⁹ *Вышнеградский Александр Иванович* (1867—1925) — государственный деятель, предприниматель. С 90-х гг. XIX в. на руководящих постах в министерстве финансов, член правления ряда банков, в годы войны член Особого совещания по артиллерийскому снабжению. С 1918 г. в эмиграции.

²⁰ *Монтефиоре Клод Джозеф* (1859—1939) — философ, писатель, общественный деятель, один из основателей и руководителей Англо-еврейской ассоциации, президент Еврейского исторического общества.

²¹ *Александр Джозеф Альберт* — представитель одной из наиболее именитой и богатой еврейской династии в Великобритании, общественный деятель.

²² *Ротшильд Леопольд* (1845—1917) — представитель британской ветви рода Ротшильдов, банкир, общественный деятель.

²³ *Ротшильд Чарльз* (1877—1923) — представитель британской ветви рода Ротшильдов, финансист, предприниматель.

²⁴ *Игнатъев Павел Николаевич* (1870—1945) — государственный деятель, в 1907—1908 гг. Киевский генерал-губернатор. С января 1915 г. — министр просвещения. В декабре 1916г. уволен в отставку по требованию правых кругов. С 1919 г. в эмиграции.

²⁵ Прогрессивный блок — политическое объединение, созданное в 1915 г. и объединяющее либерально-демократическую часть депутатов IV Государственной думы с умеренным крылом правых и националистов.

²⁶ Речь идет о допуске в Россию евреев — американских граждан на равных правах со всеми другими иностранными гражданами. См. об этом: *Энгель В.В.* Американский паспорт и русско-еврейский вопрос в конце XIX — начале XX в. // Американский ежегодник. 1991. М., 1992.

²⁷ *Ротшильд Эдмон Джеймс* (1845—1934) — представитель французской ветви рода Ротшильдов, историк, литератор, общественный деятель.

Перевод текстов с английского языка СТ. КЕЛЬНЕРА

Публикация, предисловие и комментарии В.Е.КЕЛЬНЕРА

ВОСПОМИНАНИЯ

Григорий Рубинштейн

Я ИЗ ЕВРЕЙСКОГО ДЕТСТВА

(Из записок Григория Иосифовича Рубинштейна)

Автор записок, Григорий Иосифович Рубинштейн, по своей редкой профессии – экономический географ, занимавшийся географией внешней торговли, по определению коллег – “ходячая энциклопедия”, принадлежал к тому поколению еврейских интеллигентов начала прошлого века, которое уже уходит от нас. Понимая это, за несколько месяцев до смерти он попытался рассказать своим детям и

внукам о своей молодости, не надеясь, что его “жизнешка”, как он обычно говорил, заинтересует кого-нибудь еще. Но, Боже мой, как светел и ироничен был его ум в эти последние месяцы 85-летней жизни, как свежа память, свободно в своем движении перо, как точно вырисовывается в его записках судьба целого поколения российского еврейства. По типичности судьбы эти записки могли бы составить сотни его современников, но он один из немногих (сказался, наверное, опыт работы ученого и переводчика и, главное, характер), кто, будучи смертельно болен, сел и написал о молодости и судьбе.

Г. И. Рубинштейн почти ровесник века: родился в 1909, умер в 1994. Родился на польских “кресах” — восточных районах Польши, густонаселенных в тот период евреями, умер в Москве. На судьбе семьи отразились все противоречия этого неоднозначного времени. Отец — врач-гинеколог, мать — домашняя хозяйка, три сына. Григорий Иосифович — младший. Старший брат, студент Киевской военно-медицинской академии, затем комиссар в Конной армии Буденного, впоследствии член Профинтерна и сотрудник Института мировой экономики. Средний был принципиально аполитичен, окончил экономический институт в Киле (Германия), затем переехал в СССР, где, вслед за старшим братом, собралась вся семья, погиб в первые месяцы Отечественной войны в рядах Московского ополчения.

Сам Г. И., как видно из его воспоминаний, в юности отдал дань увлечению коммунистической идеологией, был арестован, бежал в Чехословакию, затем в Австрию. В Вене окончил Высшую школу международной торговли; затем в Германии, в г. Аахен, окончил текстильный техникум. В те времена он уже свободно владел пятью европейскими языками и самостоятельно изучил китайский и иврит. В 1935 г. он возвратился в Россию, в Москву, устроился работать на текстильную фабрику, а затем перешел в Институт проектирования городов.

Приехав в Россию, Г. И. не зарегистрировался как член германской Компартии. Вначале ему помешали большие очереди при регистрации, а потом весьма быстро пришло осознание противоречия между догматами коммунизма и окружающей действительностью. Он видел, что уже в то время его среда, среда идеалистов — интеллигентов, коммунистов, социалистов и просто инженеров, ученых, тянувшаяся из разных стран мира строить новое невиданное общество, исчезала в недрах ГУЛАГа.

Всю войну он провел на фронте в качестве военного переводчика в разведывательном батальоне танкового корпуса. Как сам признавался, “только чудом” остался жив и прошел войну без ранений. Он был награжден 6 орденами и большим количеством боевых медалей. После демобилизации был приглашен на работу в Министерство внешней торговли, где был “невъездным” и отчаянно тяготился чиновничьей обстановкой. Как только начал формироваться Институт Африки АН СССР, он был приглашен на работу в сектор экономики, где трудился до 1993 г. Его научный авторитет был непререкаем. “Его мнение

всегда было эталоном честной, объективной оценки”, – свидетельствуют его коллеги. О многих ли это можно сказать?

Григорий Рубинштейн был известен как переводчик научной и научно-популярной литературы. Так, например, он был инициатором перевода, редактором и переводчиком очень популярного в свое время трехтомного описания путешествия двух чешских журналистов Я. Зигмунда и И. Ганзелки на автомобиле “татра” по Африке (Африка грез и действительности. М.: Географгиз, 1960).

Григорий Иосифович, как и каждый думающий человек, постоянно возвращался к вопросу своего родства и происхождения. Если в годы молодости он верил в грядущий интернационализм без национальностей, то затем убедился в огромной роли Израиля для евреев всего мира. В свете этого внутреннего выбора не случайной выглядит его борьба за публикацию на русском языке одного из первых документальных описаний борьбы Варшавского гетто – книги Б. Марка “Восстание Варшавского гетто”, которую он перевел на русский язык в 1963 г. После того как заказанный редакцией исторической литературы перевод был выполнен, начались долгие интриги на уровне Политбюро КПСС, и книга так и не увидела свет*. Неслучайным, на наш взгляд, является рассказ Г.И. о его истоках в представляемых читателю воспоминаниях. В первых своих главках он описывает детали быта еврейской семьи, процесс ассимиляции, тяготение к русской культуре, судьбы еврейской молодежи в одном из уголков Восточной Европы. Поэтому в настоящую публикацию нами включены только эти, сохраняющие большой “еврейский” колорит, главы.

* * *

Публикация производится по рукописи, подготовленной к печати и любезно предоставленной в наше распоряжение сыном Григория Иосифовича, Константином Григорьевичем Рубинштейном. Название дано публикатором. Авторское название текста, первые главы которого публикуются в настоящем номере, – “Странные судьбы”. Нами опущены главы, посвященные студенческим годам автора в Австрии и Германии. К сожалению, продолжить работу над воспоминаниями Г.И. Рубинштейну не довелось.

Подстрочные примечания – автора, затекстовые – редакторов (Л.Б. Миляковой и О.В. Будницкого).

---

* Чарный С. Развитие цензурного антисемитизма в период оттепели: (На примере судьбы книги Б. Марка “Восстание Варшавского гетто”) // Первая молодежная конференция по иудаике. М., 1997.

Введение

Эти очерки из моей долгой жизни (мне теперь 85 лет) были написаны для детей и внуков. В далекие годы молодости формировался мой облик и мой характер, какие-то незримые частицы его передались моим потомкам — по наследственности и в те периоды жизни, когда мы много общались между собой. Мне хочется, чтобы дети и внуки сохранили в памяти пережитое их предками, осознали свои корни и истоки даже в том случае, если они сами очень далеко отойдут от наших взглядов и подходов к жизни.

Когда-то, несколько десятков лет тому назад, я считал, что в моей жизни есть какой-то смысл, она чем-то может быть поучительной. Теперь у меня твердая уверенность, что никакого скрытого смысла моя жизнь не имела. Цели, которые я ставил перед собой, были по большей части иллюзорными, оценки ситуации — неправильными. Разочарования и общий крах “советского” мировоззрения я разделяю с большинством моего поколения в России — это не самоутешение, а констатация фактов. Тем не менее я не собираюсь каяться в моих записках — это скучное и бесполезное занятие!

Мне кажется, что увиденное и пережитое мною может представлять интерес не только для моих непосредственных потомков, но и для некоторых других любознательных молодых современников. Как я убедился из бесед с окружающими, я видел много необычного, о чем они никогда не слышали, или слышали совершенно по-иному, или давно забыли. В моей жизни было несколько крутых поворотов, я менял место жительства, род занятий, в конце жизни, как это ни печально, также убеждения. Теперь в моем мозгу и во всем организме лишь очень мало клеток, уцелевших со времен далекой молодости. Таким образом я прожил за восемьдесят с лишним лет, фактически, не одну жизнь, а три или четыре.

В силу сложившихся обстоятельств мне пришлось быть свидетелем многих разнообразных событий в России, Польше, Германии, Австрии. Я воспринимал эти события из моего маленького угла, как отражает окружающий мир капля воды. Но в то же время я был “активной личностью”, у меня было определенное отношение ко всему происходящему (иногда реалистичное, а иногда прерватное); в некоторых событиях я принимал посильное участие.

Хочу еще раз подчеркнуть, что это — не мемуары и не цельное произведение, а всего лишь эпизоды, очерки, написанные

по памяти через много-много лет. Поэтому прошу читателей извинить меня, если я где-нибудь неточно указываю даты или географию событий. Я стараюсь описывать увиденное и пережитое правдиво, без прикрас и художественного вымысла; только имена и фамилии действующих лиц в большинстве случаев приводятся вымышленные. В ходе изложения я старался отразить тот образ мыслей, который царил во время описываемых событий.

Белосток

Я родился в 1909 г. в семье врача в небольшом фабричном городе Белостоке¹, расположенном, если исходить из современной политической карты мира, на северо-востоке Польши, близ ее границ с Белоруссией и Литвой. В начале века это была западная окраина Российской империи, а после заключения Рижского мирного договора, завершившего войну между Советской Россией и Польшей (в 1920 г.)², Белосток вошел в пределы новообразованного Польского государства.

На протяжении многих веков через эти земли часто перекачивались волны кровавых нашествий и войн. В мои детские годы прошли первая мировая война 1914–1918 гг. и польско-советская война 1919–1920 гг. Все это наложило отпечаток на характер и образ мыслей местного населения, неоднородного в национальном и религиозном отношении.

В период, который я описываю здесь, большую часть жителей Белостока составляли поляки, евреи, русские и немцы. Я не помню сейчас цифрового соотношения этих национальных групп, да это и не имеет значения для моих очерков.

Мне пришлось столкнуться с национальными и религиозными проблемами уже в детстве*.

Моя старушка-няня была полькой и ревностной католичкой. По воскресеньям она, пользуясь религиозной терпимостью моих родителей, водила меня на торжественные молебствия в костел — величественное здание из красного кирпича, возвышавшееся в центральном районе города. Я присматривался и прислушивался с

---

* Взаимоотношения между различными национальностями в Белостоке хорошо описаны в воспоминаниях родившегося в этом городе советского полярника-радиста Эрнста Кренкеля, опубликованных в 30-х гг. в журнале “Новый мир”. Воспоминания эти относятся к первому десятилетию XX в. (Ошибка памяти мемуариста. Воспоминания Э.Кренкеля “Мои позывные — РАЕМ” публиковались в “Новом мире” в 1970-х гг. О Белостоке см. “Новый мир”. 1970. № 9. — *Прим. ред.*)

любопытством, однако никаких симпатий к таинству богослужения в моей душе не возникло.

Во время российского господства поляки подвергались в Белостоке притеснениям со стороны царской администрации и мечтали о возрождении Речи Посполитой. После того как возникла независимая Польша и Белосток стал воеводским (областным) центром, поляки стали господствующей национальной группой в городе.

Характерными чертами польской общины Белостока была значительная прослойка чиновников, полицейских и преподавателей. На каждом участке деятельности руководящую роль в польской общине играли ксендзы – образованные, деловитые и хорошо информированные.

Польские власти усиленно и бесцеремонно проводили линию на укрепление своего лидерства; все остальные национальные группы подлежали вытеснению и подчинению. Применяемая в настоящее время гуманитарная фразеология о “правах человека”, “равноправии всех национальностей и вероисповеданий” не была модной в Польше 20-х гг.

Одним из направлений укрепления польского влияния было внедрение крестьян-“колонистов” в примыкающие к Белостоку сельские районы. Эти “колонисты” были по большей части бывшие военнослужащие польской армии, которым государство предоставляло лучшие земельные участки и давало льготные ссуды на обустройство.

Политические сдвиги 1918–1920 гг. определили также судьбы русского населения Белостока – из прослойки, господствовавшей и привилегированной до первой мировой войны, они стали по возникновении Польского государства “условно терпимой” и мало влиятельной группой.

Симпатии большинства русского населения Белостока были на стороне “белой” России. Помню, что один из знакомых нашей семьи – гимназический преподаватель Гинц – долго носил в петлице пиджака трехцветную ленточку и собирался (в 1919 или 1920 гг.) ехать в Крым, чтобы принять участие в гражданской войне на стороне Врангеля³. Он действительно исчез на какое-то время из гимназии и из Белостока. Однако через несколько месяцев снова появился на горизонте, так как Врангель потерпел поражение.

В 20-х гг. в Белостоке мало кто отличал русских от белорусов – их объединяли наименованием “православные”. Они преобладали среди сельских бедняков – крестьян в окрестностях Бело-

стока. Я был знаком с их бытом, так как отец часто брал меня с собой, когда выезжал по медицинским делам в деревню. На вопрос, какой они национальности, местные крестьяне отвечали обычно: “Мы здешние («тутейшие»)”; если их спрашивали о родном языке, отвечали: “мы говорим по-простому”.

Немецкая община в Белостоке была небольшой, но сплоченной и влиятельной. В ее состав входили несколько богачей — фабрикантов и домовладельцев; остальные были мастерами на фабриках, учителями, ремесленниками.

В “обычное” время белостокские немцы казались нам спокойными и безобидными мещанами. Я брал частные уроки у пожилой немецкой старой девы фрау Рауман. Она иногда приглашала меня на “вечерние чтения” — я сидел у нее за столом вместе с шестью—семью старушками-немками, пил чаек с вкусными домашними печеньями и втихомолку посмеивался (мне было 13 или 14 лет) над их чинным ритуалом и степенными разговорами в стиле “цирлих-манирлих”.

Однако в чрезвычайных ситуациях роль немецкой общины в Белостоке менялась. Так было, например, в годы, когда германская армия оккупировала Белосток, продвигаясь в восточном направлении (в 1916—1918 гг.). Местные немцы стали тогда если не господствующей, то во всяком случае привилегированной прослойкой. Они проявили большую активность под идейным руководством местного пастора. Он возглавил, например, открывшуюся в городе немецкую гимназию, в которую охотно записывали своих сыновей не только немцы, но и поляки, русские и евреи.

Следует оговорить, что в этот период немцы в Белостоке не проявляли дискриминации по отношению к евреям*.

Более зловеще сложилась роль местных немцев в конце 30-х гг. Гитлеровские агенты стремились превратить их в проводников германского влияния, втянуть в подготовку к намечаемому вторжению в Польшу. На каждого немца, который противился этому, подпольно оказывались все виды давления и шантажа.

Жизнь нашей семьи проходила в мои детские и юношеские годы в рамках еврейской общины Белостока. Как мне кажется, это была наиболее расслоенная и разрозненная национальная группа в городе.

Большинство еврейской бедноты ютилось тогда в трущобах района Ханайки. Жители промышляли мелкой розничной торговлей, ремеслом, разными случайными подработками. У большин-

---

* Пишу это по рассказам сверстников, так как в 1916—1918 гг. наша семья не проживала в Белостоке.

ства был очень низкий уровень грамотности, они не имели профессиональной подготовки, у них не было никакой перспективы выбраться из нужды.

Современные ученые-социологи, изучающие проблемы стран Азии и Африки, называют такую прослойку населения “неформальным сектором”. Тогда их часто именовали “люфтменшн” (людьми воздуха).

Многие евреи в Белостоке были фабричными рабочими (главным образом на текстильных фабриках). Другие были кустарями, держали на дому один-два ткацких станка, и вся семья, обслуживая эти станки круглые сутки, едва сводила концы с концами.

Наряду с этим была значительная прослойка зажиточных евреев-торговцев, фабрикантов, посредников, подпольных финансистов-валютчиков.

Особую группу составляли хасиды — замкнутая фанатичная секта, приверженцы которой группировались вокруг святых “цадиков”, отпускали длинные курчавые пейсы, расхаживали в черных лапсердаках и ермолках.

Из окон белостокских религиозных школ-хедеров в летние дни можно было услышать голоса мальчиков, зубрящих вслух тексты Священного писания на древнееврейском языке.

Многие евреи (из числа бедняков и зажиточных) стремились выехать на жительство в какую-нибудь другую страну — они опасались в Белостоке погромов, не хотели служить в польской армии, стремились получить доступ к образованию и хорошо оплачиваемой работе. Однако в период между двумя мировыми войнами реальные возможности для этого были очень малы: иммиграционные законодательства США, Франции и Палестины (находившейся под мандатом Великобритании) жестко ограничивали иммиграцию, а административные службы этих стран бдительно следили за соблюдением предписаний.

Особо необходимо сказать пару слов о еврейской интеллигенции в Белостоке — к этой категории я отношу, в первую очередь, врачей, адвокатов и преподавателей; профессия инженера была в тот период редкой, и к ней не подпускали евреев. А скажем, о профессии научного сотрудника — физика, математика или биолога — я даже не слышал в Белостоке в юношеские годы.

Значительная часть еврейских интеллигентов была активными сионистами, они стремились внедрять в повседневный быт модернизированный древнееврейский язык (иврит). Другие, на-

ходившиеся под влиянием идеологии еврейских народников или бундовцев, придерживались языка идиш.

В отличие от городов центральной Польши (например, Варшавы, Лодзи), где было много еврейских интеллигентов, считавших себя польскими патриотами, еврейские интеллигенты, проживавшие в Белостоке, восприняли по преимуществу русскую культуру. Они обучались в русских учебных заведениях, говорили дома по-русски, многие служили в русской армии. Большинство из них имели весьма слабое представление о польском языке, обычаях и истории поляков. Все это создало для них дополнительные жизненные трудности в Белостоке 20-х гг., а между тем нарастала конкуренция со стороны молодых польских интеллигентов.

Различные национально-религиозные группы и прослойки в Белостоке общались между собой в своей профессиональной деятельности, в повседневной борьбе за существование. Однако в частной жизни они держались обособленно, относились друг к другу недружелюбно, часто с затаенной злобой.

Семья

Отец мой был врач-гинеколог, он окончил Киевскую военно-медицинскую академию в конце прошлого XIX в. Мать, как было принято тогда, была домашней хозяйкой. У отца с матерью, в соответствии со сценарием русских народных сказок, было три сына, я младший из них. Между мной и старшими братьями были большие возрастные интервалы, и в период, который я описываю здесь, мои старшие братья лишь изредка появлялись на горизонте. С нами вместе проживали, когда я был ребенком, бабушка со стороны матери и дедушка со стороны отца.

Отец был высоким красивым мужчиной, носил усы и небольшую бородку-“эспаньолку”; его внешность была солидной и внушающей уважение – это, несомненно, способствовало успехам в щекотливой врачебной практике гинеколога. В городе он пользовался репутацией высококвалифицированного специалиста, его охотно приглашали к своим женам люди разных национальностей, прослоек и профессий.

Общая обстановка и конъюнктура сильно менялись с годами, однако благодаря заработкам отца мы жили безбедно, во всяком случае никогда не нуждались.

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. (до моего появления на свет) отца призвали на военную службу и направили на Дальний Восток. Он с гордостью вспоминал свои фрон-

товые годы, к концу войны получил чин подполковника, был, кажется, начальником госпиталя в Маньчжурии. Будучи ребенком, я любил рассматривать его военные ордена, сохранившиеся высокую серую папаху с кокардой, кривую офицерскую саблю и тяжелую шинель тонкого сукна, которой он любил укрываться, если имел возможность подремать после обеда.

Отец мало интересовался общими философскими и политическими проблемами, читал только медицинскую специальную литературу и солидную ежедневную газету. Однако у него был сложившийся самостоятельный образ мыслей, он был мало подвержен внешним влияниям окружающих его людей.

Социалистические взгляды различных оттенков были для него чуждыми, он не воспринимал их; осуждал большевистские порядки в России. Отец относился также отрицательно к сионистским идеям, считал их бесполезной утопией. Помню, что когда представители местной сионистской организации приходили через парадные двери, чтобы получить у отца денежное пожертвование на свои цели (большинство зажиточных евреев вносили такие пожертвования), то он отказывал им, и они уходили ни с чем. Через пару дней после этого они приходили снова через черный ход; им открывала двери домработница, они тихонько вызывали в кухню маму и говорили ей, что если пожертвования не будут внесены, то сионистская организация объявит бойкот доктору Рубинштейну, и он лишится врачебной практики. Тогда мама вносила им пожертвование из "своих фондов". Отношение отца к еврейскому вопросу было однозначным: он был, как выражались тогда, ассимилятором, считал, что евреи, проживающие в различных странах, должны раствориться среди окружающих их народов, однако это должно происходить медленно и ненасильственно*.

Вместе с тем отец отрицательно относился к тем евреям, которые перешли в какое-либо христианское вероисповедание или скрывали свое происхождение. Он считал, что евреям нет оснований стыдиться своей национальности.

Отец больше всего любил свою работу и свою семью. Помню, как он бдительно следил за стерилизацией инструментов и

---

* Эти взгляды на еврейский вопрос я перенял от отца и в течение долгого времени придерживался их. Однако в дальнейшем события показали их ошибочность: я осознал, что ассимиляция не всегда возможна и желательна, оценил большое значение сионизма и создания Государства Израиль для евреев и для всей мировой культуры.

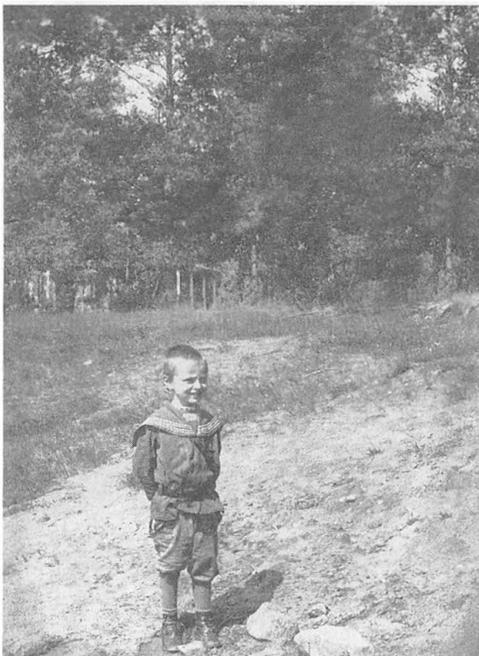

Анна Григорьевна Рубинштейн. 1914 г.

Семья Рубинштейн в 1914 г.

Сидят - слева направо: Модест (старший брат Григория), Григорий, Иосиф (отец - глава семейства - начальник военного госпиталя в то время); стоят - слева направо: Анна (мама Григория) и Константин (средний брат Григория)

**Г.И.Рубинштейн в
Белостоке в 1914 г.**

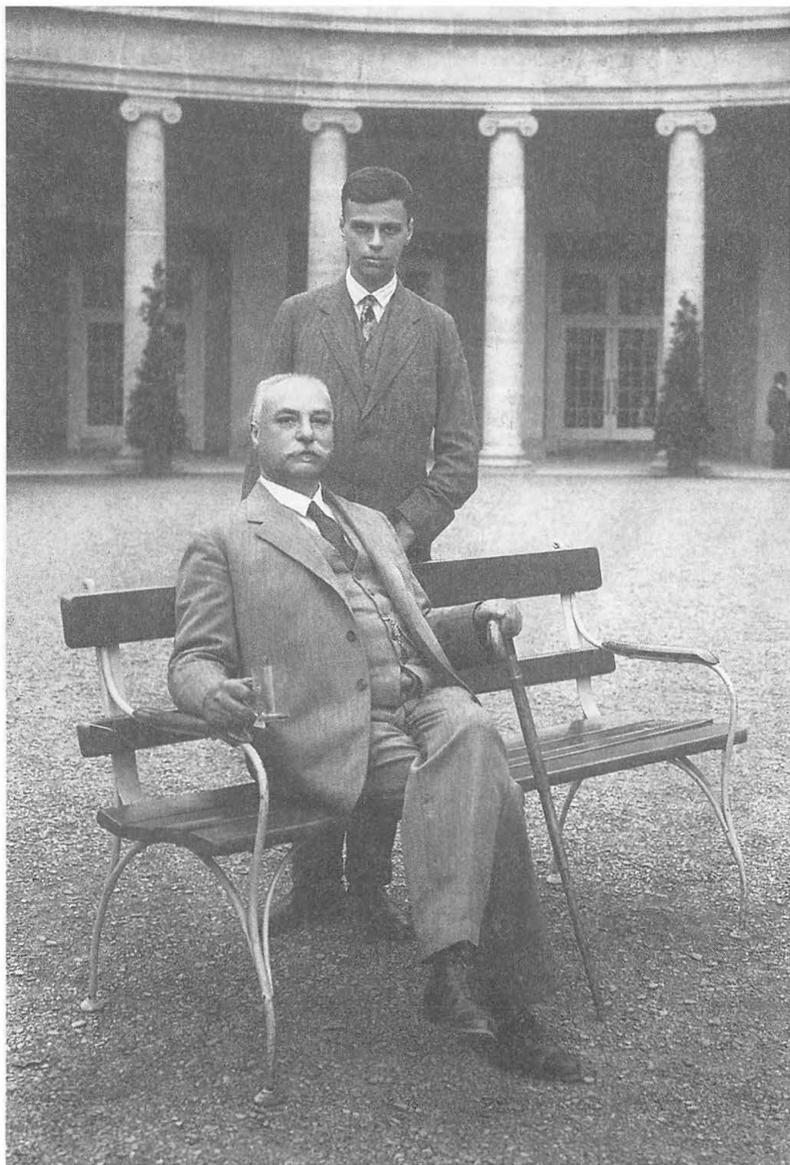
**Слева направо: Анна Григорьевна Рубинштейн, Константин Рубинштейн
и Иосиф Рубинштейн. Белосток, 1914 г.**

Григорий Рубинштейн. г.Белосток, 1918 г.

**Григорий Рубинштейн с отцом Иосифом Рубинштейном.
г.Белосток, 1918 г.**

**Иосиф Рубинштейн и Григорий Рубинштейн на курорте в Германии.
1927 г.**

**Иосиф Рубинштейн и Григорий Рубинштейн на курорте в Германии.
1927 г.**

в течение получаса тщательно мыл руки перед предстоящей хирургической операцией — все это делалось на дому с применением весьма примитивной техники.

Я плохо разбираюсь в медицине и имею, скажем, слабое представление о внематочной беременности. Помню только, что когда такой диагноз был поставлен какой-нибудь из пациенток отца, то у нас дома начиналась подлинная паника. Отец отсутствовал по несколько суток, неотступно дежурил возле больной, мы в тревоге ожидали от него вестей — телефонная связь была мало распространена в городе.

Отец часто выступал с докладами на заседаниях медицинского общества, тщательно готовился к этому, обложив себя со всех сторон книгами и специальными журналами; домашние должны были вести себя тихо и не мешать ему.

Окончив в юности классическую гимназию, отец хорошо изучил латинский и греческий языки, сохранил эти знания до старости. Когда у меня в школьные годы возникли трудности с латынью, он взялся репетировать меня, и я хорошо запомнил его пояснения к текстам Цезаря, Тита Ливия и Овидия.

Отец был по своему мировоззрению умеренным либералом; стремился к спокойной тихой жизни, мечтал о господстве в мире разума и прогресса. Ему пришлось жить в бурную эпоху войн и революций, которые беспощадно разбивали его наивные либеральные мечты. Вынужденная разлука с сыновьями нанесла ему дополнительные удары; тем не менее он сохранил до конца свой самостоятельный облик и духовный склад.

Отец умер в 1940 г. в Белостоке, за несколько месяцев до вторжения гитлеровских полчищ в восточные районы Польши.

Мать была намного моложе отца, ее выдали замуж в 16-летнем возрасте. Она окончила русскую женскую гимназию, имела более широкий кругозор, чем отец, и была в большей степени подвержена внешним влияниям. Это были, в первую очередь, социалистические идеи — их придерживалась проживавшая в Киеве многочисленная родня матери (о ней расскажу в другом месте). Брат матери Зелиг Штернберг присоединился в свои студенческие годы (это было в начале века) к социал-демократам, стал меньшевиком*. Мать не принимала активного участия в политике, но была всегда готова оказать помощь человеку, пострадав-

---

* После Октябрьской революции дядя остался верен идеям демократии, он извечал много тюрем и ссылок, покончил с собой в конце 30-х гг. в Свердловске (Екатеринбурге).

шему за свои “левые” убеждения. Вместе с тем она также симпатизировала сионистам. Мама хорошо знала и страстно любила русскую художественную литературу. Помню, что, когда я болел скарлатиной и долго лежал в постели, она ежедневно читала мне вслух “Мертвые души” Гоголя.

Мать была доброй и общительной женщиной. На ней лежали все заботы о детях, больных и потерпевших жизненные неудачи родственников, доме и хозяйстве.

В молодости у нее был короткий период счастья и удачи; казалось, что перспективы вырисовываются светло и гладко. Любимый муж успешно утверждал себя в своей профессии, благосостояние семьи повышалось с каждым годом. Родители даже могли позволить себе несколько недель совместного отдыха за границей. Однако эти иллюзии вскоре кончились: наступили грозные войны и революции, дети стали часто болеть; отец в 1930 г. попал в транспортную аварию, после чего передвигался с трудом. Жизнь матери стала тревожной и неуютной.

После того как отец умер, мои старшие братья добились в 1940 г. разрешения на приезд матери из Белостока в Москву, и она провела свои последние годы в наших семьях. Однако ужасы войны и эвакуации, смерть моего брата Кости — все это пошатнуло ее психику, и она уже не могла оправиться до конца жизни (в 1955 г.).

Моя бабушка была простой, бесхитростной и глубоко религиозной женщиной. В Белостоке, пока могла, немного хлопотала по хозяйству, готовила себе кошерную пищу; по пятницам и в канун еврейских праздников зажигала и благословляла ритуальные свечи, сочиняла вкусные религиозные блюда (например, фаршированную рыбу, гусиную шейку), долго и с чувством читала по книге древнееврейские молитвы. Однако дедушка утверждал, что она совершенно не понимает, что читает.

Признаюсь, что я, когда был маленьким, не интересовался прошлой жизнью бабушки и никогда не расспрашивал ее.

Более тесными были мои контакты с дедушкой. Он также не получил никакого образования, кроме религиозного, но располагал большим жизненным опытом, был очень уверен в себе, имел скептический склад ума.

После какого-то очередного погрома в России (в конце XIX или в начале XX в.) он эмигрировал вместе с женой в Америку, кое-как освоил там английский язык, зарабатывал на жизнь мелким продавцом-коробейником (“педлером”). Однако его коммерческие способности оказались ограниченными, любимая жена

умерла, и он, промучившись лет десять в США, предпочел вернуться в Россию к сыну (то есть к моему отцу). Дедушка не верил ни в каких богов, но был знатоком еврейской религиозной литературы и по субботам ходил в синагогу, чтобы побеседовать со сверстниками.

Он часто просматривал книги, которые я читал. Помню, что однажды увидел у меня книгу “Вымершие животные”, где были красивые иллюстрации, изображавшие разных бронтозавров и стегозавров. Посмотрев ее, он пришел ко мне возмущенный и заявил: “Все это выдумки досужих шарлатанов и обманщиков!”.

В один прекрасный день, когда мне было лет десять, он отправился в книжный магазин, купил там учебник английского в издании Берлица и заявил мне: “Теперь я буду заниматься с тобой языком”. Мои родители поддержали эту затею, и мне пришлось согласиться. Дедушка действительно учил меня примерно в течение года, изобретая сам своеобразную методику и педагогические приемы. Поскольку он знал язык только на практике, с применением многих американизмов и сленга, то эти особенности врезались мне в память и остались там на долгие годы.

Смерть дедушки от воспаления легких была для меня первым трагическим переживанием. Хорошо помню наводнивших нашу квартиру набожных евреев, сидевших на полу и читавших в течение нескольких дней заупокойные молитвы. Я, чтобы выразить мои чувства, посадил в день похорон финиковую косточку в стоявший на окне горшочек, надеясь, что из нее вырастет пальма в память о дедушке.

По окончании средней школы Костя жил в Киеве, поступил там в коммерческий институт. Как мне рассказывали, он сблизился тогда с меньшевиками, но не принимал непосредственного участия в их деятельности. Во время господства в Киеве какого-то “белого” правительства, его институт закрыли, и Костя воспользовался возможностью выехать на Запад. Пробыл несколько дней у нас в Белостоке — помню, что его пребывание нужно было почему-то скрывать от соседей, очевидно, он не имел “легальных” документов. После этого поехал в Австрию, где поступил на экономический факультет Венского университета (позднее продолжал учебу в Германии, в Киле).

Некоторые эпизоды из его дальнейшей жизни я описываю в другом месте, здесь расскажу лишь о его конце. В 30-х и начале 40-х гг. Костя работал в Москве в наркомате внешней торговли. Он уцелел во время репрессий 1937–1938 гг., но его настроение становилось все мрачнее. Он гораздо раньше меня понял всю внут-

ренную гниль и обреченность коммунистической диктатуры в СССР. Вместе с тем ситуация на Западе, где с каждым днем усиливалось влияние германских фашистов, также не внушала ему никаких надежд.

В таком настроении он и его любимая жена Ирина встретили нападение гитлеровцев на Россию в 1941 г., катастрофические поражения первых месяцев войны. Костя мог избежать военной службы по состоянию здоровья, получить бронь на своей работе, однако все это не соответствовало его характеру. Он записался в народное ополчение и был направлен на фронт оборонять Москву. Пробыл на позициях несколько месяцев, потом мудрые воинские кадровики и канцеляристы сочли его биографию подозрительной (прожил много лет за границей — в Австрии и Германии), поэтому его перевели в стройбат на Урал. Оттуда я получил в сентябре 1942 г. сообщение о его смерти в городке Кособродске.

Поскольку я был направлен осенью в служебную командировку на Урал, я воспользовался случаем и в начале зимы проехал в Кособродск, чтобы разузнать что-либо о последних днях жизни брата. Разыскал воинскую часть, где он служил; командиром части был симпатичный немец из Поволжья, член партии, которого также сочли подозрительным из-за его происхождения и поручили командовать людьми, биографии которых не были кристально чистыми в глазах НКВД. Они должны были рубить лес для нужд фронта.

Как мне рассказали офицеры и сослуживцы, они в Кособродске быстро убедились, что Константин не может таскать бревна и отнеслись к нему человечно, сделали писарем при штабе. Однако он не выдержал и этой воинской жизни, вскоре простудился; никаких лекарств в медсанчасти тогда не было, и он через несколько дней скончался. Как я узнал позднее, в тот же самый день умерла его жена, находившаяся в эвакуации в Ульяновске; почта в этот период фактически не функционировала.

Я постоял над могилой брата под соснами, договорился с командиром части о сооружении деревянного надгробия и отбыл из тоскливого Кособродска. Передо мной стояла еще задача сообщить матери об обстоятельствах смерти ее сына — таких бессмысленных и таких обиденных в эти страшные месяцы зимы 1942 г.

Мой старший брат Модест сильно отличался по своему характеру и душевному складу от Константина. В нашей семье Модеста считали образцом здоровья, жизнерадостности, энергичной деятельности. Он окончил среднюю школу, когда я был еще маленьким ребенком, и пытался поступить в одно из российских

высших учебных заведений, но это оказалось невозможным в связи с усилением в этот период антисемитизма. Тогда отец предоставил ему возможность получить образование за границей.

Каково же было удивление семьи, когда вскоре прибыла телеграмма из Гамбурга, в которой Модест сообщал, что завербовался юнгой на судно, отправлявшееся в Бельгийское Конго (знаю об этом из рассказов родственников, мне тогда было только два года).

Плавание Модеста прошло успешно, он посмотрел немного бесконечно далекую в те годы Тропическую Африку и вернулся в Европу, привезя с собой большой круглый кокосовый орех и другие экзотические сувениры, которые были торжественно установлены в кабинете отца. Модест выехал в Швейцарию, поступил там в университет в Цюрихе, стал социал-демократом, большевиком.

Не буду рассказывать здесь подробно его дальнейшую биографию. Он вернулся до начала первой мировой войны в Россию, обучался медицине в Петербурге и в Москве. Побывал на фронте в качестве врача в начале 1917 г., потом принимал участие в Октябрьской революции, в гражданской и второй мировой войнах.

По заданиям высоких инстанций он выезжал в 20-х гг. в разные страны, чтобы ускорить там грядущую революцию — поездки были интересные, романтические, иногда опасные; но мировая революция все же не состоялась.

Модест работал в разных партийных и государственных организациях, сначала на высоких постах, потом пониже, в последние годы жизни был научным сотрудником. С ним считались как с представителем “старой гвардии”, присвоили звание профессора, охотно печатали его работы по вопросам мировой экономики, научно-технической революции. Вместе с тем его понемногу оттесняли, он плохо подходил к стилю пришедшей к власти номенклатуры; к тому же не любил администрировать.

Внешне он оставался до конца верным последователем генеральной линии или, вернее, сменявших одна другую генеральных линий партийного руководства. Я помню, что как-то спросил у него во второй половине 60-х гг., читал ли он произведения Солженицына “В круге первом” и “Раковый корпус”. Он ответил, что, насколько ему известно, эти произведения не публиковались легально в каких-либо журналах, а читать что-нибудь, распространяемое самиздатом, он считает недопустимым по этическим соображениям.

Думаю, что при его большой эрудиции и информированности он тогда давно уже понял, что не все ладно в “Королевстве датском”, но остерегался делиться своими мыслями с кем-либо, а тем более со мною. Модест любил меня, но считал человеком недостаточно солидным и прежде всего недостаточно правоверным. Ведь подумать только, я даже не состоял в КПСС и, как ему было известно, не стремился стать членом партии.

Модест умер в 1969 г. в Москве. Его кончина была для меня большим горем, он на протяжении всей жизни — моей и других членов нашей семьи — оказывал большое влияние на судьбы. На его похороны явилось много людей — Модест был, как выражались тогда, красочной личностью, популярной среди тех, кто сталкивался с ним на работе и на войне.

В похоронном автобусе я разглядывал его немногих оставшихся боевых товарищей, чудом уцелевших после войн и репрессий. На скорбных лицах, искаженных болезнями и разочарованиями, было запечатлено, что их эпоха безвозвратно миновала и они пережили себя.

Дела домашние

Возвращаюсь к описанию моей жизни в Белостоке. Мы проживали в начале 20-х гг. в большой квартире, расположенной на втором этаже каменного дома, принадлежавшего богатому колбаснику с благозвучной фамилией Шмурло.

Две комнаты в квартире были предназначены для профессиональных нужд — это была приемная (гостиная) и врачебный кабинет отца. В приемной была красивая мягкая мебель с чехлами, на стенах висели написанные масляными красками картины, на столиках лежали иллюстрированные журналы для ожидавших отца пациенток.

В кабинете стояли медицинское кресло, тазовые кости женского скелета под стеклом, стеклянные шкафчики с инструментами и лекарствами, гипсовый бюст Пирогова и большой стол отца с массивным письменным прибором. На столе лежали толстые учебники и научные труды по гинекологии. Когда я стал подростком, то в отсутствие отца внимательно рассматривал иллюстрации в этих учебниках с далеко не научными целями. На всех полочках и карнизах виднелись любопытные статуэтки и сувениры — многие были подарены отцу благодарными пациентами. Некоторые безделушки уцелели и лежат еще в моей квартире.

В комнатах было множество книг различного содержания — родители и братья любили покупать книги, а дядя Зелиг и киевские родственники были завзятыми книжниками и часто привозили или присылали книги. Мне не возбранялось копаться в шкафах и читать все, что вздумается.

Я рос слабым и неспортивным мальчиком, хотя родители пытались привить мне любовь к физкультуре, купили футбольный мяч и велосипед. Однако этот инвентарь использовали в основном мои товарищи, а я, к их удивлению, ни разу не пошел даже на матч знаменитых в то время футбольных команд, приезжавших “гастролировать” в Белосток. Увлекался только игрой в крокет и во время пребывания летом в семье приятеля, проживавшего в Беловежской пуще, выучился там плавать в реке.

Родительский режим в доме был очень мягким, лет до 13–14 родители пользовались в моих глазах авторитетом, больших педагогических конфликтов не было. В младших классах у меня оставалось много свободного времени — следует напомнить, что тогда не было телевидения и регулярного радиовещания, в Белостоке не надо было пользоваться транспортом. Единственное требование, которое предъявляли мои родители, помимо школьной учебы, заключалось в том, чтобы я занимался дополнительно иностранными языками. В этот период в интеллигентных слоях Белостока считалось, что без хорошего знания европейских языков молодой человек не может преуспеть в жизни, а скажем, солидные познания по математике или физике не обязательны — это на любителя.

Религия не играла большой роли в моей жизни. Как я уже говорил, родители не были религиозными, но в какой-то степени считались с обычаями и требованиями общины, чтобы не вступать с ней в конфликт. Когда мой возраст приблизился к 13-летию, родители сказали, что мне надо подготовиться к еврейскому обряду совершеннолетия (по аналогии с конфирмацией у христиан). Я подчинился, но, как говорится, без всякой убежденности и энтузиазма. Поскольку я не умел молиться, мне наняли репетитора, симпатичного юношу лет 16, убежденного сиониста. Он с большим рвением преподавал мне основы древнееврейского языка и часто спрашивал: “Ты занимаешься потому, что этого требуют твои родители, или ты сам убедился в необходимости изучения языка?”. На это я откровенно отвечал: “Учусь потому, что этого хотят родители”.

В середине мая настала моя очередь, и я направился на церемонию в синагогу. Как мне потом рассказали товарищи, я “выс-

тупил” очень неудачно: выходя на кафедру синагоги, забыл надеть ритуальный полосатый шарф “талес”, невпопад отвечал на вопросы синагогального служки, спутал мое древнееврейское имя Цви (с тех пор приятели меня дразнили “Гриша-Цвиша”). Однако сумма пожертвования в пользу синагоги, ассигнованная отцом по случаю моего совершеннолетия, была достаточно высокой. Мои промахи замяли, дома меня ждал вкусный праздничный обед.

Одно время, когда я учился в младших классах, отец задумал регулировать мои школьные знакомства. Будучи старейшим врачом-гинекологом в небольшом городе, он знал почти всех жителей центрального района.

И вот у нас дома происходили диалоги примерно следующего содержания. Действующие лица: отец и я (в возрасте 11 или 12 лет):

Отец: Как зовут девочку, которая сейчас заходила к тебе за тетрадкой?

Я: Галя Скавронская.

Отец: А сколько ей лет?

Я: Не знаю точно, кажется 12.

Отец: А где она живет?

Я: На Заречной улице, около здания почты.

Отец (задумавшись, наморщив лоб): А, вспомнил этих Скавронских! Только здания почты тогда еще не было на Заречной улице. Роды были тяжелые, я эту Галю щипцами тащил. Потом мне целый год пришлось ждать от них гонорара. Но ничего, это порядочная семья, ее отец работает теперь провизором в аптеке на Липовой улице. Можешь дружить с ней!

Или другой вариант высказываний отца: “А, Скавронские, помню, помню! Это жулики, несолидные люди. Не надо тебе дружить с ней!”

Отец в своем педагогическом рвении поручил мне однажды достать ему список учеников моего класса. Когда я принес список, он пометил крестиками фамилии детей, родителей которых, по его мнению, можно было считать порядочными людьми.

Увы, благонамеренные усилия отца пропали даром. Я дружил с другими ребятами и очень редко общался с теми, чьи фамилии были помечены крестиками.

Расскажу еще один эпизодик, характерный для нравов того периода. Во дворе дома Шмурло, где я проживал, на верхних этажах (лифтов в Белостоке не было) ютились в убогих тесных квартирах многие бедняки. Среди них была молодая хорошенькая

женщина Рая, о которой я узнал от соседей, что ее родители рано умерли. Она осталась одна в 18-летнем возрасте и вскоре вышла замуж за высокого здорового пожарника. Через годик Рая ему наскучила, и он смылся в неизвестном направлении, оставив жену беременной. Она с трудом перебивалась, получив какие-то крохи от дальних родственников и пособие от религиозной общины. А когда стало невмоготу, решила подчиниться неизбежному и сделалась проституткой.

Я знал тогда теоретически значение слова “проститутка” — оно попадалось в тексте книг, которые я читал, но еще не испытывал искушения изучить этот вопрос на практике. Проституция в Польше процветала в эти годы.

В Белостоке имелся хорошо ухоженный городской сад, обнесенный красивой оградой. Перед входом в этот сад обычно стояла Рая, размалеванная и покрашенная, в кричащей одежде и заманивала к себе досужих мужчин. Меня родители обучали, что я должен вежливо здороваться со всеми взрослыми знакомыми и соседями, невзирая на их одежду или иные обстоятельства. Проходя мимо Раи, я всегда приподнимал фуражку и говорил “Добрый день!”, а она отвечала мне. Видевшие это добродетельные зажиточные дамы и господа пожимали плечами, иногда открыто возмущались моим поведением. Действительно, какой скандал: подросток-гимназист на глазах у всей публики обменивается лобзаниями с известной всему городу проституткой!

Я как-то рассказал обо всем этом родителям, они долго покачивали головами со сконфуженным видом, но в конце концов все же рекомендовали мне поступать так же, как до сих пор.

Большое место в раздумьях — моих, моих приятелей и близких занимали в годы подрастания вопросы предстоящей военной службы. Под нашими окнами часто проходили, возвращаясь с учений, молодые солдатики, распевая популярную в те годы шуточную песенку польских пехотинцев, в которой часто повторялся припев:

Марыська, моя Марыська,
Пойдем со мной спать в постельку!

Мы, подростки, слушая эту песенку, многозначительно переглядывались и ухмылялись: “Ведь мы уже не деточки, все понимаем!”. В наших головешках бродили разные мысли. Честно говоря, я и некоторые мои приятели завидовали этим солдатикам:

“Какие они удалые и бодрые!” И как они пренебрегали давно наскучившими нам правилами благопристойности и приличия! Вот поют, и никто их не посмеет остановить! На лицах наших мамаш и тетюшек было написано, что они охотно заткнули бы ватой свои и наши уши, но ведь не заткнут, на этот раз руки коротки!

Нам было известно, что через 5–6 лет и перед нами встанет вопрос призыва в армию. Конечно, нам не нравилась военная муштра, и мы ощущали себя в Польше гражданами второго сорта, так что перспектива армейской службы далеко не улыбалась нам, еврейским мальчикам. Но в то же время семьи мои и моих приятелей никуда не собирались уезжать из Белостока, значит, служба в армии неизбежна. Мы знали, что многие наши родственники служили в российской армии в разное время и вспоминали армейские годы без отвращения, а иногда с удовлетворением. Никакой новой большой войны как будто не предвиделось (шел 1922 или 1923 год). Было также известно, что лидеры сионистов в Польше, стремящиеся к эмиграции в Палестину, советуют еврейским юношам не уклоняться от службы в армии, приобретать армейские навыки. Армейская муштра, конечно, тяжела, но ведь вот эти солдатики идут с учений веселые и беззаботные! Так на что же нам следует ориентироваться? Впрочем, думали мы, 5–6 лет до призыва это еще очень долгий срок, давайте займемся пока чем-нибудь более интересным и веселым!

А из-за угла улицы снова слышались далекие звонкие голоса, призывающие неугомонную Марысю не терять времени даром, использовать его по назначению.

Школьные годы

В Белостоке было несколько средних учебных заведений, но родителям было трудно подобрать для меня подходящее.

На одной из центральных улиц города, в глубине огороженного озелененного участка стояло внушительное здание, выстроенное в конце XIX в. в казенном стиле “ампир”. При российском господстве здесь размещалось государственное реальное училище, которое, как я знал, окончили оба моих брата. Теперь это была польская государственная гимназия имени короля Сигизмунда Августа. Я не помню, какие именно заслуги имел этот король перед Речью Посполитой, перед польской шляхтой или перед городом Белостоком.

Но это солидное учебное заведение считалось тогда недопустимым для евреев и православных. Прямого запрета на поступление в это учебное заведение не было, по слухам, там даже обучались несколько мальчиков неполяков. Но всем было известно, что во главе гимназии стоит ксендз, все обучение проникнуто духом казенщины и католицизма, иноверам там делать нечего.

В городе также было две или три еврейских гимназии, где обучали всем предметам на языке иврит. Они носили светский характер, находились под руководством сионистских организаций. Преподавание велось там на высоком уровне. Однако диплом об окончании этих гимназий не давал никаких прав на поступление в высшие учебные заведения в Польше или других странах Центральной и Западной Европы. Была в Белостоке, кажется, гимназия, где обучали всем предметам на языке идиш, но она также не давала никаких официальных прав на поступление в вузы.

Все это не подходило для моих родителей. Оставались две еврейские частные гимназии, где обучали ранее на русском языке, а после 1920 г. перешли на польский язык преподавания и стремились обеспечить своим выпускникам аттестат зрелости. В одну из этих гимназий меня и зачислили. Кажется, во второй или третий класс.

Годы, проведенные в этой школе, я вспоминал потом с удовольствием. Большинство преподавателей были квалифицированными, добросовестными и гуманными. Один из директоров гимназии по фамилии Зелигман, преподававший общую историю, высокий мужчина с красивым одухотворенным лицом, обладал необычайным красноречием, умел заинтересовать учеников своими нестандартными уроками. Как мне рассказывали впоследствии, у него были самостоятельные научные исследования. В других условиях, не в Польше, он мог бы легко стать профессором университета*.

Но над некоторыми учителями, которые не сумели завоевать авторитета, мы, мальчишки, буквально издевались. Так, преподавательницу латинского языка, которая была толстенной женщиной небольшого роста, чуть ли не в глаза обзывали “Куцка

---

* Зелигману, как и многим другим евреям, не удалось бежать из Белостока при вторжении гитлеровцев в 1941 г. С помощью польских друзей он в течение длительного времени скрывался в городе, часто меняя по ночам конспиративные квартиры. В 1944 г., незадолго до поражения Германии, кто-то из соседей по дому выдал его, и он был убит немецкими жандармами.

романа”. На уроках пения, которому пытался обучать нас старый седой преподаватель с консерваторским образованием, мы ревели и мычали. Вообще дисциплина в гимназии была слабая, а я был далеко не образцовым учеником, скорее, относился к разболтанным. Способности к гуманитарным и естественным наукам у меня были хорошие, а к математике — посредственные.

В 4-м или 5-м классе мы начали присваивать друг другу клички-прозвища. Меня прозвали Сенатор, но это не было связано с высоким ростом и полнотой фигуры, а объяснялось другими обстоятельствами. Как нам рассказали на уроке истории, один из безумных римских императоров, Калигула, ввел в сенат своего любимого коня и потребовал, чтобы его избрали сенатором. Мои одноклассники находили у меня большое сходство с этим легендарным животным.

В 5-м или 6-м классе на короткий период началось увлечение бойскаутской организацией. Она находилась под руководством сионистов и называлась “Шомер-Ацоир”⁴. Встречаясь, мы должны были приветствовать друг друга словами “Хазак” и “Хазак вейамац”. К сожалению, я не знаю, что это значит⁵. Мне нравились строевые упражнения, коллективные походы за город, ночевки в палатках. Однако идеологический настрой был мне чужд, а вскоре в руководстве организации начались неприятные сплетни: одного из вожатых обвинили в том, что он целовался с хорошенькой вожатой и даже купался с ней вместе в пруду. Дело об “аморальном поведении” долго и смачно разбиралось, я считал все это недостойным мещанством и вскоре вышел из организации.

Между тем время бежало и с приближением учебы в старших классах перед нами и нашими семьями возникли серьезные проблемы. Мои родители считали, что их мальчики обязательно должны получить высшее образование, они внушили это мне, но мы не знали, как продвинуться к этой цели.

Антисемитизм в Польше усилился во второй половине 20-х гг. Небольшое количество евреев — выпускников средних школ допускалось в высшие учебные заведения на основе “процентной нормы”, но и для них учеба часто становилась невозможной, так как антисемитские банды избивали их и изгоняли из аудиторий. Приходилось ориентироваться на обучение за границей. Это было для многих недоступным. Во всяком случае, нам было ясно, что прежде всего надо добиться аттестата зрелости.

В моей гимназии процесс “полонизации” проходил очень болезненно. Городское управление образования считало, что дух школы недостаточно патриотический. В учительской комнате нашей гимназии появились новые, незнакомые нам люди с явно военной выправкой. Они зорко следили за настроениями учащихся и остались, очевидно, не очень довольны. Ходили слухи, что аттестат зрелости будет предоставляться только отличникам, прошедшим дополнительные конкурсные испытания, но и это не гарантировалось. Среди еврейских гимназистов-старшеклассников настроения были упадочные или бунтарские.

Все это отзывалось и на мне, хотя я был еще легкомысленным мальчиком. И вот, после долгих раздумий, во мне созрело героическое решение: надо преодолеть внутренние тормоза и инерцию, напрячь все силы, чтобы поступить в польскую государственную гимназию. Родители одобрили этот план, обещали нанять репетитора из числа абитуриентов. Вскоре выяснилось, что мне придется за короткий срок одолеть обширную учебную программу по польскому языку, литературе и математике. Так что пришлось коренным образом изменить мой вольготный образ жизни. Я ставил будильник на семь часов утра и занимался 12–14 часов в сутки. Перерывы допускались только для еды и, часам к 8 вечера, для небольшой прогулки по близлежащим улицам. Я выдержал этот режим в течение нескольких месяцев, и к началу лета настало время для вступительных испытаний.

По основным предметам я получил четверки, но к концу сессии простудился, заболел воспалением легких и ходил на экзамены с высокой температурой.

Через несколько дней родителям сообщили, что я принят в гимназию имени короля Сигизмунда Августа. Поправившись после болезни, я с торжеством приобрел форменное темно-синее кепи с блестящим одноглавым орлом (польский государственный герб). Летом я хорошо отдохнул, окреп и первого сентября твердым шагом отправился в гимназию, чтобы начать новую жизнь.

Прежде всего передо мной возникла необходимость оценить обстановку в гимназии, сильно отличавшуюся от привычной, и как-то приспособиться к новым условиям.

В частной школе, где я раньше обучался, мальчики и девочки занимались совместно, в новой гимназии были только мальчики. Дисциплина в гимназии была очень строгой. Преподаватели чуть ли не каждый день твердили нам: “Гимназия — не для всех! Кто чувствует, что не может справиться с предъявляемыми тре-

бованиями, пусть не теряет времени, обсудит этот вопрос с родителями и сам уходит из гимназии”.

В классе было около 40 учеников, из их числа 36 поляков, три еврея и один русский. Директором гимназии был ксендз Халко. Он был небольшого роста, ходил тихо, держался где-то вдали, на недосягаемых для смертных высотах. Кроме него, в гимназии преподавали еще два ксендза. Один из них, ксендз Марцинковский, имел красивое лицо и стройную фигуру, ходил всегда в нарядной сугане. Взрослые, знавшие его в “частной жизни”, утверждали, что он был большим сердеедом, покорителем дамских сердец. Он преподавал у нас самые ответственные предметы: польский язык и математику, причем чувствовалось, что у него достаточно солидный запас знаний.

Кроме него, был еще один ксендз (его фамилию я запомнил), преподававший закон божий. Во время его уроков иноверцы были свободны, могли заниматься своими делами. С разрешения преподавателя я иногда оставался в классе и с интересом прислушивался к изложению догматов католической религии. Наряду с чисто богословскими предметами значительная часть учебного времени посвящалась, если говорить современным языком, своеобразной политинформации — ксендз этот был единственным преподавателем в гимназии, который рассказывал ученикам старших классов об основных событиях в мире и в Польше, освещающая их с точки зрения католической церкви.

После прихода в класс и ежедневной утренней переключки все ученики-католики направлялись в актовый зал, где в течение 15 минут распевали молитвы на латинском языке. Когда я воскрешаю эти минуты в памяти, то до сих пор у меня в ушах звучит:

Ave, Regina coelorum,
Atque Mater angelorum,
Ave Maria...*

Мелодия была красивая, средневековая, но мне почему-то становилось жутковато от этих торжественных звуков.

У многих одноклассников я заметил на лацканах куртки значок из двух букв: “СМ”. Я спросил, что это означает, и мне объяснили: “Содалиция Марьяньска”, то есть “Товарищество Святой Марии”. Цель этого товарищества — помогать преподава-

---

* Славься, царица небесная,
Матерь ангелов.
Славься, Мария.

телям и ксендзам в соблюдении учениками принципов святой церкви и общего благонравия.

Наряду с польским языком и математикой ведущими предметами в гимназии были латинский и иностранные языки, а также история. Физика и химия играли второстепенную роль, специальной аппаратуры для опытов было очень мало.

Учиться мне было трудновато, но через несколько месяцев я завоевал репутацию “хорошиста” и удовлетворился этим.

Запомнился мне инцидент на уроке общей истории. Поскольку я любил этот предмет и ранее прошел неплохую подготовку у Зелигмана, то теперешний преподаватель пан Чарнецкий держал меня на хорошем счету и часто поручал небольшие выступления-рефератики. Мы проходили в это время эпоху Реформации и религиозных войн. Я решил похвастать своей образованностью и поднял руку на уроке. Преподаватель предоставил мне слово. Я был тогда еще очень наивен и начал вдохновенно рассказывать о торговле индульгенциями, о разложении в среде католического духовенства в XV–XVI вв., о безнравственности в Ватикане. Неожиданно преподаватель прервал мое словоизлияние и строго сказал: “Не знаю, где Вы начитались такой ереси, выбросьте это из головы как можно скорее! Папский престол занимали в этот период выдающиеся и высоконравственные люди”. Я, можно сказать, остолбенел: ведь то, о чем я говорил, казалось мне несомненным и общеизвестным; если все обстояло благополучно в церковной жизни, то почему возникло движение Реформации в Западной Европе? Но спорить с преподавателем в этой гимназии было недопустимо, да и как я мог доказать свою правоту? Пришлось сесть и замолчать.

В общем, я постоянно испытывал в гимназии чувство угнетенности и изолированности. С течением времени я научился различать, кто из одноклассников относится ко мне более или менее корректно, но все же не мог преодолеть отчужденности.

Опишу еще один характерный эпизод. Нам сообщили, что в Белосток приезжает Юзеф Пилсудский⁶. Не помню точно, в каком году это было и каково было тогда официальное положение Пилсудского. Во всяком случае он был первым лицом в государстве. И вот в назначенный день школа строем направилась на площадь перед костелом. Здесь находилась вся верхушка воеводской и городской администрации, представители гарнизона, чиновники государственных учреждений. Словом — все сливки общества. Издали, с какого-то возвышения, нас приветствовал уса-

тый пожилой маршал, пользовавшийся тогда большой популярностью у народа. Потом начальство прошло внутрь костела и началось торжественное молебствие. Огромная толпа, сняв головные уборы, принимала в нем участие на площади.

Следует напомнить, что тогда еще не применялись ни радио, ни громкоговорители, однако режиссура действовала безупречно, служба порядка старалась в поте лица. По ритуалу католической мессы есть момент, когда все молящиеся должны преклонить колена. И вот толпа на площади перед костелом в состоянии религиозного экстаза находится на коленях, а мы – иноверцы (евреи и православные), нас было на всей площади человек 15–20, вызывающе стоим среди коленопреклоненных католиков. Чувство это неприятное, я хорошо запомнил это.

Упомяну еще одну ситуацию гимназического периода. По распоряжению директора мы, ученики-иноверцы, должны были к концу четверти предоставить отметки по закону Божьему. Когда мы спросили у классного наставника, как это осуществить, он сказал: “Вы, евреи, поезжайте на дом к раввину, а православный пусть поедет к своему священнику. Договоритесь с ними, что вы должны пройти, они проэкзаменуют вас и выставят отметки”.

Я так и сделал. Пошел к городскому казенному раввину Ройзенману. Это оказался симпатичный культурный господин, окончивший где-то в Галиции теологический факультет, он пригласил меня попить чаю вместе с семейством, и мы согласовали программу обучения. Мне надлежало усвоить историю евреев по учебнику на польском языке (мои познания иврита были слишком ограниченными). Я с интересом и прилежанием изучал историю и ежемесячно приезжал к раввину сдавать соответствующий раздел. Была еще дополнительная причина для моих приездов: у Ройзенмана была хорошенькая дочка, моя ровесница, мы вскоре с ней подружились и вели беседы на разные темы.

Потом мы не виделись несколько месяцев, и я вдруг услышал от знакомых, что мою приятельницу, дочку раввина, выдают замуж – ей минуло 16 лет. Я возмутился, поехал к ней и сказал: “Как это ты, образованная девушка, позволяешь выдать себя замуж, как бессловесная тварь, совершенно не зная своего жениха?”. Она ответила мне спокойно и рассудительно: “Предположим, что меня предварительно познакомили бы с ним и мы бы встречались несколько недель или даже месяцев, как этого хотите вы – вольнодумцы. Ведь все равно это не дало бы мне

возможности действительно узнать человека, оценить его характер и душевные качества. Для этого нужно прожить с человеком года два—три под одной крышей, а это невозможно, если я не замужем. Значит, приходится положиться на суждение моих родителей. Они очень любят меня, желают мне блага, издавна знают семью моего будущего мужа”. Пришлось мне отступить с моими передовыми взглядами, и я вскоре потерял эту симпатичную девушку из виду* . Пятерка по закону Божьему была мне обеспечена.

Прошло какое-то время, и я приспособился к гимназии имени Сигизмунда Августа, изучил повадки и требования отдельных педагогов, переходил из класса в класс. В силу чрезвычайных обстоятельств, которые я описываю в следующем разделе, мне не пришлось окончить гимназический курс. Вспоминая мои школьные годы, я не ощущал симпатии к этому учебному заведению с его казенно-лицемерным духом, ассоциировавшимся в моем мозгу с Игнатием Лойолой⁷ и орденом иезуитов.

Но должен признать, что годы, проведенные в этой гимназии, принесли мне большую пользу. Я закалился в духовном отношении, впервые понял, что не следует сразу “вылезать” со своими мудрыми взглядами и суждениями, а следует сначала осмотреться, где я нахожусь и с кем я разговариваю.

Ввиду требовательности преподавателей я приобрел в гимназии довольно солидные знания, особенно по тем предметам, которые мне не нравились, но были необходимы. Я получил в гимназии навыки к систематическому интеллектуальному труду.

Впервые я усвоил там принцип: отделять свою частную жизнь от официальной. В гимназии я был спокойным, вялым учащимся средней категории, который выполнял все требования и инструкции, не имел ни с кем близких связей и не бросался в глаза. А моя частная жизнь вне стен гимназии проходила в общении со старыми товарищами из частных учебных заведений, с юношами и девушками, детьми знакомых моих родителей, а также с новыми приятелями, которые нигде не обучались из-за недостатка финансовых средств, а уже зарабатывали себе на жизнь, много читали и старались сами ориентироваться в окружающем мире.

---

* Как я узнал через много лет, вся семья Ройзенманов была уничтожена гитлеровцами в первый же день оккупации Белостока в 1941 г.

Увлечение коммунизмом

Не так благотворна истина,
как зловредна ее видимость.

Ларошфуко. Максимы

Когда мне исполнилось 14–15 лет, я начал размышлять о моем будущем, о судьбах моих товарищей и о политике. Отец выписывал на дом серьезную либеральную газету, кажется “Курьер Польши”. Я прилежно просматривал ее. В январе 1924 г. эта газета неожиданно поместила на первой странице портрет В.И. Ленина в связи с его кончиной. Помню, что это удивило меня: я знал, что официальные круги в Польше относятся резко отрицательно к большевизму. А тут большой портрет и уважительная заметка на первой странице газеты. Поскольку я тогда учился рисовать, я перерисовал этот портрет, и мы вместе с товарищами поставили рисунок на стол и поговорили вечером о том, что это был за человек и политический деятель. Однако никаких определенных взглядов или симпатий у нас тогда не было.

Вскоре после этого произошел эпизод, который произвел на меня глубокое впечатление. В Белостоке на пустыре вблизи городского сада стояло выстроенное каким-то предпринимателем здание театра. В городе не было постоянно действующей театральной труппы, зал представлялся внаем приезжим и местным гастролерам для лекций, спектаклей, торжественных заседаний, танцевальных вечеров и тому подобных мероприятий.

И вот, дело было, кажется, весной 1924 г., на стенах города появились афиши о том, что приехавший в Белосток председатель разогнанного в России большевиками Учредительного собрания Виктор Чернов⁸ сделает доклад о русской революции. Это заинтересовало меня, гимназиста-старшеклассника, и я решил пойти.

Место у меня было стоячее, народу собралось много, зал был ярко освещен. На сцену вышел красивый мужчина с зачесанными назад седеющими волосами и остроконечной бородкой. Администратор представил его публике, и он собрался приступить к докладу. Но доклад не состоялся. Лектор не успел открыть рта, как в зале погас свет. В кромешной тьме (зал не имел окон) сверху — с галереи или из-под потолка посыпался дождь каких-то бумажных листочков. Спрятав листочек в карман, каждый посетитель мог потом убедиться, что это коммунистическая листовка. Но в этот момент нам было не до чтения — в зале поднялась

паника, охрана старалась навести порядок, спешно вызванные полицейские бросились искать злоумышленников, перерезавших электрические провода и сбросивших листовки. Администратор призвал публику спокойно очистить помещение. Проходя к выходу, я слышал, как в подсобном помещении театра полиция избивала каких-то подростков, подозреваемых в содеянных преступлениях.

Через много лет после этого я узнал, что увиденное мною в белостокском театре не представляло чего-то из ряда вон выходящего. В тех странах, где коммунистическое движение было вне закона, коммунисты неоднократно прибегали к такого рода приемам, чтобы пригрозить своим противникам и обратить на себя внимание общественности. Но тогда, в середине 20-х гг., все это поразило меня, 15-летнего мальчика и заставило задуматься. Я не мог найти ответа на вопросы: что заставило подростков-коммунистов пойти на такое дело? Кто они: злостные хулиганы или герои? Как мне относиться к коммунистам и коммунизму?

В Польше в этот период коммунистическая партия была запрещена. Тем не менее все знали, что она существует и действует. По утрам, когда мы шли в школу, на стенах домов в переулочках часто виднелись недавно наклеенные коммунистические листовки — потом полиция тщательно соскребала их, и мы знали, что виновных в расклейке ожидают, если они попадутся, избиения в полицейском участке и тюремное заключение. А иногда где-нибудь на самой высокой фабричной трубе ранние прохожие обнаруживали прикрепленное неведомой рукой красное знамя. Призывали полицию и пожарных, они в поте лица взбирались на трубу среди глазееющей и иронически безмолвствующей публики, чтобы снять знамя.

Учащиеся частных гимназий знали, что такие-то их предшественники были несколько лет назад исключены из школы или арестованы по обвинению в коммунистической деятельности. Никто не осуждал их, хотя охотников подражать им также не было, во всяком случае мы об этом не знали.

У каждого старшеклассника сохранились тогда какие-то (конечно, неодинаковые) воспоминания о военных месяцах 1920 г., когда Красная Армия наступала на Варшаву и Белосток в течение короткого времени находился под властью большевиков.

Мне было тогда 11 лет, и я могу говорить только об ощущениях и смуглых воспоминаниях, но они оставили свой след. Помню, во время пребывания Красной Армии, молодежь проводила целые дни на улицах. Мы, мальчишки, вертелись вокруг под-

ростков и взрослых. Никто в это время не работал, фабрики простаивали, рабочие жили впроголодь. На каждом углу то и дело возникали группки оживленно дискутирующих людей, обсуждавших события и лозунги, напечатанные в бесплатно раздаваемых газетках на польском, русском и еврейском языках. Какое-то случайно проходившие красноармейцы пытались разъяснить публике перспективы “Советской Польши” и предстоящей в ближайшее время мировой революции, но было заметно, что они и сами не особенно разбираются в этом.

В небольшом флигеле, расположенном во дворе дома Шмурло, проживали тогда на постое два комиссара в черных кожаных куртках с большими револьверами на поясе. Они не принимали участия в уличных дискуссиях и митингах, держали себя сдержанно и корректно по отношению к окружающим, иногда обменивались несколькими шутивными фразами с нами – младшими школьниками. Они говорили, что нас ожидает счастливая, богатая и интересная жизнь в коммунистическом государстве, где будет всеобщее равенство.

Все это быстро миновало, мы услышали, что полякам удалось с помощью Матки Боской свершить “чудо на Висле” и нанести поражение Красной Армии. Раздумывая обо всем этом, мы (я и двое – трое моих товарищей) пришли к выводу, что надо лучше разобраться в политике и начали искать инструкторов-наставников. Обсудив несколько возможностей, решили обратиться к Наде Лерер. Мы знали, что ей 17–18 лет, она несколько лет назад обучалась в той же, что и мы, частной гимназии, потом ее исключили, и она занималась репетиторством, давала уроки математики и физики школьникам. Это была скромно выглядящая высокая девушка, внешне не особенно привлекательная, но с красивыми большими серыми глазами и сосредоточенным выражением лица.

Узнать ее адрес было нетрудно. Она жила за зданием городской тюрьмы, и мы в какое-то воскресенье втроем отправились к ней. Крохотная, бедно обставленная квартирка была расположена в деревянном доме без удобств. Надя жила вместе с отцом, стареньким подслеповатым меламедом, преподававшим Священное писание.

Посещение было очень кратким, мы представились Наде и сказали, что хотим ознакомиться с общественно-политической литературой, но не знаем, что читать, и просим ее дать нам рекомендации и, если не поймем чего-либо, пояснить нам. Для нее такие просьбы не были, очевидно, неожиданностью. Она пред-

ложила нам подождать и быстро составила небольшой список книг и брошюр на русском и польском языках, которые легко было получить в платной городской библиотеке, где все мы были абонентами, зачитывались ранее Жюлем Верном и Луи Буссенаром.

В списке значилась, конечно, только легальная литература, преимущественно книги Каутского, Бебеля, Плеханова, польских социалистов, брошюры Маркса и Энгельса. Все это открыло нам новый мир. У меня была отдельная комнатка рядом со спальней родителей, никто не возбранял мне читать хоть целую ночь. Раз в неделю мы собирались у Нади Лерер, потом нас присоединили к ранее возникшему кружку учащихся из нескольких гимназий — юношей и девушек. Присмотревшись и решив, что мы во всяком случае не полицейские шпики, Надя и другие руководители начали давать нам наряду с легальной также нелегальную литературу, издаваемую Коммунистической партией Польши или напечатанную, как можно было легко установить, в соседней Советской России или в Германии (там коммунистическая печать была легальной). Помню, с каким благоговением собрались мы как-то у нашего друга Самуила Карповича (он был старше нас на несколько лет, я хорошо знал его семью, так как его мама была акушеркой и часто работала с моим отцом)*, чтобы вместе читать “Азбуку коммунизма” Бухарина⁹.

Вся эта литература казалась мне необычайно интересной и мудрой. Подумать только, сколько в ней содержалось неизвестных мне фактов, мыслей и терминов — одного только названия “монистический взгляд на историю”¹⁰ было достаточно, чтобы поразить мозг 15-летнего мальчишки! Я считал, что в марксистской литературе содержатся ответы на многие донимавшие меня вопросы о вопиющей социальной, политической и национальной несправедливости порядков в “Речи Посполитой” (Польской Республике).

Соблюдая правила конспирации, руководители не допускали нас, гимназистов, к каким-либо знакомствам с широким кругом подпольщиков, но все же мы получили некоторое представление о них. Должен сказать, что это также производило на меня большое впечатление. Чувствовалось, что большинство из них — люди, беззаветно преданные идее, готовые на любой риск и жиз-

---

* В 1938 г. С. Карпович был репрессирован в Свердловске как “враг народа” и “литовский шпион”.

ненные тяготы. Компартия и близкий к ней круг людей были фактически единственной политической организацией в Белостоке, где не ощущалось национальной вражды и обособленности. Никого не интересовало, являешься ли ты поляком, евреем или русским. Оценивая тебя, судили о твоей идейности, стойкости, готовности к самопожертвованию, способности оказывать влияние на окружающих. Как это все отличалось в моих глазах от сверстников из буржуазно-интеллигентских семей — их интересовал в лучшем случае футбольный матч, возможность раздобыть денежки для визита в публичный дом, а тех, кто постарше, — возможность женитьбы на невесте с хорошим приданым.

Заседания кружка продолжались уже с полгода, и тут наступил новый этап. Однажды Надя, придя на заседание кружка, обратилась к нам с такой, примерно, речью: “Вы просили меня помочь вам ориентироваться в социальных и политических вопросах, подбирать литературу по этой тематике. Я выполнила вашу просьбу. Вы понимаете теперь, что в шляхетско-буржуазной Польше не может быть равноправия и справедливости. У нас нет возможности легально бороться за улучшение ситуации, реакционный режим должен быть свергнут путем революции. Но я — не теоретик и вы тоже, насколько я знаю, не собираетесь стать учеными-теоретиками в области социальных наук. Если вы решили посвятить свою жизнь борьбе с антинародным режимом в Польше, то начинайте практические действия, выходите по ночам на расклейку листовок, ведите пропаганду в рабочих кружках на промышленных предприятиях. Я готова, по мере возможности, помогать вам, а если не смогу, то попрошу об этом другого опытного товарища. Если же некоторые члены кружка не хотят заниматься этим, выбирают себе другую жизненную дорогу — я не имею к ним никаких претензий, это их личное дело. Но с этими товарищами мне придется расстаться: я очень занята и не вижу необходимости руководить кружком в дальнейшем. Не торопитесь, пусть каждый продумает мои слова, примет решение и сообщит старосте кружка”.

Я и еще два-три члена кружка заявили тогда о своем выходе. При всем моем уважении к коммунистическим идеям и их носителям у меня не было тогда ни малейшего желания переходить на положение подпольщика-революционера.

Я мало знаю о дальнейшей судьбе этой незаурядной девушки, схожей по характеру с участниками “Народной воли” в России 70-х гг. прошлого (XIX. — *Ред.*) века. Мне рассказывали знакомые, что на психике Нади сильно отразился роспуск подполь-

ной Коммунистической партии Польши в 1938 г., осуществленный руководством Коминтерна по указанию Сталина. Во время гитлеровской оккупации Наде Лерер удалось скрыться с помощью польских друзей, она принимала активное участие в движении Сопротивления. После разгрома фашистской Германии и установления в Польше коммунистической власти Наде Лерер предоставили какую-то второстепенно-декоративную должность. Она умерла в 50-х гг.

Итак, казалось, что период моего увлечения коммунизмом и политикой закончился. Я стал усиленно нажимать на учебу в гимназии, раздумывал о том, в какое высшее учебное заведение хотел бы поступить. Приближалось окончание моего предпоследнего учебного года в гимназии.

Но кто раз вкусил “запретного плода”... Отойти от политики оказалось для меня слишком сложным. Время от времени я встречал старых кружковцев, они сохранили личное доверие ко мне, рассказывали о жизни своей и общих знакомых. Я узнавал, что некоторые уже полностью вошли в подпольную деятельность, стали членами Союза коммунистической молодежи. Узнавал о том, что некоторые уже подвергались арестам, пыткам, сидят в заключении. Слышал, каким издевательствам подвергалась в полиции знакомая хорошенькая девятиклассница Лина, попавшая на глаза полицейским в момент, когда она перевозила под своими длинными юбками привязанные к телу конспиративные бумаги.

В числе близких приятелей того периода был мой сверстник Яков — он тоже учился ранее в частной гимназии, но отец умер, денег на продолжение учебы не хватило. Семья Якова проживала в дешевой квартирке в мансарде — трудно было подниматься туда, но обстановка в квартире была уютной. Многочисленная семья часто собиралась за общим столом — на столе было мало съестного, жили впроголодь, но всегда можно было поболтать, обсудить какое-нибудь событие, интересную книгу, статью*.

Так вот, однажды Яков обратился ко мне с предложением: “Ты давно не принимаешь участия в заседаниях кружка и в каких-либо собраниях. Твой отец — уважаемый человек в городе, ваша семья на хорошем счету у властей. У тебя имеется отдельная комната, твои родители не вмешиваются в твоё времяпрепровождение. Все это создает отличные условия для хранения у тебя конспиративной литературы. Согласен ли ты на это?”

---

* Яков погиб в Испании в 1939 г. в рядах Интернациональной бригады.

Я подумал и ответил: “Да”. В течение нескольких дней после этого меня усиленно инструктировали, обучали правилам поведения и конспирации. И вот наступил долгожданный момент — я помню его, как сейчас. Мне сказали, что я должен в семь часов вечера находиться на углу улицы Заменгофа (была в Белостоке такая улица, изобретатель языка эсперанто родился здесь). Мимо пройдет оборванец, который будет держать в одной руке грязную сумку с пакетом, а в другой — большую бутылку. Он не подаст мне никакого знака, а пройдет дальше. Я должен внимательно всматриваться, не идет ли кто-нибудь “следящий” вслед за ним. Если бы такое подозрение возникло, то я должен немедленно уйти. Если обстановка будет представляться благополучной, то оборванец подойдет ко мне и передаст пакет.

Все произошло в соответствии с задуманным сценарием. Мимо меня прошел бродяга самой отталкивающей внешности, одетый в рваный женский салоп темно-коричневого цвета, с бутылкой в руке. Он несколько раз прошел туда и обратно, потом, увидев, что я спокойно ожидаю, подошел ко мне. Мы не вдавались ни в какие разговоры, я переместил пакет из его хозяйственной сумки в мою, после чего направился домой. Удалив грязную “конспиративную” оболочку пакета, я обнаружил аккуратно уложенные печатные материалы и поместил их в предварительно опорожненные ящики моего старенького письменного стола. В соответствии с полученными инструкциями хранимые у меня материалы я должен был передавать только определенным лицам.

Я, конечно, использовал возникшую оказию для внимательного изучения лежащей в ящиках моего стола литературы. Тут была “сборная солянка”: вырезки из советских изданий, листовки компартии Польши, предназначенные для расклейки или раздачи на предприятиях, и т.п. Попадались также особо ценимые мною номера теоретического органа ЦК, напечатанные на тончайшей высокопрочной папиросной бумаге.

Мое хранилище бесперебойно функционировало несколько месяцев. Приемка и выдача материалов проходила гладко и без волнений. Ассортимент передаваемых мне материалов постепенно стал изменяться. Наряду с бумагами появились, например, аккуратно сложенные красные знамена с лозунгами или эмблемами, предназначенные для развешивания на фабричных трубах или для намечаемых демонстраций. А потом в пакетах появилось и оружие — старенькие, тщательно вычищенные револьверы с комплектом патронов. Это удивило меня — ведь нам, кружковцам, внушали, что коммунистическая партия отвергает индивидуальный террор.

Я задал вопрос об этом компетентному товарищу. Он ответил примерно так: «Во-первых, бойцы рабочей службы порядка должны располагать оружием для самообороны, чтобы защищаться от нападений вооруженных хулиганских банд и полиции на демонстрациях и митингах. Во-вторых, партия переживает теперь тяжелые времена ввиду массовой засылки в ее ряды шпииков и провокаторов. Есть лозунг: «Смерть провокаторам!». Применение оружия против них вполне правомерно».

В конце лета 1925 г. я вынужден был прекратить деятельность «хранителя». Произошло это так. Помню, что у меня был грипп и я лежал в постели. Неожиданно явился мой отец, взволнованный и перепуганный, и рассказал следующую историю. За несколько недель до этого его пригласили в какое-то польское семейство, где беременность женщины проходила ненормально. Случай оказался тяжелым, отцу удалось спасти мать и ребенка при помощи сложной операции. Счастливый отец долго благодарил доктора, заверял, что будет считать себя его должником всю свою жизнь. Теперь этот человек явился к отцу и сказал ему: «По профессии я сыщик. Мне стало известно, что ваш сын-гимназист находится на учете в полиции как участник противозаконного коммунистического движения. В ближайшее время у вас будет обыск, вашего сына скорее всего арестуют. Примите меры, какие считаете возможными!»

Я немедленно вызвал пару своих приятелей, посвященных в политические дела. Мы очистили ящики письменного стола, дурью унесли все материалы, револьверы и т.д. Я дал знать об этом своему «конспиративному начальнику».

Арест и выезд в эмиграцию

По прошествии недели ночью явилась в нашу квартиру полиция с обыском. Они не нашли ничего компрометирующего, тем не менее предъявили ордер на арест, и мне пришлось проследовать в недалеко расположенный полицейский участок. Из первого же допроса мне стало ясно, что политическая полиция давно следила за мной и за кругом моих близких приятелей. Непосредственной причиной ареста послужило то, что я незадолго до этого послал по почте знакомому гимназисту в Вильно письмо, в которое вложил коммунистическую листовку. Полиция вскрыла конверт. Меня не били на допросе, я болтал следователю всякую ерунду и говорил, что не совершал никаких противозаконных действий.

Помещение для арестованных было большой грязной комнатой с нарами и зарешеченными окнами под потолком. Кроме меня, там находилось двое воришек — их убрали через несколько дней. Рядом было расположено помещение для арестованных женщин. Туда доставили ночью пьяную вдрызг проститутку, которая до утра выкрикивала нецензурные ругательства.

Я старался освоиться с непривычной обстановкой, под угро даже заснул на нарах несмотря на укусы клопов. Когда рассвело, то убедился, что стены и нары покрыты не только клопами, но и многочисленными неприличными надписями. Я разыскал в кармане брюк обломок химического карандаша и с гордостью написал: “Политический Г. Рубинштейн”.

Тем временем мои бедные родители развили лихорадочную деятельность, используя свои старые связи с местной администрацией. Мне установили очень мягкий режим заключения, разрешили передать в полицейский участок кое-что из одежды, мыло, полотенце. Преданная всем сердцем нашей семье домработница Зося принесла даже завернутую в шерстяной платок теплую яичницу с луком. Я, с разрешения дежурного полицейского, поделился с протрезвившейся соседкой.

Следователь не смог предъявить никаких дополнительных компрометирующих материалов, однако мое дело было присоединено к обвинениям против каких-то ранее арестованных коммунистов и передано в суд.

А пока отец добился, чтобы меня как несовершеннолетнего освободили до судебного разбирательства. Просидел я всего дней 10—12. С каким же восторгом я почувствовал себя свободным, схватил дома свой любимый велосипед и поехал в парк кататься с товарищами!

Чтобы убрать “от греха подальше”, родители отослали меня к знакомым на дачу. Я бродил там по лесу, собирал грибы и ягоды, следил за кузнечиками.

Однако вскоре мы узнали, что из гимназии меня уже исключили, через пару недель предстояло судебное разбирательство, и меня скорее всего засадят на несколько месяцев в тюрьму. Надо было на что-то решаться, и родители предложили достать поддельные документы и отправить меня в какую-нибудь страну учиться. А пока, чтобы полиция не изменила своих намерений, отправят меня к родственникам в Варшаву.

Время это было в Польше напряженное. В газетах только что было сообщено о сенсационном происшествии политического характера. Трое коммунистических боевиков (я запомнил их фами-

лии: Кневский, Хибнер и Рутковский) вели “охоту” на обнаруженного полицейского шпика, проникшего в подпольный городской партийный комитет. Хибнер был мужчиной зрелого возраста, принимал участие еще в деятельности левого крыла Польской социалистической партии до первой мировой войны. Кневский и Рутковский были молодыми рабочими. Полиция пыталась арестовать их, они начали отстреливаться и бежали в разные стороны по оппозиционно настроенным рабочим кварталам Варшавы с криками: “Не задерживайте нас, мы коммунисты!”. Их сумели изловить только через несколько часов, все трое были повешены на валах варшавской цитадели. Не знаю, записано ли все это в каких-либо исторических исследованиях и интересуется ли теперь кого-либо инцидент, случившийся в Варшаве в 1925 г.: с тех пор на улицах Варшавы было пролито так много крови! В моей памяти 16-летнего романтически настроенного мальчишки это глубоко отпечаталось.

Итак, родители стали подыскивать мне документы на выезд из Польши. В Белостоке было тогда 3–4 человека, у которых была репутация “дельцов на все руки” (сегодня мы сказали бы “мафиози”). При соответствующей оплате они брались за всякое поручение, готовы были достать любые поддельные документы. Предполагалось, что я поеду во Францию. Там у матери проживали какие-то дальние родственники, она уже разыскала адреса и начала писать им письма. Однако в последний момент выяснилось, что достать поддельный загранпаспорт с французской визой нашим дельцам не удастся, и они предлагают документы на выезд в Чехословакию. Ну что ж, родители охотно согласились, ведь это близко, и там обучались дети знакомых белосточан. Отец, получив документы, поехал в Варшаву, где я ожидал его у родственников, и привез мне наиболее необходимые вещи.

Оставалось преодолеть последнее препятствие: польско–чехословацкую границу. Для этого имевшийся у меня поддельный паспорт был ненадежен. Но, как нас обучили сведущие люди, эту препону можно было легко обойти.

Туристский сезон был в разгаре, и в пограничных горушках (отроги Татр и Карпат) проверка документов практически не проводилась. Я оделся по-туристски, упаковал немного вещичек в рюкзак и поехал в какой-то городок на юге Польши. Пошел с альпенштоком в горы, переночевал там в туристской хижине и на следующее утро дошел до ближайшей чехословацкой железнодорожной станции, где взял билет до Праги.

Так начался новый, “заграничный” этап моей жизни. Больше мне не пришлось увидеть Белосток, город, где я родился, провел мои детские и юношеские годы.

Прага

В 1925 г., когда я приехал в Прагу, в карманах моего пиджака лежали: плохо подделанный польский паспорт и письмо моих родителей к обучавшемуся в Праге Юлию Вольфу и его жене Брониславе Львовне. Отец Юлия был врачом в Белостоке, там же проживали родственники Брони. Эти семьи были издавна дружны с нашей семьей.

Адрес в Праге, куда я направлялся, гласил: улица Люмирова, дом 620. Я быстро нашел эту улицу и начал удивляться, как тут может быть номер дома 620? Вся тихая окраинная улочка перед моими глазами едва насчитывала пару десятков скромных домишек. В дальнейшем мне объяснили: консервативно настроенные и ленивые муниципальные чиновники на захотели менять установленный в Австро-Венгрии в XIX в. порядок присвоения домам номеров в соответствии с очередностью их сооружения в районе, вот и оказался этот дом 620-м!

Все это несколько затянуло мои поиски, но, в конце концов, с помощью доброжелательных прохожих и соседей дом был найден, и я вошел в квартиру, где проживали Вольфы.

Это была довольно солидная студенческая парочка — редкое явление в те времена. У них была четырехлетняя дочка Люся, она проживала в Белостоке у бабушки и дедушки. Юлий Вольф обучался на одном из последних курсов чешского политехнического института. Он усиленно готовился к диплому, редко посещал студенческие мероприятия. Броня, статная, красивая женщина, вела хозяйство, чему-то тоже обучалась. Она сразу взялась шефствовать надо мной. Через несколько дней для меня сняли комнатку у чешской хозяйки — мне предоставлялся горячий завтрак, посещения девушек были запрещены.

Настало время посоветоваться, наметить главные цели на ближайший период, организовать быт. Прежде всего я стремился продолжать учебу — для этого нужен был аттестат зрелости. Здесь необходимо отметить одну особенность культурно-образовательной жизни Чехии того времени: ее деление на чешский и немецкий секторы. В Праге немецкий сектор был в меньшинстве, в него обычно включали также значительную часть издавна про-

живавших здесь евреев. Они переняли во времена Австро-Венгерской империи немецкую культуру. Таким образом, в 20-х гг. сложилось своеобразное дублирование: в Праге была чешская социал-демократическая партия и немецкая социал-демократическая партия, чешские и немецкие театры, храмы, школы, высшие учебные заведения, газеты и пр.

Для иностранных студентов, приехавших учиться в Прагу, немецкий сектор имел некоторые преимущества. Многие владели этим языком у себя дома, а те, кто не знал немецкого, получали шанс овладеть им в Праге: несмотря на поражение Германии в первой мировой войне, немецкий считался языком общеевропейского значения. А чешский язык, довольно трудный для усвоения, рассматривался как язык небольшой нации, представляющий мало интереса для других народов. Скажем, молодой человек из Румынии или Болгарии, который решил посвятить себя профессии врача или электрика, думал: “Зачем я буду затрачивать время и усилия на изучение чешского — это не пригодится мне в дальнейшей жизни”. Чешская администрация, кажется, пыталась противодействовать этому, поощряла зачисление иностранцев в учебные заведения, где преподавание велось на чешском языке.

Прага в эти годы была одним из главных центров сосредоточения эмигрантов из бывшей Российской империи. Большинство из них составляли русские, но было много украинцев, евреев, грузин и т.п. Эмигранты получали “Нансеновские” виды на жительство¹¹ и какие-то денежные пособия, но найти постоянную работу было очень трудно. В Праге функционировала русская гимназия, аттестат которой признавался чешскими властями.

Политические убеждения эмигрантов из России были различны, но, как мне сказали, особенно сильны были в Праге эсеры и примыкавшие к ним различные группы народников. Они располагали хорошо налаженной организацией “Земгор”¹², в состав которой входили читальня и библиотека, выписывавшие не только эмигрантские, но и советские издания.

Мы решали, не следует ли мне поступить в последний класс русской гимназии, проучиться там год и сдать вместе с другими учениками выпускные экзамены. Броня нашла какого-то знакомого, который съездил со мной в гимназию. Но, увы, поездка сразу показала, что такой вариант для меня не подходит. На стенке в коридоре гимназии висела литературная ученическая газета. Там какой-то старшеклассник нудно доказывал, что поэт Алек-

сандр Блок никогда не признавал советской власти, а фигура Иисуса Христа в белом венчике из роз не имеет никакого отношения к красноармейцам из поэмы “Двенадцать”. Учеба в этой гимназии была бы для меня бессмысленной.

Таким образом, пришлось избрать иной вариант: дать заявку на сдачу экзаменов экстерном к концу учебного года, найти репетиторов и приступить к занятиям. Родители готовы были это финансировать — лишь бы я учился.

Итак, вопросы учебы были на ближайшие месяцы решены. А как с общественной жизнью? Оказалось, что мне повезло. Я даже мечтать не мог о такой удаче. Вблизи нашего захудалого района Нусле отходила от магистрали крутая улочка с мраморными ступеньками. Там был расположен чудеснейший Студенческий дом. Он был сооружен американской организацией УМСА (Христианская организация молодежи) и передан в дар чешскому студенчеству, куда включались также иностранные студенты, обучавшиеся в Чехословакии.

Там было все, о чем я мог мечтать. Комната для “громких” коллективных занятий и комната для тихих занятий, где нельзя было произнести ни слова. Библиотека и читальня, буфет, где можно было недорого перекусить. Бытовые помещения для стирки, глажки и ремонта белья, одежды. Столики для пинг-понга. И главное — много свободных комнат, где студенты могли группироваться в зависимости от своей национальности, землячеств, спортивных интересов и т.д. Там я сразу окупился в многочисленную компанию, которую можно было назвать “еврейские студенты из стран-лимитрофов”, то есть территорий и стран, отделившихся от Российской империи после первой мировой войны (прибалтийские государства, Польша, Бессарабия). Хотя я еще не был студентом, меня вскоре признали “своим”. В Студенческом доме можно было с пользой провести целый день, заниматься и, главное, “общаться” (тогда это словечко еще не было в употреблении), то есть присматриваться к сверстникам, знакомиться, болтать о чем хочешь. Нельзя даже представить себе лучшей okazji обсудить и решить все “мировые вопросы”: как надо понимать диалектический материализм и великую теорию Маркса—Энгельса? Как можно заработать себе на хлеб? Как следует относиться к девочкам? Как будет решен еврейский вопрос? Что означает проводимая в СССР политика нэпа, к чему она приведет? И т.д. и т.п.

Значительная часть нашей довольно аморфной компании интересовалась политикой. Наметились две основные группировки: “Ахавер” и “Прогрессивная”. “Ахавер” (на языке иврит это слово означает “товарищ”) находился под влиянием сионистов. Они доказывали, что решение еврейского вопроса в странах Восточной Европы возможно только путем организованного выезда евреев в Палестину, как только международная политическая ситуация станет благоприятной для этого. А провозглашенное в соседней РСФСР равноправие национальностей они считали фикцией.

Я хорошо запомнил выступление на одном из собраний в Студенческом доме способного и умного парня из “Ахавера” по фамилии Макагон. Нам рассказывали, что его родителей убили петлюровцы, когда он был ребенком. И какие-то родственники сумели спасти его и вывезли в Чехословакию. Обращаясь к нам, поклонникам коммунизма, он с горячностью выкрикнул: “Вы хвастаете, что в Советском Союзе равноправие наций, что среди политических руководителей там много евреев, что при зачислении в вузы и техникумы никто не интересуется вашей национальностью. А я говорю вам и запомните мои слова: пройдет 10–15 лет, и вас, евреев, будут в СССР также вытеснять, бить и шпынять, как было при царе”.

Мы, “прогрессисты”, искренне хохотали, слушая это заявление, и говорили: “Да ведь этот парень совершенно не разбирается в политике! Как же можно помыслить, чтобы евреев ущемляли в социалистической стране, где государственным гимном является «Интернационал»?! Высказывания этого студента – просто бред!”.

Прошла пара десятков лет, и события показали, кто был более дальновидным...

Что касается нашей “прогрессивной группы”, то мы преклонялись перед мудростью марксистского учения, перед личной доблестью коммунистов и комсомольцев в тех странах, откуда мы приехали в Прагу (только немногие из нас уже имели в то время опыт политической борьбы у себя дома, большинство были “необстрелянными”).

Мы располагали кое-какой информацией о том, что происходит в Советской России – из газет и рассказов приезжающих. Все мы знали, что уровень жизни там очень низок, страна разорена и только начинает выкарабкиваться благодаря нэпу, но многое опять-таки смущало нас – не означает ли это отход от принци-

пов коммунизма? Главными достижениями в СССР казались нам бесплатное образование, создание рабфаков, предоставление студентам общежитий и стипендий, беспрепятственный прием в вузы и техникумы всех, кто нормально сдает экзамены и проявляет стремление учиться. Мы знали, что тысячи и тысячи молодых людей из местечек и деревень СССР уже пользуются этими новыми правами, надеются перейти от патриархально-средневекового застойного быта к цивилизации и культуре XX века.

Пражские студенты тех лет (1925–1926) уже читали и слышали об острых разногласиях в руководстве КПСС¹³ и Коминтерна, нам это все не было понятно. Поскольку я прилично владел немецким языком, я выписал легально издававшийся в Германии бюллетень “Инпрекор” (Интернационале Прессе—Корреспонденц), где печатался полный текст материалов съездов и конференций КПСС, документов Коминтерна. По мере сил и возможностей я вместе с новыми приятелями пытался вгрызаться в смысл этих материалов.

Публика в нашем пестром коллективе собралась очень разная, было много зеленой молодежи, но были также более или менее зрелые люди, прошедшие через жизненные передраги и теперь стремившиеся как можно скорее получить дипломы, чтобы прочно обосноваться где-либо.

Несколько экзотическую группочку составляли бессарабы, особенно бессарабки (девушки здесь преобладали). Смуглые, с черными красивыми глазками, одетые скромно, но с природным вкусом. Все они ненавидели власть румын — при занятии бессарабских местечек в 1919 г. румынские солдаты и жандармы допускали возмутительные жестокости, пороли нагайками на площадях всех иноверцев — это осталось в памяти избитых на всю жизнь.

Бессарабские девушки любили своих родителей и родных, они неплохо жили дома в материальном отношении, пользуясь обилием фруктов и овощей, щедрыми дарами южной природы. Но они выехали в Прагу, чтобы избавиться от гнета местечкового быта, с его раввинами, синагогальными служками, шатхенами (сватами), пузатыми грязными лавочниками и ростовщиками. Только немногие из них могли рассчитывать на регулярную денежную помощь родителей, остальные вынуждены были зарабатывать себе в Праге на жизнь — это не отпугивало их. Мне некоторые бессарабочки казались привлекательными, хотелось поуха-

живать за ними, но я по природе скептик, и меня страшила их диковатость, их наивно-серьезное отношение к жизни. В черненьких глазах как бы горело предупреждение: “Знай, мальчик, если собираешься ухаживать за мной, что я признаю только подлинную любовь — на всю жизнь, до гробовой доски!”.

В заключение этого раздела расскажу легенду-притчу о девушке по имени Удль — я не знаю, какая часть этой легенды точно соответствует правде, а какая дополнена фантазерами.

Жила-была в Праге девушка Удль из местечка Бендеры. Она была среднего роста, невзрачная, но миловидная. Работала где-то на фабрике на окраине города, а жила в районе Нусле, поближе к нам. По окончании рабочего дня, часов в 5–6, возвращалась домой на трамвае, у остановки транспорта были расположены кафе-молочная и большая пивная со столиками на свежем воздухе. Вернувшиеся с работы мужчины — рабочие богатырского сложения с большим пузом, выбравшись из трамвайного вагона, садились за столик, заказывали порцию сарделек с капустой и мирно беседовали с приятелями, попивая холодное пиво — одну кружку за другой.

Удль долго обдумывала свое намерение, прочитала высказывания социалистических деятелей, врачей и писателей об алкоголизме, сделала себе заметочки и, наконец, решилась. Приехав на трамвае, она, как обычно, зашла в молочную, оплатила там картофельный салат и баночку кефира, взяла свой подносик и вышла.

Она под села к ближайшему столику, где пили пиво чешские богатыри. Это уже было явно неприлично, на нее посмотрели с неодобрением, но, борясь за правое дело, Удль не знала ни страха, ни стеснения. Глаза ее (в виде исключения не черные, а серо-голубые) светились решительностью. Она обратилась к компании с горячей речью, где убедительно доказывала, сколько денег растрачивается у рабочей семьи на пиво и водку, какой вред это наносит здоровью, снижает работоспособность, сокращает продолжительность жизни. Она показала расчеты: сколько полезных вещей может приобрести семья, если прекратить или хотя бы сократить расходы на алкоголь.

Рабочие сначала хмурились, но потом, присмотревшись к тщедушной фигурке Удль и прислушавшись к ее искреннему тону, решили, очевидно, что девушка одержимая, скорее всего последовательница действовавшей тогда Армии Спасения, и, улыбнувшись ей, каждый заказал по дополнительной кружке пива —

светлого или темного, в зависимости от вкуса... Удль попробовала еще “второй заход”, но убедилась в неудаче и вскоре переключила свои усилия на другие задачи.

Многие знакомые девушки-студентки, нуждавшиеся в заработке, поступали в Праге работницами на кондитерские фабрики — предприниматели этой отрасли охотно использовали дешевую и послушную рабочую силу, обходя ограничения для приема иностранцев. При этом, как мне рассказывали, сложились такие обычаи. Хозяева не мешали новым работницам есть в цеху столько конфет, сколько им хочется, и даже поощряли это (“пусть у них поболят животики — в дальнейшем у девушек возникнет отвращение к сладостям!!”). Но в то же время категорически запрещалось выносить с предприятия даже одну конфету — за это увольняли, следили очень строго, обыскивали. Наши девушки-студентки быстро осваивали несложную работу, прилично зарабатывали. Но, конечно, после утомительного рабочего дня (8–10 часов с учетом транспорта) браться за вузовские учебники не очень хотелось.

Мужчинам-студентам, если у них не было квалификации, предприниматели часто поручали работу коробейников. Они должны были ходить по квартирам и предлагать купить какую-нибудь новую детскую игрушку или особо красивые подтяжки. Однако в большинстве случаев хозяин (или хозяйка) квартиры, посмотрев тихонечко в “глазок”, предпочитали не открывать входные двери, или быстро выпроваживали непрошеного посетителя.

В то же время некоторые наши студенты с длительным стажем обучения приобрели уже серьезную рабочую квалификацию. Например, один из моих новых приятелей стал опытным закройщиком — ему легко удавалось получить заработок.

Большинство из нас (приезжих) в тот период почти не имели контактов с местным населением. Однако могли наблюдать его повседневную жизнь и немного общаться, так как совместно проживали в малогабаритных тонкостенных квартирах. В большинстве случаев это были одно- или двухкомнатные тесные квартиры с кухней-столовой размером 7–8 м². Здесь проживали малоквалифицированные рабочие, ремесленники, мелкие торговцы. Найти работу они могли в эти годы легко, но заработки были низкими, и многие сдавали внаем жилые комнаты, а вся семья перебиралась на какой-то срок на жительство в кухню, пренебрегая неудобствами. Я наблюдал их быт, трудный и убогий. По

большей части в семье ни одной книги, разве что школьные учебники и Священное писание. Очень мало одежды, белья, посуды. Газеты не выписывали — работающий глава семьи, если интересовался политикой, мог прочитать газеты в пивной. Радиоприемники были тогда только самодельные, любительские. На кинотеатр не хватало денег, молодежь ходила на танцульки, ярмарки. Нравы были грубоватые, глава семьи в целях педагогического воздействия и соблюдения порядка ежедневно поколачивал детей, жену — всех, кто был слабее его. Женщина, если не обладала мощной фигурой и боевым нравом, была совершенно бесправна.

Мне запомнилась с того времени одна семейная трагедия. Около года я жил в квартирке, где хозяином был мощный рыжий мясник высокого роста. А жена его была миниатюрной ласковой женщиной со следами былой красоты. Еще была у них дочурка Йиржинка, трехлеточка, с которой я и приходившие ко мне товарищи старались дружить. Глава семьи смертельно скучал дома и старался каждый день улизнуть в пивную, но на это не хватало денег. Потом я уехал, года через полтора снова появился на пару дней в Праге и хотел зайти на старую квартиру. Но знакомые студенты рассказали мне о событиях в семье хозяев. Мясник завел себе где-то любовницу, а его супруга, узнав об этом, решила покончить с собой, но так чтобы нанести моральный удар мужу-изменнику. Неподалеку от их дома возвышалась стена древней крепости Вышеград. Пани Хрбкова (так звали хозяйку) отправилась туда вместе с девочкой, взошла на гребень крепостной стены и, обняв Йиржинку, бросилась в пропасть...

Месяца через 3—4 после приезда в Прагу у меня сложился довольно устойчивый и спокойный распорядок дня. Репетитор, молодой земгоровец, попался удачный, он быстро изучил сильные и слабые стороны моей предыдущей подготовки, распределил задания. Я занимался интенсивно, но у меня оставалось достаточно времени для остальных дел: нескончаемых дурных дискуссий в Студенческом доме, общения с новыми приятелями, для чтения, для прогулок по очаровательной Праге.

Мой брат Костя (он закончил тогда учебу в Киле) интересовался в свободное от занятий время архитектурой и живописью, хорошо фотографировал. Хотя мы прожили с ним вместе мало времени, он успел научить меня различать архитектурные стили (романский, готику, ренессанс, барокко и т.д.), немножко раз-

бираться в творениях великих художников прошлого. Все это позволило мне с восхищением воспринимать древние монастыри, церкви, дворцы, которых тогда было так много в Праге — они часто не значились в официальных путеводителях, возникали перед глазами в самых неожиданных местах, среди каких-то обветшалых трущоб или запущенных парков. Конечно, в Праге было много “новых” (конца XIX — начала XX вв.) зданий и площадей, например, сердце города, Вацлавская площадь. Были также довольно богатые музеи. Но меня привлекало не это, а именно древние уголки города. Как прекрасны были наивно расписанный Карлов мост, синагога XIV в., романский собор святого Юлия на Пражском граде и сотни заново “открытых” мною достопримечательностей! Я любил, возвращаясь под вечер пешком из центра города в районе Нусле, зайти на мессу в монастырь Эммаус, где был специально разработанный ритуал службы с красивой музыкой и даже неким католическим подобием балета. А однажды нам удалось организовать экскурсию в дивный дворец Валленштейна, где белые павильоны и террасы были расположены в старом парке на холмах, откуда открывались виды на город, окружающие его горушки и зеленые долины...

Мое восхищение Прагой несколько охладил мой отец. В одно прекрасное утро, когда я еще лежал в постели, он неожиданно появился в моей комнатке. “Откуда ты, папа, какими судьбами?” — вскричал я обрадованно. Он рассказал, что в Вене состоялась международная научная конференция по его врачебной специальности, и он решил принять в ней участие (такое было тогда возможно!), а на обратном пути в Белосток заехал проведать меня.

Я быстро оделся, умылся, хозяйка дала нам дополнительную чашку кофе, во время завтрака отец расспросил меня об учебных и других делах. А затем я сказал: “Теперь, папа, я покажу тебе мою любимую Прагу”. Каково же было мое удивление, когда отец ответил: “Не хочется время терять, я ведь вечером должен уехать. А я этих немецких городков десятки видел, в каждом есть свой кремль, готический собор, еще какая-нибудь достопримечательность, тихая речка — все они на один лад”.

Я был возмущен, убедительно доказывал, что Прага не немецкий городок, а древняя столица чешского народа (отец отвечал: Богемия всегда была частью Священной Римской, а потом Австро-Венгерской империи). Я говорил: “Художественные ценности и колорит Праги несравнимы”, а отец возражал: “Это ты

еще мало видел, каждый город имеет, конечно, свою специфику, но сходство между ними очевидно”. Так он и не дал себя уговорить, мы погуляли немножко в скверике, он угостил меня обедом в ресторане, еще расспросил о моем быте, и я проводил его на вокзал.

Время шло, и я вдруг заметил, что приблизился день сдачи экзаменов на получение аттестата зрелости.

Экзамены прошли почти без напряжения. Абитуриентам предложили несколько тем для сочинения – я выбрал самую нейтральную из них, не связанную ни с какими политическими проблемами: “Фантастика русских народных сказок”. Написал удачно, но сделал несколько ошибок в знаках препинания, получил четверку. Задания по математике и другим предметам были легкие – подготовка, полученная ранее в белостокских гимназиях и на уроках репетитора, оказалась достаточной. И вот через недельку мне вручили аттестат, на котором стояла большая печать министерства образования Чехословакии.

Это сильно укрепило мое положение: теперь я мог поступать в любое высшее учебное заведение стран Центральной Европы, кажется, также Западной Европы.

А пока наступило лето, большинство моих новых приятелей разъехались на каникулы по домам или куда-нибудь, чтобы отдохнуть или поработать несколько месяцев, Студенческий дом закрыли на ремонт.

Мне нельзя было ехать к родителям в Белосток – там я числился подлежащим суду политическим преступником. Стало немножко тоскливо на душе, хотелось хорошо отдохнуть перед началом обучения в высшей школе, но я не знал, как к этому подступиться, еще не имел понятия о молодежном туризме. И не было желания отдыхать среди “чужих”, я еще мало адаптировался к чешскому обществу.

И вот у пары десятков членов “Прогрессивной группы”, которые, как и я, не могли или не хотели уезжать, возникла такая идея: давайте снимем на лето в окрестностях Праги несколько домиков и будем это рассматривать как дачу, наладим хозяйство при помощи самообслуживания и сможем вдоволь гулять и продолжать обсуждение “мировых вопросов”, начатое в Студенческом доме.

Осуществили мы план довольно бездарно, опыта не было, но все же осуществили, и я на всю свою жизнь запомнил эти два

летних месяца. Мы сняли деревенский дом, в котором были четыре комнаты, хозяева переехали на лето в сарайчик. Хозяевами были зажиточные крестьяне, на редкость скупые. У них было много детей, каждый имел свои обязанности по дому; кроме того, всем надлежало ранней весной и поздней осенью продавать цветы в городе. При этом больше всего ценилась одна девочка лет десяти, она была хромоножкой, и когда, босая и плохо одетая, предлагала горожанам цветы под холодным дождем, то ее жалели и покупали у нее больше, чем у остальных... Хлеб на всю семью родители запасали раз в неделю, чтобы он не был соблазнительно свежим, а подсохшим — его тогда меньше потребляли...

Но в общем хозяева не вмешивались в нашу жизнь, мы были предоставлены сами себе. Быт у нас был примитивный, за продуктами нужно было ездить в Прагу, но все же мы не голодали, по очереди наводили чистоту в доме и болтали обо всем на свете. А недалеко от нас поселились еще студенты и студентки из нашей компании.

К этому времени (лето 1926 г.) внутрипартийная борьба в СССР продолжала обостряться, мы внимательно следили за этим, а некоторые, наиболее решительные, сделали даже оргвыводы. Так, один из нашей компании, Алексей Пинес, который успел уже ранее завоевать себе авторитет в подпольной варшавской организации компартии, открыто заявил, что новое руководство ВКП(б) во главе со Сталиным отошло от принципов Ленина, а подлинными коммунистами являются сторонники Троцкого. Поэтому он (Пинес) не собирается поддерживать Сталина, не хочет также работать в СССР, а стремится уехать в Латинскую Америку. Он действительно вскоре эмигрировал в Бразилию. Но большинство из нашей компании все же считали, что определять основную линию партии должны высокие инстанции, а наше дело — поддерживать руководство, работать для построения социализма. Многие связывали свои личные перспективы с возможностями трудиться в СССР в качестве специалистов, другие ориентировались на работу в своих странах или во Франции, которая тогда принимала эмигрантов.

Мы все, конечно, много гуляли, купались в холодной каменистой речушке, мальчики ухаживали за девочками, сходились и расходились, пели песни и мечтали о будущей жизни.

Но вот лето подошло к концу, мы вернулись на “зимние квартиры”, в Прагу, и для меня настало время выбора: как я воспользуюсь приобретенным аттестатом?

Нужно сказать, что при принятии решения я исходил из детских, мальчишеских критериев, не посоветовался как следует ни с родителями, ни с Вольфами. Я знал, что если поступлю на технический факультет, то надо много чертить и делать сложные расчеты. Если поступлю на химический, то надо торчать в лабораториях. А мне было лень... Очень близко от моего жилья и от Студенческого дома было расположено новенькое здание Высшей торговой школы, где преподавание велось на чешском языке. Вот я и сунул туда документы. Решил: это не будет отнимать у меня много времени, чему-нибудь полезному я там обучусь, смогу продолжать свой старый образ жизни, углублять изучение марксистской теории. А там видно будет, ведь мне только 17 лет, возьму и переменею.

Так я и сделал. Вуз этот был новый, с неустановившейся программой. Обучали нас на первом курсе основам бухгалтерии, товароведения, рекламе, торговой корреспонденции. Помню, что поручали писать много писем, где я должен был расхваливать какой-нибудь товар, показывать его преимущества. Я упорно рекламировал новую, производимую “нашей фирмой” ваксу, крем для обуви, доказывал клиентам, что эта вакса гораздо лучше, чем производимая другими фирмами.

Были у нас и лекции по политической экономии, по изучению внешних рынков, но я редко посещал их, так как плохо усваивал на слух чешскую устную речь, не улавливал смысла. Приучил себя ходить в вузовскую читальню, где лежали красиво оформленные иностранные журналы по вопросам торговли, — я понимал в них через пятое на десятое, но внимательно рассматривал картинки. Зачеты и экзамены (их было много на первом курсе) сдавал без особого напряжения.

Так я проучился 1926/27 учебный год. За это время продвинулся важный вопрос моей жизни — получение гражданства и постоянных документов на жительство. Мои милые и наивные родители рассуждали так: “Нам не нравятся большевистские порядки в России, но нашим сыновьям они нравятся. Так пусть младший сын по окончании учебы живет и работает в стране с большевистскими порядками”.

По их указанию я в самом начале пребывания в Чехословакии подал заявление в Верховный Совет о предоставлении мне советского гражданства. Обоснование было очень простое: “Я родился в Российской империи; был еще несовершеннолетним в

1925 г., а два моих старших брата — Модест и Константин — являются советскими гражданами. Хочу жить и работать в СССР”.

Мое заявление могло бы провалиться в разных бюрократических инстанциях несколько лет, но родители усиленно нажимали на Модеста (в письмах), чтобы он помог мне. Тогда (в 1926—1927 гг.) Модест был влиятельным деятелем, с его авторитетом считались. Ему удалось убедить каких-то чиновников в Москве, и вот, в начале 1927 г. я получил письмо из советского посольства, меня приглашали зайти для получения паспорта. Послом в Чехословакии был тогда старый седой Владимир Антонов-Овсеенко¹⁴, окутанный в наших глазах романтической дымкой. Я пошел в посольство, и мне был вручен советский паспорт, правда, не торжественный красный серпасто-молоткастый, а какой-то прозаический серый, для советских граждан, проживающих за границей. Теперь я мог легально прописаться в Праге, получить визу любого государства, поддерживающего дипломатические отношения с СССР.

К концу учебного года я стал все больше раздумывать о переезде из Праги в Вену. Конечно, пребывание в Праге было для меня уютным и вольным, но я уже понимал, что обстановка здесь провинциальная, вуз мой — тоже захудалый. Я много слышал об экспериментах и достижениях социал-демократического правительства в Австрии, о великолепии австрийской столицы, о высокой репутации находившейся там Высшей школы международной торговли. Родители были согласны содержать меня еще несколько лет, где бы я ни находился. К тому же я знал, что в Вене у меня есть свойственники — родители Ирины — жены моего брата Кости (он работал тогда в филиале советского торгового представительства в Гамбурге).

И вот я направил мои документы в Вену. Через пару недель пришел ответ — венская Высшая школа признала мои документы правомочными, согласилась засчитать мне два семестра чешского вуза и зачислить меня на третий семестр. Я стал готовиться к отъезду.

Не помню, как я провел летние каникулы в том году — кажется, отдыхал один месяц на каком-то маленьком курорте Чехии вместе с приехавшей из Белостока мамой.

Оценивая потом два года, проведенные в Праге, я вспоминал их с удовольствием. Я впервые в жизни познал, что такое жизнь на чужбине, вне родительского дома, повзрослел, но все

это происходило не резко, а в дружественной обстановке. Вместе с тем, и это дошло до меня, я продолжал находиться в примерно таком же, как в Белостоке, местечковом окружении.

В Праге у меня сложилась прочная дружба с несколькими студентами и студенческими парочками, которая потом сохранилась на многие годы, даже на целую жизнь, это оказались надежные друзья. Но ко всем этим милым воспоминаниям теперь примешивается горечь. Ведь все мы, учившиеся тогда в Праге еврейские студенты, принадлежали к обреченному поколению! Через много-много лет оставшиеся еще “ветераны” попробовали сделать приблизительные расчеты, и оказалось, что из [каждых] 100 человек наших студентов погибли насильственной смертью человек 80 (а если взять только мужчин, то даже 90). Все они были убиты и где только они ни нашли смерть! Одни погибли в 1938–1939 гг. в Испании – они всеми силами стремились туда, думая, что защищают мировую демократию. Другие погибли в Польше, в гетто или в партизанских отрядах, борясь против гитлеровцев. Третьи были в рядах советской армии или проживали в западных областях Украины или Белоруссии, куда немецкие фашисты вторглись в 1941 г. И еще большая группа бывших студентов, учившихся в 1925–1926 гг., проживала в СССР и большинство погибли в застенках и концлагерях НКВД, напрасно уверяя себя, что все это только досадное недоразумение... А нам, нескольким немощным старикам и старухам, случайно уцелевшим до “естественной” смерти, остается только вспоминать мертвых, размышлять о нелепых заблуждениях молодости, о крушении наших идеалов. И утешать себя тем, что мы несмотря на это все же сумели сделать что-то полезное в жизни и сохранили каких-то близких любимых людей...

---

¹ Белосток (Bialistok – *идиш*) – польский город, где евреи появились во второй половине XVII в. (первое упоминание в 1658 г.). Согласно переписи населения в 1765 г. в городе проживал 761 еврей, в 1799 г. – уже 1788 (около половины населения). В XIX в. город превратился в центр текстильной промышленности. В эти годы Белостокская еврейская община стала одной из наиболее влиятельных на территориях бывшей Польши. В 1899 г. из 372 текстильных предприятий Белостока 299 принадлежало евреям, а само еврейское население превышало 47 тыс. человек (76% жителей города). В конце XIX в. Белосток стал важным центром политической жизни еврейства. В 1880 г. здесь возникла активная сионистская организация, с 1897 г. действовала партия Бунд. 3 июня 1906 г. в Белостоке произошел кровавый погром, в котором

погибли 70 человек, 90 человек были ранены. В начале XX в. город начал утрачивать свое промышленное значение. Активная эмиграция привела к снижению доли еврейского населения по отношению к жителям города других национальностей, тем не менее Белосток оставался одним из крупнейших центров проживания еврейского населения в Польше до второй мировой войны (в 1932 г. в Белостоке проживало около 39 тыс. евреев, что составляло 52% жителей).

² Рижский мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, был подписан 18 марта 1921 г. Мир закреплял неудачные для Советской России результаты советско-польской войны (боевые действия велись с апреля по октябрь 1920 г.): советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее линии, предложенной в 1919 г. Верховным советом Антанты (“линия Керзона”), к Польше отходили западные земли Украины и Белоруссии. Согласно мирному договору Польша обязывалась предоставить русским, украинцам и белорусам в Польше все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов; те же права предоставлялись полякам на территории РСФСР и Украины. Права евреев, составлявших значительную часть населения спорных территорий, специально не оговаривались.

³ *Врангель Петр Николаевич* (1878–1928) – генерал-лейтенант, главнокомандующий белыми войсками с марта 1920 г. В ноябре 1920 г. под натиском превосходящих сил Красной армии Русская армия Врангеля была вынуждена эвакуироваться из Крыма в Константинополь.

⁴ “Шомер-Ацоир”, точнее, ха-Шомер ха-цаир (*ивр.*) – “Юный страж”, сионистская молодежная организация.

⁵ “Хазак” (*ивр.*) – будь тверд; “Хазак веймац” (Хазак ве-эмац) (*ивр.*) – “будь тверд и мужествен”. См.: Кн. Иисуса Навина. 1:6.

⁶ *Пилсудский Юзеф* (1867–1935) – польский государственный деятель. В качестве основателя Польской социалистической партии Пилсудский в начале своей карьеры пытался учитывать интересы евреев. Однако после его прихода к власти в 1926 г. правительство приняло ряд законов, ограничивавших их права. В частности, урезалась автономия еврейских общин. Под давлением антисемитски настроенных лидеров партии народных демократов (эндеков) Пилсудский не препятствовал проведению дальнейших мер по ограничению еврейской экономической и общественной жизни.

⁷ *Лойола Игнатий* (1491–1556) – испанский монах, основатель ордена иезуитов (1534).

⁸ *Чернов Виктор Михайлович* (1873–1952) – многолетний лидер и ведущий теоретик партии эсеров.

⁹ Речь идет об одном из наиболее популярных вариантов коммунистического “катехизиса”, написанного видными деятелями большевизма Н.И.Бухариным и Е.А.Преображенским, “Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы РКП (б)”. 1-е изд. Пг., 1920.

¹⁰ Несомненно, имеется в виду работа Г.В.Плеханова “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”. (1) 1895.

¹¹ По имени знаменитого норвежского полярного исследователя и общественного деятеля Фритьофа Нансена (1861–1930), Верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев.

¹² “Земгор” — объединенный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (создан в июле 1914 г.) и Всероссийского союза городов (создан в августе 1914 г.); объединенный комитет этих двух крупнейших в России общественных организаций был образован в 1915 г. В 1918 г. Совнарком ликвидировал “Земгор” и передал его имущество ВСНХ. Свою деятельность “Земгор” возобновил за границей за счет переведенных туда ранее средств; официально он назывался Российским земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей.

¹³ Тогдашнее название партии — ВКП (б) - Всероссийская коммунистическая партия (большевиков). КПСС партия стала называться с 1952 г.

¹⁴ *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович* (1883–1938) — профессиональный революционер, большевик, один из руководителей Октябрьского переворота в Петрограде в 1917 г. Арестовал министров Временного правительства; входил в первый состав советского правительства. В 1917–1924 гг. — на руководящей военной, партийной и советской работе; в 1923–1924 гг. поддержал выступление Л.Д.Троцкого против большинства Политбюро; в январе 1925 г. снят с занимаемых постов и переведен на дипломатическую работу. В июне 1924–1928 гг. — полпред в Чехословакии. В период сталинских “чисток” арестован (1937) и расстрелян.

*Подготовка текста К. РУБИНШТЕЙНА,
вступительная статья Л. МИЛЯКОВОЙ,
примечания Л. МИЛЯКОВОЙ и О. БУДНИЦКОГО*

**РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

П. Полян

ALTSHULER M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. – Jerusalem, 1998. – 346 p.

АЛЬТШУЛЕР М. Советские евреи накануне Холокоста: Социальные и демографические характеристики. – Иерусалим, 1998. – 346 с.

В своей новой книге Мордехай Альтшулер, руководитель Центра по изучению и документации восточноевропейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, опирается как на свои предыдущие публикации, в частности на статистическое издание “Распределение еврейского населения в СССР в 1939 г.”¹, так и на обширные (и в то же время весьма некомплектные) первичные материалы переписи населения СССР 1939 г., а также “репрессированной” переписи 1937 г., хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (ф. 1562 (ЦСУ), оп. 336 и 20).

Не вдаваясь в дискуссии о научной достоверности переписей 1937 и 1939 гг. (30-е гг. в СССР – десятилетие репрессий и страха, и не было отрасли хозяйства или науки, где бы это было не так), ученый сопоставил их результаты применительно к еврейскому населению СССР (по регионам) и пришел к выводу о предпочтительности данных именно за 1939 г. За период с 15 декабря 1926 по 15 января 1939 г. еврейское население СССР возросло с 2672499 до 3028538 человек, или на 13,3%. Общий рост населения в СССР был выше (15,9%), и в результате доля еврейского населения в целом сократилась, правда, незначительно (с 1,82 до 1,78%).

Аннексия Прибалтики, Восточной Польши, Молдавии и Северной Буковины в 1939–1940 гг. прибавила еще 22,3 млн. человек к 170,6 млн. советских граждан (без учета естественного прироста за послепереписной период). Это составило прирост в 13%, но прирост еврейского населения был впятеро большим – 63%. В пересчете по состоянию на июнь 1941 г. это дало следующую оценочную сумму еврейского населения СССР перед войной: 5082–5084 тыс. человек. Составляющие ее таковы: из числа граждан СССР (образца до 17.09.1939) было 3113 тыс. человек, их числа бывших польских граждан – 1440–1442 тыс. человек (в том числе постоянных жителей аннексированных областей – 1292 тыс. человек и 148–150 тыс. человек беженцев из западных районов Польши), из числа бывших румынских граждан – 282 тыс. человек, а

из прибалтийских стран — 247 тыс. человек (в том числе из Литвы — 152, а из Латвии и Эстонии — 95 тыс. человек).

За время, прошедшее после переписи 1926 г., в расселении евреев в СССР произошли разительные перемены, в первую очередь связанные с отменой Временным правительством в 1917 г. дискриминационного антиеврейского законодательства, в том числе и черты оседлости как принципа еврейского расселения в России. Начался ускоренный процесс перемещения формально сельского еврейского населения (но не сельскохозяйственного, поскольку заниматься сельским хозяйством евреям возбранялось) из бесчисленных местечек черты оседлости в города, а также широкого его распространения по всей необъятности российско-советского государства (этот процесс резко активизировался в годы первой советской пятилетки в 1928—1932 гг., но замедлился после введения паспортно-прописочной системы в 1932—1933 гг.). Еврейское население местечек в этой ситуации стремительно сокращалось, тогда как в городских центрах (особенно в крупнейших) оно еще более стремительно росло: так, еврейское население Москвы составляло в 1939 г. 250 тыс. человек (против 131 тыс. в 1926 г., 86 тыс. в 1923 г. и 9 тыс. в 1897 г., причем в последнем случае с учетом Подмоскovie), Ленинграда — 202 тыс. человек (против 84 тыс. в 1926 г., 52 тыс. в 1923 г. и 21 тыс. в 1897 г.), а Харькова — 130 тыс. человек (против 81 тыс. в 1926 г., 65 тыс. в 1923 г. и 14 тыс. в 1897 г.)². Росло оно и в средних и малых городах, особенно после введения паспортно-прописочной системы в 1932—1933 гг., наложившей строгие ограничения по проживанию для ряда категорий граждан, в частности так называемых лишенцев (политически неблагонадежных лиц, в том числе и эксплуатировавших наемный труд), среди которых было немало евреев. В результате за 1926—1939 гг. произошло серьезное перераспределение пропорции еврейского населения внутри СССР: доли Украины и Белоруссии заметно сократились (с 58,9 и 15,2 до 50,5 и 12,4%), а доля РСФСР — почти в 1,5 раза возросла (с 21,9 до 31,6%). На Украине за это же время произошло внутреннее перераспределение еврейского населения: оно сократилось в областях бывшей черты оседлости (на 6%) и резко возросло в областях вне ее (на 20,1%). Исключением был Крым, входивший тогда в РСФСР: там еврейское население возросло аж на 43% в межпереписной период. В результате этой внутренней миграции число евреев, проживавших вне дореволюционной черты оседлости, увеличилось с 300—400 тыс. накануне первой мировой войны до приблизительно 1,3 млн. накануне второй мировой, что вполне соизмеримо с масштабами еврейского эмиграционного бума, который пришелся на

1891–1915 гг. Эмиграционное же движение евреев из СССР в этот период было сравнительно небольшим.

Вся эта новая динамика, как вскоре выяснилось, имела колоссальное значение в свете угрозы физического истребления евреев: территория, которую оккупировали к 1943 г. немецкие войска, полностью включала в себя черту оседлости, и на ней перед войной проживало не менее 70% советских евреев (около 2,2 млн. человек). Потенциальными жертвами геноцида поэтому являлись в первую очередь те из них, кто по-прежнему проживал в западных районах страны, в особенности в местечках.

Механизмом спасения была эвакуация, а возможности для нее (что для евреев на поверку оказалось вопросом жизни и смерти) в городах были неизмеримо выше. Однако еще более значимым фактором было расстояние от советско-немецкой границы — в 1941 г. немцы наступали стремительно: уже на исходе первого месяца войны, когда советская транспортная и организационная инфраструктуры были фактически парализованы, они контролировали территорию, на которой проживало порядка 20% всего еврейского населения СССР (в границах 1939 г.). Ясно, что евреи из аннексированных частей Польши и Румынии также попали под людоедскую власть гитлеровцев.

М.Альтшулер подчеркивает: не будь массовой еврейской эмиграции из России в Америку и Палестину до 1917 г., катастрофа российского и европейского еврейства по своим последствиям могла быть еще масштабнее и страшнее³. От себя добавим, что аналогичным фактором стала и либерализация еврейского расселения внутри СССР, позволившая части евреев покинуть пределы черты оседлости. А применительно к еврейским беженцам из Западной Польши, то для них, как бы ужасно это ни звучало, спасительным оказалось именно то страшное обстоятельство, что в 1940 г. они были депортированы советской властью в Казахстан и Сибирь! Евреи же из Восточной Польши, став советскими гражданами, под кованый сапог оккупантов попали первыми.

В ходе переписи 1939 г. были проведены и две так называемые спецпереписи: одна — для военнослужащих, другая — для работников НКВД, пограничных войск, тюремно-лагерного персонала и тюремно-лагерного контингента. Их результаты были обработаны и в целях конспирации искусственно распределены по территории СССР с разбивкой на городское и сельское население.

Количество евреев-военнослужащих составляло в начале 1939 г. 34523 человек (в том числе 169 женщин), их доля (1,62%) была не

намного ниже доли евреев в общем населении СССР (1,78%), но их доля в командных кадрах была значительно выше⁴.

Доля евреев среди населения ГУЛАГа, по крайней мере в 1939 г., была ниже средней. В частности, по контингенту исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) она составляла 1,50% (в годы войны она резко повысилась, достигнув максимума – 2,31% в 1944 г., когда доля евреев в населении в целом в результате Холокоста резко упала – приблизительно до 1,1–1,2%; но после войны доля евреев в ИТЛ снова понизилась – до 1,21% в 1947-м и 0,94% в 1951 г.). Всего в 1939 г. в ИТЛ насчитывалось 19758 евреев, а пик пришелся на 1941 г. – 31132 человек (когда в ГУЛАГ попала часть евреев с аннексированных территорий). Если и для других гулаговских и энкавэдвшных контингентов (исправительно-трудовые колонии, детские колонии, тюрьмы, спецпоселения) принять то же соотношение, что и для ИТЛ, то суммарное количество репрессированных евреев в 1939 г. составило бы, оценочно, 46–49 тыс. человек⁵.

Согласно переписи 1939 г. 396844 евреев, или 13,1% всего еврейского населения, проживали в сельской местности. Эта доля колеблется от республики к республике в интервале от 6% (Азербайджан) до 18% (Грузия). “Из ряда вон” выпадает только Казахстан, где сельскими жителями значились 47,5% местного еврейского населения: очевидно, что большинство “местного еврейского населения” составляли как раз гулаговцы⁶. В результате анализа М.Альтшулер корректирует цифру истинного сельскохозяйственного населения, определяя ее равной приблизительно 300 тыс. человек

Так, характерным сгустком “сельского” еврейского населения являлась Московская область (по существу, это москвичи без московской прописки, проживающие по этой причине в Подмосковье; М.Альтшулер рассматривает их как “де факто” городское и на этом основании исключает из числа сельских жителей). Другим значительным очагом концентрации была бывшая черта оседлости, особенно Винницкая и Каменец-Подольская области (вообще-то по роду деятельности – ремесло и торговля – жителей местечек почти так же трудно отнести к сельскохозяйственному населению, как и жителей Подмосковья; местечки были, в сущности, пусть и маленькими, но городами). Тремя другими ареалами концентрации евреев-аграриев явились районы, где еврейские общественные организации при поддержке государства в 20-е – начале 30-х гг. культивировали еврейское кооперативное движение: юг Украины (Николаевская, Днепропетровская и Запорожская области, где были созданы три еврейских национальных района

– Калининдорф, Найзлатополь и Сталиндорф), Крым (два национальных района – Фрайдорф и Лариндорф) и Еврейская автономная область на Дальнем Востоке. В этих трех поистине сельскохозяйственных ареалах в 1939 г. проживали, в общей сложности, 58832 евреев, или 15% всего еврейского сельского населения СССР, но в 30-е гг. их население, как правило, сокращалось (за исключением Еврейской АО).

Численность городского населения у евреев согласно переписи населения 1939 г. составляла 2631694 человека, а их доля – 86,9%, причем разницы между бывшей чертой оседлости и остальной территорией СССР по этому показателю не было. В 11 крупнейших городах страны (с численностью населения более 500 тыс. человек) было сосредоточено 39,8% населения страны и 45,8% ее еврейского населения. Только в пяти городах – Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Ленинграде – проживали 1065 тыс. евреев, или около трети всех евреев СССР.

Интенсивная миграция по типу из “села” (читай: местечка) в “город” была главным демографическим трендом пореволюционного двадцатилетия. Главным магнитом были города РСФСР и Украины, но выделялись также и Азербайджан с Узбекистаном, а точнее – Баку и Ташкент. Многочисленные выходцы из местечек бывшей черты оседлости за 20 лет относительной свободы перемещения переселились в различные города, при этом крупнейшие центры в пределах этой черты – Киев, Одесса, Днепропетровск – были не менее привлекательны, чем Москва и Ленинград. Евреи в них проживали, в основном, компактно, концентрируясь вокруг синагог, и в целом эти города были гораздо более еврейскими по своему составу: в 1939 г. евреи составляли около трети населения Одессы и около четверти населения Киева, тогда как в Москве и Ленинграде их доля составляла 5–6%.

Жизнь самих местечек – на старом месте, но на новой основе – ослабевала, но продолжалась, оставаясь средой уникальной еврейской культуры и традиций. До “естественной смерти” местечек было еще далеко. По оценке М.Альгшулера, в 1939 г. в 14 административных единицах Украины и Белоруссии насчитывалось по меньшей мере 247 местечек, в которых проживали около 442 тыс. евреев.

В первый же месяц войны в зону оккупации попали 143 местечка с еврейским населением 285 тыс. человек, а в следующий месяц – еще 51 местечко с 98 тыс. евреев⁷.

Убийство подавляющего большинства этих людей стало составной частью и одной из самых первых глав Холокоста. Одновременно оно означало и насильственную смерть тех мест и местечек, где они столетиями до этого – так трудно, так беспросветно и так счастливо – жили...

Возвращаясь к книге М.Альтшулера, укажем, что она содержит богатый материал и анализ и других демографических индикаторов предвоенного советского еврейства (рождаемость, смертность, брачность и т.д.). Она оснащена многочисленными графиками и статистическими приложениями.

Чего в ней по-настоящему не хватает, так это хорошей, наглядной карты, а также существенно большей, чем это сделано, увязки с демографической и расселенческой ситуацией еврейского населения тех территорий, что были аннексированы СССР в 1939–1940 гг.

---

¹ Distribution of the Jewish Population of the USSR. 1939. Ed. Altshuler M. Jerusalem, 1993. – 77 p.

² Altshuler M. Soviet Jewry... P. 1–17.

³ Altshuler M. Op. cit. P. 18.

⁴ Altshuler M. Op. cit. P. 19–21.

⁵ Altshuler M. Op. cit. P. 21–29.

⁶ Altshuler M. Op. cit. P. 29–34.

⁷ Altshuler M. Op. cit. P. 34–46.

И. Вейнберг

Тантлевский И.Р. Книги Еноха.— М.; Иерусалим, 2000.

Любой древний текст труден для восприятия современным читателем из-за коренной непохожести социально-духовной среды создания и бытования этого текста, и жизни и дум человека начала III тысячелетия, из-за языковых барьеров и других препятствий. Эти препятствия многократно возрастают, если древний текст к тому же эзотеричен по своей сущности и назначению, то есть изначально создан “открытым” только для посвященных и “закрытым” для всех остальных. Таким “закрытым” для современного читателя текстом являются книги Еноха, и работа И.Р. Тантлевского — по существу, первый на русском языке “путеводитель” в тот неведомый и сложный мир, который в книгах этих воплощен.

Качество любого путеводителя оценивается, в первую очередь, по полноте охвата в нем соответствующих объектов. Если руководствоваться этим критерием, то книга Тантлевского отвечает самым строгим требованиям, ибо она содержит переводы четырех сочинений цикла Еноха — арамейских фрагментов Первой книги Еноха из Кумрана (IV/III — I вв. до н.э.), Еврейской книги Еноха (середина I тысячелетия н.э.), краткой версии Книги Созидания (вероятно, III в. н.э.) и в качестве приложения — перевод Эфиопской версии Первой книги Еноха, выполненный А.В. Смирновым в 1888 г. Читателю таким образом предлагается складывавшаяся в течение примерно полутысячелетия традиция о Енохе, и хотелось бы выразить надежду, что со временем появится также современное издание обеих версий Славянской книги Еноха.

Путеводитель к древнему тексту это главным образом его перевод, что всегда является задачей исключительно сложной кроме всего прочего еще и потому, что переводчику необходимо выбрать тип и принцип перевода: сделать ли перевод научный, основная цель и задача которого по возможности точно и адекватно воспроизвести букву и смысл оригинала (иногда даже за счет благозвучия переведенного на языке перевода), или обратиться к художественному переводу, для которого благозвучие на языке перевода не менее важно, чем точность и адекватность переведенного. И.Р. Тантлевский выбрал плодотворный и сложный путь сочетания, объединения обоих типов или принципов перевода, о чем свидетельствуют, к примеру, такие строки, как “И я увидел на Востоке другую гору, [выше], чем эта, а между ними г[лубокое] ущелье, [не имевшее ширины], по которому текла вода из-под этой горы” (4Q En d an I XII 1-9 = 1 Енох 25:7-27, с. 131), и другие, которые не только точны в передаче оригинала, но и благозвучны на языке перевода.

Одна из сложных проблем современной русскоязычной гебраистики — транскрипция и транслитерация древнееврейских слов, особенно антропо-, топо-, этно- и теонимов. Это ощущается также в переводах И.Р. Тантлевского, который, на наш взгляд, не всегда находит оптимальное решение проблемы. Перевод уменьшает, но полностью не снимает чуждость древнего, особенно эзотерического текста. Остаются непонятные слова, образы и аллюзии, объяснение которых есть задача так называемого внутритекстового комментирования. Развернутые и точные, информативно насыщенные комментарии И.Р. Тантлевского во многом помогают читателю, у которого, однако, могут возникнуть также вопросы о тексте в целом — о времени и среде его создания, о его картине мира и другие. На эти вопросы и призвано давать ответы так называемое внетекстовое комментирование в качестве введений, послесловий и т.д. В книге И.Р. Тантлевского последние занимают значительное пространство, но их полезность не всегда отвечает ожиданиям, поскольку кумрановед И.Р. Тантлевский зачастую вытесняет И.Р. Тантлевского — исследователя литературы Еноха, вследствие чего кумрановедческие проблемы довлеют у него над всем остальным. Наглядный пример тому — пространное введение к арамейским фрагментам книги Еноха из Кумрана, в котором из десяти тем только два-три раздела непосредственно касаются книги Еноха, а остальные посвящены различным аспектам истории и идеологии Кумранской общины, которые, несомненно, имеют отношение к книгам Еноха, но только как фон, как одна из сред их появления и бытования. Эта недостаточная обращенность к проблемам собственно литературы Еноха, вне связи с Кумраном, сказывается также и в послесловии ко всей книге, то есть ко всем переводам книг цикла Еноха, в котором проблема бессмертия и загробного воздаяния изложена больше как кумрановедческая.

Книга И.Р. Тантлевского — первый шаг на пути к созданию корпуса современных научных исследований литературы Еноха на русском языке, и читатель может и должен быть благодарен автору за этот очень добротный “путеводитель в мир неведомый”, как и издательству “Гешарим” за успешное издание этой сложной книги.

А. Каменский

КЛИЕР ДЖ. Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772-1825. — М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2000. — 352 с.

Рецензируемая книга известного английского историка Джона Клиера представляет собой не просто перевод на русский язык его труда, вышедшего впервые в 1986 г., но вариант, переработанный и дополненный на основе архивных разысканий автора, а также работ коллег, опубликованных за последние годы. Таким образом, можно утверждать, что данная книга в определенном смысле отражает уровень современного знания по рассматриваемым в ней проблемам, то есть о начальном периоде истории еврейского населения в Российской империи и юридического оформления его правового статуса.

Автор поставил перед собой нелегкую задачу: пройти между Сциллой классической историографии, склонной искать в мотивации действий русских властей исключительно религиозные предрассудки антисемитского толка, и Харибдой русской националистической литературы, обвиняющей самих евреев во всех их бедах и в полном объеме являющей и религиозные предрассудки, и самый махровый антисемитизм. Уже в предисловии, специально написанном для русского издания, Клиер справедливо отмечает, что понять происшедшее с евреями в России последней четверти XVIII — первой четверти XIX вв. можно лишь, во-первых, четко представив себе характер проблемы, с которой впервые, не имея предварительного опыта, столкнулись правительства Екатерины II, Павла I и Александра I, и, во-вторых, с учетом “дискурса эпохи Просвещения, с его идеей о необходимости решения проблемы еврейства” (с. 9).

Подобный подход нельзя не признать обоснованным и, как, собственно, и доказывает Клиер своей книгой, весьма эффективным. Прочтя книгу, читатель получает достаточно адекватное (опять же на уровне современного знания) и сбалансированное представление о проблеме в виде сложной, многоплановой картины столкновения разнообразных интересов. В этом контексте установление черты оседлости — событие, во многом определившее судьбы русского еврейства, — предстает не как ярчайшее проявление антисемитизма и политики дискриминации, но как своего рода компромисс между стремлением евреев сохранить традиционный образ жизни и традиционные формы организации, страхом русского купечества перед конкуренцией еврейских купцов, опасением Православной церкви по поводу возможного влияния иудаизма и стремлением власти к сохранению социального мира.

Еще одно, хоть и не постулируемое автором прямо, положение связано с необходимостью учета юридического статуса евреев в Речи Посполитой, являвшегося по сути той основой, на которой форми-

ровалась политика российских властей, той отправной точкой, от которой им пришлось при этом отталкиваться. Этому вопросу посвящена первая глава книги, создающая необходимый для понимания дальнейшего фон. Данный сюжет тесно связан с еще одним — именно в рассматриваемое время складываются мифы о евреях — “религиозных фанатиках и эксплуататорах русских крестьян”, причем, как утверждает автор, “отправным пунктом эволюции этих мифов были концепции, пришедшие в Россию с Запада” (с.12). Рождение этих мифов, в свою очередь, шло на фоне, с одной стороны, активных попыток переосмысления и реформирования статуса еврейства в европейских странах, выработки на него нового взгляда в свете новейших социально-политических теорий, а с другой, зарождения Гаскалы — просветительского движения внутри самого еврейства. Все эти явления, рассматриваемые во второй главе книги, также оказали влияние на выработку позиции российских властей. Тому, как это происходило, от “первых впечатлений”, складывавшихся в период между первым и третьим разделами Польши (гл. 3), через осознание значения еврейского вопроса в царствование Павла I (гл. 4) к “Милостивейшему расположению” Александра I (гл. 5-7), посвящена основная часть книги.

Уже перечисление факторов, принятых Клиером во внимание при разработке своей темы, показывает ее сложность и многосторонность. И поскольку возможности всякого исследователя всегда ограничены, было бы не слишком справедливо упрекать автора в том, что он не учел или учел в недостаточной степени что-то еще. Однако как всякое полноценное научное исследование книга Клиера, естественно, стимулирует размышления о возможностях дальнейших исследований этой проблематики. На мой взгляд, новые возможности осмысления истории русского еврейства в первые десятилетия его существования связаны с необходимостью “вписать” эту проблему в контекст социальной политики русского правительства конца XVIII в. в целом.

Конечно же, Клиер это также сознает. Однако его рассуждения по этому поводу основываются по большей части на работах английских и американских историков 1970-х — начала 1980-х гг. Между тем, за последние годы появился ряд фундаментальных исследований в этой области, дающих возможность по-новому взглянуть и на рассматриваемую проблему. В них, в частности, убедительно доказано, что основные, сформулированные на основе принципов Просвещения задачи политики Екатерины II включали в первую очередь создание полноценной сословной структуры европейского типа при установлении единообразной системы управления на всей территории империи. Тремя важнейшими, а по сути, и единственными сословиями Екатерина считала дворянство, горожан и крестьянство. При этом вслед за своими учителями-просветителями Екатерина средством, а в какой-то мере и самоцелью своих реформ считала законодательную деятельность, одновременно полагая, что преобразования следует проводить постепенно, приспособливая новые нормы к обычаям и традициям народа. Важное место в системе социально-политических взглядов Екатерины занимали идея веротерпимости и одновременно убежденность в при-

мой зависимости благосостояния государства от численности населения. Выполнение задач, которые императрица поставила перед собой, осложнялось особенностями складывания социальной структуры русского общества и системы социальных отношений, и прежде всего – крепостным правом, с которым непосредственно был связан вопрос собственности на землю.

В этой связи становится ясно, что появление в рамках Российской империи еврейского населения создало серьезную и далеко не просто решаемую проблему, причем не только с точки зрения существовавших религиозных предрассудков и стереотипов, но и проблему прежде всего социальную. Причем осознание того, что такая проблема существует, как показывает Клиер, пришло далеко не сразу. По всей видимости, вначале Екатерина вообще не предполагала выделения еврейства в какую-то особую группу со специфическим правовым статусом, да еще и на основе этнической или конфессиональной принадлежности. И именно этим – сложностью и новизной проблемы, а отнюдь не “ненадежностью” положения императрицы на троне, – следует, видимо, объяснять и отмечаемую Клиером неторопливость русских властей в решении еврейского вопроса (с. 97). Не следует преуменьшать и долю еврейского населения в составе населения империи. Автор вряд ли прав, утверждая, что “надежных статистических данных о численности населения России до конца XIX в. очень мало, а сведения о евреях всегда носили особенно условный характер” (с. 98). Абсолютные цифры в данном случае вообще мало что говорят. Между тем, по подсчетам В.М. Кабузана, оставшегося, к сожалению, неизвестным автору, евреи “являлись довольно многочисленным народом (IV ревизия – около 500 тыс., а V – 580 тыс. человек), численно уступавшим лишь восьми более крупным этносам”¹.

Некоторую неясность в проблему вносит определенная нечеткость в используемой Клиером социальной терминологии. Так, он пишет о двух “категориях” горожан, созданных якобы по “Уложению 1775 г.”², которые затем именуется то сословиями (с. 119), то классами (с. 121). Подобная путаница является отражением дискуссий о социальном значении городской политики Екатерины, начало которым было положено еще А.А. Кизеветтером. Однако в настоящее время для большинства исследователей достаточно очевидно, что целью императрицы было создание единого городского *сословия* (“среднего рода людей”, как она его называла), хотя и разделенного на отдельные категории. При этом невозможность “выполнить серьезные финансовые требования, предъявляемые к трем купеческим гильдиям” (С. 120) была характерна не только для евреев, но и для подавляющего большинства русского городского населения. Поскольку евреи не были заняты в сельскохозяйственном производстве, то отнесение к мещанству было единственной возможностью их социальной идентификации. К этому следует добавить, что уточнение и унификация социальной структуры населения составляли заботу правительства на протяжении всего XVIII в., поскольку за этим стояли еще и фискальные интересы власти.

Следует отметить, что и среди русских мещан было немало та-

ких, кто фактически проживал в сельской местности на основе паспортов, выданных городскими магистратами “при условии, что они и дальше будут платить все причитающиеся с них налоги” (с.126). Таким образом, распространение этого правила на евреев отнюдь не означало их дискриминацию³. С другой стороны, отнесение евреев к “сельским обывателям” могло означать лишь одно: запись их в крестьянство, что не только не соответствовало роду их занятий, но и по сути означало бы закрепощение евреев, в то время как Екатерина к увеличению числа крепостных вовсе не стремилась.

Из уже сказанного ясно (и это, собственно, подтверждается всем собранным и проанализированным Клиером материалом), что еврейская проблема оказалась для русского правительства необычной, не укладывавшейся в привычные, уже сложившиеся рамки, а оттого и попытки решения ее были противоречивыми и растянутыми во времени.

Несколько ограниченный круг литературы по общим вопросам истории России XVIII – первой четверти XIX в., привлеченной Клиером, стал причиной отдельных вкрапшихся в текст книги неточностей. Так, характеризуя проекты Г.Р.Державина, автор отмечает его идею создания “поста протектора для руководства всеми сторонами жизни евреев”, полагая, что “на это решение повлиял созданный незадолго до этого, в 1795 г., аналогичный пост «опекуна новых поселенцев» в Новороссии” (с.183). Однако в действительности в книге Р.Бартлетта, на которую ссылается Клиер, речь идет о должности, созданной специально для Одессы ввиду особого статуса ее жителей. Между тем, еще в 1764 г. была учреждена Канцелярия опекунства иностранных, ведавшая делами иностранных колонистов. Предложение же Державина было вполне оригинальным и было еще одним свидетельством стремления выделения евреев в особую группу по этническому и религиозному принципам. Не совсем верно и утверждение Клиера о том, что “членам городского сословия” “почти на протяжении всего XVIII в. запрещалось покупать крепостных” к заводам (с.257). Подобный запрет был введен лишь в 1762 г. и вновь отменен Павлом I в 1797 г.

Вполне очевидно, что эти мелкие неточности ни в коей мере не снижают общего впечатления от книги Клиера как от глубокого, продуманного и всестороннего исследования, соответствующего, как уже говорилось, современному уровню научного знания. Можно лишь надеяться, что издание этой книги на русском языке в высокопрофессиональном переводе Н.Л.Лужецкой действительно будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

---

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С.222.

² Имеется в виду Учреждение о губерниях Всероссийской империи.

³ Аналогично и законодательство 1783 г., регулировавшее винокурение в Белоруссии, по сути лишь распространило на эти земли общероссийские нормы, установленные еще в 1755 г. (см. с.122).

КРАТКИЙ ОБЗОР КНИГ ПО ИУДАИКЕ за 2000-2001 гг.

БЕНБАССА Э., РОДРИГ А. Евреи Леванта: Сефардская община в XIV – XX веках. – М.: РГГУ, 2001. – 381 с.

Исследование истории сефардской общины Балкан со времен ее возникновения после изгнания евреев из Испании и до середины XX в. В книге – впервые на русском языке – представлены подробные сведения о юридическом статусе и социальной жизни сефардских общин под властью Османской империи, об интеллектуальном мире сефардского еврейства на исходе средних веков и в начале Нового времени, об особенностях процесса модернизации сефардского еврейства, о трагической судьбе еврейских общин Балкан в годы Катастрофы. Исследование снабжено обширным библиографическим указателем, в котором представлены все наиболее значимые научные труды на эту тему.

Созидание еврейского будущего / Ред. М. Браун, Б. Лайтман. – Иерусалим; М.: Гешарим, 2001. – 301 с.

Сборник статей, основанных на материалах конференции, состоявшейся в Центре еврейских исследований Йоркского университета (Торонто) в 1999 г. Представленные в сборнике статьи посвящены анализу социально-культурных проблем, стоящих сегодня перед еврейскими общинами Северной Америки. Среди обсуждаемых вопросов – проблемы еврейского образования, еврейская самоидентификация и ассимиляция, демографические процессы в общинах США и Канады, участие евреев в экономической и политической жизни этих стран, влияние религии на жизнь современной общины, роль государства Израиль в жизни диаспоры.

Евреи России – иммигранты Франции / Ред.: В. Москович, В. Хазан, С. Брейар. – М.; Иерусалим: Гешарим, 2000. – 416 с.

В основу данной книги положены доклады, прочитанные на международной конференции “Русско-еврейский Париж”, которая прошла в Париже в декабре 1998 г. В сборнике собраны исследования, посвященные интеллектуальной и духовной жизни еврейско-русской интеллигенции – тех ее представителей, которые в силу различных причин оказались в эмиграции во Франции.

Сборник состоит из трех разделов. В первый вошли статьи с преобладающей общественной и историко-культурной проблематикой, второй раздел строится по преимуществу на культурно-художественном материале, а заключительный раздел носит архивно-библиографический характер. Среди обсуждаемых в сборнике тем — деятельность евреев-социалистов, бежавших из России во Францию после октябрьского переворота, парижский период биографии Жаботинского, идишская культура в межвоенном Париже, культурная жизнь русско-еврейского Парижа в 30-е гг. и в первые годы после второй мировой войны, творчество Э. Левинаса в его связи с русско-еврейским наследием и др.

ТОВ Э. Текстология Ветхого завета. — М.: Библейский богословский ин-т, 2001. — 424 с.

Монографический учебник иерусалимского библеиста вводит читателя в круг проблем современной библейской текстологии. Основываясь на богатейшей научной литературе последних лет, автор дает подробную сравнительную характеристику главным источникам библейского текста — таким, как Септуагинта, кумранские свитки, масоретский текст, самаритянское пятикнижие и др.

Книга снабжена иллюстрациями, предметным и именным указателями, а также указателем ссылок на книги Библии.

BALIN C. To Reveal Our Hearts: Jewish Women Writers in Tsarist Russia. — Cincinnati: Hebrew Union College Press, 2000. — X, 269 p.

Балин К. Раскрыть наши сердца. Еврейские писательницы в царской России. — Цинцинати: Хибру юнион колледж. — X, 269 с.

Сравнительное исследование творчества пяти еврейских писательниц — Мирьям Меркель-Мозесон, Хавы Шапино, Рахель Кин, Фейги Коган и Софьи Дубновой-Эрлих, чья литературная деятельность разворачивалась в России на рубеже XIX и XX вв. Каждой писательнице посвящена отдельная глава, в которой представлены биографические данные и проводится анализ ее творчества в тесной связи с общими культурными процессами, характерными для непосредственного окружения. Основываясь на текстах самых разнообразных жанров — проза, поэзия, драматургия, переводы, воспоминания, публицистика, личные дневники, автор стремится не только дать наиболее полную характеристику творчества той или иной писательницы, но и проникнуть во внутренний мир женщины в русско-еврейском обществе рассматриваемого периода.

GOTTWALD N.K. The Politics of Ancient Israel. – Louisville: Westminster John Knox Press, 2001. – XVII, 366 p.

Готтвальд Н.К. Политика древнего Израиля. – Лусивил: Вестминстер Джон Нокс Пресс, 2001. – XVII, 366 с.

Монография американского ученого посвящена анализу политики еврейских государств в период Первого Храма. Отправной точкой исследования является библейский текст, однако для воссоздания достоверной, с точки зрения автора, картины политической жизни еврейских государств мобилизуется широкий спектр дополнительных источников, которые рассматриваются в самых разных аспектах с использованием новейших методов социологии, антропологии и политологии.

Одной из центральных тем исследования является вопрос о влиянии яхвистской религии на политику еврейских государств. Автор утверждает, что структура и функционирование политических институтов у древних евреев полностью соответствовала политическим воззрениям и идеологиям, распространенным на Древнем Востоке. Влияние же яхвистского культа, укорененного в догосударственных, общинных отношениях, не выходило за рамки семьи или локального сообщества.

IOANID R. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. – Chicago: Ivan R. Dee, 2000. – XXIV, 352 p.

ЙОАНИД Р. Холокост в Румынии: Уничтожение евреев и цыган при режиме Антонеску, 1940–1944. – Чикаго: Иван Р. Ди, 2000. – XXIV, 352 с.

Исследование румынского историка, проживающего в США, основывается на обширном документальном материале из румынских архивов, который впервые вводится в научный обиход.

Главная тема монографии – политика режима Антонеску по отношению к евреям, проживавшим на территории Румынии и захваченных ею в годы второй мировой войны землях. Автор прослеживает формирование этой политики, начиная с антисемитских законов конца 30-х гг. и первых вспышек насилия против евреев в начале второй мировой войны. В книге приводятся подробные сведения о депортации евреев Бессарабии и Буковины, о жизни в гетто Кишинева и Черновиц, о массовом уничтожении евреев в Транснистрии. Отдельная глава посвящена преследованиям цыган в рассматриваемый период.

KIEVAL H. Languages of Community: The Jewish Experience in the Czech Lands. — Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2000. — XI, 311 p.

КИВАЛ Х. Языки общины: еврейская жизнь в чешских землях. — Беркли; Лос-Анджелес; Л., 2000. — XI, 311 с.

В настоящей монографии, составленной из опубликованных ранее работ, воссоздается облик еврейского общества Богемии и Моравии в период с конца XVIII и до конца XX в. В центре внимания автора — формирование коллективного самосознания у евреев этого региона, которое базировалось на коллективной памяти и четкой культурной ориентации. Этот процесс был связан с развитием отношений нового типа между евреями и окружающим их обществом и с размытанием границ между религиозным и национальным самосознанием у евреев. Особое место в монографии занимают исследования роли языка в развитии коллективного самосознания, характеристика облика евреев в глазах их окружения, анализ формирования чувства принадлежности к еврейству.

Среди затронутых в книге тем — идеология Просвещения и религиозная традиция в Праге в 1780–1830 гг., интеллектуалы в еврейском обществе Богемии середины XIX в., история и национальное самосознание в XIX в., легенда о пражском големе, еврейское образование, евреи в контексте национального конфликта между немцами и чехами и др.

RUDERMAN D. Jewish Enlightenment in an English Key: Anglo-Jewry's Construction of Modern Jewish Thought. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000. — XV, 291 p.

РУДЕРМАН Д. Б. Еврейское просвещение на английский лад: Социдание современного еврейского мышления в среде английского еврейства. — Принстон; Оксфорд: Изд-во Принстонского ун-та, 2000. — XV, 291 с.

Исследование англо-еврейской мысли XVIII–XIX вв., направленное на выявление особой — британской — разновидности еврейского Просвещения. По мнению автора, вопреки устоявшимся в науке представлениям, из среды английского еврейства вышли крупные мыслители, оказавшие заметное влияние на формирование современной еврейской культуры не только в самой Великобритании, но и за ее пределами.

Автор описывает активную интеллектуальную жизнь евреев Англии в эпоху Просвещения и указывает на небольшую элитарную группу мыслителей, которые сумели совместить в своем творчестве тради-

ционное еврейское наследие с новой английской культурой и тем самым внести значительный вклад в развитие идеологии еврейского Просвещения в Европе.

The Dead Sea Scrolls. Fifty Years after Discovery, 1947–1997 / Ed. Schiffman L., Tov E., Vanderkam J. – Jerusalem: Israel Exploration Society; Israel Museum, 2000. – 970 p.

Свитки Мертвого моря: Пятьдесят лет после первой находки, 1947–1997 / Ред. Шиффман Л., Тов Э., Вандеркам Д. – Иерусалим: Израильское исследовательское общество; Музей Израиля, 2000. – 970 с.

Сборник материалов международного конгресса, состоявшегося в Музее Израиля в Иерусалиме в июле 1997 г. Представленные в сборнике статьи подводят итог пятидесятилетнему исследованию кумранских свитков и других рукописных фрагментов, относящихся ко II в. до н. э. – II в. н. э., которые были найдены в Иудейской пустыне.

Сборник состоит из шести разделов. Первый раздел посвящен исследованию библейского текста в свете находок в Кумране, библейской интерпретации в кумранских свитках, исследованию возможной взаимосвязи текстов свитков и Евангелий. Во втором разделе собраны статьи, анализирующие структуру, содержание и историю кумранских свитков. Третья часть носит историко-археологический характер. В ней обсуждается исторический контекст рукописей, анализируются новые сведения об общественной и религиозной жизни в Земле Израиля в этот период, которые можно почерпнуть из найденных текстов, описываются ход и результаты археологических раскопок в Кумране и в Иудейской пустыне. Четвертая часть целиком посвящена еврейским и наббатейским документам, которые проливают свет на социальную и экономическую жизнь в регионе накануне восстания Бар-Кохбы.

Вопросы радиоактивного анализа, реставрации и консервации рукописей освещаются в статьях пятого раздела. Заключительный, шестой раздел посвящен истории публикации фрагментов свитков Мертвого моря и их преломлению в массовом сознании.

WRIGHT J. E. The Early History of Heaven. – New-York; Oxford: Oxford University Press, 2000. – XVIII, 318 p.

РАЙТ Д. Э. Начало истории небес. – Нью-Йорк; Оксфорд: Изд-во Оксфордского ун-та, 2000. – XVIII, 318 с.

Темой исследования являются еврейские и раннехристианские представления о небесной сфере. Опираясь на разнообразные литературные и археологические источники, автор стремится выявить влия-

ние древней ближневосточной, библейской и греко-римской космологических моделей на формирование представлений евреев и христиан об устройстве небес. Анализируя описание небесного мира в апокрифической, эсхатологической, новозаветной и ранней раввинистической литературе, автор раскрывает сложный процесс взаимодействия между новыми эллинистическими воззрениями и древней космологией Ближнего Востока.

Книга снабжена обширным библиографическим аппаратом и алфавитными указателями.

ש. אחיטוב, ע. מזר (עורכים). ספר ירושלים. תקופת המקרא. הוצאת יד בן-צבי, ירושלים תשס"א. - 438 ע'

Книга Иерусалима: Библейский период / Ред. Ахитов Ш., Мазар А. — Иерусалим: Изд-во Яд Бен-Цви, 2000. — 438 с.

Четвертый сборник из серии, посвященной истории Иерусалима в различные эпохи, обобщает имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день сведения о жизни города в библейский период. (В трех вышедших ранее сборниках рассматривалась история города со времен римского владычества до конца правления Аюбидов.) В шестнадцати статьях, написанных специально для этого сборника ведущими исследователями и археологами, нашли отражение результаты археологических раскопок последних лет, позволяющие нам по-новому взглянуть на историю города, его структуру и функционирование с первых лет его существования и до возвращения евреев из вавилонского плена. Сборник снабжен вводной статьей, в которой представлены центральные проблемы исследования истории Иерусалима в рассматриваемый период, картами, схемами и богатым иллюстративным материалом.

י. ברטל, י. גוטמן (עורכים). קיום ושבר: יהודי פולין לדורותיהם. חברה, תרבות, לאומיות. - מרכז זלמן שזר. ירושלים, 2000. - 727 ע' +מפתח

Разорванная связь: Еврейство Польши. Общество, культура, национализм / Ред. Бартадь И., Гутман И. — Иерусалим: Центр Залмана Шазара, 2000. — 727с. — индекс

Сборник исследований, подводящий итог многовековой истории евреев Польши. Необходимость публикации такого рода явственно ощущается со времени Катастрофы, оборвавшей жизнь одной из крупнейших в истории еврейства общин, обладавшей огромным творческим потенциалом.

В составлении и написании сборника приняли участие видные ученые, специализирующиеся в различных областях истории и культуры восточноевропейского еврейства.

В настоящий, второй, том сборника вошли исследования, посвященные различным духовным, культурным и политическим аспектам существования евреев в Польше со времен средневековья и до нашего времени. Том состоит из четырех разделов: изучение Торы и система образования, культура и искусство, общество и политика, историография.

י. ברנאי. שבתאות, היבטים חברתיים. - ירושלים: מרכז זלמן שזר, תשס"א. - 212 ע'

БАРНАЙ Я. Социальные аспекты саббатизма. – Иерусалим: Центр Залмана Шазара, 2000. – 212 с.

Темой настоящего исследования является мессианское движение, возникшее в среде евреев Османской империи во второй половине XVII в. и имевшее широкий резонанс во многих общинах диаспоры. В отличие от других исследователей саббатизма движения, сконцентрировавших свое внимание главным образом на его религиозных аспектах, Барнай интересуется прежде всего социальной историей движения. Такой подход дает ему возможность представить зарождение и развитие саббатизма в новой перспективе, во многом отличающейся от ставшего классическим подхода видного исследователя еврейской мистики Гершома Шолема.

В первой части книги анализируется исторический контекст деятельности Саббатая (Шабтая) Цви и выдвигается ряд предположений о взаимосвязи еврейского мессианизма в Османской империи с нееврейскими (христианскими и мусульманскими) мессианскими воззрениями. В последующих главах рассматриваются обстоятельства распространения саббатизма, выясняется отношение к этому движению общинного руководства, изучается влияние, которое оказала саббатизмская ересь на развитие еврейского общества в Османской империи и за ее пределами.

א. גרוסמן. חסידות ומורדות - נשים יהודיות באירופה בימי הביניים. ירושלים: מרכז זלמן שזר, תש"ס. - 552 ע'

ГРОССМАН А. Праведницы и бунтарки – еврейские женщины в средневековой Европе. – Иерусалим: Центр Залмана Шазара, 2000. – 552 с.

Монография иерусалимского историка-медиевиста описывает глубокие изменения, произошедшие в положении еврейской женщины в средневековой Европе в основном в период между 1000 и 1300 гг. Эти изменения затронули самые разные стороны жизни женщины и значительно улучшили ее статус по сравнению с тем, что было принято

в еврейском обществе в талмудическую эпоху или в средние века в исламских странах. Коренным образом изменилась самооценка женщин, добившихся значительного успеха в различных сферах общественной деятельности, так что в галахической и моралистической литературе того времени на смену расхожему образу непорочной и праведной женщины приходит образ “ослушницы” и “бунтарки”.

Эти процессы рассматриваются в широком культурно-историческом контексте сосуществования еврейского и христианского обществ в средневековой Европе. Среди затрагиваемых автором тем — место и образ женщины в семье, в религиозной и общественной жизни, роль женщин в экономике, образование женщин, насилие по отношению к женщинам в еврейском обществе и др.

מ. זלקין. בעלות שחר. ההשכלה היהודית באימפריה הרוסית במאה התשע עשרה. - הוצאת ספרים ע"ש י"ל מאגנס, האוניברסיטה העברית, ירושלים תש"ס. - 352 ע'

ЗАЛКИН М. На рассвете: еврейское Просвещение в Российской империи в 19 веке. — Иерусалим: Магнес; Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2000. — 352 с.

Настоящая монография предлагает новый взгляд на идеологию и историю движения Гаскалы (еврейское Просвещение) в Восточной Европе, движения, которое оказало огромное влияние на формирование современного еврейского общества. Главной особенностью этого сочинения является то, что оно обращается прежде всего к социальным и экономическим аспектам Гаскалы в целом, и в центре внимания исследователя оказывается не столько элитарный круг мыслителей, сколько достаточно многочисленное сообщество “рядовых” просветителей во всем его многообразии в различных регионах черты оседлости. В восьми главах монографии затрагивается целый ряд вопросов, не получивших ранее достаточного освещения в научной литературе. Среди них — внутренний духовный мир просветителя-одиночки, формирование сообществ просветителей, сферы профессиональной деятельности просветителей, субкультура Гаскалы, система отношений просветителей с традиционным еврейским обществом, демографические характеристики движения Гаскалы в России и многое другое.

י. ליבס. תורת היצירה של ספר היצירה. - שוקן, ירושלים - תל-אביב תשס"א, 373 ע'

ЛИБЕС Й. Концепция творения в “Книге созидания”. — Иерусалим; Тель-Авив: Шокен, 2001. — 373 с.

В своей новой книге известный иерусалимский исследователь каббалы предлагает новое прочтение одного из наиболее загадочных текстов еврейской мистической традиции — “Книги созидания”. Либес

стремится выявить центральный мотив этого текста, который помог бы понять смысл наиболее темных его отрывков. Для этой цели он анализирует духовный и исторический контекст книги и выясняет, какое влияние она оказала на развитие еврейской мысли. В ходе своего исследования автор отвергает целый ряд принятых в научной литературе представлений о “Книге созидания” и в первую очередь представление об этой книге как о научном описании мироздания. Либес приходит к заключению, что “Книга созидания” появилась впервые в I в. н. э., еще до разрушения Второго Храма, и ее следует воспринимать в общем философском контексте того времени, нашедшем выражение в сочинениях Филона Александрийского, в эллинистической философии и – позднее – в раввинистической литературе.

י. ט. עסיס, מ. טוך, ג. כהן, א. לימור, א. קיזר (עורכים). יהודים מול הצלב: גזירות תתנ"ו בהיסטוריה ובהיסטוריוגרפיה, הוצאת ספרים ע"ש מאגנס, האוניברסיטה העברית, ירושלים תש"ס. XIV + 217 ע'

Крест и евреи: Погромы 1096 г. в истории и историографии / Ред. Ассис Й. Т., Тух М., Кохен Д., Лимор О., Кадар А. – Иерусалим: Магнес; Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2000. – XIV, 217 с.

Сборник статей, основанный на материалах конференции, посвященной девятисотлетней годовщине первого крестового похода. Главной темой представленных исследований является влияние трагических событий 1096 г. в Центральной Европе на различные стороны жизни ашкеназского еврейства, при этом предметом особого внимания становится отражение исторических реалий крестового похода в сознании евреев и христиан.

Среди обсуждаемых в сборнике тем – историография погромов 1096 г., экономическая деятельность евреев Германии в рассматриваемый период, социальный и культурный контекст самопожертвования евреев и роль женщин, язык и семантика еврейских хроник, описывающих разрушение ашкеназских общин, влияние этих событий на ашкеназскую галахическую традицию, на обычаи и ритуалы траура.

מ. פלאי. שער להשכלה: מפתח מוער להמאסף, כתב-העת העברי הראשון. - הוצאת ספרים ע"ש מאגנס, האוניברסיטה העברית, ירושלים 2000. XI + 221 ע'

Пилли М. Врата просвещения: Аннотированный указатель к первому журналу на иврите “Ха-меасеф”. – Иерусалим: Магнес; Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2000. – XI, 221 с.

Подробный указатель к журналу “Ха-Меасеф” (“Сборник”), который выходил в Берлине в период между 1783 и 1811 гг. и служил главным литературным и общественным форумом для деятелей еврейс-

кого Просвещения в Центральной Европе. В указателе представлены основные темы, занимавшие авторов журнала, а также различные исторические события и персонажи, общественные институты, литературные произведения и жанры, которые обсуждались на страницах журнала на протяжении всей истории его существования.

Указателю предпослано обширное введение, в котором анализируется исторический контекст создания журнала и определяется его место в истории еврейской культуры Нового времени.

ח. שמרוק. עיירות וכרכים: פרקים ביצירתו של שלום עליכם.
 עורכת ח. טורנאנסקי. הוצאת ספרים ע"ש י"ל מאגנס,
 האוניברסיטה העברית. ירושלים תש"ס. - 198 ע'

ШМЕРУК Х. Города и местечки: исследования творчества Шолом-Алейхема / Под ред. Х. Турнянской. — Иерусалим: Магнес; Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2000. — 198 с.

Сборник статей известного израильского историка и литературоведа, посвященных различным аспектам творчества Шолом-Алейхема. В статьях сборника анализируются произведения классика идишской литературы в их социально-историческом и культурном контексте. Среди затронутых в сборнике тем — история создания повести “Тевье-молочник”, рассказы о Мотле, сыне Песии-хазана, постановка пьес Шолом-Алейхема в Варшаве в начале XX в., творчество Шолом-Алейхема и детская литература.

ХРОНИКА

Ф. Гене

КОНФЕРЕНЦИЯ “НАЦИОНАЛИЗМ, СИОНИЗМ И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ”

**Institute of Jewish Studies, University College of London.
13 – 15-th June 2000**

Доклады международной конференции “Национализм, сионизм и Этническая мобилизация” охватили большую историческую эпоху – от конца XIX в. до настоящего времени, огромный географический регион – Восточную, Центральную и Западную Европу, а также Ближний Восток. Было затронуто множество различных тем: от зарождения еврейской национальной мысли до самосознания евреев Тель-Авива, от этно-музыковедческих интерпретаций национальной песни до анализа биографий выдающихся деятелей национального движения, от истории средств массовой информации и до концепций формирования нового типа еврейской самоидентификации у интеллектуалов-идишистов. Лейтмотив всех докладов – переоценка еврейского национализма и особенно сионизма в его культурном выражении, воззрениях и развитии.

Открывая конференцию, Михаил Беркович отметил, что Четвертый (Лондонский) сионистский конгресс 1900 г., впервые проходивший не в Базеле, стал важным шагом на пути оформления еврейского национального движения. Там, после первых политических успехов движения, обсуждались совсем иные проблемы: определение политических целей сионизма и методов их пропаганды.

Авиел Рошвальд (Вашингтон), рассматривая современные теории европейского национализма, подчеркнул необходимость учитывать преемственность национализма конца XIX в. и его более ранних форм.

Дельфин Бечтел (Париж) рассказала о различных концепциях национализма русско-еврейских интеллектуалов, писавших на идише. Анализируя их язык, антагонизм между религиозной и светской культурой, а также диалектическую связь между общиной и автономией, Бечтел показала, что все эти люди, несмотря на то что их концепции национализма сильно различались, испытывали потребность в формировании нового типа еврейской самоидентификации. Например, их отношение к религии колебалось между идеями ее обновления (Житловский), отрицания (Лацкий) или мирного с ней сосуществования (Ицхак Нахман Штейнберг).

Клаудия Вайль (Париж) представила эволюцию взглядов русско-еврейских социалистов как процесс отхода от социал-демократического движения в целом, превратившего их в “невольных строителей еврейской нации”.

Два доклада отражали биографический подход к проблематике формирования сионизма как политического движения: Джеймс Рентон (Лондон) рассказал о Хаиме Вейцмане и Мозесе Ластере, а Михаил Лове (Париж) сосредоточился на жизни Бернара Лазара, личности “парадоксальной и не поддающейся классификации”.

Другая прозвучавшая на конференции тема касалась анализа культурного контекста, в котором начало формироваться еврейское национальное движение. Джон Эфрон представил основные статистические данные начала XIX в., которые показывают большую продолжительность жизни евреев, низкий уровень детской смертности и т. п. Докладчик сделал вывод, что представления о еврействе, распространенные среди как евреев, так и неевреев, имели большее влияние на формирование целей национального движения, нежели реальность.

Майкл Бреннер (Мюнхен) акцентировал внимание на космополитизме лидеров национального движения. Филипп Больман (Чикаго), специалист по этническому музыковедению, проанализировал музыкальные установки раннего сионизма. Сионистские песенники, такие как песенник Генриха Лева 1894 г., исполнены сознанием вдохновляющей силы музыки. В них представлены как песни народов Центральной и Восточной Европы, так и еврейская синагогальная традиция.

Франсуа Гене (Лейпциг) отметил, что ранний сионизм преобразовал религиозный праздник Ханука в праздник национальный. Секлярное восприятие этого праздника породило “реальную связь с историческим прошлым” (Эрик Хобсбаум), в то же время позволяя такому движению, как *Ховевей Цион*, продолжать считать себя неотъемлемой просвещенной и светской частью европейской культуры. Сопротивление этому, особенно польского ортодоксального еврейства, показывает, какие препятствия приходилось преодолевать еврейскому национальному движению. Другим индикатором сопротивления сионизму было нежелание основателя современного театра на идише, Аврума Гольдфадена, выражать сионистские взгляды со сцены (доклад Джоеля Берковича, Оксфорд). А спектакль о Бар-Кохбе призывал евреев скорее к сдержанности, нежели к политической борьбе. Поскольку театр по своей природе призван удовлетворять вкусы зрителей, позиция Гольдфадена указывает на незначительный интерес публики к сионистским идеям.

Большая часть конференции была посвящена различным аспектам сионистской культурной политики в Палестине, а также сравнительно недавнему прошлому Государства Израиль. Доклад Инки Берц

(Берлин) был посвящен концептуальному и политическому конфликту между основателем художественной школы "Бецалель" в Иерусалиме Борисом Шацем и попечительским советом в Берлине, названному ею "столкновением культур в процессе создания новой культуры". Основываясь на переписке между Иерусалимом и Берлином, Берц выявила антагонизм между стремлением Шаца развивать специфически еврейское искусство и рыночной ориентацией членов попечительского совета, которые стремились подогнать произведения "Бецалель" под европейские стандарты в надежде привлечь покупателей.

Барбара Манн (Принстон) подошла к проблеме создания новой еврейской культуры с другой точки зрения. Взяв как пример бульвар Ротшильда в Тель-Авиве, она рассмотрела историю этого относительно недавно основанного города (1909) как попытку создания нового нарратива. С самого начала администрация города и его жители создавали миф о современной европейской и еврейской метрополии, делая все возможное, чтобы вытеснить воспоминания о существовавших здесь прежде арабских и христианских кварталах.

Ричард Френд (Хартфорд) считает, что использование древних историко-религиозных символов, таких как Звезда Давида и менора, отвечает запросам еврейского национального движения.

Система здравоохранения в Палестине, как показала Марселла Симони (Лондон), развивалась на основе соревнования между американской (Hadassah) и европейской (Kupat kholim) концепциями.

Дерек Пенслар (Торонто) ознакомил участников конференции с первыми результатами исследования о значении радиовещания в формировании израильского национального самосознания. Из-за слабо развитой инфраструктуры в Палестине радио сыграло решающую роль в распространении информации среди еврейского населения. Например, в 1948 г. подпольная радиостанция Хаганы *Коль Исраэль* передала Декларацию независимости Государства Израиль. Впоследствии радио как средство массовой информации играло еще более важную роль из-за беспрестанной угрозы агрессии, а также из-за сравнительно позднего распространения телевидения.

Ифат Вайс (Хайфа) сосредоточилась на ранней стадии израильского законодательства, уделив особое внимание Закону о возвращении (1950) и Закону о гражданстве (1952). Согласно Вайс они оба выражали идею национальной мобилизации, но их отношение к вопросам дискриминации арабского населения бывшей Палестины было различным.

Два доклада были посвящены проблемам современности. Матти Банцл (Урбана-Шампейн, Иллинойс) рассмотрела процесс усиления произраильской ориентации в среде австрийских евреев и смягчение их прежде крайне отрицательного отношения к репатриации, после того как местное правительство вошло в коалицию с радикальной пра-

вой партией (ФРО) в начале 2000 г. Вместе с тем еврейство Вены, из которого в сущности и состоит австрийское еврейство, верит в политическую, социальную и культурную интеграцию Европы, ведущую к снижению значимости Израиля.

Нахман бен Иехуда (Иерусалим) проиллюстрировал часто обсуждаемый конфликт между еврейским характером Государства Израиль и общепринятыми демократическими принципами на примерах результатов исследовательской работы о правонарушениях среди *харедим* в 90-х гг. XX в. Согласно статистике процент правонарушений среди ультраортодоксов значительно ниже, чем в других секторах израильского общества, однако в большинстве случаев харедим преследуют одну цель — добиться того, чтобы государство проводило на всех уровнях политику более жесткого соблюдения законов иудаизма.

Организаторы конференции намереваются выпустить сборник, в который будут включены тексты выступлений и статья Аллона Галя (Бер Шева) о сионистской мобилизации в США.

А. Эпштейн

КОНФЕРЕНЦИЯ “ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ” И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Иntenсификация научных контактов между российскими учеными и их коллегами из Израиля, происходящая в последние годы, проявилась и в изучении истории и сегодняшнего дня Государства Израиль. Первая российско-израильская конференция “Общество, политика и культура современного Израиля” состоялась в Москве в Институте изучения Израиля и Ближнего Востока (президент – д-р Е.Я. Сатановский, директор – Е.Л. Жигун) и в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова (директор – проф. М.С. Мейер, зам. директора по научной работе – проф. Л.В. Гевелинг) с 8 по 11 сентября 2000 г. Будучи – совместно с заведующим отделом изучения Израиля Института востоковедения РАН А.В. Федорченко – сопредседателем данной конференции, я имел возможность участвовать в ее подготовке и проведении на всех этапах. Наиболее важные, на мой взгляд, соображения, связанные с прошедшей конференцией и навеянные ею, я и предлагаю вниманию читателей.

Основная идея конференции состояла в равноправном сотрудничестве трех групп ученых: израилеведов, живущих и работающих в России; ведущих обществоведов из Израиля и ученых-выходцев из стран СНГ, иммигрировавших в Израиль в последние годы. На конференции было представлено три с половиной десятка докладов. Из российских ученых на конференции выступили: профессора Л.А. Фридман (ИСАА), В.А. Мельянцева (ИСАА), В.С. Собкин (Центр социологии образования РАО), А.В. Федорченко (ИВ РАН), доцент РГГУ Е.Ю. Усова, президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, научные сотрудники сектора изучения Израиля ИВ РАН Е.Э. Носенко, И.В. Масюкова, Н.А. Семенченко, А.М. Корнилов, а также канд. ист. наук В.А. Дворянов из Пензы. Израильские ученые были представлены: лауреатом премии Израиля профессором социологии Иерусалимского университета Моше Лиссаком, вице-президентом международного института социологов, профессором Тель-Авивского университета Элизером Бен-Рафаэлем, главным редактором журнала “Израильская социология”, профессором социологии и права Тель-Авивского университета Леоном Шелефом, директором центра им. Мейрока Иерусалимского университета д-ром Стефани Хоффман, профессорами Йохананом Пересом, Теодором Фридгутом, Димит-

рием Сегалом и другими. Кроме того, в конференции участвовали восемь ученых из стран СНГ, иммигрировавших в Израиль в последние десять лет: из Иерусалимского университета – политолог д-р Дина Бродская-Зиссерман, социолингвист Нина Хеймец, этнограф д-р Наталия Зильберг и психолингвист д-р Белла Котик; из Иерусалимского и Открытого университетов Израиля – автор этих строк; из Тель-Авивского университета – социолог Сабина Лиссица; из Бар-Иланского университета – политолог д-р Зеев Ханин; кроме того, активное участие в конференции принял социолог из Ариэля д-р Моше Кенигптейн. Участие столь большого числа израильских исследователей стало возможным благодаря поддержке, оказанной Центром по научному и образовательному сотрудничеству между Израилем и странами СНГ и Балтии (директор центра – д-р Натан Патлас), отделом по работе в странах диаспоры ВСО (руководитель отдела – Рами Корнблюм), руководством Академического проекта по преподаванию курсов по еврейской истории на русском языке Открытого университета Израиля (директор проекта – д-р Виктория Либина) и посольством Российской Федерации в Израиле (моя особая благодарность послу РФ в Израиле М.Л. Богданову и вице-консулу В.Т. Панькову). Кроме того, в конференции приняли участие израильские общественные и государственные деятели, среди которых депутат парламента д-р Роман Бронфман, генеральный директор управления по развитию малого и среднего бизнеса Яков Лившиц и первый посол Израиля в Египте Моше Сассон. Кроме того, заметным событием стал доклад нового директора Израильского культурного центра в Москве музыковеда и театроведа Йосси Тавора. К сожалению, среди участников был только один израилевед из США – профессор Джордж Грюн из Колумбийского университета, выступивший с вызвавшим большой интерес докладом о проблеме распределения водных ресурсов на Ближнем Востоке и ее месте в процессе арабо-израильского мирного урегулирования.

Различные аспекты политической и общественной жизни современного Израиля были представлены в докладах социологов, политологов, экспертов-международников, экономистов, этнографов, литературоведов и искусствоведов. В докладах профессора Теодора Фридгута (“Смена поколений в израильской политике”), профессора Леона Шелефа (“Еврейское демократическое государство в эпоху мультикультурализма”), д-ра Дины Бродской-Зиссерман (“Изменения в израильском обществе и их влияние на соблюдение прав человека в стране”), Леи Коэн (“Цели, задачи и проблемы сионизма 52 года спустя после провозглашения Государства Израиль”), д-ра Ривки Маоз (“Израильское общество в зеркале литературы: национальная мифология и ее трансформация”), а также в двух выступлениях профессора Моше Лиссака (первое из них было посвящено анализу трансформации политической культуры Израиля, а второе – изменяющейся роли армии в израильской общественной жизни) рассматривались наиболее актуальные проблемы израильской внутренней политики в эпоху всеобщей идеологизации, в то время как Евгений Сатановский (вступительный доклад на тему “Израиль в системе мировой политики: веро-

ятные стратегические противники и стратегические партнеры”) и Владимир Дворянов (“Кризис Йорга Хайдера в свете истории израильско-германских и израильско-австрийских отношений после Катастрофы”) акцентировали внимание на изменениях в израильской внешней политике и их неизбежном влиянии на политику внутреннюю. В сфере внешней политики были детально рассмотрены не только взаимоотношения Израиля с мусульманскими странами (доклады бывшего посла Израиля в Египте, Италии и Турции Моше Сассона “Арабо-израильский мирный процесс в исторической перспективе”, Леона Шелефа “Иерусалим – будущая столица израильско-палестинской конфедерации?”, Джорджа Грюна о перспективах израильско-турецкого сотрудничества и Екатерины Усовой на тему “Израильско-арабские отношения в системе международных отношений XXI века”), но и взаимоотношения между Израилем и Россией: этой теме были посвящены выступления Стефани Гоффман “Российско-израильские отношения: действительность и потенциал” и Андрея Федорченко “Россия и Израиль: проблемы экономического взаимодействия”. Экономическая проблематика стояла и в центре докладов Виталия Мельянцева и Якова Лившица, которые подчеркивали макроэкономические индикаторы бурного прогресса, достигнутого Израилем в последнее десятилетие. И действительно, впечатляющий рост ВВП на душу населения (до более чем \$16.000 в год) и резкое снижение инфляции до уровня, характеризующего экономические системы наиболее развитых и стабильных стран (1,3% в 1999 г.), позволяют по-новому взглянуть и на потенциал израильско-российского сотрудничества в экономической сфере. В своем имевшем большой успех докладе “Малый и средний бизнес и перспективы развития экономики в Израиле” Яков Лившиц говорил и об инициативах государства в области поддержки инициатив новых иммигрантов, и о вкладе последних в экономический рост страны. Различные аспекты государственной политики в области абсорбции иммигрантов и сопряженные с этим успехи и проблемы рассматривались различными докладчиками, став едва ли не стержневой темой конференции. Этой теме были посвящены доклады Нины Семенченко (“Израильская политика абсорбции: от прошлого – к настоящему”) и Ирины Масюковой (“Закон о возвращении, израильское общество и русскоязычная иммиграция в 1990-х гг.”). Кроме того, многие докладчики представили свои исследования о влиянии массовой миграции из стран бывшего СССР на динамику общественного и политического развития Израиля: Белла Котик говорила о том влиянии, которое бережное отношение иммигрантов к русскому языку оказало на динамику языковой ситуации в Израиле, Нина Хеймец и автор этих строк представили свое исследование о влиянии ученых-иммигрантов на развитие израильской науки, Йосси Тавор говорил о влиянии различных волн иммиграции на развитие музыкальной жизни в Израиле, Наталия Зильберг концептуально осмыслила поиски новых моделей интеграции российской еврейской интеллигенцией в Израиле, Владимир Ханин говорил о формировании политических элит в общине выходцев из СССР/СНГ и их диалоге с политическими руко-

водителями современного Израиля. Кроме того, целый ряд докладчиков представил свои работы, посвященные проблемам самоидентификации выходцев из стран СНГ в контексте изменяющихся взаимоотношений между различными этнокультурными группами в современном израильском обществе. Доклады обобщающего характера Элиэзера Бен-Рафаэля (“Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе”) и А.М. Корнилова (“Этническая структура современного израильского общества”) стали своего рода введением к представлению результатов количественных и качественных исследований, связанных с идентичностью выходцев из республик бывшего СССР в Израиле. Доклады Сабины Лиссицы и Йоханана Переса (“Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их взаимоотношения с уроженцами страны”) и Моше Кенигштейна (“Ценности и стереотипы «русских» репатриантов: опыт этнометодологического исследования”) вызвали большой интерес участников конференции. Очень полезными для участников конференции с израильской стороны стали доклады, посвященные миграционным настроениям среди российских евреев (Е.Э. Носенко), отношению к евреям и к Израилю в России (В.С. Собкин) и динамике развития еврейских общественных организаций в постсоветском пространстве (Е.Я. Сатановский).

11 сентября конференция продолжалась в ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, где докладчиков и гостей приветствовали директор ИСАА профессор М.С. Мейер и представитель посольства Израиля в Москве Олед Йосеф. Участники конференции не только прослушали доклады посла М. Сассона (Израиль) и профессоров Дж. Грюна (США), Л.А. Фридмана (Россия) и В.А. Мельянцева (Россия) об израильском опыте в глобальной экономико-политологической перспективе, но и приняли участие в “круглом столе” на тему “Роль великих держав в процессе ближневосточного мирного урегулирования”, прошедшем на английском языке под председательством профессора Л.В. Гевелинга и А.Д. Эпштейна. Пожалуй, именно здесь, в неформальной обстановке, участники конференции касались наиболее “болевых” и проблематичных аспектов арабо-израильского урегулирования: проблемы святых для трех религий мест в Иерусалиме, проблемы переговоров между демократической страной и авторитарными режимами, а также проблемы палестинских беженцев, сознательно не решаемой на протяжении полувека правительствами арабских стран, желающими использовать ее как “козырную карту” в их давлении на Израиль. Кроме того, проблемы формирования израильской внешней политики в постоянно изменяющихся условиях также были затронуты в ходе обсуждения. В коротких выступлениях И.Д. Звягельской, В.В. Наумкина, Э. Бен-Рафаэля, Л.С. Шелефа, Е.Ю. Усовой, Й. Переса, М.Ф. Видясовой, В.И. Носенко, Е.С. Мелкумян, М. Лиссака были высказаны раз-

личные мнения, гипотезы, версии, основанные как на результатах отдельных исследований, проведенных учеными в России и в Израиле, так и на их общем видении геополитической ситуации на Ближнем Востоке.

Все доклады будут опубликованы. Те из них, которые касаются влияния массовой миграции на социальные, политические и культурные процессы, происходящие в израильском обществе, собраны в книгу, вскоре выходящую в Москве в издательстве при Институте изучения Израиля и Ближнего Востока. Остальные доклады будут объединены в книгу “Общество и политика современного Израиля”, планируемую к печати в рамках издательской программы Центра развития иудаики на русском языке при Иерусалимском университете. Каждая книга включает шестнадцать статей, примерно треть из которых была специально переведена с иврита. Эта работа финансировалась академическим проектом преподавания курсов по еврейской истории на русском языке Открытого университета Израиля.

Хочется верить, что конференция, в которой приняли участие не только опытные исследователи, но и студенты бакалавриата и магистратуры социально-экономического направления Центра иудаики и еврейской цивилизации ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, станет важным этапом в развитии русскоязычного израилеведения как в Израиле, где проживает около миллиона человек, родным языком которых является русский, так и в России. Остается надеяться, что подобная атмосфера взаимообогащающего научного сотрудничества найдет свое выражение и в дальнейших совместных исследовательских проектах и образовательных программах по изучению истории, социологии и экономики Израиля. Первая большая встреча ученых-обществоведов из России и из Израиля может стать отправной точкой качественно нового этапа в развитии израилеведения на русском языке. Возможное участие в этом диалоге ученых из США и стран Западной Европы позволит, в свою очередь, еще более расширить перспективы научного сотрудничества в данной области.

Мне кажется, что следующим шагом в развитии израильских исследований на русском языке должно стать развитие сети совместных научных проектов между учеными из двух (а может быть, и более) стран. Подобно тому как пять таких совместных проектов в области медицины и естественных наук уже развиваются под эгидой Центра по научному и образовательному сотрудничеству между Израилем и странами СНГ и Балтии, существует научная необходимость в институционализации существующих спонтанных контактов между учеными-обществоведами. Именно в этом направлении хотелось бы видеть интернациональное развитие израилеведческих исследований на русском языке.

С. Мадиевский

“ЕВРЕЙСКИЕ ВОПРОСЫ” НА 43-м СЪЕЗДЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Очередной, 43-й съезд историков Германии, проходивший под девизом “Единый мир – единая история?”, состоялся в Аахене в конце сентября 2000 г. В его работе участвовали свыше 2 тыс. человек, в том числе из Англии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Швейцарии, Польши, Чехии, Венгрии, США, Канады, Австралии, Израиля. В шести секциях было заслушано около 250 докладов.

Заметное (не количественно, скорее по существу) место заняла на съезде еврейская тематика. В первый же день работы на заседание была вынесена проблема, сформулированная нарочито провокационно: “«Красная нить» сквозь немецко-еврейскую историю? Понятие «крови» в религиозном и расовом дискурсах”.

Израэль Юваль (Иерусалим) в докладе “Его кровь на нас и детях наших. Чья кровь?” рассказал о христианских и иудейских метафорах “крови” в античности и средневековье. Он отметил, что после массового избиения евреев во время крестовых походов христианское требование отмщения за кровь Иисуса преобразовалось Талмудом в ожидание Божьей кары врагам Израиля за кровь его жертв и мучеников.

Американец Джон Эфрон (Блумингтон) остановился на критике еврейских ритуалов в кайзеровском рейхе. Хотя эмансипация немецких евреев в XIX в. сопровождалась их отказом от значительной части традиционных обычаев, окружающее население продолжало ощущать “особость” евреев. В еврейской среде критиковались специфичные для иудаизма религиозные акты, якобы препятствующие интеграции евреев в германское общество. Еще более резкой была критика протестантской интеллектуальной элиты, которая усматривала в еврейских ритуалах свидетельство атавистической природы иудаизма и осуждала их как архаичные, сепаратистские и “варварские”. Такого рода оценки находили живой отклик у воинствующих антисемитов. В связи с этим влиятельные еврейские законоведы выступили в защиту ритуалов иудаизма и прежде всего тех, которые в той или иной мере были связаны с кровью: брит-мила (обрезание), шхита (правила забоя скота), кашрут (правила питания). Они доказывали, что еврейские традиции отнюдь не противостоят немецким понятиям морали и здравого смысла, напротив, воплощают их. Авторы этих трудов, по мнению

докладчика, создавали новый тип еврейской литературы – секулярную, научную апологию еврейства.

Доклад Ифаат Вайс (Хайфа) был посвящен тому, как евреи восприняли нюрнбергские расовые законы 1935 г. Она показала, в частности, что процедура натурализации в Государстве Израиль сознательно ориентирована не на религиозные (галахические), а на нюрнбергские критерии. То, что в нацистской Германии было основанием для лишения гражданства, стало в Израиле основанием для его предоставления.

Внимание медиевистов привлек доклад профессора Михаэля Тоха (Иерусалим) "Еврейские культуры Средневековья: единство в разнообразии?" Средние века – эпоха обособления сефардского, ашкеназийского, восточноевропейского еврейства и формирования соответствующих культурных ареалов со специфичным для каждого из них образом жизни, внутри которых (ареалов) развивались региональные и местные субкультуры. В Италии, например, к концу средневековья в одном городе могло сосуществовать до пяти еврейских землячеств, каждое со своим языком, обычаями, синагогой. Различия между ними не всегда были понятны христианскому или мусульманскому окружению, и зачастую их не фиксирует и современная "общая" медиевистика. Сами евреи воспринимали этот исторически сложившийся плюрализм как данность. Однако начиная с XIX в., иудаика, пропитанная различными мировоззренческими и политическими подходами (ортодоксия, неоортодоксия, ассимиляторство, сионизм), упорядочила изучение этого процесса. Задача современных исследователей истории еврейских миграций и культур – по возможности преодолеть такую предвзятость для воссоздания более адекватной картины прошлого.

Одно из заседаний секция медиевистики полностью посвятила еврейской тематике. Его подготовило немецкое Общество по изучению истории еврейства. Альфред Хаверкамп (Трир) во вступительном слове отметил, что ведущие немецкие медиевисты ныне, как и в прошлом, практически игнорируют еврейский аспект средневековой истории. Или, посвящая ему краткие, маловразумительные упоминания, фактически поддерживают стереотип еврея-ростовщика, чужака в немецком обществе. Историки-евреи (по религиозной принадлежности или происхождению) занимались в основном внутриобщинной историей еврейства, ее религиозно-культурными аспектами. Связи истории евреев и окружавшего их немецкого общества стали прослеживаться в трудах немецко-еврейских авторов с начала XX в., особенно в период Веймарской республики. С 60-х гг. молодые историки в ФРГ, Австрии, Швейцарии продолжили эту линию, в основном на уровне региональных и локальных исследований, а в Израиле группа историков-олим из Германии выпустила трехтомную коллекцию документов "Germania Judaica" (период с 1350-го по 1520 г.).

Трирские ученые представили съезду ряд интересных докладов. Так, Матиас Шмандт на примере Кельна показал плодотворность рассмотрения правового положения евреев в увязке с общегородской конституционной историей.

Еврейские общины Вестфалии в средние века были в основном ответвлениями кельнского кагала. Роземари Коше с помощью анализа метрических и кадастровых книг выявила масштабы, характер и результаты этой поселенческой деятельности.

В изучении правового положения евреев в германских землях доминируют концепции известного историка права Гвидо Киша. Он подчеркивал разрыв между еврейским (галахическим) правом и “правом для евреев”, исходившим от христианских властей. Кристоф Клузе в докладе “Регенбургский суд для евреев” рассказал о судебной инстанции, рассматривавшей тяжбы между евреями и против них. Состояла она из двух судей – еврея и христианина, причем первый избирался еврейской общиной. И вот что интересно: такой институт получил распространение в южной Германии в сфере действия несущего на себе сильный канонический отпечаток швабского права с характерной для него дискриминационной по отношению к евреям процедурой.

Сфера интересов Герда Ментгена – так называемая “история повседневности”, которая наряду с историей культуры и “микросторией” принадлежит к модным и быстро развивающимся направлениям исторических исследований. Его доклад был посвящен одному из способов проведения досуга – азартным играм (карты, кости и пр., но также и шахматы) как месту встреч и контактов евреев и христиан.

Хозяйственная роль евреев в христианском обществе – одна из острых проблем медиевистики. Аннегрет Хольтман ввела в научный оборот интересный источник – расчетные книги еврейских банкиров и купцов Везуля, который в начале XIV в. был резиденцией графов Бургундских. Наряду с другими этот источник дал возможность описать методы бухгалтерского учета, применявшиеся евреями, и сравнить их с методами христианских конкурентов. Расширились также представления о хозяйственной деятельности евреев Франш-Конте (торговля вином, полотном, кредитование местного дворянства и крестьян), их взаимоотношениях с конкурентами по ростовщическим операциям – ломбардцами.

В секции молодых историков обратил на себя внимание доклад Симоны Лэссиг (Дрезден) о проблемах эмансипации евреев в Германии. Известно, что германское еврейство в XIX в. пережило впечатляющий экономический и социальный подъем. К концу столетия выходцы из этой маргинальной в прошлом общественной группы оказались непропорционально широко представлены во всех фракциях немецкоговорящей буржуазии. Автор задалась вопросом о причинах и меха-

низме этого феномена. Говоря о евреях, обычно ссылаются на присущую меньшинствам "волю к возвышению", а также на их стартовые преимущества — исторический опыт ведения торговых и финансовых дел, традиционно высокую оценку образования и семейных добродетелей, наконец, на рационализм западно- и центральноевропейского раввинизма. Однако, подчеркивает Лэссиг, такие черты присущи в большей или меньшей мере евреям вообще. Между тем даже в названном регионе евреи Германии и Австрии выделялись темпом вертикальной мобильности (свойство, сохранявшееся ими и при переселении в другие страны).

Лэссиг объясняет это так: благодаря Просвещению, передовой для того времени системе образования и воспитания и буржуазному, основанному на образовательном цензе составу и духу германо-австрийского чиновничества, евреи в немецких землях приобрели специфический "культурный капитал", конвертируемый (по теории французского историка Пьера Бурдьё) в социальный и экономический.

Касаясь путей и форм процесса эмансипации, Лэссиг утверждает: глубинные, долговременные импульсы к культурной, а затем и социальной трансформации исходили из сферы религии. И состояли, как считалось, не только и не столько в сближении с христианством. Усвоение буржуазных ценностей, норм, установок проходило и через призму раввинистического иудаизма, трансформирующегося в духе времени. Сначала проповедники и учителя, затем и раввины выступали в качестве создателей новых идентификационных и интерпретационных моделей, новых жизненных практик. Врядутаковых упоминается, в частности, и "феминизация" синагог, явно происшедшая под влиянием буржуазной модели отношений между полами.

Историки нового времени рассмотрели ряд этнических конфликтов в немецко-польских пограничных областях с 1863-го по 1940 г. Кристхард Хоффман (Берген) остановилась на самой крупной и продолжительной вспышке антиеврейского насилия в кайзеровском рейхе — квазипогромном движении в ряде городов Восточной Померании и Западной Пруссии в 1881 г. Она попыталась выяснить: какие причины и обстоятельства обусловили эти события, а также почему этот регион стал цитаделью политического антисемитизма во время парламентских выборов 90-х годов XIX в.? Хоффман связывает (на наш взгляд, не очень убедительно) антиеврейские и антипольские настроения в Германской империи конца XIX в.

Американец немецкого происхождения Гельмут Смит (Нэшвилл) обратился к истории "ритуального убийства", якобы совершенного в западнопрусском городке Кониц в 1900 г. Убили гимназиста Эрнста В., причем части его расчлененного тела нашли в разных концах города. Подозрение пало на двух мясников — еврея и христианина. Прибывшие из Берлина следователи арестовали второго, исходя из наличия у

него мотива (Эрнст В. соблазнил его дочь). Но местные жители имели на сей счет иное мнение, вследствие чего в Конице и его окрестностях начались антиеврейские эксцессы, принявшие вскоре опасные с точки зрения властей размеры. Для подавления их (как и в восточно-померанском Нойштеттине в 1881 г.) пришлось задействовать войска, которые жители Коница клеймили как “еврейских защитников”.

Автор использовал данный сюжет, чтобы в микроисторическом срезе проследить механизм действия старинного антисемитского предубеждения, его функционализацию в сегрегированном снизу немецком городке конца XIX—начала XX вв. Документы прокуратуры, особенно стенографические записи лжесвидетельств, дали необходимую для этого источниковую базу.

Матиас Ниндорф (Варшава) в сообщении “Немцы, поляки и евреи в Польском государстве межвоенного периода” ограничился анализом отношений между этими этносами в Померанском воеводстве. По его мнению, все три были неоднородны, вследствие чего конфликты между ними не всегда развивались вдоль этнических и конфессиональных границ. Периодически местное население объединялось против пришельцев, в числе коих были и неассимилированные “лапсердачники” из принадлежавших ранее России и Австрии польских земель. Немалую роль в этнических конфликтах играли социально-экономические антагонизмы, сохранявшиеся в крае со времен кайзеровского рейха, ухудшение экономической ситуации в период кризиса 1929—1933 гг., а также приход Гитлера к власти в соседней Германии.

Интересную источниковедческую работу доложила на съезде Десанка Швара (Лейпциг). В Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме она нашла дневники десяти еврейских юношей и девушек из Восточной Европы, которые велись в период с 1899-го по 1935 г. Авторы дневников жили в разных странах, принадлежали к разным социальным слоям, семьям с различными религиозными и политическими взглядами. Написаны дневники на польском, русском, немецком языках, а также на идише.

В центре внимания исследовательницы — дневник Марты, который она вела с 14 лет и до замужества (1917—1925). 650-страничный текст, необыкновенно живой, дал возможность реконструировать повседневную жизнь маленького хасидского штетла вблизи Кракова. На фоне абсолютного социального контроля традиционной среды развиваются попытки девушки отвоевать большую свободу, ее столкновения с нормами и образцами поведения окружающих. Марта живет на своего рода перепутье между окружающим застоём и активным меньшинством, пытающимся ввести в жизнь штетла новые, более современные формы. Изменения происходят медленно и трудно, отсюда постоянные жалобы автора дневника на разочарования, несбывшиеся ожидания и пр.

В ряде докладов еврейская (или связанная с ней) тематика затрагивалась в более широком контексте. Так, Андре ван дер Вельден (Утрехт), обратившись к голландскому юмору времен гитлеровской оккупации и первых послевоенных лет, обнаружил “приводящие в замешательство” шутки, связанные с преследованием евреев. “Их тупая, иногда смутная антисемитская сущность вызывает тревожный вопрос, который голландское общество неохотно задает себе: «Почему из Голландии было депортировано больше евреев, чем из любой другой страны Западной Европы, оккупированной нацистской Германией?»”.

Особых откровений в области иудаики на 43-м съезде немецких историков, как видно из отчета, доложено не было. И в этом нет ничего необычного – крупные сдвиги в представлениях о прошлом происходят далеко не на каждом научном форуме. Будни науки – повседневное накопление, анализ, осмысление и переосмысление фактов.

В заключение – один небезынтересный штрих. В программу съезда были включены и объявления издательств, выпускающих историческую литературу. Среди них анонс тюбингенского издательства “Граберт”. В названия выпущенных книг: “О происхождении немцев. 30 000(!) лет предыстории немецкого народа”, “Ранняя немецкая история была совершенно другой” и пр., – составители программы, по их словам, не вчитались. Но кто-то, видимо, обратил их внимание на националистическую, правоэкстремистскую ориентацию издательства. Признав ошибку и извинившись за нее, председатель Союза немецких историков проф. Иоханнес Фрид передал плату за публикацию злополучного анонса аахенскому Обществу христианско-еврейского сотрудничества. Средства использованы для издания научной биографии родившегося в Аахене и погибшего в Терезине еврейского молодежного лидера Фреди Хирша (подготовила ее выпускница Пражского университета чешка Лучия Ондржихова).

CONTENTS

RESEARCH

VLADIMIR PETRUKHIN. V.N. Tatishchev (1686-1750) on Jews in Old Rus' and Modern Historiography	7
DMITRII FELDMAN, DMITRII PETERS. Honoring Russian Jews with Medals in the First Half of the 19 th Century	21
ILYA HEIFETZ. The Jewish Musical Idiom in Two Compositions, by Glinka and Mussorgsky	49
LEONID KATSIS. European Cultural Antisemitism as Reflected in Mandelstam's <i>The Noise of Time</i>	77
EVGENII ROZENBLAT. Economic Aspects of the Holocaust in Western Belarus: the System of Enforced Taxation and Fines	119
OLGA BELOVA. "The Jewish Cuckoo" and "the Jewish Hen" in Folk Beliefs in Poles'e	137
LARISA FIALKOVA, MARIA YELENEVSKAYA. "My People" and "the Others": Changes in New Immigrants' Perception	147

Targum. Jewish Nationalism: new perspectives

ISRAEL BARTAL. Jewish Nationalism: Imagined or Axiomatic?	163
DANIEL GUTWEIN. Jewish Diplomacy in the Nineteenth Century: The Beginning of Jewish Nationalism?	179
MATITYAHU MINTZ. Jewish Nationalism in the Context of Multi-National States	201

ARCHIVES

Publications

The Apocalypse of Abraham, <i>A. Kulik</i>	231
Letters of a Little Known Maskil. <i>G. Agranovsky</i>	255
War, Russia, and the Jews. <i>V. Kelner</i>	265

Memoirs

"From My Jewish Childhood" (by G. I. Rubinstein). <i>L. Miliakova,</i> <i>O. Budnitsky, K. Rubinstein</i>	285
--	-----

 BOOKS REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

P. POLIAN. M. Altshuler <i>Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile</i>	347
Y. WEINBERG. I. Tantlevsky <i>The Books of Enoch</i>	353
A. KAMENSKY. J. Klier <i>Russia Gathers Her Jews: the Origins of the "Jewish Question" in Russia 1772-1825</i>	355
New Books in Jewish Studies	359

EVENTS

F. GENE. International Conference "Nationalism, Zionism, and Ethnic Mobilization"	371
A. EPSTEIN. International Conference "Society, Politics and Culture of Modern Israel"	375
S. MADIEVSKY. "Jewish Questions" at the 43 rd Conference of German Historians.	380

SUMMARIES

V. PETRUKHIN

V.N.Tatishchev (1686-1750) on Jews in Old Rus' and Modern Historiography

Modern historians usually interpret the Russian historian Vasili Tatishchev's depiction of the pogrom in Kiev in 1113 and the expulsion of the Jews from Kievian Rus' by Vladimir Monomach either as a reflection of some trustworthy ancient sources or as a projection of Tatishchev's views back into history. For example, referring to the 1727 and 1742 decrees on the expulsion of the Jews, the 20th century historian S.L.Peshtich attributes Tatishchev's antisemitic approach to the events of 1113 to his intention to justify the anti-Jewish legislation of the tsarist government. It is however argued that Tatishchev apparently based his account on some earlier sources describing the pre-1648-1649 events in Ukraine. For Tatishchev the attitudes toward Jews in these sources provided a model of how Jews should be treated in regard to their role in later periods of Russian history.

D. FELDMAN, D. PETERS

Honoring Russian Jews with Medals in the First Half of the 19th Century

The question of honoring Russian Jews with state medals is here examined for the first time. The research is based on archival sources and covers the period from the reign of Paul I through the middle of the 19th century. The authors discuss a number of examples of Jews rewarded for military and civilian achievements. Special attention is paid to the participation of Russian Jews in the 1812 War.

I. HEIFETZ.

The Jewish Musical Idiom in Two Compositions, by Glinka and Mussorgsky

Two musical works that contain elements of Jewish musical folklore and synagogue chant are analyzed : one by Mikhail Glinka, the other — by Modest Mussorgsky. The article aims at clarifying the ways these two great Russian composers used what may be called the "Jewish idiom," a musical symbol of the Jew and Jewishness. The study addresses the specific ethnic sources of the two compositions, as well as the development of various aspects of these sources — motifs, rhythm, harmony, form, dramaturgy — underwent in the work of Glinka and Mussorgsky. The article describes the differences between Glinka's and Mussorgsky's approaches to ethnic musical material and stresses the connection between those differences and the aesthetics of the two composers.

L. KATSI**European cultural antisemitism as reflected in Mandelstam's *The Noise of Time***

The influence of German (Richard Wagner) and Russian (Emil Metner) cultural antisemitism is shown to have influenced the "Russian-Jewish" self perception of O. M. Mandelstam as reflected in his autobiographical work *The Noise of Time*. The impact of the approach of Martin Buber and Max Nordau, who fought European cultural antisemitism, on Mandelstam's self-identification is also discussed.

E. ROZENBLAT**Economic Aspects of the Holocaust in Western Belarus: the System of Enforced Taxation and Fines**

The looting by the Nazis of Jewish property in Western Belarus was carried out by various means: expropriation of Jewish belongings, levies in cash and kind fines for disobeying Nazi orders, taxes (both general and "Jewish"), and confiscation. At the start of the Nazi occupation looting was spontaneous. Soldiers, local authorities, police and part of the civilian population purloined or extorted Jewish property. Later the 3rd Reich monopolized the "right" to expropriate Jewish belongings. Looted assets were a substantial factor in the economy of occupied Western Belarus. At the same line the looting was intended to deprive the Jews of their means of subsistence and was, thus, an integral part of the "final solution".

O. BELOVA**"The Jewish Cuckoo" and "the Jewish Hen" in Folk Beliefs in Polesie**

Folklore materials collected by an expedition to the Polesie region in the 1980s and 1990s provide the basis for discussion of Slavic folk beliefs related to the hoopoe (which is called by local people "the Jewish cuckoo") and the partridge (which is called "the Jewish hen"). Folk tales and superstitions connect these birds and their features (appearance, smell, voice) with the Jewish language and history, as well as Jewish rituals. In the Slavic folk legends the hoopoe differs from the "normal" cuckoo, because it bears Jewish names, "talks" and smells "like a Jew". The hoopoe is also believed to have betrayed Christ. The partridge is mentioned in legends about Exodus and in the omens concerning the "Jewish Last Judge".

L. FIALKOVA, M. YELENEVSKAYA**"My People" and "the Others": Changes in New Immigrants' Perception.**

Prior to their emigration, assimilated Soviet Jews had a stable identity. They were economically and socially integrated as carriers of the dominant culture. Their alienation was mainly based on their nationality rather than

on their religion and/or culture. This alienation led to the in-group solidarity and to the binary opposition: *we* (Jews) v. *they* (non-Jews). Although Jewish origin of someone in the family is the prerequisite for immigration to Israel, it is not enough for integration into Israeli society. A multiple mosaic of *others*, comprised of Hebrew-speakers or non-Ashkenazi Jews or non-Jews (Arabs), replaces the previous binary opposition. Confronted with this diversity, exposed to different languages and cultural traditions new immigrants often feel disoriented. The article is based on 65 interviews with immigrants of the 1990s and is part of a larger study of personal narratives of immigrants from the former Soviet Union.

I. BARTAL.

Jewish Nationalism: Imagined or Axiomatic?

In recent years the study of Jewish nationalism has evolved from self-contained historiography into more critical research. Today, students of Zionism, as well as historians who write on other aspects of the modern Jewish experience, tend to view Jewish nationalism as part and parcel of the broader phenomenon of nationalism. This article analyzes the changes that have taken place in the study of Jewish nationalism. It shows how this field is fluctuating between two poles: on the one hand, ultra-nationalist writers strongly reject a comparative approach; on the other, anti-nationalists deny the very validity of the term Jewish nationalism.

D. GUTWEIN.

Jewish Diplomacy in the Nineteenth Century: The Beginning of Jewish Nationalism?

The author analyzes the role of modern Jewish diplomacy in the emergence of Jewish nationalism. So-called "Jewish diplomacy" was amid 19th century mode of Jewish diplomacy that replaced the old intercessionism (*shtadlanut*). It reflected the modernization of the Jews in an era of advancing emancipation and integration into the modern states of Europe. Gutwein suggests that the emergence of Jewish nationalism was made possible by this new mode of Jewish diplomacy. The success of Jewish nationalism, in turn, has caused a far reaching politicization of Jewish ethnic identity. Ensuring Jewish survival and continuity as a collective need was no longer a matter of religious faith; it had become a matter of politics.

M. MINTZ.

Jewish Nationalism in the Context of Multi-National States

This article focuses on a segment of the spectrum of Jewish nationalist politics that was of major significance from the late nineteenth century until World War II. It analyzes the development and fate of this manifestation of Jewish nationalism in the context of the parallel nationalist aspirations of other minorities.

The author shows that the proposal of personal national-cultural autonomy was perceived by other national minorities as an unacceptable attempt to impose a characteristically self-interested “Jewish” solution on the nationalities problem at the expense of the territorial autonomy. However, in Ukraine, nationalists were willing to barter their support for Jewish personal autonomy in exchange for Zionist support of Ukrainian territorial autonomy. Nevertheless, the Zionists clung to their preference for a more comprehensive imperial Russian framework. The interest of Belorussians in freeing themselves from both Russian control and domination of local Polish elements inspired in 1917 the idea of a binational Belorussian-Jewish region, but this idea could not be implemented. In independent Poland tension between the Polish majority and the Jews prevailed, and all international and local Jewish efforts to guarantee the minority rights stipulated at Versailles were defeated.

The author argues that the realization of Jewish minority rights would have been possible only if various multinational states had remained intact and undergone genuine democratization, but this was not to be.

Despite the fact that this prospect proved futile, this Jewish national political activity served as a training school for Jewish solidarity and for the consolidation of a national consensus that ultimately contributed to Zionism

Лицензия № 30528 от 07.05.98.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 11.

Сдано в набор 01.06.2001. Подписано к печати 28.12.2001

Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Уч.-изд. л. 25,02.

Тираж 1 000 экз. Заказ 5602

Отпечатано в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОСТЫ КУЛЬТУРЫ-ГЕШАРИМ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА
“ИУДАИКА”»**

Ш.Д. ГОЙТЕЙН. Евреи и арабы
(Их связи на протяжении веков).
Пер. с англ. М., 2001. С. 286.

МЕИР ВАЙС. Библия и современ-
ное литературоведение (Метод
целостной интерпретации).
Пер. с англ. М., 2001. С. 446.

**ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ
АВТОРЫ О ЕВРЕЯХ
И ИУДАИЗМЕ.** Т. 3. Введение
и комментарии М. Штерна. М.,
2002. С. 496.

МАРК ГИРШМАН. Еврейская
и христианская интерпретации
Библии в поздней античности.
Пер. с англ. М., 2002. С. 192.

Л. ШИФФМАН. От текста
к традиции: история иудаизма
в эпоху Второго Храма и период
Мишны и Талмуда. Пер. с англ. М.,
2002. С. 304.

М. ПОЛИЩУК. Евреи Одессы
и Новороссии (Социально-полити-
ческая история евреев Одессы
и других городов Новороссии 1881-
1904). М., 2002. С. 448.

Й. ВЕЙНБЕРГ. Введение в Танах.
Ч. I. Пространство и время Танаха.
Ч. II. Пятикнижие - через испыта-
ния к свершению. М., 2002. С. 432.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

И. ГАФНИ. Евреи Вавилонии
в талмудическую эпоху.

К. СИРАТ. История еврейской
философии в средние века.

**ЕВРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ.**

Сб. под ред. И.Родова.

**В СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ»**

ЕВРЕЙСКИЙ МИР. Ежегодник за
1939 г. (Париж, 1939). М., 2002.

ЕВРЕЙСКИЙ МИР. Сборник 1944
года (Нью-Йорк, 1944). М., 2002.
С. 480.

**КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ.
ОТ 1860-х ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**
(Нью-Йорк, 1960). М., 2002. С. 600.

**КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ.
1917-1967 (Нью-Йорк, 1968).** М.,
2002. С. 480.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию на дискете (WinWord, Dagesh2) с приложением четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице) либо в двух машинописных экз. На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке 59—60. Объем статьи 1,5—2 а.л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме на английском языке объемом не более 0,5 стр.

Наши адреса:
Институт стран Азии и Африки при МГУ
103009, Москва,
ул. Моховая, 11, комн. 366

cjs@iaas.msu.ru

Center for Jewish Studies in Russian
Institute of Jewish Studies
The Hebrew University of Jerusalem
Mount Scopus, Jerusalem 91905
Israel

rusjew@h2.hum.huji.ac.il

